Центр изучения современной Японии
The Center for Contemporary Japanese Studies

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies
Russian Academy of Sciences

Японский фонд
The Japan Foundation

Россия и Япония:
СОСЕДИ В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Москва
«АИРО – XX»
2004

Центр изучения современной Японии
The Center for Contemporary Japanese Studies

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies
Russian Academy of Sciences

Японский фонд
The Japan Foundation

Россия и Япония:
СОСЕДИ В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Москва
«АИРО – XX»
2004

Руководитель проекта Э. В. Молодякова
Chief of the Project E. V. Molodyakova

Редактор Н. П. Дмитриевская
Edited by N. P. Dmitrievsky

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО–XX, 2004. – 284 с.

Коллективная монография, подготовленная ведущими российскими учеными-японоведами, охватывает все основные аспекты отношений между Россией и Японией на рубеже XX–XXI веков. В книге дана комплексная характеристика современного состояния двусторонних связей, показаны как их достижения, так и нерешенные проблемы. Особое внимание уделено таким сравнительно малоизученным аспектам, как взаимное бытование и формирование «образов» двух стран, культурные и научные связи, «народная дипломатия». Подобное исследование предпринимается в нашей стране впервые за тридцать лет.

Проект «Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии» выполнен в 2004 г. в рамках деятельности Центра по изучению современной Японии, созданного на базе заключенного в 1991 г. Соглашения между Академией наук СССР (ныне Российская академия наук) и японским фондом (Япония) о поддержке и развитии японоведческих исследований в России.

The Project «Russia and Japan: neighbours in the new millennium» was conceived and produced in 2004 by the Center for Contemporary Japanese Studies, established under the agreement concluded in 1991 between the Academy of Sciences of the USSR (now the Russian Academy of Sciences) and the Japan Foundation to promote the studies of Japan in Russia.

ISBN 5-88735-129-2

© Центр изучения современной Японии, 2004
The Center for Contemporary Japanese Studies, 2004
© «АИРО–XX», 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Introduction 5
Предисловие 20
Глава первая. Изучение Японии в постсоветской России (*Э. В. Молодякова*) 37
Глава вторая. Образ Японии в сегодняшней России: стереотипы и реалии (*А. Е. Куланов*) 55
Глава третья. Образ России в современной Японии: факторы формирования (*Д. В. Стрельцов*) 74
Глава четвертая. От отношений без мирного договора к отношениям с договором (*С. В. Чугров*) 98
Глава пятая. Успехи и проблемы «народной дипломатии» (*Е. Л. Катасонова*) 117
Глава шестая. Дальний Восток России – Япония: грани экономического сотрудничества (*И. Л. Тимонина*) 138
Глава седьмая. Новые тенденции в изучении японского опыта в России (*И. П. Лебедева*) 163
Глава восьмая. Изменение подходов к изучению японского менеджмента (*Т. Н. Матрусова*) 184
Глава девятая. Промышленное и научное сотрудничество (*Ю. Д. Денисов*) 203
Глава десятая. Современные литературные связи России и Японии (*М. П. Герасимова*) 220
Глава одиннадцатая. Культурные связи России и Японии в постсоветский период (*Ю. Б. Стоногина*) 236
Глава двенадцатая. Размышления о японской русистике: факторы и тенденции развития последних лет (*В. Э. Молодяков*) 257
Послесловие 275

CONTENTS

Introduction 5
Introduction (rus.) 20
Chapter 1. The Studies of Japan in Post-Soviet Russia (*E. V. Molodyakova*) 37
Chapter 2. The Image of Japan in Current Russia: Stereotypes and Reality (*A. E. Kulanov*) 55
Chapter 3. The Image of Russia in Current Japan: factors that form it (*D. V. Streltsov*) 74
Chapter 4. From Relations without Peace Treaty towards Relations with the Treaty (*S. V. Chugrov*) 98
Chapter 5. The Successes and Problems of «People's Diplomacy» (*Y. L. Katasonova*) 117
Chapter 6. The Far East; Russia – Japan: the Points of Economic Cooperation (*I. L. Timonina*) 138
Chapter 7. New Approaches to the Studies of Japanese Experience for Russia (*I. P. Lebedeva*) 163
Chapter 8. Some Changes in the Studies of the Japanese Management (*T. N. Matrusova*) 184
Chapter 9. Scientific and Industrial Cooperation (*Y. D. Denisov*) 203
Chapter 10. The Current Literary Ties between Russia and Japan (*M. P. Gerasimova*) 220
Chapter 11. Cultural Ties between Russia and Japan in the Post-Soviet Period (*Y. B. Stonogina*) 236
Chapter 12. Some Thoughts about the Studies of Russia in Japan (*V. E. Molodyakov*) 257
Epilogue 275

INTRODUCTION

It is no more chance that the book, suggested to the Russian readers, has appeared nowadays. The beginning of the new century, precisely the year 2005, will mark three significant anniversaries in the history of Russian-Japanese ties. Next year it will be 150 years since our countries established diplomatic relations. In January 1855 Russia and Japan signed the Treaty of commerce and borders, known as the Shimod Treaty. This document legalized the first territorial delimitation between the two countries: on Kurile Isles the border-line was established between the islands Urup and Iturup. August 2005 will mark the 100-year anniversary of the Portsmouth Peace Treaty, which ended the Russian-Japanese war. Strange though it may seem, after the war the bilateral relations began to improve. However, in the middle of the XXth century the people of the two countries once again turned to be on different sides in the war – in 1945; so it will be another round date – 60 years since the end of the Word War II.

The year 2006 will mark the 50-th anniversary of the restoration of diplomatic relations between the Soviet Union and Japan after the World War II. In October 1956 the two countries signed the essential Joint Soviet-Japanese Declaration, which by its content can be equated with the peace treaty. However, since that time the problem of territorial delimitation has remained unsolved on the issue of sovereignty over the islands Iturup, Kunashir, Shikotan and a group of small Habomai isles. This issue blocks the comprehensive post-war settlement between Russia and Japan; our countries have not signed yet the formal peace treaty – the fact is indeed a «cold war» relic. According to the ambassador of Japan in Moscow Mr. I. Nomura, «such situation is quite unusual in the established world political practice».

In comparison with the other neighbouring countries, the 150-year history of the Russian-Japanese relations is rather short, and the ties between the two countries are comparatively loose. Especially it is seen in the post-war period. Certainly, the current bilateral relations are affected by the conflicts of the past. However, as we can see from history, the political will and rational approach can be helpful in solving many complicated issues.

In this connection we can regard as highly significant the new Japanese approaches to the bilateral relations in general, in which the unsolved problem of territorial delimitation remains the stumbling-block up to now. Till the middle of the 90^{s} the Japanese establishment was firmly convinced, that Russia was the side, primarily interested in strengthening ties; that for the sake of getting «Japanese money» (in the form of investments, know-how or humanitarian aid) Russia might make significant unilateral territorial cessions. However, Japan probably was incapable of investing to the Russian economy essential sums of money, that would substantially improve the internal situation in Russia, which was mainly dependant on domestic factors. And taking into account the division of political positions in Russian society, not a single state leader would make any cessions in exchange for the money, that Japan was actually able to offer.

In the recent years Japanese political circles have become more receptive to the idea, that the development and strengthening of bilateral relations should be based on the long-term strategic and geopolitical objectives. «Today the Japanese government regards relations with Russia not just in narrow, bilateral aspect, but in the more comprehensive context of strategic balance of interests among Russia, Japan, China and the USA. This development clearly indicates, that for Tokyo strengthening ties with Moscow is presently one of the important principles of regional security and stability and, in fact, is of no less importance than Japan's relations with the United States and China. This is undoubtedly new Japanese approach to Russia today», – says Russian diplomat M. Galuzin[1].

There is a widespread belief in Japan, that democratic changes and market reforms have become irreversible in new Russia, that the two countries have left confrontation in the past, and today they both share democratic values. According to the Japanese ex-ambassador in Moscow Mr. M. Tamba, «it is important, that Russia has made the same strategic choice, as we had done: «freedom», «democracy» and «market economy»… It is in the national interests of Japan to support such transformations in Russia»[2]. Certainly, the unsolved political problem continues to affect the relations between the two countries. However, – and this is a very significant point – the Japanese government believes, that the settlement of the territorial dispute is dependant on the continuation of the policy of reforms in Russia and strengthening its positions as an influential member of the democratic world.

The authors of the book examine many aspects of bilateral relations: how the Russians and the Japanese perceive each others, and what in their

[1] *M.Galuzin*. Relations with Russia in the Japanese Foreign Policy at the Beginning of the XXI Century. – Japan: on the March once again? M., 2001, p. 278.

[2] Gaiko Foramu. 2000. №12, p. 39.

vision are myths or reality; what positive changes can be seen in official diplomacy; problems and achievements of «people's diplomacy»; prospects of economic co-operation; how the Japanese experience can be applied to reforms in Russia; further development of traditionally close bilateral cultural ties; analyses and thoughts of Russian and Japanese scholars. Let's outline some basic points of the content of the book.

The last decade of the XXth century proved to be rich with significant and remarkable events in our bilateral relations. All these developments require new assessment, as well as continuation of previous study. Though in political, diplomatic and economic spheres the positive changes are just starting to gain momentum, in Russian study of Japan we see a real breakthrough. (Actually, radical changes have taken place recently in the humanities in Russia.)

The release from ideological dogmas, free choice of themes, new approaches in study give great prospects of Japanology in the post-Soviet period. Today each scholar is free in his/her choice of the object and the method of research, therefore the scope of the Russian study of Japan has broadened to a great extent. The current situation provides new opportunities for comprehensive research; the increased number of study tours, symposiums and conferences contribute to the closer contacts between Russian and Japanese scholars. Open Russian archives and free access to previously classified information make it possible not only to study a large amount of documents, but also to give a new assessment of various historical facts, global and bilateral developments. The large joint publication of Russian and Japanese scholars «VKP(b), Comintern and Japan. 1917–1941» (edited by H. Wada and G. M. Adibekov. M., ROSSPEN) – has become quite a new phenomenon in bilateral scientific co-operation, which can show the way to other joint projects in different spheres.

The post-Soviet period in Russia has seen the growing interest to historical subjects. New works appeared on the ancient, medieval and modern history of Japan. At the first place we can single out the two-volume «History of Japan» (Moscow. Institute of Oriental Study of Russian Academy of Sciences. 1999). The authors have defined it as a «textbook», however it is the most detailed and comprehensive study of Japanese history in Russia. Generally the book is quite a success, since it clearly presents the most significant historical events on the basis of sound scientific concepts, taking into account the results of both Russian and foreign research. The book is quite comprehensible and has a lot of illustrations. The Japanese Foundation has rendered substantial assistance in fulfilling this project.

Another two-volume publication – «Shinto. The Path of the Japanese Gods» (Saint Petersburg, Giperion. 2002) can be considered as some kind

of continuation of historical research and more profound study of specific Japanese realities. It is the first comprehensive scientific publication in Russia – and probably in the world – on the Japanese national religion. This exceptional work was performed with the support of the International Scientific Shinto Society.

These two publications were mentioned in order to stress the Japanese interest and support of social sciences in post-Soviet Russia. In the early 90s it was a difficult time for the national academic institutions since the state expenditure on scientific research and publications was reduced. However, Japanology was a lucky exception; e.g., in the recent 10 years 22 books were published by three academic institutions (the Institute of Oriental Study, the Institute of World Economy and International Relations, The Institute of the Far East) with the assistance of the Japanese Foundation. All these books were written in the completely new, creative atmosphere in Russian social sciences, and they amount to a valuable contribution to the modern study of Japan. One should pay attention to the fact that all these works reflect personal opinions of the authors, free from any outside pressure and ideological dogmas of the past. Nevertheless, the analysis of the various spheres of the Japanese society's life in the books of different scholars shows the general unity of opinions.

The 90^{s} also marked the new and rather noteworthy phenomenon – periodical editions about Japan, both scientific («Acquaintance with Japan», «Japanese Experience for Russian Reforms»), and in popular presentation («Japan Today», «Japan: the Path of Brush and Sword», «Dojo»). These editions not only give new opportunities of publication for professional Japanologists and journalists, but also provide the general reader with a considerable amount of information on Japan. So the scientific and journalist circles enthusiastically try to satisfy the growing interest in Russia to its Far-Eastern neighbour.

In the last decade the activity of the young Russian scholars, permanently living and working abroad, has become quite visible. These are young ambitious people, wishing to «make career» precisely in the sphere of science. This aspiration led them to Japan, primarily thanks to various allowances and grants. These young scholars are in close contact with their Russian colleagues, they publish their works in our editions and take part in various projects. Therefore their ties with the Russian scientific community never break off.

Further expansion of Russian-Japanese ties requires much efforts and political will. In this connection it is very important to create the proper image of each other, the mutual favorable attitude in Russian and Japanese

societies. Japan, which is our Far-Eastern neighbour, is thousands miles away from Moscow. This results in a feeling of «distant neighbourhood» in the public opinion of the two nations. Geographic proximity of the two countries creates a peculiar climate in their relations. As we can see from the world history, the neighbouring states may be more close political and diplomatic partners than countries geographically distant from each other. However, the opposite is also true: geographic neighbourhood with its historical burden of territorial, religious, national and cultural conflicts and long periods of tensions might cause estrangement, hostility and distrust between the nations. It seems that all these factors affected the Russian-Japanese perception of each other.

Up to now the Japanese attitude to current Russia is under the depressive effect of the historical problems, which contributed to the formation of the preconceived stereotype of the «distant neighbours» and «military threat from the North». Such attitude goes back to the time of first contacts between our countries in the end of the XVIIIth century. The lack of mutual understanding became even worse in the following period. The result was the permanent political confrontation during nearly the whole XXth century. According to the Japanese expert on Russia Mr. H. Kimura, «the permanently bad bilateral relations have produced a theory that such relations are normal for our two countries».

The formation of the ambivalent Japanese perception of Russia was influenced by both negative and positive developments in our relations. Tense and distrustful attitude to Russia has a long history in Japan. In particular, it is the relic of what they once regarded as the threat to the Japanese interests from the Russian presence in Manchuria in the end of the XIXth century. The most crushing blow to the national pride was delivered in August 1945 when the Soviet Union broke the Treaty of neutrality and entered the war against Japan at the moment, when the country was ready to capitulate. At the same time, there always existed cultural and historical attraction to Russia among the Japanese intellectuals, who regard it as one of the centers of world culture.

In Japan the Russian theme traditionally evokes a lot of mixed feelings. In general the Japanese perception of Russia can be described as negative – it is the most «disliked» country. Only in the early 90^{s} with the beginning of Russian reforms some changes took place in the Japanese public opinion; however the general attitude currently remains unfavourable. The ambivalent position of the Japanese intellectual elite, or, as they call it in the West, «opinion leaders», business elite, politicians and various social strata have formed the image of Russia as «semi-hostile state», which is firmly established as a stereotype today.

The Japanese conservatives have managed to set the Japanese public opinion against Russia, blaming Moscow in «unfair» policy on the issue of the «northern territories». Consequently the syndrome of the «northern territories» prevails over the «Hiroshima syndrome».

Unfortunately, the improper behavior of some Russians in Japan contributes to the negative image of our country. However, it would be incorrect to say that Russia arouses only negative emotions among the Japanese. Many of them, assessing the government policy (in the first half of the 90^{s}), said that support of democratic reforms and political stability in Russia would have been more important for Japan in the long-run, than insisting on the immediate return of the «northern territories».

The complicated system of bilateral relations, the intricate tangle of the East-West relations (including political, historical and psychological aspects) and considerable amount of myths have led to the situation that today Japan for Russia is primarily a symbol or image, which has little in common with the original. Such fictitious image consists of a number of stereotypes and can be rightly called the «Japanese myth». This myth was created to a considerable extent by the Russians themselves. They first invented Japan of their own, and then started to believe in it.

According to the Japanese diplomat and writer Mr. A. Kavato, «the most popular in Russia is Japan, which doesn't exist». The stereotypes of Japan are created at different levels and directions. The active Japanese work at their image (by the way, a very useful feature), the current intense interest to this country, and great demand for information – all these produced the situation, when the romantic «Country of the Rising Sun» has put real Japan in the shade. Consequently most of the Russians are not ready yet for the impartial assessment of Japan. They want tales. However, as the well-known Japanese expert in Slavic study put it, «this is the problem of Russian culture, not of Japanese».

It is common knowledge, that people often take appearance for content, image for reality; so they are subsequently guided not by objective information, but by their personal – and biased – impressions. And if it is a matter of discovering something new and exotic, which is of no importance in the everyday life, but beautiful and attractive, – than the creation of a myth is inevitable. And Japan is the country, which can offer practically unlimited choice of image-making components to any taste. They rightly say that «everyone has his/her own Japan; and this is its principle merit». If somebody doesn't like politics, isn't interested in economics, indifferent to paintings and literature, he/she nevertheless will find something attractive – it may be ikebana, or karate, or anything else. And every aspect of Japanese

reality would find its adherents, because the garden of stones of the Roandji temple is really beautiful, and at the same time modern Japan produces high-class cars and electronics, and the average duration of human life in Japan is the longest in the world.

According to the results of the opinion poll in March 2001, carried out by the «Public opinion» fund, 56% of the Russians considered Japan as a «friendly» state, despite the remaining unsolved problems, of which 91% of respondents had information. Undoubtedly, the attitude to any country and general opinion of it directly depend on the comparison of life standards, i. e. social aspect is one of the most important in forming a certain image. No wonder, that Russian view on Japan includes a large number of stereotypes and cliches (computer empire, the country of Sony and Toyota, the land of samurai and heishas; everybody practices martial arts and ikebana).

As a result, over the last decades Japan is seen by the majority of Russians as quite a harmonious society, an ideal (from the Russian point of view) combination of high living standards and outstanding spiritual achievements. Russian writer V. Erofeev says in this connection: «(the Russians) … have decided, that Japan has precisely what Russia lacks». However, today the Japanese themselves refute the myth, which they once invented and in which the Russians got used to believe. For example, Mr. M. Numano gave the lecture in Moscow «Not only samurai and heisha»; Mr. A. Kavato – «Modern Japan – illusory and real», in which he described the problems of the Japanese economy in the period of globalization. He also drew attention to the lowering of intellectual standards in the country and refuted the opinion of the stability of Japanese culture.

In our country the negative attitude towards Japan among some Russians has the historical roots, and today it is obviously the relic of the past. It comes back to the beginning of the XXth century – the period of the Russian-Japanese confrontation in Manchuria and Korea – and is of the same age as the «Japanese myth». At that time, together with the image of «picturesque Japan» the image of the «yellow threat» was created, that naturally influenced the perception of Japan among the Russians, especially of the senior generation.

The relations between Moscow and Tokyo resemble a labyrinth. Both sides seem to realize, that somewhere there must be the way out; but where is this point? Maybe it is quite near, and maybe far away? Both in Russia and Japan there is a widespread opinion, that bilateral relations are blocked by the issue of the so-called «northern territories». Some Russian experts believe, that if it would be possible to persuade Tokyo (maybe, through the International Court), that the islands legitimately belong to Russia, all the

other problems will be solved. However, the opposite approach is possible: the territorial dispute is not the cause, but rather the result or at least the symptom of poor relations. In other words, we have strained relations not through the unsolved problem of Kurile Isles; we can't solve the dispute because of poor relations. One should cure the disease itself, and not just its symptoms.

The issue of the «northern territories» is particularly diplomatic problem, which is often deliberately stirred up by certain circles in Russian and Japanese societies. The main obstacle in improving relations is the burden of mutual distrust. The Japanese got used to look on their Russian neighbour as an unpredictable «big bear», who from time to time starts to toss and turn in its den. Moreover, despite our neighbourhood in North-Eastern Asia, the Japanese have a tendency to see Russia primarily as a European – that is remote – state. The collapse of the Soviet communist system and the end of the «cold war» have created preconditions for overcoming the political deadlock.

The Russian side should not delay the solution of the islands' problem to some remote future; besides the situation in the region may turn unfavourable for Russia. The Chinese challenge should make the Russians more thoughtful about their potential allies in the region. Today the Russians begin to realize, that in the future Japan would be more valuable ally than China, whose demographic pressure on the Russian Far East is growing. In the future the current trend to globalization would make the territorial dispute less acute, and Russia and Japan would get a good chance to conclude a peace treaty.

The last decades have shown that the two countries have a certain potential for strengthening bilateral ties, and it is in the interests of both states to work in this direction. In the Soviet times the contacts between the two countries were successfully developed at people's level. However at that period there existed the so-called «friendship monopoly». In fact it was entrusted to the Union of Soviet Societies of Friendship and Cultural Ties with Foreign Countries and the Society «The USSR-Japan», and their Japanese partners.

Today, apart from the Society «Russia-Japan» (the successor of the Society «The USSR-Japan») we have dozens of public organizations of various size, structure and spheres of interest. Among them there are regional centers of study of the Japanese language, and the Russian Committee of the XXI century, which was set up in 1998 on the initiative of the leaders of the two states and in close partnership with the Japanese-Russian Forum – XXI. These organizations coordinate the informal ties between the people of the two countries.

In Japan with the decrease of influence and number of traditional friendship societies a certain vacuum appeared, which is currently being filled with various public projects. Usually the initiatives come from both the representatives of the political and economic elite (who by virtue of their position have to follow the course of events in our country) and common people, who show genuine interest to Russia. The first are represented by the Association of deputies of the Japanese parliament for Friendship with Russia and The Federation of Economic Organizations of Japan, the second – by the Public Institute of Russian-Japanese Relations.

The new structures should enlist the public aid in both countries, first of all among the young generation, free of ideological and historical prejudices. Today the friendship movement has managed to get rid of the former excessive political prepossessions, which had been caused by the confrontation of the two global blocs, and can develop as a genuine people's diplomacy in different spheres of bilateral relations.

The leaders of Russia and Japan realize clearly the importance of the popular friendship movement, and show initiative in this process. In the Joint Plan of Actions, signed by the two leaders in 2003, much attention is paid to the support of the activities of the Russian Committee of the XXIst century and the Japanese-Russian Forum – XXI. In the same year they got the idea of establishing the Council of Sages, which would promote the development of the Russian-Japanese relations in different spheres on the basis of comprehensive dialogue between influential representatives of public and business circles, laying the reliable foundation of further partnership.

There have been a lot of publications about the post-Soviet Russian-Japanese economic ties. The impartial assessment leads to the regrettable conclusion, that the volume and content of economic relations are getting worse, the trade and investment business are affected by various problems – political, economic and legal. The former mutually advantageous economic cooperation has been practically lost. That is why the revival and development of trade and economic ties need concentrated efforts of both sides in order to give an impetus to the currently stagnant bilateral relations. Domestic problems of both countries also have an influence on bilateral relations; in particular, the recent stagnation in the Japanese economy, deficiencies of the Russian legislation, its imperfect banking and taxation systems.

However it would be wrong to think that economic cooperation between our countries is fading away and has no prospects at all. Despite moderate volumes the economic ties are rather versatile and include practically all types of economic activities. The center of gravity of the bilateral

economic relations lays on the Russian Far East, which is also of paramount importance for Japan. When the Japanese say: «Russia is a significant neighbour of Japan», they mean primarily the Russian Far East and Eastern Siberia. «We are striving for closer ties with these regions, – says the ambassador Mr. I. Nomura. – However, the present level of these relations is much lower than it was in the Soviet period»[3].

From the macro-economic point of view Russia (its Far-Eastern region in particular) and Japan are evidently of little mutual interest. This can be seen from the decrease of the mutually complementary trade exchange, when even such primitive scheme as «crabs for old cars» doesn't actually work. As to the mutual investment attractiveness of our countries, it is usually considered only from the point of view of the Far East's attractiveness for Japan as the biggest investor in the Asian Pacific region, which badly needs investments. The Far East could compete for the Japanese investments in the sphere of basic factors (such as natural resources, unskilled and average-skilled labour power, general infrastructure). As for the specialized factors – R&D, highly skilled staff, complex infrastructure, etc., the Russian Far East is incapable of competing with China and the states of South-Eastern Asia, in which the Japanese companies invest big money.

Nevertheless all the above should not be seen as final result; it is essential to look for all the available reserves in order to activate the bilateral economic relations. First, it is necessary to work on higher competitiveness of Russian economy of the region. Second, one must enlist the Japanese small and average firms, interested in the access to the Russian market. Third, it is essential to use the technologies and capacities at hand in order to create the up-to-date industrial basis (it is very important not to stay for too long on this stage and not to «conserve» backwardness). Among the promising spheres of cooperation are the energy sector (including nuclear), environment protection, transport, communication, space research, science and technologies. It is no mere chance that the Japanese prime-minister expressed his readiness to further the social an economic development of the Russian Far East in the context of the favourable prospects of cooperation in the energy sector in particular.

Besides we must bear in mind that the political will of the countries' leaders can greatly contribute to the development of the mutually beneficial business. And considering the current situation with the oil and gas pipelines, one may question the significance of the «territorial dispute» in the economic relations at stake. Maybe the mutual economic interest would help to find the approach to the solution of the «territorial question», and there is no reason to expect the negative development. The more so that the

[3] Acquaintance with Japan. 2004, № 37.

actual economic interest forms more sound basis for the future, than the promise of loans in exchange for territories.

Active practical cooperation between Russia and the industrial countries is one of the main control levers of economic rise and reaching the world level of competitiveness. It can be equally profitable for the foreign partners, who would gain access to Russian resources. Today Russia and Japan begin to show more interest in expanding economic, commercial and scientific ties. Both sides realize more clearly that our neighbouring countries might become strategic partners in the future, and cooperation between them should assume steady and irreversible character.

The activation and development of business cooperation needs consistent everyday work of various structures and organizations, which help to promote business to the markets of the two countries. Rather significant role in developing bilateral industrial cooperation is played by a special Japanese body – the Japan External Trade Organization – JETRO. Today it has agencies in 60 countries, including Russia. Moreover, it also operates through Internet, introducing its global program «Trade Tie-up Promotion Program – TTPP». JETRO can be justly regarded as the promoter of cooperation of the Japanese and foreign business.

The Moscow JETRO's agency publishes information in Russian on business regulations, customs duties, on the Japanese export and import operators; it helps to choose partners for joint ventures and technological cooperation. In particular, the business contacts were established to update the Russian motorcar production. The agency also contributes to the development of scientific cooperation.

Such editions, as the annual «Japan Trade Directory», monthly magazines «Focus Japan» and «New Technology Japan» are well known to the business interests. In Russian some booklets were published – «How to do business in Japan», «The art of business contacts with the Japanese partners», 'Living and working in Japan», a detailed manual «How to make contacts with the Japanese firms».

On its part the Russian Trade Delegation in Tokyo renders essential support to the Russian businessmen. In particular, it has worked out some practical recommendations (the knowledge of the basic documents on the Russian-Japanese external trade cooperation, legal regulations, procedures in the court of arbitration, practical approaches to choosing business partners).

It must be admitted, that the Russian-Japanese business cooperation could be more effective but for many obstacles, impeding the Russia's movement towards modern market economy. In this connection the intense interest in Russia is aroused by the Japanese experience, seen as a certain positive activity, that enabled Japan, which after the World War II was in a situation, mostly similar to the current Russian, to achieve great success.

The «Japanese economic miracle», i. e. exceptionally high rate of economic growth in the late 50^{s} – early 70^{s}, made the scholars think about the high efficiency of the Japan's economy. However, in the Soviet period this phenomenon was explained by the «favourable combination of internal and external conditions» rather than by the inherent qualities of the Japanese economic system.

The policy of «reconstruction» under M. Gorbachev evoked new approaches to the study of social and economic development of Japan. Much attention was paid to the analysis of high dynamics of the Japanese economy and its ability to adopt the achievements of the scientific and technological progress. At first the research was limited to some separate aspects of the Japanese experience – energy saving, environment protection, waste utilization, etc.

However, gradually the content of the notion «Japanese experience» was broadened far beyond the sphere of economy. Besides the study of certain practical, technological and management aspects they began to consider the possibility of borrowing from the Japanese experience in various spheres of state policy, government control of some economic sectors, theory and practice of management of the Japanese companies and banks. The notion «experience» has also included such fields as education, culture, political system, health services, social security, etc., where the Japan's achievements can be if not immediately borrowed than at least seriously considered.

The publication of the special magazine «The Japanese experience for the Russian reforms» has given new opportunities for all those interested to acquaint themselves with the Japanese developments. This magazine is published by the Center of the Japanese Research of the Institute of Oriental Study and the Japanologists' Association with the assistance of the Japanese firm «Iskra sango». Since 1995 about 40 issues have been published. The authors – without unnecessary agitation – give the impartial assessment of various aspects of the Japanese social and economic development, pointing out both positive and negative developments, successes and failures.

It is common knowledge, that the Japanese rapid economic growth in the post-war period was based on the highly effective system of companies' management. Since business management is presently a priority in Russian economy, the study of this aspect of the Japanese experience is of great importance. At the same time one must take into account all the social, economic, political and cultural distinctions between the two nations, which determined the differences in theory and practice of administration and the peculiarities of the Russian view on the Japanese experience.

Fore many years the approach to the study of the Japanese management was rather one-sided and affected by various myths. This was caused by the lack of real, «living» information from Japan, and by the fact, that Russian scholars perceived the Japanese experience through the American management theories. Today due to close cooperation of the Russian and Japanese scholars in the field of management the content and quality of the Russian research have improved. In this respect the assistance, rendered by the Japanese side in training Russian management experts in special centers, is of great value.

It's time for Russia to put away the former oversimplified approach the Japanese experience in the management sphere and attempts to follow it blindly in our country. One must see the Japanese experience as a comprehensive system, which arose from the specific conditions of a certain country. One must realize that the methods, used by the Japanese businessmen in developing national economy, were based on the thorough study and comprehension of the peculiarities of the national mentality.

As though compensating the present situation in bilateral economic relations, the recent years saw the surge of interest in Russia to the Japanese culture, both in its traditional and «consumer» forms. In pre-Gorbachev period the study of the Japanese culture, literature and traditions was purely academic, laying within the competence of a narrow circle of experts. Today we see a lot of new and younger people (most of them in the age of 16 to 40), who show interest in our Far-Eastern neighbour. The development of comprehensive bilateral relations has turned many Japanese peculiarities, previously seen as exotic objects, into articles of daily use. Thus the interest to the Japanese culture presently exists at two levels: on the one hand – the study of traditional forms of the Japanese art and culture goes on, on the other hand – the Japanese consumer articles come into general use.

Besides the official channels of promoting the Japanese culture in Russia, there is a spontaneous popular movement from below, in the form of private projects. The latest fashion for everything Japanese has given an impetus to the activities of various commercial structures: publishing houses, trading firms, travel agencies and schools of the Japanese language. Such situation is rather favourable for spreading the Japanese culture in Russia. However, there are negative aspects of this development, since the «cultural choice» is affected by the demand of the market. In this context the popular attention is not usually paid to the authentic qualities, but depends on the financial resources and demand at a giving moment. This causes some primitive allusions to imaginable Japanese exotics.

Today the accessibility of the previously closed Japanese culture is rather superficial. The cultures of our countries are traditionally opposite, so we need the experts as mediators to understand each other.

Such situation we can see in the sphere of literary contacts. It would not be an overstatement to say, that Russian literature has exercised great positive influence on the Japanese idea of Russia. (One should note, that relations between the two countries were aggravated by many conflicts and political disputes.) The Japanese as far back as in the XIXth century have acquainted themselves with Russian literature, however in Russia Japanese literature has become known quite later. The Russian Japonologists were the first translators of the Japanese writers, and they opened to the Russian readers the new vision of existence and beauty. For dozens of years the mutual apprehension took place through literature. And both sides satisfied their spiritual needs.

Unfortunately, the last decade saw in Japan the fall of interest to the Russian literature; however, as a form of compensation, there is a new interest to Russia in general. The specific information about our country was more apprehended, than the spiritual values of the Russian literature. However this happened at the backdrop of the general decrease of the Japanese interest in the «serious» literature. At the same time, in Russia the interest in Japanese literature has increased. The great demand for any information about Japan was met by many publications, mainly translations from the European languages with a lot of inaccuracies. Nevertheless the classics of Japanese literature were also published in translations of the new generation of Japanologists – the disciples of the well-known scholars, the founders of the Soviet and Russian Japanology.

The great volume of publications on Japan in post-Soviet Russia shows the wide-spread and stable interest of Russian readers to the Japanese literature, though there is some twist as to the nature of the translated an published books. As a result the Russian readers may be acquainted with the literary works of the medieval writers and Japanese classics, but are generally unfamiliar with the works of the Japanese contemporary writers with the exception of such globally acknowledged celebrities as Abe Kobo, Oe Kendzaburo, and lately Murakami Haruki. Maybe the latest serious attempt to acquaint the Russian reader with the current Japanese literature was the two-volume edition «He. She» (compiled by G. Tchkartishvili and M. Numano). A thoughtful Russian reader is able to appreciate the merits of the modern Japanese literature, which make it an integral part of the world classics.

As to the Japanese study of Russia, it is practically unknown in our country. The main obstacle is the language barrier. Few people can read the works of the Japanese scholars in the original, and translations in English and what is more in Russian are rather rare. Naturally, the developments of the last decades in our country could not but influence the Japanese research of Russia, though its basic trend hasn't changed.

The Japanese study of Russian issues was traditionally aimed at learning new information, at translation and publication of documents and its' initial analysis, but not at forming concepts. So when the previously secret Russian archives were opened in the early 90^{s} the Japanese scholars gained access to the new sources of information. However the thorough analysis of many historical problems by the Japanese experts often comes hand in hand with the dependence on external theories and orientation on Soviet/Russian or European/American concepts – depending on the fashion of the day and personal bias. Such aspects affected the choice of themes for study of Russia and made the Japanese scholars base their theories on Soviet historiography, despite the difference in approaches and conclusions. The themes, which were prohibited in the official Soviet historical science, were in fact the same in the Japanese study of Russia. However, in recent years the situation has changed; but alas, mainly in quantity, not in quality.

One must note, that the Japanese study of Russia, be it ideologically biased or not, actually has no impact on the popular Japanese perception of Russia. And the problem is not just the quality of the research; in Japan the scientific publications are considered tiresome for a general reader and therefore intended only for experts in some specific field. They know in Japan quite few experts on Russia, those who generally speak in the mass media. Their statements are usually politically biased, because the audience expects to hear from them commentaries on current events and forecasts for the future, rather than discussions on general themes or scientific reports.

The Japanese study of Russia is now less dependant on the ideological dogmas of the past, though one cannot expect to get rid of them completely. This science is continuing to develop, retaining its merits and defects. However, today there is a new potential for such development, including more close contacts between the scholars of the two countries. Indeed, the comprehensive dialogue between Russia and Japan should become the main direction of the further development of bilateral relations in this century.

Предисловие

Предлагаемая российскому читателю книга не случайно написана именно в данное время. На начало нового столетия, точнее на 2005 г., приходятся годовщины трех чрезвычайно важных, знаковых по своему характеру событий в истории взаимоотношений наших соседних стран. В следующем году исполняется 150 лет со времени установления дипломатических отношений между Россией и Японией. В январе 1855 г. был подписан российско-японский Трактат о торговле и границах, известный как Симодский трактат. В соответствии с этим документом было произведено первое территориальное размежевание между двумя странами: граница на Курильских островах прошла между о-вами Уруп и Итуруп. В августе 2005 г. исполняется сто лет со дня подписания Портсмутского мирного договора, которым была завершена русско-японская война. Может показаться парадоксальным, но после этой войны двусторонние отношения между Россией и Японией начали улучшаться. В прошедшем XX в. народам наших стран еще один раз пришлось встретиться на полях сражений – в 1945 г. и, следовательно, опять на 2005 г. приходится круглая дата – шестидесятилетие окончания второй мировой войны.

Пятидесятилетний юбилей послевоенного восстановления дипломатических отношений между Советским Союзом и Японией придется на 2006 г. В октябре 1956 г. была подписана емкая по своему содержанию Совместная советско-японская декларация, которую по объему решаемых проблем вполне можно приравнять к мирному договору. Но с тех пор остается нерешенной проблема территориального размежевания, которая касается суверенитета над о-вами Итуруп, Кунашир, Шикотан и группой о-вов Хабомаи. В связи с этим до сих пор не достигнуто окончательного послевоенного урегулирования, не подписан формальный мирный договор между нашими странами. Его отсутствие поистине является реликтом «холодной войны». По словам нынешнего посла Японии в Российской Федерации И. Номура, «такая ситуация – редкость в мировой исторической практике».

По сравнению с другими соседними странами, 150-летняя история российско-японских отношений невелика, а узы, связывающие две страны, намного слабее, особенно в послевоенный период. Безусловно, нынешние российско-японские отношения несут на себе груз прошлого. Но, как показывает история, при наличии политической воли и реальной оценке ситуации появляется возможность решать многие сложные проблемы.

В этом плане весьма показательны новые подходы Японии к двусторонним российско-японским отношениям в целом, в которых до сих пор главным камнем преткновения является нерешенная проблема территориального размежевания и заключения мирного договора. До середины 90-х годов японский истеблишмент был глубоко убежден в том, что в развитии двусторонних отношений заинтересована, прежде всего, Россия, которая ради «японских денег» (будь то инвестиции, технологии или гуманитарная помощь) может пойти на серьезные односторонние территориальные уступки. Но Япония, скорее всего, была не в состоянии дать российской экономике столько средств, сколько было необходимо, чтобы радикально или хотя бы заметно улучшить положение в нашей стране, которое во многом зависело от внутренних факторов. Кроме того, при острой поляризации мнений внутри России в то время ни один лидер не мог бы согласиться на территориальные уступки в обмен на ту сумму, которую Япония реально могла бы предложить.

В последние годы в политических кругах Японии усиливается понимание того, что в основе углубления и расширения двусторонних отношений лежат долгосрочные стратегические и геополитические факторы. «Отношения с Россией теперь рассматриваются руководством Японии не в узком, двустороннем плане, а с широких позиций своего рода стратегического баланса отношений между Россией, Японией, США и Китаем. Это свидетельствует о том, что развитие связей с Россией японская сторона считает одним из важнейших факторов обеспечения безопасности и стабильности в прилегающих к Японии районах, по существу, в одном ряду с японо-американскими и японо-китайскими отношениями. В этом бесспорная новизна подхода Японии к России на современном этапе» – отмечает российский дипломат М. Галузин[1].

В Японии полагают, что осуществляемые в новой России демократические преобразования и рыночные реформы имеют необратимый характер, а две страны, оставив в прошлом конфронтацию, разделяют

[1] *Галузин М.* Отношения с Россией во внешней политике Японии на старте XXI века. – Япония: снова на марше? М., 2001, с. 278.

систему ценностей демократического общества. По мнению бывшего посла в России М. Тамба, «важно, что Россия начала идти в принципиальном плане в том же направлении, что и мы, – к “свободе”, “демократии” и “рыночной экономике”... Поддержка такого движения служит национальным интересам Японии» [2]. Безусловно, в отношениях между двумя странами существует ключевая нерешенная политическая проблема. Однако, и это знаменательно, японская сторона увязывает решение проблемы территориального размежевания с продолжением политики реформ в России, упрочением ее позиций как конструктивного члена сообщества демократических государств.

В истории наших стран именно последнее десятилетие минувшего века оказалось насыщенным чрезвычайно важными и неординарными событиями, хотя и вызваны они были совершенно разными причинами. Эти события требовали нового осмысления так же, как и продолжения исследований, проводившихся нашими учеными на протяжении многих десятилетий. Если в политико-дипломатической и экономической сферах только намечаются подвижки, то в российском японоведении наблюдается значительный прогресс. Речь идет о том, что в целом гуманитарные науки в нашей стране претерпели серьезные, во многих отношениях радикальные изменения

Авторы книги попытались дать ответы на многие вопросы, которые интересуют российскую общественность. Как русские и японцы воспринимают друг друга, что в этом восприятии мифы, а что реальность? Какие подвижки наблюдаются в официальной дипломатии? В чем заключаются проблемы и успехи «народной дипломатии»? Каковы перспективы экономического сотрудничества; можно ли использовать японский опыт для российских реформ? Как осуществляются и развиваются традиционно насыщенные культурные и литературные связи? Размышления и прогнозы российских японоведов и японских русистов на эти и другие темы легли в основу данной книги.

Освобождение от идеологического диктата, от изучения строго предписанных тем, от следования заданным направлениям в науке открыли неограниченный простор для научной работы. В настоящее время каждый исследователь свободен в выборе любого метода в изучении интересующей его темы, поэтому чрезвычайно расширилась сфера, прежде всего, академических исследований российских японоведов. Именно в этот период появляются более широкие возможности для успешного занятия научными исследованиями: расширяются научные контакты, увеличивается число зарубежных научных командировок,

[2] Гайко фораму. 2000, № 12, с. 39.

симпозиумов, конференций. Открытие российских архивов и массовое рассекречивание документов позволили не только изучить огромный массив документов, но и по-новому оценить те или иные исторические факты и события. Масштабный совместный труд российских и японских специалистов «ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941» (под ред. Х. Вада и г. М. Адибекова, М., 2001) – это абсолютно новое явление, которое, возможно, станет одним из путей к разработке совместных российско-японских проектов в разных областях.

В постсоветский период наблюдается очевидный интерес к исторической тематике, появляется ряд новаторских работ по древней, средневековой и новой истории Японии. Прежде всего, стоит назвать двухтомник «История Японии» (М., ИВ РАН. 1999). В появлении такой масштабной работы существенную помощь оказал Японский фонд.

Затем был издан при поддержке международного научного общества Синто двухтомник «Синто. Путь японских богов» (Санкт-Петербург. 2002). Первое в России, а возможно, и в мире научное издание столь большого объема посвящено национальной религии Японии. Этот уникальный труд выполнен при поддержке Международного научного общества Синто.

В трудные для академической науки 90-е годы поддержка страноведческих исследований в России со стороны японских партнеров дала хорошие результаты. Достаточно привести всего лишь один пример: за десять последних лет японоведами из трех академических институтов (Институт востоковедения, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт Дальнего Востока) при поддержке Японского фонда было издано 22 книги. В 90-е годы появилось новое и чрезвычайно примечательное явление – периодические издания, посвященные именно Японии, как научные, так и научно-популярные. В последнее десятилетие стало заметным участие в научной жизни молодых российских ученых, постоянно работающих за рубежом. Это – талантливая и честолюбивая молодежь, желающая «делать карьеру» именно в науке. Это желание привело их в Японию, прежде всего, с помощью различного рода стипендий и грантов, за которые следует быть искренне благодарными. Они очень активно и заинтересованно сотрудничают с нами, публикуются в наших изданиях, участвуют в разных проектах. Таким образом, у них не прерывается связь с российским научным сообществом.

Расширение российско-японских связей требует больших и осознанных усилий. Немаловажную роль в этом играют моделирование образа обеих стран и восприятие народами друг друга, взаимный настрой в обществе, отношение общественного мнения к стране-соседу.

Соседствующая с нами на Дальнем Востоке Япония на тысячи километров удалена от Москвы. Отсюда рождается определенное состояние «удаленного соседства». Географическая близость создает в отношениях между соседями особый климат. Как свидетельствует мировая история, географически более близкие страны могут потенциально стать в большей степени политическими и дипломатическими партнерами, нежели страны, удаленные друг от друга. Однако верно и обратное: географическое соседство, сопряженное с историческим грузом противостояния по территориальным, религиозным, культурно-этическим и иным проблемам, длительной конфликтностью взаимных отношений, иногда служит фактором не столько сближения, сколько разъединения, отчужденности и взаимного недоверия между народами. Похоже, что все это вместе сказалось на формировании образа друг друга в наших странах.

До сих пор на восприятие современной России в Японии в немалой степени оказывает влияние груз исторических проблем, который способствовал укоренению расхожего стереотипа «далеких соседей», ощущению «военной угрозы с Севера». Такое восприятие восходит к периоду первых контактов стран-соседей в конце XVIII в. Недостаточное взаимопонимание углубилось в ходе последующего исторического развития. Оно привело к тому, что на протяжении почти всего XX в. между двумя странами существовали отношения политической конфронтации. По мнению известного специалиста по России Х. Кимура, «отношения всегда были настолько плохими, что возникла теория, что плохое состояние этих отношений является нормальным».

На формирование амбивалентного восприятия японцами России влияли факторы, моделирующие как отрицательный, так и положительный образ. Настороженное и недоверчивое отношение японцев к России имеет долгую историю. В частности, в исторической памяти японцев сохраняется ощущение угрозы для японских интересов, которая исходила от присутствия России в Манчжурии в конце XIX в. Сильнейший удар по национальному самолюбию японцев нанесло вступление СССР в войну против Японии в августе 1945 г. в нарушение договора о нейтралитете в тот момент, когда Япония уже была готова капитулировать. В то же время существует культурно-исторический магнетизм России, родины великой культуры, которая притягивала японскую интеллигенцию. Это всегда было фактором ее неослабевающего интереса к нашей стране.

Японцы традиционно испытывают к России целый комплекс противоречивых ощущений и эмоциональных всплесков. В целом в стране преобладает негативное восприятие России. Она – наиболее «нелюбимая страна». Только в начале 90-х годов с надеждой на перестройку

возникли предпосылки для качественных перемен, но отношение принципиально не изменилось и в настоящее время. Существуют некоторые нюансы в отношениях к нашей стране среди интеллектуальной элиты, или, как говорят на Западе, «лидеров общественного мнения» (opinion leaders), бизнес-элиты, политиков, отдельных слоев населения. В целом политически сложился образ России как «полувраждебного государства».

Отрицательный образ России превратился в стереотип. Японским консерваторам удалось утвердить в общественном мнении тезис о «несправедливости» советского (российского) поведения. Это связано с тем, что практически до последнего времени Токио проводил в отношении Москвы в основном так называемую «политику северных территорий». В итоге синдром «северных территорий» стал превалировать над «хиросимским синдромом».

Существенный вклад в укоренение негативного имиджа российских граждан вносит и поведение некоторых наших соотечественников, оказавшихся в Японии. Однако нельзя говорить о том, что для японского общественного мнения Россия – это только отрицательный образ. Многие японцы на вопрос о приоритетах экономического и политического курсов правительства (первая половина 90-х годов) ответили, что стабильность российской демократии для Японии была бы гораздо более важной в долгосрочном плане, нежели возвращение «северных территорий».

Сложная система двусторонних межгосударственных связей, запутанный узел отношений Восток–Запад (включая исторический, геополитический и психологический аспекты), обилие мифов привели к тому, что сегодня Япония для России – во многом символ и образ. Часто этот образ имеет мало общего с оригиналом, сводится к ряду устойчивых стереотипов, и тогда он по праву именуется «японским мифом». Формирование образа Японии в России осуществляется во многом усилиями самих россиян. Они сами придумывают Японию, в которую потом начинают верить

По словам дипломата и писателя А. Кавато, «наибольшей популярностью в России пользуется та Япония, которой не существует». При этом стереотипные образы, ее составляющие, создаются на нескольких уровнях и в нескольких направлениях. Усиленная работа японцев над имиджем своей страны – черта, которой можно позавидовать и которую следовало бы перенять, а также всплеск нынешнего массового интереса к этой стране, огромный спрос на информацию привели к тому, что реальная Япония почти полностью ушла в тень романтической Страны восходящего солнца. В результате большинство в России пока не готово воспринимать Японию объективно. Здесь

хотят сказок, но, как выразился известный японский славист М. Нумано, «это – проблема русской культуры, а не японской».

Давно известно, что человеку свойственно принимать видимое за действительное, образ за реальность, и в дальнейшем руководствоваться не объективной информацией, а лишь полученными впечатлениями. Если же речь идет о познании чего-то нового или экзотичного, не нужного по большей части в реальной жизни, но красивого и заманчивого, то тут открываются необъятные перспективы для мифотворчества. Япония в этом смысле уникальна.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному в марте 2001 г. фондом «Общественное мнение», 56% россиян считают Японию дружественной страной, несмотря на наличие нерешенных проблем, о которых осведомлены 91% опрошенных. Безусловно, определение отношения к той или иной стране и ее положительное восприятие напрямую зависят от сопоставления уровня жизни обеих сторон, т. е. социальная составляющая является одним из наиболее важных факторов в формировании того или иного образа. Не удивительно, что в отношении Японии в нашей стране появился целый набор штампованных мифов (электронная империя, страна Sony и Toyota, страна гейш и самураев; в Японии все занимаются боевыми искусствами и постигают искусство икэбана).

В результате уже несколько десятилетий Япония с точки зрения большинства россиян выглядит вполне гармонично, представляя собой идеальное для многих из них сочетание высокого материального уровня жизни и развитых духовных потребностей. Однако японцы все чаще разрушают придуманную когда-то ими и доведенную в России до абсолюта сказку. Необходимость объективного показа Японии понимают ее лучшие представители и много делают для этого. Например, М. Нумано прочитал в Москве лекцию «Не только самурай и гейша», А. Кавато – «Современная Япония – мнимая и реальная». В последней лекции рассказывается о трудностях японской экономики эпохи глобализации и стереотипных, лишенных всякого основания, представлениях о высокой стабильности японской культуры, затрагивается и вопрос падения общего интеллектуального уровня в стране.

В России негативное восприятие и создание отрицательных стереотипов Японии частью населения имеет в значительной мере инерционный характер. Оно рождено примерно сто лет тому назад – во время военного противостояния наших стран в Манчжурии и Корее – и является ровесником «японского мифа». Именно тогда, практически одновременно с созданием образа «живописной Японии», был создан и образ «желтой опасности», что не могло не сказаться на формировании имиджа Японии у россиян, особенно, старшего поколения.

Взаимоотношения между Москвой и Токио можно назвать лабиринтом. Обе стороны вроде бы осознают, что из него есть где-то выход, но где он – может быть, совсем рядом, а возможно, к нему ведет долгий путь. И в России, и в Японии широко распространено убеждение, что развитие отношений между двумя странами прочно заблокировано проблемой так называемых «северных территорий». Некоторые эксперты в России полагают, что, если убедить Токио, скажем, через Международный суд, что острова принадлежат России на законных основаниях, то исчезнут и все другие проблемы. Однако можно предложить в корне иной подход: территориальный спор есть не источник, а скорее, результат, или, во всяком случае, симптом *неважных* отношений. Другими словами, наши отношения не потому не урегулированы, что существует территориальный фактор, а, наоборот, стороны не в состоянии решить проблему островов, поскольку их отношения плохи. И лечить надо не симптом, а основное заболевание.

Вопрос о «северных территориях» представляет собой сугубо дипломатическую проблему, которая зачастую искусственно подогревается в сознании некоторой части российского и японского общества. Ситуацию осложняет накопившееся недоверие между двумя странами. Японцы долгие годы привыкли рассматривать сам факт существования рядом с ними социалистического государства как опасное соседство с непредсказуемым «огромным медведем», который периодически начинал ворочаться в своей берлоге. И, похоже, «медведь» продолжает ворочаться и по сей день. Несмотря на наше соседство в Северо-Восточной Азии, японцы все же склонны рассматривать Россию скорее как европейское, т. е. далекое государство. Крах советской модели коммунизма и окончание «холодной войны» создали предпосылки для выхода из унаследованных из того времени политических тупиков.

Думается, что российская сторона не может позволить себе медлить до бесконечности в вопросе решения проблемы островов, да и время начало работать не в пользу России. Китайский вызов заставляет задуматься об определении потенциальных союзников России в северо-западной части Тихоокеанского бассейна. В нашей стране растет понимание того, что Япония в перспективе может оказаться более ценным союзником, чем Китай, который постепенно увеличивает демографическое давление на российский Дальний Восток. Процесс глобализации в перспективе будет способствовать спаду остроты территориальных споров и возрастанию шансов на заключение мирного договора между Россией и Японией.

Последние десятилетия показали, что имеется определенный потенциал расширения российско-японских связей. Для реализации

этого потенциала необходимо задействовать все имеющиеся возможности. В советские времена контакты между Японией и Россией довольно широко и успешно развивались на уровне населения. Но в тот период существовала так называемая «монополия на дружбу». По существу, она была передана Союзу советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Обществу «СССР–Япония» и их японским партнерам.

Теперь в нашей стране наряду с Обществом «Россия–Япония» (преемником ранее существовавшего Общества «СССР–Япония») активно работает несколько десятков общественных структур, разных по численности, составу, географии, охвату и направленности своей деятельности. Среди них – и региональные учебные центры по изучению японского языка, и созданный в 1998 г. по инициативе высших руководителей обеих стран Российский комитет XXI века. Этот комитет создавался в тесном партнерстве с Японо-российским форумом – XXI. Этим организациям отводится координирующая роль в движении за дружбу между нашими народами.

В Японии с уменьшением влияния и резким падением численности традиционных обществ дружбы с нашей страной образовался некий вакуум, который заполняется новыми общественными проектами и инициативами. Они исходят, как от представителей политической и экономической элиты, которая, прежде всего, в силу геополитических факторов вынуждена держать нашу страну в поле своего зрения, так и от рядовых граждан, проявляющих искренний интерес к России. Первые представлены Ассоциацией депутатов парламента Японии за дружбу с Россией и Федерацией экономических организаций Японии, вторые – Общественным институтом японо-российских отношений.

Теперь перед созданными новыми структурами стоит задача сформировать в обеих странах широкий общественный актив с привлечением нового поколения, которое свободно от многих идеологических и исторических шор прошлого. Сегодняшнему движению за дружбу удалось избавиться от давней «ахиллесовой пяты» – излишней политизированности в своей деятельности, которая диктовалась логикой блокового противостояния, и оно готово перейти к многовекторной народной дипломатии, ориентированной на всестороннее развитие российско-японских связей.

Лидеры обеих стран прекрасно понимают значение широкого движения за укрепление дружбы и со своей стороны выдвигают значимые инициативы. В совместном Плане действий, который подписали руководители наших стран в 2003 г., особое внимание придается поддержке деятельности Российского комитета XXI века и Японо-

российского форума – XXI. В том же году на высшем уровне родилась инициатива создать Совет мудрецов. Его целью было содействовать развитию отношений между Россией и Японией в различных сферах на основе углубления диалога между видными представителями общественных и деловых кругов, созданию отношений созидательного партнерства.

О российско-японских экономических отношениях постперестроечного периода написано немало. Объективный научный анализ динамики и современной ситуации в сфере экономического взаимодействия приводит к неутешительным выводам: масштабы и интенсивность связей сокращаются, торгово-инвестиционная деятельность отягощена массой проблем, как политических и экономических, так и правовых. Взаимодополняемость экономик, служившая объективной основой для развития экономических отношений, практически утрачена. В связи с этим именно торгово-экономическая сфера двусторонних отношений, как никакая другая, требует целенаправленных усилий обеих сторон для реализации имеющихся потенциальных возможностей. На ситуацию в этой сфере в немалой степени влияют внутренние проблемы стран-партнеров, в частности, растянувшийся на долгие годы застой в японской экономике, слабость законодательной базы в России, а также нынешние налоговая и банковская системы.

Однако нельзя представлять дело так, что экономическое взаимодействие наших стран сходит на нет и не имеет никаких перспектив. Несмотря на небольшие объемы, в нем представлены практически все виды связей. При этом основной центр тяжести в двусторонних экономических отношениях приходится на российский Дальний Восток, который и для Японии является географическим приоритетом. В настоящее время, когда японцы говорят: «Россия – важный сосед Японии», то главным образом имеют в виду российский Дальний Восток и Восточную Сибирь. «Мы непременно хотим развивать связи с этими регионами, – пишет посол И. Номура, – однако нынешний уровень этих связей существенно ниже, чем в советский период»[3].

Совершенно очевидно, что с макроэкономической точки зрения Россия (в частности Дальневосточный регион) и Япония представляют мало интереса друг для друга. Это проявляется в утрате взаимодополняемости, что ведет к сокращению потенциала взаимной торговли, в то время как даже такая порочная модель как «краб в обмен на старый автомобиль» уже исчерпывает себя. Что касается инвестиционной привлекательности наших стран друг для друга, то обычно ее

[3] Знакомьтесь – Япония. 2004, № 37 (в печати).

рассматривают односторонне – привлекательность Дальнего Востока для Японии. Это и понятно – в капиталодефицитном регионе Япония – крупнейший инвестор. Данный регион может конкурировать за японские инвестиции на основе базисных, а не специализированных факторов, таких, как природные ресурсы, неквалифицированная или среднеквалифицированная рабочая сила, обычная инфраструктура. Но по высокоспециализированным факторам – научные исследования и опытно-конструкторские работы (НИОКР), специализированный персонал и инфраструктура, бизнес-среда и прочее – российский Дальний Восток не может конкурировать с Китаем и странами ЮВА, куда идут большие потоки прямых инвестиций. Конечно, речь идет о крупных компаниях.

В то же время все сказанное нельзя абсолютизировать, следует искать и использовать резервы. Во-первых, можно и нужно развивать факторы конкурентоспособности, во-вторых, использовать японские средние и малые компании, которые имеют реальную заинтересованность в российском рынке, в-третьих, брать готовые производства и технологии, с тем чтобы создать у себя промышленную базу (главное, не задержаться на этой стадии и не «консервировать» отсталость). В числе многообещающих областей сотрудничества можно назвать энергетику, в том числе ядерную, охрану окружающей среды, транспорт, связь, освоение космоса, науку, технологии. Не случайно премьер-министр Японии выразил желание содействовать социально-экономическому развитию российского Дальнего Востока ввиду его привлекательности для сотрудничества как раз в энергетике.

Кроме того, нельзя забывать о том, что государства при наличии доброй политической воли могут многое сделать для развития взаимовыгодного бизнеса. При этом складывающаяся ситуация с нефте- и газопроводами заставляет задуматься – а так ли уж важен «территориальный вопрос» в экономических отношениях. Взаимный экономический интерес поможет найти подходы к решению этого вопроса, и не стоит ждать, когда произойдет наоборот, тем более что реальный экономический интерес является гораздо более прочной основой для будущего, чем обещание кредитов в обмен на территории.

Активное деловое сотрудничество России с индустриально развитыми странами является одним из важнейших рычагов подъема ее экономики и достижения мирового уровня конкурентоспособности. Немалую пользу оно представляет и для зарубежных партнеров, которые имеют шанс получить доступ к российским ресурсам и рынку. Отрадно отметить, что постепенно в России и Японии активнее начинают проявлять взаимную заинтересованность в расширении торгово-экономических и научно-технических связей. Приходит все более четкое осознание того, что наши страны не только соседи, но и

потенциальные стратегические партнеры, и что их сотрудничеству следует придать необратимый и стабильный характер.

Для организации и активизации делового сотрудничества необходима последовательная повседневная работа различных структур и организаций, которые должны помогать искать пути для освоения рынков обеих стран. Немаловажную роль для укрепления российско-японского промышленного сотрудничества играет Японская организация по развитию внешней торговли – ДЖЕТРО (Japan External Trade Organisation – JETRO). В настоящее время она имеет представительства в 60 странах мира, в том числе и в Москве. Причем ДЖЕТРО не только ведет работу на местах, но и активно действует в Интернете, развертывая глобальную программу «Trade Tie-up Promotion Program – TTPP». ДЖЕТРО по праву можно считать катализатором соединения деловых возможностей Японии и зарубежных стран.

Представительство этой организации в Москве в изданиях на русском языке предоставляет информацию по вопросам регулирования сферы бизнеса, о таможенных тарифах, о японских экспортерах и импортерах, помогает в выборе партнеров для организации совместных предприятий и налаживании технологического сотрудничества. В частности, налажены деловые контакты, которые позволят поднять на современный технологический уровень российские автомобильные предприятия. В поле зрения представительства – содействие расширению научно-технического сотрудничества.

Деловому миру хорошо известны такие издания, как ежегодник «Japan Trade Directory», ежемесячные журналы «Focus Japan» и «New Technology Japan». На русском языке опубликованы брошюры «Как делать бизнес в Японии», «Искусство делового общения с японскими партнерами», «Живем и работаем в Японии», подробное руководство «Как наладить связи с японскими фирмами».

Со своей стороны существенную помощь российским предпринимателям оказывает торговое представительство РФ в Токио. В частности, оно разработало комплекс практических рекомендаций. В них первоочередное внимание обращается на необходимость твердого знания базовых документов внешнеторгового сотрудничества между нашими странами и излагается их основное содержание. Большое значение придается правовым аспектам сотрудничества, указываются практические подходы к изучению и выбору деловых партнеров, даются важные указания по вопросам арбитража.

Следует отметить, что сотрудничество российских предприятий с японскими партнерами могло бы быть более результативным, если бы не множество препятствий, все еще остающихся на пути России к современной рыночной экономике.

В этой связи значительный интерес в нашей стране вызывает изучение японского опыта, понимаемого как некая позитивная практика, позволившая стране, оказавшейся после войны во многом в аналогичных российским условиях, добиться выдающихся успехов. «Японское экономическое чудо», т. е. феноменально высокие темпы экономического роста в конце 50-х – начале 70-х годов, наталкивало исследователей, прежде всего, на мысль о высокой эффективности японской экономики. Но в доперестроечный период в объяснении причин этого «чуда» акцент делался на «благоприятном сочетании внутренних и внешних условий», а не на механизмах развития страны.

Перестройка способствовала появлению новых подходов к изучению социально-экономического развития Японии. Центр тяжести был перенесен на анализ причин высокого динамизма и адаптивности японской экономики к достижениям НТП. Ввиду глубокого кризиса российской экономики эти исследования приобрели и практическую значимость. Первоначально речь шла лишь об изучении отдельных сторон японского опыта – в области экономии энергии, охраны окружающей среды, утилизации отходов и т. д.

Однако постепенно расширяются рамки самого понятия «опыт», который ранее ограничивался в основном экономикой. В этой сфере наряду с продолжением исследований отдельных технико-экономических и организационных сторон развития Японии стали изучаться, с прицелом на заимствование, различные направления государственной политики, государственное регулирование развития отдельных сфер и секторов, теория и практика управления японских компаний и банков. Кроме того, понятие «опыт» расширилось и за счет включения в него таких сфер, как образование, культура, здравоохранение, политическое устройство, социальное обеспечение и многих других, где опыт Японии дает богатый материал, если не для заимствования, то, по крайней мере, для серьезных размышлений.

Издание специализированного журнала «Японский опыт для российских реформ» значительно расширило возможности ознакомления с ним всех заинтересованных лиц в нашей стране. Этот журнал при поддержке японской фирмы «Искра сангё» издают Центр японских исследований Института востоковедения РАН и Ассоциация японоведов. С 1995 г. вышло около 40 номеров. Не впадая в эйфорию, авторы статей дают взвешенную, объективную оценку различных сторон японского опыта социально-экономического развития, отмечая в нем как позитивные, так и негативные моменты, как достижения, так и ошибки и неудачи.

Тезис о том, что быстрое послевоенное экономическое развитие Японии в значительной степени было обусловлено высокой эффективностью системы организации и управления производством компаний, уже давно стало азбучной истиной. Поскольку в настоящее время в нашей стране управление бизнесом является одной из наиболее приоритетных областей развития, то взаимодействие Японии и России в этой сфере, изучение и возможности использования японского опыта чрезвычайно актуальны. При этом необходимо учитывать социально-экономические, политические и культурные различия народов обеих стран, несходство их менталитетов, которые обусловили разный уровень теории и практики управления, а также определили особенности изучения японского опыта в России.

Долгие годы исследования японского опыта менеджмента страдали односторонним и мифологизированным подходом, что отчасти объяснялось недостатком поступления «живой» информации из Японии, а также восприятием этого опыта через призму американских теорий управления. В настоящее время благодаря тесному сотрудничеству российских и японских ученых в области управления качественно изменилось содержание российских исследований. Большую роль в этом играет помощь Японии в подготовке российских специалистов в области управления в специально организованных центрах.

Настало время, когда в России необходимо отказаться от сложившихся стереотипов восприятия японского опыта в сфере управления, от упрощенного подхода к нему и признания его в качестве единственно возможной модели управления в нашей стране. В этом опыте важно видеть целостную систему, возникшую в специфических условиях другой страны, понять, что те методы, которые использовали японские предприниматели в процессе становления экономики, были основаны на тщательном изучении и отличном понимании особенностей менталитета своего народа и ориентации на них.

Как бы компенсируя ситуацию в экономических отношениях между нашими странами, в последние годы наблюдается всплеск интереса к японской культуре, как к ее традиционным формам, так и к потребительским, бытовым. В доперестроечный период в России развивалась в основном академическая сторона изучения японской культуры, литературы и обычаев, и эти вопросы находились в ведении узкого круга профессионалов. В настоящее время вместе с расширением произошло и омоложение тех, кто проявляет интерес к дальневосточному соседу. Их наиболее активная часть – это, по преимуществу, люди от 16 до 40 лет. Развитие всесторонних связей между Россией и Японией позволило все японское из разряда экзотики перевести в ежедневный обиход многих россиян. Таким образом, сегодня интерес к японской культуре существует параллельно на двух уровнях: с одной

стороны, по-прежнему поддерживается изучение традиционных форм японской культуры и искусства, с другой – широко и с удовольствием осваивается бытовая культура.

Помимо официальных каналов популяризации японской культуры в России, идет спонтанный процесс снизу, на уровне частной инициативы. Спрос на японскую тематику активизирует деятельность коммерческих институтов: издательств, торговых и туристических фирм, языковых курсов. В этих условиях японская культура в России попадает в весьма благоприятные обстоятельства и получает все возможности для дальнейшего укоренения на российской почве. Но существуют и минусы такого положения, поскольку культурный выбор регламентируется лишь требованиями рынка. Предпочтение в этом процессе не всегда отдается аутентичности и качеству, а чаще определяется финансовыми возможностями и конъюнктурным спросом. Это способствует профанации и недоразумениям разного рода. Сегодняшняя доступность когда-то закрытой японской культуры – не более чем обольщение и поверхностный взгляд. Наши культуры остаются противоположными, и, чем шире круг российских любителей Японии, тем больше им необходимы культурные посредники из числа профессионалов.

Именно такое положение можно наблюдать в сфере литературных контактов. Не будет преувеличением сказать, что русская литература была наиболее мощным фактором, который определил все лучшее, что существовало в представлениях японцев о России, которые складывались в условиях войн и сложных политических отношений между нашими странами. Японцы еще в середине XIX в. познакомились с русской литературой, а в России японскую литературу узнали значительно позднее. Русские ученые-японоведы были первыми переводчиками, и они открыли русскому читателю новое видение мира и красоты. На протяжении десятилетий шло взаимное узнавание друг друга через литературу. Обе стороны находили то, что восполняло их духовные потребности.

К сожалению, за последнее десятилетие в Японии резко снизился интерес к русской литературе, но, как бы компенсируя это, зародился интерес к России в целом. Конкретная информация о нашей стране оказалась более востребованной, чем духовные ценности, которые несла в себе литература. Правда, это происходило на фоне общего упадка интереса японцев к серьезной литературе. В то же время в России интерес к японской литературе значительно вырос. Воспользовавшись резко возросшим спросом на любую информацию о Японии, издательства-«однодневки» публиковали в больших количествах страноведческую литературу, которая зачастую переводилась с европейских языков, и грешила массой неточностей и ошибок. Но в то же

время один за другим стали выходить памятники классической японской литературы в переводах нового поколения японоведов – учеников прославленных учителей, на исследовательских работах и переводах которых выросла вся советская и русская японистика.

Тиражи, которыми издавалась японская литература в постперестроечные годы, когда критерием была лишь коммерческая выгода, свидетельствуют о довольно глубоком и устойчивом интересе российского читателя к японской литературе. Правда, произошел некий перекос в характере переиздаваемой и вновь переводимой литературы. В результате российский читатель хорошо знакомый с произведениями японской средневековой литературы и классиков нового времени, мало знает творчество современных писателей, за исключением романов всемирно известных Абэ Кобо, Оэ Кэндзабуро и, в последнее время, Мураками Харуки. Пожалуй, единственной, серьезной попыткой познакомить русского читателя с японской литературой последних лет явилось издание двухтомника «Он. Она» (составители Г. Чхартишвили и М. Нумано). Серьезный российский читатель, сумевший разглядеть и в современной японской литературе то общее и характерное, что роднит ее со всей классической литературой, воздает ей должное.

Что касается японской науки о России, то она все еще мало известна в нашей стране. Главная причина этого, – конечно же, языковой барьер. Мало кто может знакомиться с трудами японских коллег в оригинале, а число их переводов на английский и, тем более, на русский язык невелико. Вполне естественно, что изменения, происшедшие в последнее десятилетие в нашей стране, не могли не сказаться на состоянии японской русистики, хотя ее основные особенности и тенденции развития остались.

Изучение России в Японии было традиционно ориентировано на введение в научный оборот новых источников, на перевод и публикацию документов и их «первичную» обработку, а не на создание концепций. Поэтому открытие в начале 90-х годов прежде недоступных иностранным исследователям российских архивов стало неоценимым подарком для японских ученых. Глубина фактической проработки многих историографических проблем японскими русистами до сих пор соседствует с теоретической несамостоятельностью, с ориентацией на советские/российские или европейско-американские каноны и концепции в зависимости от эпохи, интеллектуальной моды и личных пристрастий ученых. В выборе тем и направлений исследований большинство специалистов по России ориентировалось на советскую историографию, даже при всей возможной разнице подходов и выводов. Темы, табуированные в официальной советской историографии, в

основном оставались таковыми и для японской русистики. За последние годы положение с выбором тем исследований начало меняться, но, скорее, в сторону расширения, нежели качественного изменения диапазона.

Следует заметить, что в Японии академическая русистика, будь она идеологически ангажированной или нет, практически не оказывает воздействия на массовые представления о России. Дело не в русистике как таковой: научные книги в Японии считаются чем-то «по определению» скучным и нечитабельным, а потому предназначенным для узких специалистов в данной конкретной области. В Японии знают лишь тех немногих русистов, которые регулярно выступают по телевидению и в газетах. Их выступления обычно имеют политизированный характер, потому что ведущие и зрители ждут от знатоков России комментариев по поводу текущих событий или авторитетных прогнозов, а не рассуждений на отвлеченные темы или научных докладов.

Наука о России постепенно освобождается от идеологических шор и предрассудков разного толка, хотя, конечно, полного избавления от них ждать не приходится. Японская русистика непрерывно развивается, оставаясь при этом самой собой, со своими достоинствами и недостатками. Но путей и возможностей развития много, пожалуй, больше, чем когда-либо, в том числе через количественное и качественное расширение диалога с коллегами в России.

Действительно, количественное и качественное расширение диалога между нашими странами по всем направлениям должно стать магистральным направлениям движения вперед в новом столетии.

Глава первая

Изучение Японии в постсоветской России

В истории почти всех стран наступают времена крутого поворота, когда надо обновлять, пересматривать значимые элементы своей политики, сами ее основы. В истории наших стран именно последнее десятилетие XX в. оказалось насыщенным чрезвычайно важными и неординарными событиями, хотя они были вызваны совершенно разными причинами. Эти события требовали нового осмысления так же, как и продолжение исследований, проводившихся нашими учеными-японоведами на протяжении многих десятилетий. В России, ставшей, по сути, совсем другой страной, в эти годы шло осознание своей истории с позиций преемственности, что в принципе свойственно японцам в отношении собственной истории. Отечественные исследователи все больше убеждались в том, что история важна не только сама по себе, как знание, но и служит «инструментом осмысления происходящего».

Именно в 90-е годы во всех гуманитарных сферах – политологии, социологии, политэкономии, культурологии шла ревизия фундаментальных теоретических основ и методологии исследований. Значительная часть усилий ученых была направлена на критику, прежде всего, идеологических постулатов марксистско-ленинского учения, составлявшего, или, по крайней мере, призванного составлять незыблемую теоретико-методологическую основу общественных наук.

Одновременно открылся более широкий доступ к ознакомлению с современными западными теориями, что привело к определенному увлечению ими в ущерб трезвой оценке многих событий и явлений, стремлению приспособить их к собственным исследованиям. Но к чести российских японоведов, их исследования это затронуло в меньшей степени. Они не поддались модной европеизации гуманитар-

ных наук, оценке исторических процессов с европоцентристской точки зрения и признали главным теоретическим принципом научную объективность. Несмотря на долголетний идеологический пресс, большинство российских японоведов полностью сохранили и приумножили замечательные традиции отечественной науки о Японии, а их труды и сейчас не уступают работам мирового уровня.

Освобождение от идеологического диктата, от изучения строго предписанных тем, от следования заданным направлениям в науке открыли поистине неограниченный простор для исследователей. Безусловно, это благотворно сказалось и на изучении Японии в постсоветский период. Именно в эти годы отечественные исследователи пришли к пониманию того, что анализ процесса развития любого общества не может замыкаться на рассмотрении лишь таких параметров, как «способ производства» или «классы». Изучению подлежат конкретные действия людей, их взаимоотношения в семье, общине, на предприятии, т. е. в малых группах. Только исследуя все стороны их жизнедеятельности – социально-экономические, социопсихологические, идеологические и культурные аспекты, можно дать полную характеристику общества в целом.

При таком понимании исследования жизнедеятельности общества формационный подход, который оперирует по преимуществу производительными силами и производственным отношениями, представляется несколько ограниченным. Хотя он впервые дал возможность системного изучения истории, но, используя главным образом лишь базисные понятия, недостаточно учитывал человека с его бытом и духовной жизнью – религией, наукой, психологией, ментальностью. Поэтому более целесообразно применять цивилизационный подход, ибо в центре его стоит человек, его возможности самовыражения и саморазвития.

В принципе цивилизация и формация состоят из одних и тех же блоков – материально-производственной базы, экономических, политических, правовых, культурных, религиозных и других форм человеческого общения. Но все дело в том, чему отдается приоритет в исследовании. Для формационного подхода доминантой является экономика, как таковая, для цивилизационного – человек, его ценности, а экономические достижения рассматриваются под углом зрения их полезности для всех членов общества. Более того, понятие «цивилизация» очень близко понятию «культура», ибо и то и другое детерминируется отношениями людей в обществе во всем их многообразии. В целом цивилизационный подход охватывает более мощные, широкие и долговременные процессы, чем формационный, и потому он все-

объемлющ[1]. В настоящее время каждый ученый свободен в выборе любого метода в изучении интересующей его темы. Отсюда именно в рассматриваемый период чрезвычайно расширилась сфера, прежде всего, академических исследований российских японоведов.

В силу сложившихся в послевоенное время условий наибольшее число исследований по Японии (а их вышло в этот период намного больше, чем за предыдущие годы) было посвящено социально-экономическим проблемам второй половины XX в. Это были очень добротные исследования, основанные на прекрасном знании фактического материала и достаточно убедительные в концептуальном плане. Не были забыты, конечно, политика и культура, меньше повезло истории.

В постсоветский период пробудился вполне очевидный интерес к исторической тематике, появился ряд новаторских работ по древней, средневековой и новой истории Японии. Но главным трудом в этой области явился двухтомник «История Японии» (Москва, Институт востоковедения РАН, 1999) охватывающий всю историю страны. Это учебное пособие, выдержавшее уже два издания, оказалось чрезвычайно востребованным не только в России, но и в большинстве других стран СНГ. Как известно, историю нельзя переписывать заново, но можно и нужно рассматривать ее с новых методологических позиций беспристрастности, объективности, здравого смысла, отказавшись от схематической интерпретации, подогнанной под определенную теоретическую схему. «История Японии» написана именно с таких позиций. В появлении такой масштабной работы существенную помощь оказал Японский фонд.

Своего рода продолжением исторических исследований, а также расширением их тематики можно считать двухтомник «Синто. Путь японских богов» (Санкт-Петербург, 2002). Это первое в России, а возможно и в мире, научное издание столь большого объема посвящено национальной религии Японии. В первый том вошли исследовательские работы не только по истории синто, но и по эстетике религии, в том числе в ее архитектурном, театральном, поэтологическом преломлении, а также по использованию синтоистского наследия в настоящее время. Во втором томе представлены переводы источников, которые в той или иной степени помогают понять историю складывания синто. Этот уникальный труд был выполнен при поддержке Международного научного общества Синто.

Мы не случайно упомянули два названных выше издания, поскольку они являются свидетельством заинтересованного отношения и поддержки страноведческих исследований в России со стороны

[1] *Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б.* Японское общество: пути перемен. М., 1996, с. 35–37.

японских партнеров в постсоветский период. Первая половина 90-х годов была чрезвычайно трудной для выживания академической науки в нашей стране. И именно в это время в 1991 г. Академией наук СССР (ныне РАН) и государственным Японским фондом было заключено соглашение, продленное в 1997 г., «с целью содействовать японоведческим исследованиям в России». На основе этого соглашения с середины 90-х годов ежегодно выходит три серии книг, которые выпускают специализированные центры трех академических институтов под эгидой Центра по изучению современной Японии. Это – Институт востоковедения, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт Дальнего Востока. Сразу же стоит отметить, что работы каждого института выполняются с приглашением авторов из других научных и высших учебных заведений, кроме того, уже имеется опыт привлечения коллег из Японии.

За истекшие годы Институтом востоковедения и Институтом мировой экономики и международных отношений выпущено по восемь книг, а Институтом Дальнего Востока – шесть. Тематика их многогранна – экономика, внутренняя и внешняя политика, культура, быт, экология, а анализ – достаточно масштабен. Но, безусловно, содержание изданий в определенной степени отражает профильные исследования институтов. Эти 22 книги, написанные в абсолютно новой творческой научной атмосфере современной России, вносят весьма внушительный вклад в отечественное японоведение. Очень важно, что во всех работах отражена личная точка зрения авторов, без всякого вмешательства со стороны ответственных редакторов, без чьих-либо директивных указаний, без обязательных в недавнем прошлом «разоблачений». Но в то же время при анализе различных сторон жизнедеятельности японского общества в целом «обнаруживается свободное и потому отрадное единство взглядов» (Я. А. Певзнер). Участники проектов отличаются прекрасным знанием предмета и используют множество первоклассных источников, как зарубежных (более всего на японском языке), так и российских.

В серии книг ИМЭМО немалое внимание уделяется экономическим проблемам. Авторы стараются дать ответ на вопрос, «каким образом Япония с ее многолетним господством феодально-самурайских сил и находившихся с ними в союзе монополий финансового капитала в столь короткий период заняла в мировой цивилизации одно из первых мест? Как это произошло, что страна, потерпевшая сокрушительное поражение в начатой ею агрессивной войне… столь быстро преодолела бедствия и вышла по уровню развития на второе после

США место в мире?»[2]. При этом многие реалии японской действительности, которые рассматривались и раньше, исследуются более подробно и глубоко, на более высоком научном уровне. Пристальное внимание уделяется не только тому, что происходит, но и как происходит, какие перемены в разных сферах и на разных уровнях необходимы для тех или иных значимых функциональных перемен. По оценке Я. Певзнера, значимость всей серии книг ИМЭМО состоит в том, что в ней содержательно обоснованы вхождение Японии в информационное сообщество и ее передовая роль в этом складывающемся новом демократическом и миротворческом институте всемирного прогресса.

В целом можно признать, что авторский коллектив данной серии книг, не отказываясь от признания социальных противоречий и классовой борьбы, выбирает цивилизационный путь исследования, анализируя человеческий фактор. Именно с этих позиций авторы стараются дать ответ на вопросы, «как в этом плане выглядит культурное и политическое лицо страны – вчерашнее, сегодняшнее и с попытками проникнуть в будущее? Куда идет дело? Что можно ожидать от Японии – во внутренних и международных планах – в ее роли мировой державы, какой она стала после поражения в войне?»[3]. При всем многообразии ответов на поставленные вопросы можно ясно понять, что основой прогресса страны является демократия, которая приобрела необратимый характер.

Цивилизационный подход, отражающий стратегию «выживания и саморазвития в контексте многоединого мира» характеризует и серию работ Института востоковедения. Большинство их посвящено исследованию определенной системной проблемы либо конкретного явления в жизни современной Японии или мира в целом. У всех этих работ, как справедливо замечают авторы содержательного обзора этой серии книг И. П. Лебедева и И. Л. Тимонина, «есть стержень, объединяющий их. Отличительной чертой всех книг серии является то, что поставленная проблема анализируются в широком контексте. Каждая из книг, по сути, представляет собой комплексное исследование современной Японии (экономики, социальной сферы, внутренней и внешней политики и т. д.) под углом зрения выбранной проблемы»[4]. Безусловно, каждая книга имеет единую концепцию, но при этом авторам предоставлена свобода высказывать свои мнения.

Преодолев искушение подробно прорецензировать серию книг Института востоковедения в данной главе, отсылаем всех заинтересованных лиц к уже упомянутому обзору, опубликованному в издании

[2] *Певзнер Я.* Шаг вперед в российском японоведении. – Мировая экономика и международные отношения. 2003, № 1.

[3] Там же.

[4] Япония. 2002–2003. Ежегодник, М., 2003, с. 294.

«Япония. Ежегодник. 2002–2003». Здесь же хочется особенно выделить несколько книг, начав со знаковой для нашего современного японоведения работы «Японский феномен»[5] (отв. ред. К. О. Саркисов, 1996). В полной мере разделяем мнение авторов обзора о том, что в определенном смысле эта книга стала ориентиром для последующих монографий данной серии, предопределив как их общую направленность, так и научный уровень исследований.

В этой работе, пожалуй, впервые была предпринята попытка на основе комплексного подхода к изучению страны дать определение и понять суть такого явления, как «японский феномен», который не одно десятилетие будоражил умы не только в российском, но и зарубежном японоведении. Думается, что использование именно цивилизационного подхода помогло осмыслить и понять природу «японского феномена» «как результата функционирования всей социально-экономической системы Японии», что «является своего рода теоретическим прорывом по сравнению со многими западными исследованиями»[6].

Стоит особо отметить, что все проблемы развития общества, государства, экономики в «Японском феномене» рассматриваются в историко-культурном контексте. Таким образом, получилось серьезное междисциплинарное исследование, в котором задействованы историки, экономисты, культурологи, политологи, социологи. Все они, не впадая в эйфорию от успехов развития послевоенной Японии, постарались понять основные принципы ее развития и ответить на вопрос, в чем секрет ее эффективности. Как и их коллеги из ИМЭМО, авторы серии книг Института востоковедения приходят в целом к тому же выводу, что основой успешного развития страны является выбор ее движения по пути демократии.

Хочется сказать также о двух последних книгах серии – «Япония и современный мировой порядок» (отв. ред. А. Е. Жуков, И. П. Лебедева, 2000) и «Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы» (отв. ред. Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарьян, 2003,), которые во многом являются новаторскими. Первая книга представляет собой глубокое теоретическое исследование, посвященное одной из самых востребованных сейчас проблем – глобализации. В соответствии с методологией исследования авторы выбрали понятие «мировой порядок». Это дает возможность «поразмышлять о том, что представляет собой мир во всех его ипостасях – политической, экономической, культурной, социальной – на примере одной из ведущих стран...». При этом авторы не забывают, «что проблемы Японии в контексте становления нового

[5] Японский феномен. М., 1996.

[6] Япония. 2002–2003. Ежегодник, с. 295.

миропорядка, как и многое другое в жизни этой страны, отличаются своеобразием»[7].

Темой исследований второй книги также являются те или иные проблемы современной Японии, положения и тенденции развития и функционирования различных сфер жизни общества. Но при этом в центре внимания стоят дела и судьбы конкретных людей. В «Предисловии» говорится: «Замысел настоящей книги… возник из желания показать читателю ключевые проблемы Японии, ее политики, экономики, общества и культуры не сами по себе, а через личности ее творцов, в которых эти проблемы персонифицировались»[8]. Среди героев книги есть политики, дипломаты, философы, предприниматели, инженеры и писатели. Всех их объединяет масштаб личности и значимость их вклада в историю своей страны. Значимость этой работы в том, что она «в определенной степени корректирует широко распространенное представление о Японии как о стране, где господствует групповое сознание, и где индивидуальность и незаурядность не только не поощряются, но даже подавляются со стороны общества и отдельных групп. Все те, чьи судьбы представлены в монографии, отличаются яркой индивидуальностью, и именно это позволило им стать лидерами нации в один из драматических и значительных периодов ее истории – период прорыва из нищеты к процветанию и строительства современного демократического государства»[9].

В серии книг, подготовленных Институтом Дальнего Востока, рассматриваются проблемы трансформации японского общества, функционирования его политической системы, анализируются факторы, обеспечивающие устойчивое развитие Японии, благодаря чему она остается одним из мировых центров и в новом столетии. Одновременно исследуются механизмы взаимодействия японской и западной культур, анализируются социально-психологические параметры, которые определяют темпы и пределы интернационализации Японии в настоящее время.

Работы этого института характеризует пристальное внимание к внешнеполитическим проблемам, в частности, к возрастающей роли Японии в формировании в АТР всеобъемлющей системы безопасности. Авторы показывают, что, несмотря на приверженность двусторонней системе безопасности с США, Токио проявляет готовность к диалогу с другими странами на региональном уровне в поисках новых моделей обеспечения стабильного окружения Японии, уделяя при этом первостепенное внимание региональной экономической интеграции. В

[7] Там же, с. 313.

[8] Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы. М., 2003, с. 10.

[9] Там же, с. 317.

Японии подобная интеграция рассматривается как основа обеспечения мира и процветания государств Азиатско-тихоокеанского региона.

Безусловно, указанные выше издания являются лишь частью, но очень впечатляющей, общего массива научных исследований по Японии за рассматриваемый период. Вполне можно согласиться со словами Я. А. Певзнера о том, что «никто не знает, как долго, сколько еще лет и десятилетий продлится отсутствие между Россией и Японией мирного договора. Но чем больше затягивается такого рода аномалия, тем более велики должны быть усилия, направляемые на ее ослабление, на то, чтобы экономические, общественные, культурные и научные связи между обеими странами успешно развивались»[10].

В 90-е годы на волне всплеска массового интереса к дальневосточному соседу в нашей стране появилось новое и чрезвычайно примечательное явление в отечественном японоведении – периодические издания, посвященные именно Японии. Среди них есть как научные («Знакомьтесь – Япония», «Японский опыт для российских реформ»), так и научно-популярные («Япония сегодня», «Япония: путь кисти и меча», «Боевые искусства Японии. Додзё»). Они не только расширили поле для публикации работ профессионалов-японоведов, комментариев, статей и очерков журналистов, но и значительно увеличили аудиторию потребителей самой разнообразной информации по Японии. Начиналось это непривычное и трудоемкое дело, можно сказать, с нуля, но были энтузиазм и огромное желание адекватно, как можно более профессионально удовлетворить «жажду» российского читателя узнать «все о Японии».

Долгое время в нашей стране лишь небольшой круг исследователей располагал разносторонней научной информацией о Японии, несмотря на то, что интерес к ней всегда был присущ русскому, советскому обществу. В самом начале 70-х годов появляется уникальное издание – «Япония. Ежегодник». Не одно десятилетие это было единственное периодическое издание, посвященное исключительно Японии, что и привлекало к нему читателей. Целью издания ежегодника было «удовлетворить растущий интерес к дальневосточному соседу Советского Союза – Японии и дать читателям в концентрированном изложении достоверные сведения по наиболее острым и актуальным проблемам весьма сложной и динамичной жизни Японии»[11]. При этом особо подчеркивалось, что главная задача издания – содействовать делу развития добрососедских отношений между нашими странами, углубления взаимопонимания и дружбы между их народами. Отнюдь не

[10] *Певзнер Я.* Шаг вперед в российском японоведении. – Мировая экономика и международные отношения. 2003, № 1.

[11] Япония 1972. Ежегодник. М., 1973, с. 5.

случайно первый выпуск ежегодника 1972 г. открывался специальным разделом, посвященным советско-японским связям.

Объективно в советский период существовали достаточно благоприятные условия для развития страноведческих исследований по Японии. В условиях осложнений на восточном направлении внешней политики ввиду жесткой конфронтации с КНР, Советский Союз «вынужден был активизировать поиски путей к полной нормализации государственных отношений с другим мощным дальневосточным соседом Японией, расширению взаимовыгодного сотрудничества с ней»[12]. Одновременно резко возрос и общественный интерес к Японии, к «секретам» ее послевоенного бурного экономического развития, истории и самобытной культуры. Рост правительственного и общественного интереса к Японии значительно расширял круг исследований по японской тематике, ориентировал на углубленное, по возможности, объективное исследование, формировал уважительное и дружественное отношение к стране и ее народу.

Ежегодник задумывался не как справочно-статистическое издание, а как своего рода комплексное исследование, подводящее итоги важнейшим событиям в жизни Японии, происшедшим в год, предшествующий выходу его в свет. В этом смысле и следовало понимать заголовок данного издания: например, «Япония 1972. Ежегодник», т. е. события данного года рассматривались через призму событий и статистического материала минувшего, 1971 г. На протяжении многих лет каждый выпуск непременно включал обзорные статьи по экономике, внутренней и внешней политике, статьи проблемного характера, часто посвященные дискуссионным вопросам, справочные и информационные материалы, сообщения о работе отечественных японоведов, библиографию, документы, хронологию.

В советское время тиражи ежегодника, достигавшие нескольких десятков тысяч, кажутся сегодня невероятными. Однако издание находилось под жестким идеологическим контролем «инстанций», чье вмешательство далеко не всегда было квалифицированным. Они весьма неодобрительно смотрели на попытки авторов и редакционной коллегии сделать ежегодник более интересным и разнообразным по тематике, более привлекательным для читателя-неспециалиста.

Ежегодник был фактически единственным связующим звеном для всех японоведов, работавших в различных, не только научных организациях, и живших в различных городах огромной страны. В первой половине 90-х годов цензуры не стало. Однако в связи с резко обострившейся экономической ситуацией в стране фактически прекрати-

[12] Япония 2001–2002. Ежегодник. М., 2002, с. 6.

лось финансирование науки в целом и соответственно данного издания. Лишившись государственного финансирования, ежегодник чуть было не прекратил свое существование. Однако авторы, несмотря на практически полное отсутствие уверенности в том, что их труды увидят свет на страницах ежегодника, продолжали работать, и его портфель никогда не был пустым.

Сбой в регулярном выпуске ежегодника произошел только один раз, в 1991 г. В трудные 90-е годы этому изданию помогла не только выжить, но и обрести новое дыхание поддержка Японского фонда, которую он оказывает через российскую Ассоциацию японоведов. Весомая поддержка Японского фонда, целью работы которого является распространение за рубежом знаний о жизни и культуре своей страны, дает некоторым повод утверждать, что принятие такой помощи может помешать объективному изучению Японии. Однако очень ответственно следует сказать, что никогда не было никакого вмешательства со стороны Японского фонда в работу редакционной коллегии ежегодника. Российские японоведы выражают искреннюю благодарность за бескорыстную материальную поддержку этого уникального издания.

В 90-е годы меняется формат ежегодника, поскольку расширяется тематика публикаций, и принятый ранее метод подведения итогов за год оказался слишком узким для рамок этого издания. Принимается решение издавать ежегодник, указывая в названии год ушедший и год текущий, например, «Япония 1994–1995. Ежегодник». Теперь в ежегоднике все больше публикуется исследовательских материалов по самым разнообразным темам.

За более чем три десятилетия издания ежегодника вокруг него сформировался устойчивый круг постоянных, высококвалифицированных авторов: А. Сенаторов, С. Маркарьян, Ю. Денисов, И. Лебедева, И. Цветова, Э. Молодякова, И. Тихоцкая, И. Тимонина, Т. Матрусова. На протяжении 90-х годов этот круг значительно расширился за счет активного нового поколения: В. Молодякова, П. Подалко, М. Ковальчук, Д. Стапран. Подсчет персонального числа публикаций, проведенный А. Сенаторовым, «показывает примечательное явление – непрерывный, ставший особенно заметным за последние десять лет, рост участия женщин в японоведческих исследованиях. В общей численности авторов (более 240) на их долю приходится чуть более 10%, но с 1990 г. по настоящее время им принадлежит более трети всех публикаций»[13].

[13] Там же, с. 8.

К традиционным рубрикам постепенно добавляются новые разделы. Подтверждением тезиса о том, что история служит «инструментом осмысления происходящего», является популярность ставшей постоянной в 90-е годы рубрики «Страницы истории». В самые последние годы в ежегоднике появляется рубрика «первая проба пера», потребность в которой продиктовал пока еще слабо, но все-таки обозначившийся интерес к исследовательской работе у молодых японоведов. Начинающие авторы, большей частью аспиранты из различных научных центров и учебных заведений пока еще только Москвы, демонстрируют достаточно высокий уровень научной подготовки.

Возможности широкого общения не только с учеными-коллегами из разных стран, но и с дипломатами, политиками, бизнесменами подсказали название еще одной новой рубрики – «Наши интервью». Открывает ее вполне естественно и закономерно интервью с человеком, который во многом помог сохранению и развитию японоведения в трудный период, дипломатом и писателем Кавата Акио. Он не только содействовал получению грантов для исследовательских и издательских проектов, но и в течение нескольких лет работы в России организовывал через Центр по изучению современной Японии в своем особняке в центре Москвы достаточно регулярные семинары-встречи, посвященные проблемам экономики, истории, культуры. Такие встречи помогают японоведам поддерживать человеческие и научные контакты.

Как уже говорилось, первоначальная концепция издания, сохранявшаяся на протяжении двух десятилетий, предполагала, что ежегодник будет ориентирован на современность, в основном на экономику и политику, уделяя определенное внимание и другим аспектам, прежде всего культуре и российско-японским отношениям. Новая концепция, во-первых, расширила тематику публикуемых статей, во-вторых, отошла от принципа «обо всем понемногу». Разумеется, это не означает, что все статьи сборника подчинены только одной теме. Предпринимается попытка задавать очередному ежегоднику какую-нибудь доминирующую тему. Например, в юбилейном выпуске за 2001–2002 гг. была сделана тематическая ориентированность в сторону внешней политики и внешнеэкономических связей, а в выпуске 2003–2004 гг. – в сторону культуры.

Это издание открыто для сотрудничества со всеми желающими. При определенном сокращении по объективным и субъективным причинам числа японоведов в нашей стране очень отрадно активное участие в нем российских исследователей, живущих в Японии. Весьма продуктивным может стать сотрудничество и с японскими коллегами по научной работе, о чем свидетельствует опыт публикации трудов

некоторых японских исследователей не только в ежегоднике, но и в других проектах. В целом можно сказать, что издание ежегодника – серьезного научного исследования – представляет собой заметный вклад в развитие японоведения в современной России.

Не секрет, что в постперестроечный период нарушились существовавшие прежде хорошие научные связи между японоведами, живущими и работающими в разных городах нашей огромной страны. К сожалению, теперь в Москве мы мало знаем, как говорится, чем живут и дышат наши коллеги, например, во Владивостоке, где всегда существовала сильная школа японоведов. Сложилась парадоксальная ситуация, когда московским японоведам легче встретиться с дальневосточными коллегами в Японии, чем в Москве.

Еще в 1900 г. во Владивостоке был основан один из старейших научных журналов «Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета». Затем на долгие десятилетия он прекратил свое существование, и его издание было возобновлено лишь в 1994 г. В последние годы при поддержке Японского фонда раз в год в рамках этого журнала издается специальный выпуск «Япония». На его страницах мы встречаем имена наших старых друзей-коллег – З. Моргун (главный редактор), Т. Бреславец, Е. Верисоцкой. Усилиями редколлегии в журнале печатаются труды ученых нового поколения японоведов, часть которых плодотворно работает в Японии (М. Ковальчук, П. Подалко, А. Прасол). Традиционно японоведы Дальнего Востока уделяли основное внимание литературоведению, лингвистике, истории, но в последнее время обозначился серьезный интерес к экономике и современным проблемам Японии и в целом региона АТР.

В рамках деятельности Центра по изучению современной Японии с 1993 г. издается ежеквартальный журнал «Знакомьтесь – Япония». Его бессменным редактором является доктор экономических наук, профессор В. Рамзес. Практически впервые в нашей стране на страницах этого журнала авторы получили возможность широко и открыто высказываться по самым разным проблемам Японии. Здесь были опубликованы материалы, которые до того нередко писались «в стол», потому что не соответствовали набору тем, которыми следовало заниматься, либо из-за так называемого «мелкотемья», либо потому, что якобы были «не интересны советскому читателю». В круг таких проблем попадало многое из того, что относится к культуре, религии, быту, повседневной жизни японцев.

По заявлению членов редколлегии журнала, они хотели сделать из него «обильный, фонтанирующий источник самых разнообразных (но

непременно правдивых и деидеологизированных!) сведений о державе, которая не устает поражать мир»[14]. Действительно, читатели новой России, которая вступила на путь решительных перемен, хотели понять, где сокрыты пружины невиданного прогресса японской экономики, куда устремлены внешнеэкономические интересы Японии, что происходит в ее политической и культурной жизни, как живет народ страны, которая является нашим ближайшим дальневосточным соседом? На эти и многие другие вопросы, которыми задаются не только специалисты, но и все, кто интересуется Японией, со страниц журнала отвечают лучшие японоведы-профессионалы. По установившейся традиции, «Знакомьтесь – Япония» начинается с рубрики «экономика». Вспомним, что в советские времена это была ведущая область исследований по Японии, и именно тогда сложилась первоклассная школа исследователей, и многие ее представители приняли самое активное участие в формировании нового журнала. Достаточно назвать имена Я. Певзнера, Е. Леонтьевой, С. Маркарьян, А. Кравцевича, В. Зайцева. Политика, история, социология тоже достойно представлены в журнале. По этим проблемам много публикаций А. Сенаторова, Д. Стрельцова, А. Загорского, В. Молодякова, А. Кириченко, В. Бунина. Б. Славинского и др. Стоит отметить особое, заинтересованное внимание к проблемам культуры, религии, образу жизни, ко всему, что касается духовной жизни японцев. На эти темы пишут историки, культурологи, литературоведы, журналисты: Т. Григорьева, Н. Николаева, И. Боронина, А. Садокова, Э. Молодякова, И. Кожевникова и др.

Постоянным разделом журнала стала публикация переводов японской прозы и поэзии, а также мемуарных зарисовок писателей, художников, людей разных профессий, влюбленных в Японию. Редакторы поставили перед собой грандиозную задачу опубликовать в прекрасном переводе Т. Соколовой-Делюсиной полный текст шедевра средневековой литературы «Повести о Гэндзи» Мурасаки Сикибу. Возможно, публикация в журнале на протяжении многих лет привлекает внимание все новых и новых читателей к этому роману. Тоже можно сказать и относительно воспроизведения в журнале переводов стихов Басё, а также из антологии «Манъёсю», сделанных известными переводчиками В. Марковой и А. Глускиной. Не обойдены вниманием и произведения современных писателей.

Листая страницы 37 вышедших номеров журнала «Знакомьтесь – Япония», ясно осознаешь, какой огромный массив новой информации и серьезных аналитических комментариев практически по всем ас-

[14] Знакомьтесь – Япония. М., 1992, с. 3.

пектам жизнедеятельности японского общества получил российский читатель за истекшее десятилетие.

Появление в середине 90-х годов периодического научного издания «Японский опыт для российских реформ», который выпускают Центр японских исследований Института востоковедения РАН и Ассоциация японоведов, достаточно эффективно удовлетворяет потребность в квалифицированных, профессиональных знаниях о Японии. Этой проблеме в данной книге посвящена седьмая глава.

Первым периодическим научно-популярным изданием, рассказывающим о Японии, стала ежемесячная 16-полосная газета «Япония сегодня» с цветными иллюстрациями, появившаяся в 1991 г. Создавая ее авторский коллектив исходил из того, что «история и география, – по словам М. С. Горбачева, – обрекли нас на нерасторжимое соседство. Со всех точек зрения – политической, экономической, культурной – мы нужны друг другу, можем быть полезны друг другу» [15]. С января 1994 г. эта газета превратилась в ежемесячный иллюстрированный журнал «Япония сегодня». У него есть соиздатели с японской стороны.

Постепенно журнал превратился в страноведческое издание самого широкого профиля. Рубрики о политике чередуются со статьями экономистов, исторические изыскания – с краеведческими зарисовками, рецензии новых книг о Японии – с антологией японской поэзии. Бесценным человеческим материалом стали исторические записки о судьбах россиян, волею судьбы оказавшихся в Японии, и о японцах, проведших годы на просторах нашей страны.

В определенном смысле этот журнал можно назвать «энциклопедией японской жизни». Не случайно, во многом используя публиковавшиеся на страницах журнала материалы, издательство «Япония сегодня» в 2000 г. издало популярную энциклопедию «Япония от А до Я». Более тысячи статей по самым разным аспектам японской истории, культуры, политики, экономики, огромное количество иллюстраций превратили это издание в уникальный срез жизни японского народа. Энциклопедия получила высокую оценку, в том числе руководителей обеих стран.

В 2002 г. появился еще один научно-популярный, ежеквартальный журнал «Япония. Путь кисти и меча». Этот журнал, в котором рассказывается об истории и культуре японцев, удачно занял свою нишу среди изданий по Японии. «Кисть и меч. Два лика Японии. Той Японии, которую мы любим. Мы, авторы этого журнала. Мы любим Японию не за экзотику, а за то, что она есть… И мы хотим поделиться с читателем своей любовью и знаниями. Мы расскажем вам про японцев и

[15] Япония сегодня. 2001, № 9, с. 3.

про историю, которую они прожили… Познавая Японию, мы познаем и себя»[16] – так определили цель издания нового журнала его учредители.

Два года издания подтверждают верность заявленной цели. Действительно, все материалы написаны не только очень профессионально, но в них чувствуется личная пристрастность, заинтересованность, любовь к тому, о чем пишут авторы. Большинство из них – прекрасные разносторонне подготовленные японоведы. Из номера в номер обогащается и расширяется содержание журнала, появляются новые рубрики.

Особо стоит обратить внимание на рубрику «Фонарь», в которой ее постоянная ведущая Е. Сахарова рассказывает о новинках, посвященных японской литературе и культуре, появляющихся на книжном рынке. Это своего рода «японская библиотека», и в ней представлены не только переводы японской прозы и поэзии, но и монографические работы российских исследователей, а также переводы зарубежных авторов. Анализируя поток новых изданий, Е. Сахарова отметила примечательное явление – тягу к художественному осмыслению Японии и японцев нашими соотечественниками, которые волею судьбы оказались в этой стране. Это – в основном художественно-документальные книги.

В эпоху Интернета (Рунета) появилась еще одна серьезная и авторитетная группа изданий, рассказывающих о Японии. К сожалению, пока отечественные японоведы не очень активно используют этот ресурс, возможно, полагая, что он мало подходит для публикаций серьезных ученых. На самом же деле – это очень широкое современное поле для деятельности японоведов-профессионалов.

В 90-е годы в условиях своего рода бума интереса к Японии наряду с новыми научными исследованиями появилось значительное число прекрасных переводов лучших художественных произведений древней и средневековой литературы, в первую очередь памятников. И это не было случайностью, поскольку в советский период классические дисциплины менее всего находились в поле зрения властей, и здесь трудились многие талантливые ученые. Именно они и сделали эти переводы. Следует заметить, что интерес к классическим литературным произведениям традиционно был высок в нашей стране. Много переводится и произведений современных японских писателей. В первую очередь на память приходят книги Мураками Харуки, который стал культовым писателем читателей нового поколения. К слову сказать, некоторые его произведения на русском языке появились сначала в Интернете.

[16] Япония. Путь кисти и меча. 2002, № 1, с. 3.

Одновременно на книжный рынок хлынул поток низкокачественных изданий, как российского, так и зарубежного производства, включая недоброкачественные переводы. В основном они посвящены самым популярным темам: военной истории, боевым искусствам, буддизму, кухне. Читателю, увлеченному всем японским, трудно разобраться в море подобной литературы, по этой причине издателям следовало бы чаще сотрудничать с учеными, а ученым-японоведам писать для массового читателя, а не только для коллег-специалистов. И в этом плане у Интернет-ресурсов большое будущее.

Среди Рунет-ресурсов чрезвычайно популярен информационно-накопительный сайт общества «Россия-Япония» (http:russia-japan.nm.ru), который называется «Окно в Японию». По своей наполненности он, вряд ли, имеет равных в сети. Созданный в 2000 г. сайт журнала «Япония сегодня» (www. japantoday. ru) достаточно быстро превратился в наиболее активно посещаемый источник информации о Японии. На нем также представлены электронные версии журнала «Япония сегодня» и энциклопедии «Япония от А до Я».

Не ослабевающий массовый интерес к Японии вызвал к жизни в 2003 г. еще одно интересное издание – «Японский журнал – japon.ru» (www.japon.ru). Пожалуй, это первый в Рунете именно журнал, организованный не как портал, накапливающий информацию, или сайт, несущий в сеть сведения о каком-то проекте, и не электронная версия журнала о Японии.

По мнению авторов этого издания, название имеет историческую подоплеку. Однажды Россию захлестнула волна моды на Японию – около ста лет назад. Тогда многие знания и представления об этой экзотической стране пришли в Россию через Францию и назывались на французский манер «жапонизмом». «Сейчас мы переживаем очередной сильнейший приступ «жапонизма». Новые технологии не отменяют красивых и стильных традиций, поэтому мы решили, что название в духе Серебряного века нам вполне подойдет», – пишут создатели журнала. Это – в принципе этнографический журнал, в котором охотно сотрудничают и японоведы-профессионалы. Журнал рассчитан на многотысячную аудиторию потребителей информации у нас в стране и за рубежом. Для них Япония – не предмет исследования, они воспринимают эту страну через ее культуру, быт.

Несмотря на большие сложности, возникшие в России в рассматриваемые годы, этот период оказался очень продуктивным. Отечественные японоведы серьезно расширили спектр исследований в первую очередь за счет того, что именно в это время стали открываться для работы исследователей российские архивы. Это дало им возможность не только

изучить огромный объем документов, но по-новому оценить те или иные исторические факты и события. Без доступа к данным архивам не состоялись бы научные исследования Б. Н. Славинского, Е. Л. Катасоновой, А. А. Кириченко, которые позволили осветить по-новому многие моменты советско-японских отношений. Еще один красноречивый пример – уникальный совместный труд российских и японских специалистов «ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941». (Москва, 2001). Это абсолютно новое явление, возможно, станет одним из путей к разработке совместных российско-японских проектов в разных областях.

О сокращении государственной поддержки научных исследований и изданий в России постперестроечного периода говорилось уже не раз, но следует признать, что, например, на исследованиях по истории и литературе Японии это особенно не отразилось. С большей или меньшей регулярностью они выходили все эти годы в разных городах, а сокращение тиражей было вызвано не падением интереса к их тематике, но сугубо экономическими причинами. Существовавшие профильные периодические издания и издательства не только не прекратили свое существование, но к ним, как говорилось выше, добавились новые.

С конца 80-х годов в России появилась возможность публиковать научные работы за счет автора или за счет частной спонсорской помощи, в том числе на базе профессиональных издательств. В последнее время все больший интерес к японской тематике проявляют крупные российские издательства, рассчитанные на массового читателя (хороший пример – «Вече»), однако, выпускаемые ими книги не всегда принадлежат перу специалистов и находятся на должном уровне.

В 90-е годы открываются новые возможности для успешного занятия научными исследованиями: расширяются научные контакты, увеличивается число зарубежных научных командировок, симпозиумов, конференций. Однако с сожалением можно заметить, что в японоведении за прошедшие годы практически не было никаких дискуссий по актуальным проблемам. Более того, японоведы оказались как бы в стороне от острейших дискуссий, в рамках которых на протяжении всего постперестроечного периода обсуждались, например, проблемы развития исторической науки в целом. Кроме того, в это время японоведы занялись, скорее, осваиванием огромного массива информации, чем сосредоточились на разработке новых концепций, оценке узловых проблем истории страны и жизнедеятельности общества. Можно назвать лишь концепцию «консервативной революции», разработанную В. Э. Молодяковым, и находящуюся пока в стадии разработки концепцию перехода страны от постиндустриального общества к информа-

ционному, или, как еще его называют, интеллектуальному обществу (Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарьян, А. И. Сенаторов, Ю. Д. Денисов). Думается, что проведение ежегодной общероссийской конференции, посвященной комплексному исследованию Японии, которую планирует организовать Ассоциация японоведов, могло бы восполнить этот пробел.

Экономические трудности, с которыми столкнулась в 90-е годы вся российская наука, привели в начале этого десятилетия к временному «старению» отечественного японоведения и оттоку молодых ученых в сферу так называемой практической деятельности (государственная служба, бизнес, преподавание японского языка), однако никакого кризиса пока это не вызвало.

В последние годы стало особенно заметным участие в научной жизни российских ученых, постоянно живущих и работающих за рубежом. В основном это – представители нового поколения японоведов. Естественно, экономические и социальные условия жизни научных работников в России не могли удовлетворить талантливую и честолюбивую молодежь, желавшую «делать карьеру» именно в науке. Это желание привело их в Японию, прежде всего, с помощью различного рода стипендий и грантов, за которые следует быть искренне благодарными. Возможность работать в библиотеках и архивах, ездить на международные конференции, наконец, просто заниматься своим делом в стабильных материальных условиях – вот некоторые из причин успеха их работы. Кроме того, резкое падение престижа научной и вообще интеллектуальной деятельности в России в первой половине 90-х годов привело к тому, что в науке остались лишь наиболее настойчивые и в то же время наиболее способные молодые ученые. Очень важно, что у них не прерывается связь с российским научным сообществом. Более того, благодаря их работам значительно расширилась тематика исследований, поскольку они имеют возможность непосредственно в стране пребывания изучать такие проблемы, как история японо-российских отношений, русская эмиграция в Японии и АТР, вклад русских в японскую культуру, православие в Японии и пр.

Достаточно внушительный обзор направлений научного поиска, проведенных в разных сферах страноведения, перечень периодических изданий по Японии и ресурсов Рунета, которые появились в постперестроечный период, свидетельствуют о востребованности японоведческих исследований в нашей стране.

Глава вторая

Образ Японии в сегодняшней России: стереотипы и реалии

Ушел в прошлое XX век, ушла эпоха, окончание которой, помимо всего прочего, ознаменовалось и тем, что Россию потрясли события, кардинальным образом изменившие ее облик, уровень жизни и даже психологию людей. Серьезные перемены произошли и во внешней политике. Среди многообразия вопросов, вставших перед новой Россией, не последнее место заняла проблема отношений с Японией, соседствующей с нами на Дальнем Востоке, но удаленной от Москвы на многие тысячи километров. Это, хотя и традиционное, но все же странное состояние удаленности и соседства, притяжения и отталкивания, интереса и непонимания в последние годы характерно для российско-японских отношений как на официальном, так и на неофициальном уровнях, и вызвано, прежде всего, слабым знанием друг друга. Долгое время Япония была доступна для изучения и познания лишь узкому кругу российских исследователей. Она продолжает оставаться таковой и сейчас, но уже по другим причинам. Вместе с тем спрос на информацию об этой стране, всегда востребованный в России, ныне велик как никогда.

Сложная история двусторонних межгосударственных связей, довольно запутанная система отношений Восток-Запад и обилие мифов привели к тому, что сегодня Япония для России – во многом символ и образ. Часто этот образ имеет мало общего с оригиналом и сводится к группе устойчивых стереотипов. Тогда он по праву именуется «японским мифом». В конце 90-х годов XX в. Россию, особенно ее развитые, университетские центры (Москву, Санкт-Петербург, Самару, Екатеринбург и некоторые другие города) захлестнула новая, вторая за последние сто лет, волна безотчетно любовного интереса к Японии.

Как и сто лет назад, сейчас наиболее популярна в России та Япония, которой не существует. При этом важно отметить, что стереотипные образы, ее составляющие, создаются одновременно на нескольких

уровнях и в нескольких направлениях. Усиленная работа японцев над имиджем своей родины – черта, которой можно позавидовать и которую следовало бы перенять, и аутотренинг русских, тщательно раздувающих в своих сердцах огонь любви к далекой маленькой стране, привели к тому, что реальная Япония почти полностью ушла в тень романтической Страны восходящего солнца. Это не имело бы особого значения ни для русских, ни для японцев, если бы так часто не накладывало отпечаток на серьезные проблемы, стоящие перед нашими государствами. История нашего соседства не так проста и омрачена военными конфликтами. Это не только сказывается на имидже, но и зависит от него. В таком случае вполне логично поставить следующие вопросы: «Кто и как формирует образ Японии? Насколько реальна та Япония, которую представляют себе в России, существует ли она вообще?» Попробуем хотя бы частично ответить на них.

Любые образы, включая образы глобального масштаба, с одной стороны, строятся на фактах, а с другой – на воображении. Поэтому в формировании образа страны важную роль играют имиджмейкеры, политики, журналисты, писатели, даже туристы, т. е. все, к кому обращено внимание аудитории. Кроме того, создание имиджа любого государства происходит параллельно на двух уровнях: официальном и приватном.

Приватный имидж – продукт самообразования, спонтанного интереса к стране, частного, дружеского общения с ее гражданами. Этот процесс вполне индивидуальный, и он имеет прикладной характер, ограниченный десятком книг и альбомов, кулинарным опытом, экзотическими вкраплениями в интерьер и одежду. В отношении россиян к Японии приватный имидж часто становится первой (но не всегда последней) ступенью в создании образа чужой страны, и в этом его отличие от формирования отношения ко многим иным странам.

Официальный имидж – дело довольно скучное, циничное, порой опасное. На официальном уровне создание образа государства тесно связано с политикой, а потому некоторые его механизмы скрыты от посторонних глаз. Более того, знакомство с ними может нанести психологическую травму людям, уверенным, что их впечатления о стране никак не связаны с подковерной борьбой политиков и крупного бизнеса, т. е. с властью. Но, как известно, даже если вы не занимаетесь политикой, она все равно занимается вами.

Используя средства массовой информации, частные контакты, власть может в значительной степени контролировать процесс создания имиджа своей страны в глазах иностранцев и нередко это делает. Открытая пропаганда своих достижений, реклама превосходства своего образа жизни, т. е. то, что исследователь В. Э. Молодяков обозначает

как «жесткое моделирование образа»[1], особенно активно использовалась теми странами, большинство которых уже не существуют на карте мира: Британской колониальной империей, нацистской Германией, Советским Союзом. Исключение, пожалуй, составляют лишь США, давно и упорно расхваливающие американские ценности и образ жизни и подкрепляющие пропаганду активными действиями своих корпораций и морских пехотинцев по всему миру. Думается, что это – все же порочный путь, а главное, он практически никогда не применялся Японией для моделирования своего имиджа за рубежом.

Гораздо больший интерес в нашем случае представляет так называемое «мягкое моделирование»[2] облика страны и непосредственно связанный с ним приватный уровень формирования имиджа. Этот путь создания благоприятного образа государства более труден, долог и незаметен. Но и эффективность его может оказаться значительно большей. Общие принципы мягкого моделирования образа сводятся к использованию естественной тяги людей, особенно высокообразованной части общества, к познанию чужой страны.

Давно известно, что человеку свойственно приравнивать видимое к действительному, образ к реальности и в дальнейшем руководствоваться не объективной информацией, а лишь теми впечатлениями, которые получены от первого, наиболее яркого соприкосновения с образом. Если же речь идет о познании чего-то нового или экзотичного, практически бесполезного в реальной жизни, но красивого, заманчивого, то тут открываются просто необъятные перспективы для мифотворчества. Мягкое моделирование и рассчитано на то, что человек сам придет к заключениям, необходимым для страны, создающей свой имидж. Каждый индивидуум склонен делать вывод из личных наблюдений и затем считать этот вывод правильным. Таким образом, для формирования нужного мнения достаточно лишь незаметно подтолкнуть человека к тому, что он хочет увидеть. Особенно высока эффективность такого приема при его использовании по отношению к представителям творческой интеллигенции, широкой прослойки ученых (и крайне низка в отношении, как правило, цинично настроенной политической элиты России). К мнению творческих людей прислушиваются на их родине, и даже если их мнение кому-то не нравится, оно все равно будет озвучено. Они – «звезды» в своей стране и, следовательно, потенциальные имиджмейкеры. Они встречают в Японии самый теплый прием, вполне соответствующий их рангу и наводящий на мысли об их популярности здесь. Смыкая два уровня формирования

[1] *Молодяков В. Э.* Моделирование образа Японии. – Япония: переворачивая страницу. М., 1998, с. 127.

[2] Там же, с. 128.

образов (официальный и приватный) им показывают лучшие стороны японской жизни, дают возможность пообщаться с представителями местной элиты, размещают в престижных гостиницах, организовывают пресс-конференции, экскурсии и т. д. Не удивительно, что в результате такого «познания» Японии многие из представителей этой «активной фракции общества»[3] навсегда проникаются искренней любовью к этой стране. Кроме того, краткость пребывания в Японии не всегда дает им возможность перейти на следующие уровни страноведения. По мере того, как увеличивается продолжительность пребывания в чужом краю, восторг свободы и удивление экзотикой у иностранца нередко сменяются полным неприятием чуждых порядков и привычек, и лишь затем (да и то далеко не у всех) формируется объективный взгляд на страну. Мало кто из приглашенных в Японию интеллектуалов имел возможность находиться здесь долго, а потому совершено естественно, что яркие и, как правило, восторженные, впечатления этих людей от первой встречи со Страной восходящего солнца тиражируются потом российскими средствами массовой информации. Таким образом, усилия японцев по созданию положительного образа своей страны оказываются полностью оправданы. Как точно заметил В. Э. Молодяков, «ввести таким путем в заблуждение даже мыслящего человека (если он не является патологическим японофобом) труда не составит».

В то же время, очень важно сознавать, что мягкое моделирование отличается от жесткого тем, что человеку на самом деле дается возможность знакомства с лучшими сторонами жизни страны. Япония в этом смысле уникальна – она в состоянии предоставить практически неограниченный набор составляющих своего образа на любой вкус. Не случайно говорят: «Япония хороша тем, что у каждого она своя». Если человеку не нравится политика, скучна экономика, если его не интересуют живопись и литература, он все равно найдет для себя нечто такое, что «западет» ему в душу – будь то искусство икэбана или каратэ. Да и вряд ли кто-то будет спорить с тем, что сад камней храма Рёандзи прекрасен, что в современной Японии производятся отличные автомобили и высококлассная электроника, а средняя продолжительность жизни – самая высокая в мире. Наконец, следует заметить, что многие звезды попадают в эту страну не только по приглашениям различных фондов, центров обмена и тому подобных организаций, целенаправленно использующих в своей работе имиджмейкерские технологии, но и по инициативе «рабочих» организаций – оргкомитетов разнообразных фестивалей, писательских конференций и пр. И тем не менее «пиаровский» эффект от таких поездок тоже имеет место.

[3] Термин принадлежит герою романа Бориса Акунина «Внекласное чтение».

Японцы не скрывают от русских или от кого бы то ни было многочисленных проблем своей страны, а некоторых из них даже раздражает наше безотчетное упоение Страной восходящего солнца. Видный японский дипломат и писатель А. Кавато в свое время высказался по этому поводу с явно не дипломатической прямотой: «Наибольшей популярностью в России пользуется Япония, которой не существует». Таким образом, заподозрить японцев в сокрытии теневых сторон жизни было бы неверно. Скорее, мы в России пока не готовы говорить о Японии объективно. Мы хотим сказок, но, как выразился известный японский славист М. Нумано, – «это проблема русской культуры, а не японской»[4]. Более того, профессор Нумано, подтверждает вероятность ухудшения в целом позитивного имиджа Японии в результате более глубокого знакомства россиян с различными сторонами жизни соседней страны: «Да, такое развитие событий возможно. Если сейчас у России к Японии существует романтическая любовь, то это во многом из-за того, что между нами большое расстояние и немного непосредственных контактов. Если люди узнают друг друга ближе, подробнее, конкретнее, то становятся видны некоторые детали, которые могут вызвать шок у противоположной стороны. Наверное, многие русские разлюбят Японию… Но идет объективный процесс интеграции мира. Только через него, через более глубокое знание друг друга мы можем прийти к новому качеству знаний, к уважению, симпатии»[5].

Безусловно, было бы странно, если бы Япония не использовала свои огромные возможности для мягкого моделирования своего образа в глазах иностранцев. Крупнейшие культурные инвесторы, например, Японский фонд, активно, но ненавязчиво моделируют имидж Японии в России, и этому можно только позавидовать и поучиться. В качестве ярких примеров активности Японского фонда за последние два-три года можно привести издание двухтомника произведений современных японских писателей «Он. Она», поездку в Японию популярного писателя и публициста В. Ерофеева, активное участие во Всемирной ярмарке литературы «нон-фикшн» в ноябре 2003 г. в Москве, приезд в Россию театра Кабуки, выпуск первых двух томов из новой – уже четырехтомной антологии современной японской литературы и, наконец, обширные мероприятия Фестиваля японской культуры в России 2003–2004 гг. Все эти акции, имеющие культурно-пропагандистский характер, оказались интересными для образованных россиян среднего возраста и достатка. Проще говоря, – это пока малочисленный,

[4] См. предисловие к тому «Он» двухтомника современной японской прозы «Он. Она» (М., 2001, с. 11).

[5] *Куланов А. Е.* Тайва. Разговоры о Японии. Разговоры о России, М., 2003, с. 208.

но перспективный «средний класс», или все та же «активная фракция». Однако следует заметить, что здесь Японский фонд довольно часто «промахивается», невнятно определяя свою целевую аудиторию и занимаясь предоставлением тех областей культуры, которые мало привлекают широкие и, что главное, заинтересовавшиеся Японией группы российских потребителей бренда под названием «Япония».

Ниши, оставленные Японским фондом свободными, занимают другие гуманитарные и образовательные организации, воздействующие, в первую очередь, на молодежь. Одним из самых известных и активных пропагандистов не только классической японской культуры, каким по сути своей является Японский фонд, но и современной Японии стал Центр молодежных обменов (Центр Обути). Его основной задачей является направление на учебу, стажировку и в ознакомительные поездки молодых людей из обеих стран, и именно эта деятельность видится наиболее перспективной и правильной с точки зрения усилий по моделированию объективно положительного образа такой страны, как Япония.

Тема отбора людей, приглашаемых в Японию за счет тех или иных фондов, интересна вообще сама по себе. Говорить о том, что наши студенты или стажеры подвергаются какой-то пропагандистской обработке, ни в коем случае нельзя – этого просто нет[6]. Лишь в учебниках японского языка для иностранных студентов, вроде широко известного учебника «Японский для всех» («Минна-но нихонго»), то и дело в разных грамматических формах повторяется одна и та же мысль: «Я хочу жить в Японии», «Я не планирую в ближайшее время возвращаться в свою страну», «Я решил работать в Японии» и т. д. Действительно, часть иностранных молодых исследователей остается в Японии на продолжительное время, используя стипендии других организаций, но вряд ли сейчас можно говорить об «утечке мозгов». Япония по своей привлекательности пока не может сравниться с США. Кроме того, чрезвычайно мешает языковой барьер[7].

В то же время интересно отметить некий социально-психологический феномен, известный автору как бывшему стажеру японского

[6] Тем не менее косвенным образом пропагандистский эффект достигается и в этом случае. Посетивший осенью 2002 г. Нижний Новгород директор Департамента по сотрудничеству с Россией МИДа Японии Имамура Акира с удовлетворением узнал, что в этом городе наряду с Японским центром создана Ассоциация участников стажировок в Японии, а очередь желающих изучать японский язык достигла 800 человек.

[7] Однако, несмотря ни на какие трудности, число русских, проживающих в Японии, увеличивается: в 1999 г. – 3297 человек; в 2000 г. – 4893, в 2002 г. – около 10 тыс. человек (по данным посольства РФ в Японии и официального статистического ежегодника «Нихон токэй нэнкан»). В эту статистику не включены граждане РФ, прибывающие в Японию по визам сроком на три месяца и менее.

университета и как редактору онлайн-журнала о Японии. При общении с молодыми и не очень молодыми российскими исследователями нельзя не заметить определенной разочарованности, открыто сквозящей в их умонастроениях. Большинство из них, хотя и подтверждают комфортность условий работы в Японии, особенно по сравнению с Россией, и приемлемые условия жизни (нарекания вызывает только трудно решаемая жилищная проблема), все же испытывает явное раздражение общим психологическим климатом в этой стране. Это объяснимо: в азиатской стране довольно трудно адаптироваться, и невозможность полноценного интегрирования в состав местного населения, постоянное выделение иностранцев на всех уровнях общения часто вызывают вполне естественное раздражение и неприятие. Интересно другое: общаясь с соотечественниками, вернувшимися на родину, замечаешь, что они не только стараются никак не показывать своего раздражения и усталости от жизни в Японии, но, наоборот, всячески избегают критики в адрес этой страны. Думается, это вызвано, прежде всего, существенной разницей в уровнях жизни России и Японии и, как следствие, боязнью навсегда потерять то, что имеешь, а также формированием у значительной части наших добровольных эмигрантов чувства превосходства по отношению к жителям собственно России. Это наблюдение в данном контексте важно тем, что постоянно растущая прослойка наших граждан в Японии вряд ли будет оказывать в ближайшем будущем сколько-нибудь заметное влияние на формирование образа Японии в наших глазах.

В отношениях России и Японии существует и еще один метод моделирования и формирования имиджа, который является самым старым и самым порочным. Речь идет о создании образа своей страны, используя третьи страны (прежде всего англоязычные). Одним из первых примеров такого подхода со стороны Японии было заключение о результатах посещения России миссией Ивакура в 1873 г. – «Достоверный отчет о поездке специального посольства в США и Европу», опубликованный в 1878 г. Этот документ был исследован российским историком из Осакского университета М. К. Ковальчук. Японская делегация, которая пробыла в России всего 16 дней (по сравнению с 14-тью месяцами в Соединенных Штатах и Европе), сделала выводы, в значительной мере почерпнутые из англоязычных источников и имевшие откровенно предвзятый характер[8]. Но еще почти за 10 лет до этой публикации русский путешественник М. И. Венюков писал: «Постоянными усилиями европейцев, особенно англичан и французов,

[8] Подробнее см.: *Ковальчук М. К.* Миссия Ивакура в Санкт-Петербурге. Анализ впечатлений японских посланников о России сто тридцать лет спустя. – Япония 2002–2003. Ежегодник, М., 2003, с. 249.

русское имя несколько дискредитировано в Японии... Все усердно внушают японцам, что Россия их главный и самый опасный враг... Всякий русский корабль... кажется потому японцам чуть не авангардом завоевательного флота, каждый русский путешественник – тайным агентом»[9].

Увы, с тех пор мало что изменилось. Из-за слабой популярности России и откровенной несамостоятельности Японии во внешнеполитической сфере, Токио до сих пор ко многим вопросам, в том числе касающимся отношений с Москвой, подходит с атлантистской точки зрения. Чего стоит хотя бы признание авторов одиозной книги «Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией». Они утверждали, что пресловутый «территориальный вопрос», о который уже несколько десятилетий разбиваются попытки наладить более тесные отношения между нашими странами, был фактически инспирирован США. По их мнению, «семена раздора между Японией и Советским Союзом были посеяны Дж. Ф. Даллесом»[10]. Не менее шокирующими оказались для россиян слова японского политолога Хакамада Сигэки, о возможности отхода Японии от своих позиций безъядерной, антимилитаристской державы под давлением заокеанских союзников[11].

Определенную опасность представляет и получение через третьи страны искаженной информации, касающейся Японии. Но эта проблема в России не стоит так остро в связи с быстрым увеличением числа людей, владеющих японским языком, да и по причине упоминавшейся активности японских культурных и информационных организаций, а также отдельных людей, служащих «культурным мостиком» между нашими странами. «Англосаксонский» акцент в России явно слышится, пожалуй, лишь в таких словах, как «суши» и «сашими» (согласно официальной «поливановской» транскрипции их следует произносить как «суси» и «сасими»). Пожалуй, еще книги по боевым искусствам и дзэн-буддизму по-прежнему часто переводят с английского языка, вводя в оборот все ошибки и стереотипы западных исследователей, которые далеко не всегда толком знакомы с тем, о чем они пишут. Видимо, большинству наших японоведов эта тема пока представляется слишком «популистской», а потому не заслуживающей особого внимания, что совершенно несправедливо. Боевыми искусствами в России занимаются около 5 млн. человек. Это – едва ли не самый высокий показатель в мире, и, судя по всему, этот показатель

[9] *Венюков М.* Очерки Японии. СПб., 1869.

[10] Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. 88 вопросов от граждан России. М., 2000, вопрос 34.

[11] Сигэки Хакамада об имидже Японии. – www.japon.ru.

больше, чем на родине каратэ и айкидо! А тяга переводить с английского все подряд, «лишь бы о Японии», может привести к курьезам. Недавно одно издательство собралось заняться переводом «Повести о Гэндзи», видимо не зная, что перевод этого классического произведения на русский язык давно выполнен, и не с английского, а с японского языка.

Что же видят россияне в Японии, которая освещается и предвзято, и бескорыстно, описывается и профессионалами, и дилетантами, мягко подается на ежегодных фестивалях японского кино в Москве и грубо требует вернуть «северные территории» на Дальнем Востоке?

Самое интересное в формировании образа Японии в России то, что оно осуществляется во многом усилиями самих россиян. Мы сами придумываем Японию, в которую потом начинаем верить. Происходит как в одной популярной песенке: «Я его слепила из того, что было, а потом, что было, то и полюбила».

Последний, достаточно объективный опрос был проведен в марте 2001 г. 130 экспертами фонда «Общественное мнение» под заголовком «Будущее России и Японии»[12]. С учетом внутриполитических реалий нашей страны можно полагать, что в ближайшие четыре года результаты опроса вряд ли претерпят существенные изменения. Из полученных данных следует, что 56% россиян считают Японию дружественным государством, несмотря на наличие нерешенных проблем, о которых осведомлен 91% опрошенных. Аудиторию, настроенную положительно по отношению к Японии, эксперты характеризуют следующим образом: «Возраст – от 18 до 35 лет, сторонники Путина, оптимисты». Основная часть этих людей – гуманитарии, студенты и люди с высшим образованием, 2/3 опрошенных – мужчины.

Недружественной Японию считают в среднем 27% респондентов. А на Дальнем Востоке эта цифра поднимается до 43% общего числа опрошенных. Там Япония не выглядит в большинстве случаев далекой, сказочной страной с вечно цветущей сакурой, жители которой напоминают своими добродетелями Бодхисаттв. На нашем Дальнем Востоке Страна восходящего солнца, от которой впадают в сладостное оцепенение японофилы европейской части России, почти полностью лишена романтического ореола и ассоциируется, скорее, с инвестициями, поставками подержанных автомобилей и борьбой за острова Южно-Курильской гряды.

Вне зависимости от географического фактора не испытывают симпатий к Японии сторонники коммунистической партии и респонденты в возрасте старше 35–40 лет, живущие в удалении от крупных городов, если так можно выразиться, люди социально напряженные.

[12] www.japan today.ru.

Вообще, социальная составляющая – одна из наиболее значимых переменных в определении отношения к той или иной стране, и положительное восприятие напрямую зависит от уровня жизни воспринимающей стороны.

Если же говорить о большинстве опрашиваемых, – а данное исследование позволяет считать, что с симпатией к Японии относится большинство россиян, – то, анализируя их высказывания, мы получим тот самый набор штампованных мифов, из которых формируется образ их «любимой Японии».

1. Экономическое чудо: электронная империя, «страна Sony и Toyota».

2. Японский характер: трудолюбие и организованность, высокий уровень образования населения – «там все умные».

3. Страна с высочайшей культурой: «все пьют чай и выращивают цветы».

4. Страна гейш и самураев: все занимаются боевыми искусствами, женщины ходят в кимоно и составляют цветочные композиции – икэбана.

Зрительным, практическим апофеозом такого поверхностного отношения к Японии и моды на все японское в Москве может, вероятно, считаться празднование Нового года (2004 г.) в Гостином дворе, организованное компанией известного танцовщика А. Лиепы. Безусловно, хорошая японская кухня и балетные композиции на восточные темы в течение всей ночи стоят немалых денег. Однако позволить себе отдать за билет на это представление более 2 тыс. долл. могут только русские, влюбленные в Японию издалека и не находящие времени, чтобы примерно за те же деньги слетать в страну своих мечтаний на неделю.

Кстати, на главной странице сайта одной из российских туристических фирм можно найти своеобразное резюме сказанного нами выше: «Миру явились самобытнейшие образы Японии: величественная гора Фудзияма, цветущая ветка сакуры, пленительные гейши, яростные самураи, изящные кимоно, утонченные гравюры укиёэ, чайные церемонии...»

«Самобытнейшие образы» не меняются со времени «открытия Японии» европейцами. За это время страна пережила трех императоров, победила Россию в войне, захватила половину Азии, была разгромлена, испытала две атомные бомбардировки, стала второй экономической державой в мире и выиграла у России в футбол. Чем вызван столь упорный отказ россиян от понимания того, что в Японии давно нет самураев, а гейш многие японцы не видели ни разу в жизни? Почему мы уверены, что подавляющее большинство японцев каждый день занимается чайной церемонией, когда в жизни они предпочитают

более крепкие напитки? Что нас так влечет к этой стране, почему мы ждем от нее чего-то сверхъестественно хорошего?[13]

Российский исследователь А. Е. Жуков объясняет этот странный феномен тем, что еще в советское время был создан стереотип Японии как привлекательной страны для зажатых многочисленными ограничениями советских людей: «Япония вызывала особый интерес как пример общества, сумевшего сохранить национальную самобытность, несмотря на любые преобразования и внешние влияния. При этом в соответствии с общественной потребностью степень японской самобытности зачастую преувеличивалась, но фактически подразумевалось, что подобная самобытность свойственна и другим народам мира»[14]. Конечно, нам в этом помогли и жители Страны восходящего солнца с помощью известных уже технологий моделирования образа, опирающихся в то время в своей идеологической основе на теорию культурного национализма «нихондзинрон». М. Нумано свидетельствует: «Сами японцы, долгое время утверждавшие, что никакому иностранцу недоступны все эти “ваби”, “саби” и дзэн-буддизм, что “уникальная” красота по-японски понятна только самим японцам, внесли свой существенный вклад в создание этого мифа о “непознаваемой” японской душе»[15].

В результате такого «творческого самовозбуждения» уже несколько десятилетий Япония с точки зрения большинства россиян выглядит вполне гармонично, представляя собой идеальное для многих из них сочетание высокого материального уровня жизни и развитых духовных потребностей.

Этой гармонии не хватает нам в представлениях о другом высокоразвитом в экономическом плане государстве – США, – к культуре которого россияне традиционно относятся скептически, а самое главное, именно этой гармонии не хватает самой России. Постоянные признания самих японцев об отсутствии в их стране национальной идеи в расчет не принимаются. Располагая стойким набором стереотипов об экономическом чуде, находясь под давлением штампов о «стране, совершившей рывок в будущее, но сохранившей национальный дух вместе с кимоно», испытывая многолетний недостаток информации о реальной Японии, а также технологии мягкого моделирования имиджа, россияне придумывают некое идеальное общество на Японских островах.

[13] Вполне вероятно, что популярность «АУМ синрикё» отчасти была вызвана бездумно положительным имиджем Японии в России.

[14] *Жуков А. Е.* Японское зеркало: факторы формирования представлений о Японии в странах Запада и России. – http://www.comitet21.ru.

[15] *Куланов А. Е.* Тайва. Разговоры о Японии. Разговоры о России, с. 272.

Негативные стороны жизни современной Японии в России почти не известны. Информация о них интересует нас мало – обидно, когда разрушаются сказки. Этот нюанс удачно подметил кумир российской молодежи, популярный переводчик Д. В. Коваленин: «Большинство людей в нашей теме делятся на две категории – на практиков и тех, кто один раз увидел какую-то свою Японию и довольствуется этим, и не хочет больше никакую, отличную от этого представления, Японию видеть. Как надпись в гостевой книге у нас на сайте[16]: “Что вы мне говорите про какую-то настоящую Японию! Мне уютно в той, которая мне нравится, которую я выдумал, которую я создал! Я люблю самураев, люблю гейш, люблю средневековые буддийские храмы, сямисэны. Не разрушайте мою сказку!”»[17].

Однако японцы сами все чаще разрушают придуманную ими когда-то и доведенную русскими до абсурда сказку. Необходимость объективного показа Японии понимают ее лучшие представители. Последние два-три года были отмечены их активной «имиджбрейкерской» деятельностью в Москве. Еще в 2000 г. М. Нумано прочитал здесь лекцию «Не только самурай и гейша», предварявшую выход сборника «Он. Она», который нанес удар по мифу об уникальности литературы Страны восходящего солнца: «Образовался довольно серьезный разрыв между массовыми, часто идеализированными или просто искаженными образами традиционной Японии, которой уже давно нет, и той реальной Японией, какая она есть». Текст лекции до сих пор перепечатывается самыми разными изданиями, а в Интернете его можно найти даже на сайте клуба айкидо![18] Через год, выступая на факультете журналистики МГУ, композитор С. Сайгуса неожиданно для российских студентов заговорил не о японской поп-музыке, а о сексуальных проблемах японской молодежи и порнографии. Лейтмотивом его выступления стали слова: «Страна без Бога – страшная страна». Спустя два месяца в лекции «Современная Япония – мнимая и реальная»[19] А. Кавато рассказал о трудностях японской экономики периода глобализации, о стереотипных, лишенных всякого основания, представлениях о высокой стабильности японской культуры, затронув и вопрос падения общего интеллектуального уровня[20]. Наконец, эту тему продолжил в сентябре 2002 г. японский ученый, специальный советник кабинета министров Японии Т. Сакаия, рассказав москвичам

[16] Имеется в виду сайт http://www.susi.ru, с которым долгое время тесно сотрудничал Д. В. Коваленин.

[17] *Куланов А. Е.* Тайва. Разговоры о Японии. Разговоры о России, с. 210.

[18] www.aikiclub.ru.

[19] www.japantoday.ru.

[20] Кавато А. продолжил эту тему в статье «Подъем и падение “японской модели” экономики, способы реанимации». – Япония 2001–2002. Ежегодник. М., 2002, с. 165–197.

об идее перехода японского общества с индустриального типа развития на интеллектуальный и о трудностях, связанных с этим[21]. Результатом таких усилий стало гораздо более объективное, адекватное восприятие современной Японии – это легко можно было заметить уже осенью 2003 г. во время Всемирной ярмарки литературы «нон-фикшн», когда российские читатели встречались с японскими писателями с сознательным интересом, но без излишнего ажиотажа.

В России представляют Японию, как высокоинтеллектуальный социум (вспомним: «там все умные»). В понятие «интеллектуальность» закладывается сугубо российское определение этого качества – широкая образованность, начитанность. В нашей стране не понимают, да и не хотят понимать, что японская «интеллектуальность» не такая как у нас, – здесь важно знать, но не мыслить! Мы не должны мерить японцев по себе – это особый народ, особая страна, которая должна свои собственные трудности преодолеть сама! Нам достаточно (и полезно!) знать, что японцы интеллектуальны, но интеллектуальны технологично, индустриально. Они великолепно разбираются не в предмете, который изучают, а лишь в теме, на которой специализируются. В наукоемких, «индустриальных» областях знания такой подход оправдан, и, вероятно, именно он принес японцам заслуженную славу лучших производственников. Более того, попытка взглянуть на себя со стороны может кончиться для японцев весьма плачевно – то, что они увидят, может многих из них потрясти до глубины души. Точно так же, как при столкновении с японцами в вопросах, не касающихся непосредственно темы специализации, русских может ожидать шок – представитель этой страны с университетским образованием часто не знает вещей, с которыми в России знаком едва ли не каждый школьник. Это же касается и многих ученых. Автору не раз приходилось сталкиваться с ситуацией, когда специалист по русской литературе XIX в. не знает ничего о литературе XX в., и это совершенно нормально для Японии.

Кстати, «благодаря» этим особенностям Россию в Японии представляют крайне невнятно (еще более размыто, чем в России – Японию), и даже разговаривая со многими японскими учеными-русистами, нередко приходится выслушивать лишь до дыр затертые штампы о Достоевском, Чехове и непознаваемом русском характере. Такой подход к академическому образованию поощряется, а на широко образованных интеллектуалов «косятся» их коллеги. Нельзя не отметить, что и в Японии многие наиболее прогрессивные ученые начинают опасаться, что подобное погружение в узкую тему может когда-нибудь сыграть с нацией злую шутку. В своей лекции, адресованной, как видно из

[21] www.japantoday.ru.

предисловия к ней, «представителям европейских стран», Т. Сакаия, как настоящий японский чиновник, акцентирует внимание на хорошем, по его мнению, состоянии японской экономики, на высокой социальной стабильности японского общества, опровергает представления о рушащемся общественном укладе и падении нравов, и… делает парадоксальный, на первый взгляд, вывод: «Япония... так и не разработала концепции национальной идеи, свойственной обществу, ориентирующемуся на национальные ценности... Система образования ориентировалась на подготовку персонала для участия в массовом выпуске серийной продукции... Усилия преподавателей были сосредоточены не на развитии у детей позитивных задатков, а на преодолении имеющихся у них недостатков. Как следствие, многие дети (и в первую очередь наиболее одаренные из них) превратились в стандартных людей, лишенных как достоинств, так и недостатков... Мы должны пересмотреть... свой менталитет и свою систему».

Японцы, готовые воспринимать все, что угодно, но ничего не постигающие системно, могут оказаться (а возможно, уже оказались) под угрозой лишиться всего. Прежде всего, того, что так восхищает русских, – японской культуры. В. Ерофеев с горечью констатирует: «Современная японская культура – это культура, которая обесцвечивается, уходит в развлечение, и она этого уже почти не стесняется в отличие от русской культуры. Здесь серьезный культурный кризис. И они – японцы – уже сдались. Они фактически не оказывают сопротивления, это не в их сегодняшнем характере... Если японская культура будет и дальше так развиваться, то понятно, что их ждет судьба Америки, в этом плане довольно скучная судьба... Это все как-то не соответствует тому московскому представлению о том, что есть сила японского характера»[22]. А. Кавато иронизирует по поводу московских представлений о поглощенности японцев своей традиционной культурой: «Когда вы попадаете в эту страну, то сами можете видеть, что мы больше не занимаемся ежедневно икэбана – слишком быстрый для этого темп жизни в сегодняшней Японии... Что же касается традиционной культуры... Ею занимаются в основном молодые девушки или, наоборот, пожилые японские дамы. Наверно, это единственные люди, у которых в этой стране есть свободное время»[23].

Также несостоятельно выглядит при ближайшем рассмотрении и чрезвычайно популярный в России миф о том, что чуть ли не все японцы поголовно практикуют боевые искусства. Кумир российских поклонников восточных единоборств и признанный авторитет в этой области, автор бестселлера «Кэмпо – традиция воинских искусств»

[22] *Куланов А. Е.* Тайва. Разговоры о Японии. Разговоры о России, с. 235.

[23] Там же, с. 117.

профессор А. А. Долин разбивает устойчивые представления русских о японцах как о мастерах каратэ и дзюдо: «В Японии вообще боевые единоборства находятся, на мой взгляд, в большом “загоне”, если иметь в виду их место и роль в общественной жизни. Это странно для родины каратэ... хотя многочисленные секции будо существуют, пропаганды этих национальных японских воинских искусств не ведется практически никакой»[24].

Очень не хотелось бы, чтобы данные рассуждения были восприняты как циничная попытка отвергнуть все, что есть хорошего в Японии, в японской культуре, и поколебать теплые чувства отечественных японофилов. Думается, что для тех, кто действительно уважает Японию, ее народ, историю, культуру, важно иметь объективный взгляд. А для этого просто необходимо как можно больше знать о «Стране корня солнца» (по выражению Б. Пильняка), выйдя из столь пленительной для нас тени развесистой японской «клюквы».

Любопытно узнать – есть ли причины верить своим впечатлениям о Японии как стране недружественной у той категории населения, которая ей не симпатизирует? Известно, что интерес этой части наших граждан к Японии крайне невелик. Имидж Японии, образно говоря, достался этой аудитории «по наследству» и включает в основном следующие отрицательные стереотипы:

1. Внезапная, неожиданная, а потому нелогичная и почти мистическая, победа маленькой Японии над большой царской Россией с попутным затоплением крейсера «Варяг» и взятием Порт-Артура. Продолжается эксплуатация рожденного примерно сто лет назад имиджа японцев как «коварных азиатов». Тот факт, что речь идет о странах-участницах конфликта, которые в реальности уже не существуют (послевоенную Японию вряд ли можно идентифицировать с довоенной, даже при хваленой японской преемственности традиций), в расчет не принимается.

2. Неуемная агрессивность азиатского соседа вдоль наших границ до и во время второй мировой войны – подавленный, но далеко не изжитый «комплекс самурая». Здесь особенно живуче наследие советской пропаганды, которая, хотя и не проповедовала расовую ненависть к японцам (как это делали американцы во время второй мировой войны), но и не позволила создать окончательно мирный образ послевоенной Японии (имидж улыбчивого человека в белом воротничке и с фотокамерой в руках, усердно взращиваемый в США в те же годы, в России так и не прижился).

3. По заслугам наказанная Япония не может выставлять свои претензии стране-победителю. Этот тезис подпитывается и самими японцами,

[24] Там же, с. 46.

которые постоянно напоминают о проблеме «северных территорий» и грозят отказаться от мирной конституции. Поэтому вряд ли Японии стоит ожидать, что Россия откажется от образа недружественной страны без уступок с японской стороны.

Территориальная проблема, пожалуй, – единственный случай, когда Япония применяет к России методы «жесткого моделирования» образа, проще говоря, берется за пропаганду. Неумелыми действиями японских пропагандистов в значительной мере объясняется наличие тех самых 43% населения Дальневосточного федерального округа, которые считают Японию недружественным государством. В самом деле, как может возникнуть чувство расположения к стране, называющей вас оккупантами, гражданами государства, к которым «японский народ испытывает традиционное чувство недоверия», и снисходительно обещающей не требовать Сахалин и денежную компенсацию, если вы уступите «северные территории»? Показательным примером такой жесткой пропаганды, приводящей в лучшем случае к непониманию, а в худшем – к разжиганию вражды, является упоминавшаяся нами книга «Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. 88 вопросов от граждан России». Внимательно прочитав эту книгу, можно убедиться, что японцы так же, как и русские, находятся в тисках мифа об опасности, исходящей от соседа, но это тема уже иного исследования.

Думается, что негативное восприятие и создание отрицательных стереотипов Японии частью населения в России, действительно, имеет в значительной мере инерционный характер. Оно рождено примерно сто лет назад, во время военного противостояния наших стран в Манчжурии и Корее и является ровесником японского мифа. Именно тогда практически одновременно с формированием образа «живописной Японии» был создан и образ «желтой опасности». Не востребованный в СССР социальным заказом первый образ оказался на заднем плане представлений о Японии, в то время как последний активно эксплуатировался на протяжении нескольких десятилетий, хотя и с разной интенсивностью и в различных вариациях. Все это не могло не отразиться на формировании имиджа Японии у россиян, особенно старшего поколения. Интересную мысль по этому поводу высказал известный переводчик и писатель Г. Ш. Чхартишвили: «Наши правители – тоже продукт национальных предубеждений и стереотипов. Они тоже знают слова песен “Варяг”, “Три танкиста” и тому подобных творений своего времени. Сейчас появилось новое поколение, которое способно смотреть на мир раскрытыми глазами»[25]. Да, у нового

[25] *Куланов А. Е.* Тайва. Разговоры о Японии. Разговоры о России, с. 236.

поколения имидж Японии заметно изменился, хотя и сейчас еще продолжают появляться «творения», которые эксплуатируют тему «японского милитаризма», используя как современные, так и старые источники вроде переиздания на компакт-дисках в рамках программы «Песни о Сталине» сборника «Вы не суйтесь, самураи!».

По данным опроса, противниками передачи четырех островов Южно-Курильской гряды Японии являются примерно 56% россиян (в Дальневосточном федеральном округе эта цифра возрастает до 70–72%). Можно сделать вывод, что для большинства российских граждан японская культура, японский бизнес и японская политика существуют раздельно, а это в свою очередь свидетельствует о растущей образованности и самостоятельности мышления российского общества.

Кроме того, считать, что негативный образ Японии, существующий хотя бы и в воображении японофобов, полностью соответствует действительности, тоже нельзя, как минимум, по той причине, что эта активная, но в основной своей массе непросвещенная часть населения с Японией знакома плохо. Рассуждая о возможной агрессии со стороны Японии и о попытках получить «северные территории» – главном обосновании этой агрессивности, японофобы не всегда отчетливо сознают тот факт, что, несмотря на все успехи в области экономики, Японию до сих пор нельзя признать самостоятельным государством в области внешней политики. Япония, связанная юридически Японо-американским договором безопасности и психологически скованная многолетним преклонением перед США, не может рассматриваться как полностью инициативный игрок на международной арене, по крайней мере, в отношениях с Россией. С. Хакамада подтверждает, что Япония готова даже пойти на изменение своей знаменитой пацифистской конституции ради хорошего имиджа в глазах заокеанских партнеров: «На Западе очень недовольны тем, что, по их мнению, наша страна не выполняет свой международный долг... Европейские страны и Америка (США. – *Ред.*) критикуют Японию за бездействие и хитрость – то, что мы платим, но не воюем, по их мнению, некрасиво... Премьер Коидзуми... готов ради этого даже изменить конституцию»[26]. С. Хакамада оценивает возможные последствия разрыва военно-политического союза с США как крайне негативные и для Японии, и для России: «Япония не хочет становиться военной страной. У нас, честно говоря, и армию-то не очень любят, и служить в ней не хотят. Но и у вас, когда говорят о том, что Япония должна стать более свободной от Америки, не понимают, что это означает уже реальную милитаризацию страны и появление новой ядерной державы. В случае

[26] www. Japon.ru//Сигэки Хакамада об имидже Японии.

разрыва договора безопасности с Америкой, мы вынуждены будем создать свое ядерное оружие и модернизировать вооруженные силы, тем более что все возможности для этого у нас есть».

Видимо, нам не следует ожидать улучшения образа Японии у категории населения России, настроенной недружественно к этой стране, по крайней мере, до тех пор, пока японцы не оценят пагубность и неэффективность неуважительного подхода к настроениям россиян и не прекратят использование жесткой модели формирования у них образа Японии. Многие японские политологи этот нюанс игнорируют, давая волю высказываниям в духе речи Черчилля в Фултоне, как это сделал профессор университета Эдогава И. Такидзава: «Всякий раз, когда мы садимся за стол переговоров с российскими партнерами, следует... твердить как молитву, что "северные территории – японская земля", и твердо предупреждать, что пока территории не будут возвращены, мирный договор не будет заключен и не следует надеяться на экономическое сотрудничество»[27].

Подводя некоторый итог сказанному, можно констатировать, что стереотипы, лежащие в основе «моды на Японию», просты и понятны: бусидо и гейши – это романтично, суси и Мураками – это модно, электроника и автомобили – это круто. Несомненный плюс этой сказки в ее производительности: рестораны японской кухни существуют, их становится больше, а цены в них – ниже. Японская литература – несомненная часть общемировой литературы. Независимо от того, считаете ли вы Мураками Харуки представителем стиля «моно-но аварэ» или «ультрамодернистским автором», его книги продолжают переводить и читать, а за ним «косяком» идут и другие современные японские авторы. Японская мода, ведомая Кэндзо, Ямамото, Мори, завоевывает весь мир, и Россия, несомненно, не останется в стороне от этого процесса. Точно так же произойдет и с остальными составляющими японского мифа. Кажется, что Россия напичкана сегодня Японией до отказа, но если она требует еще, значит, пока недостаточно. Думается, что русская культура сможет «переварить» эту проблему, и с течением времени количество знаний о Японии перейдет в их качество. Спонтанный же интерес россиян к этой стране, вызванный, помимо всего прочего, попытками найти свое собственное место в мире, через какое-то время утихнет, чтобы позже разгореться вновь. Этот сугубо русский нюанс страноведения не будет исчерпан до тех пор, пока не станет ясной и прозрачной новая русская национальная идея.

От России в огромной степени зависит и изменение точки зрения на Японию у тех, кто сейчас враждебно относится к этому государству.

[27] Цит. по: *Галузин М. В.* Созидательное партнерство или «островной тупик? – Знакомьтесь – Япония. 2001, № 32, с. 49.

Как только в нашей стране повысится уровень жизни, социального обеспечения, образования, изменится и мнение о Японии. Будет решен и территориальный вопрос – «на равных», по обоюдному согласию, как это предлагает, например, геополитик А. Г. Дугин: «Курилы надо вернуть Японии, но это должно осуществляться в рамках общего процесса новой организации евразийского Дальнего Востока. Кроме того, реституция Курил не может быть осуществлена при сохранении существующего расклада политических сил в России и Японии». Поэтому и Японии, всегда очень чутко выстраивающей свою модель поведения в зависимости от места страны-партнера в мире, стоит задуматься о пересмотре своего образа в России и отношения к территориальной проблеме примерно так, как она сделала это в отношениях с КНР. Имеющая неразрешенные территориальные споры с КНР и Республикой Корея, Япония предпочитает не портить с ними отношения (ее имидж как страны-захватчика во время войны до сих пор там не очень хорош), да и оба этих государства выгоднее иметь среди друзей, чем среди врагов.

Вероятно, Япония и дальше будет продолжать дифференцировать моделирование своего имиджа в мире. Она будет позиционировать себя как политически весомая страна в глазах США и стран Европы, акцентируя внимание на своей экономической мощи и ведущей политической роли в странах АТР. Поведение же Японии в отношении России пока трудно предсказать – точно так же, как и поведение России в отношении Японии. В обоих случаях это в огромной степени зависит от имиджевого фактора. Вполне возможно, что в ближайшее время россиянам придется соприкоснуться с новыми оттенками образа нашего соседа и, в том числе, научиться отличать «образ Японии» от «образа японцев». Начало этому уже положено. Для объективного восприятия этого нового необходимо разобраться в том, что нам действительно известно о Японии, научиться отделять мифы от правды, имидж от реальности. Надо просто больше знать.

Глава третья

Образ России в современной Японии: факторы формирования

Географическая близость создает в отношениях между странами-соседями особый климат. Как свидетельствует мировая история, такие страны могут потенциально стать в большей степени политическими и дипломатическими партнерами, нежели страны, удаленные друг от друга. Однако верно и обратное: географическое соседство, сопряженное с историческим грузом противостояния по территориальным, религиозным, культурно-этническим вопросам, длительной конфликтностью взаимных отношений, иногда служит фактором не столько сближения, сколько разъединения, отчужденности и взаимного недоверия между народами. По мнению японского политолога Х. Кимура, «географическая близость сама по себе автоматически не приводит соседей к состоянию международного противоборства или сотрудничества. Скорее, выполняет функцию катализатора, ускоряющего либо тот, либо иной процесс»[1]. Вероятно, во многом по этой причине в проблемах двусторонних отношений стран-соседей зачастую не бывает полутонов, пути их решения имеют бескомпромиссный и эмоциональный характер.

Строительство полнокровных взаимоотношений между географически близкими странами, как правило, предполагает активное участие не только дипломатов, но и широких слоев общественности. Верно и то, что именно общественное мнение определяет морально-психологический климат этих взаимоотношений и способно оказать существенное корректирующее воздействие на политический курс правительства (один из последних примеров – недавние террористические акты в Испании и вывод испанского воинского контингента из Ирака). В контексте общей темы настоящей монографии естественной является постановка вопроса о том, какой образ России сложился в японском общественном мнении и какое влияние оказывал этот образ на динамику двусторонних отношений в постперестроечные годы.

[1] *Kimura Hiroshi*. Japanese-Russian Relations under Gorbachev and Yeltsin. N. Y., 2000, p. 307.

Хорошо известно, что восприятие японцами северного соседа было амбивалентным на протяжении всей истории наших взаимных контактов. Жители Страны восходящего солнца традиционно испытывали к России целый комплекс противоречивых ощущений и эмоциональных всплесков, что, в принципе, нередко встречается между соседствующими народами. Примечательно и то, что этот эмоциональный настрой не просто наложил отпечаток на российское направление японской внешней политики, но в какой-то мере стал ее сутью. По выражению российского исследователя Г. Ф. Кунадзе, японская дипломатия превратилась в своеобразного «заложника общественного мнения»[2]. Именно поэтому ответ на поставленный выше вопрос имеет большую практическую ценность для российской дипломатии. На протяжении всего послевоенного периода она перманентно сталкивалась с трудно объяснимой неуступчивостью и негибкостью японских партнеров. Актуальность данной проблематики многократно возрастает с учетом того обстоятельства, что нынешнее правительство Д. Коидзуми, придя к власти во многом благодаря популистским лозунгам, находится в большей, нежели его предшественники, зависимости от перепадов настроения японских избирателей.

Наиболее корректным методом исследования вопроса о том, каким было отношение японского общественного мнения к России и японо-российским отношениям на протяжении всего постперестроечного периода, является анализ результатов опросов общественного мнения, проводимых в течение интересующего нас периода. В данной работе используются в основном материалы, полученные двумя крупнейшими социологическими центрами Японии: Центральной исследовательской компанией (Тюо тёсася) и телеграфным агентством Дзидзи (Дзидзи цусинся).

Центральная исследовательская компания на протяжении нескольких десятилетий проводит по поручению канцелярии кабинета министров опросы общественного мнения по различным аспектам внешней и внутренней политики. В респондентскую группу, моделирующую по половому, возрастному, профессиональному и т. д. составу структуру всего японского общества, методом случайной выборки набирается 3 тыс. жителей Японии в возрасте свыше 20 лет из различных населенных регионов страны (в реальности анкеты получают от 2000 до 2400 человек). Данные опросов ежемесячно публикуются в специализированных тематических сборниках. Для нас представляют интерес материалы сборника по теме «Дипломатия», выходящего один раз в год.

[2] *Кунадзе Г. Ф.* Внешняя политика Японии: время перемен? – Япония: экономика, политика, общество на заре XXI в. М., 2003, с. 288.

Другим ценным источником являются результаты опроса, проводимого телеграфным агентством Дзидзи. Американский исследователь Ц. Хасэгава, отмечал важность опросов именно этого агентства. В отличие от большинства органов СМИ, проводящих разовые тематические опросы на нерегулярной основе, Дзидзи на протяжении более чем 40 лет задает респондентам один и тот же вопрос, что позволяет получить представление о динамике общественного мнения страны по определенной проблеме. Существенно и то обстоятельство, что опросы Дзидзи проводятся каждый месяц. Это дает возможность интерпретировать их данные в связи с конкретными событиями и сделать более точный и статистически более корректный анализ, чем в случае, если бы такие обзоры проводились ежегодно[3].

Итак, посмотрим результаты опросов общественного мнения по наиболее простому и в то же время показательному вопросу: какие чувства вызывала у японцев Россия, и какое место она занимает в предпочтениях японцев по сравнению с другими странами мира.

Опубликованные данные свидетельствуют о преобладании негативного настроя к России на протяжении 1990–2002 гг. Очевидность этого вывода особенно заметна в сравнении с показателями отношения японцев к другим зарубежным странам. Например, в октябре 2002 г., доля тех, кто испытывал в той или иной степени теплые чувства к России, составила 15,1%., к США – 75,4%, к Австралии и Новой Зеландии – 58,6%, к странам ЕЭС – 58,5%, к Южной Корее – 53,9%, КНР – 45,6%, странам Юго-Восточной Азии – 38%, странам Океании (Папуа – Новая Гвинея, Палао, Фиджи и др.) – 26,8%, странам Юго-Западной Азии (Индия, Пакистан и др.) – 18,4%, странам Ближнего и Среднего Востока – 12,4%, странами СНГ, помимо России, – 10,3%[4]. Таким образом, отсутствие теплых чувств у японцев в большей, нежели к России, степени, наблюдается лишь в отношении стран Ближнего и Среднего Востока, а также стран СНГ.

О тех же тенденциях свидетельствуют и результаты другого опроса, регулярно проводимого телеграфным агентством Дзидзи. В стандартном опросе Дзидзи, охватывающим респондентскую группу в 2 тыс. человек, предлагается назвать по три любимых и по три нелюбимых страны из числа предложенных. Поскольку анализ данных за весь период 1990–2003 гг. чрезмерно утяжелил бы данную работу, приводимые цифры отражают ситуацию за три временных пункта. Это – октябрь 1991 г., когда японо-советские политические отношения после визита

[3] Japan and Russia. The Tortuous Path to Normalization. 1949 – 1999. N.Y, 2000, p. 274–275.

[4] Ёрон тёса гэппо. Гайко. 2003, № 4, с. 94.

Таблица 1

тогдашнего президента СССР М. Горбачева в Японию были на подъеме, а Россия пользовалась относительной популярностью в японском обществе; декабрь 1998 г., т. е. период вскоре после визита в Японию президента России Б. Ельцина и подписания Токийской декларации; наконец, август 2003 г.

Так, во время опроса 21 октября 1991 г. СССР в качестве «нелюбимой страны» (*кирайна куни*) назвали 32,1% опрошенных (США – 6%, Китай –17,8%, Южную Корею – 20,1%, Великобританию – 1%, КНДР – 47,7%). «Любимой страной» (*скина куни*) СССР назвали 2,8% респондентов (США – 46,8%, Великобритания – 35,8%, Китай – 9,5%, КНДР – 0,3%)[5]. В 1998 г. Россию «нелюбимой страной» назвали 35% (США – 4,7%, Великобританию – 0,9%, Китай – 14,4%, КНДР – 64,9%), «любимой» – 0,9% опрошенных (США – 46,5%, Великобританию – 33,6%, Китай – 10,7%, КНДР – 0,2%)[6]. Принципиально не изменилось отношение японцев и в августе 2003 г. В качестве «нелюбимой страны» Россию избрали 23% респондентов (США – 11%, Великобританию – 1,3%, Китай – 17,7%, КНДР – 83,9%)[7], «любимой» – 1,7% (США – 40,1%, Великобританию – 37,3%, Китай – 9,2%, КНДР – 0,1%).

Примечательны данные опроса по отдельным категориям респондентской группы. Так, среди указавших в августе 2003 г. на Россию как на «любимую страну» (в среднем 1,7% по всей респондентской группе) наибольшим был процент жителей крупных городов (2,6%) , по профессии – работников торговли и сферы услуг (3,3%), по половому составу – мужчин (1,8% по сравнению с 1,6% – женщин), по возрастному составу – граждан от 31 до 40 лет (2,4%) и от 41 до 50 лет (2,3%)[8].

Большой интерес представляют также данные опросов общественного мнения о том, как японцы оценивают нынешнее состояние японо-российских отношений.

Осознание плохого состояния японо-российских отношений (как видно из таблицы, позитивную оценку этих отношений в октябре 2002 г. дали 29% респондентов по сравнению с 58,1%, давшими негативную оценку), оказывается особенно разительным на фоне оценки японцами связей с другими странами. Так, в 2002 г. отношения с США считали «хорошими и в целом хорошими» 79,7% опрошенных, с КНР – 48,3%, с Южной Кореей – 58,2%, со странами ЕЭС – 62,1%, со странами Юго-Восточной Азии – 42,4%, с Австралией и Новой Зеландией – 59,4%, со странами Океании (Папуа – Новая Гвинея, Палао, Фиджи и др.) –

[5] Дзидзи ёрон тёса токухо. 01.11.1991.

[6] Там же, 01.12.1998.

[7] Там же, 01.10.2003.

[8] Там же.

Таблица 2

29,3%. Более низкими, чем по России, данные показатели были лишь со странами Юго-Западной Азии (Индия, Пакистан и др.) – 25%, Ближнего и Среднего Востока – 19,6%, СНГ – 14,6%[9].

В ходе опросов был задан вопрос о том, какое значение придают японцы отношениям с Россией и другими зарубежными странами. В 1998 г. в качестве «важного для Японии региона в течение ближайших пяти лет» Россию выбрали 13,5% опрошенных, в то время как США – 63,5%, страны Европы – 16,1%, Китай – 52,5% и КНДР – 22,2% [10]. В 2003 г. при ответе на тот же вопрос доля отдающих приоритет России еще более уменьшилась, составив 9,1% (67,4% указали на США, 14,8%, – на страны Европы, 56,7%, – на Китай и 20,3% – на КНДР [11].

Что касается вопроса о получении Японией «выгоды» от развития партнерских отношений с Россией, то положительно на него ответили 34,1% опрошенных, 44,7% дали отрицательный ответ. На вопрос: «В какую сторону изменятся двусторонние отношения с Россией через 10 лет?», 48,2% опрошенных выразили мнение, что «останутся на том же уровне», 32,3% – улучшатся и 3,7% – ухудшатся (данные опроса Центральной исследовательской компании за февраль 2001 г.)[12]. Респондентам также задали вопрос о том, в каких областях Японии следует развивать сотрудничество с Россией. Наибольшее число опрошенных, или 47,5% ответили, что такой областью должно быть «освоение природных и энергетических ресурсов», 37% выбрали «культурный обмен», 31% – «обеспечение безопасности и оборону», 29,6% – «внешняя торговля», 20% – «охрана окружающей среды», 19,3% – «научно-техническое сотрудничество и освоение космоса», 9,9% – «борьбу с терроризмом и преступностью»[13].

Итак, подытожим. Из опросов общественного мнения видно, что в 1990-е годы и в начале 2000-х годов имидж России в целом практически не изменялся, оставаясь на устойчиво низком уровне. Даже в судьбоносные моменты японо-российских отношений, связанные со встречами на высшем уровне, подписанием значимых межгосударственных документов и т. д., изменения рейтинга России были незначительными. Единственное исключение – перестроечный период 1990–1991 гг., когда доля японцев, «испытывающих теплые чувства» к России, была чуть выше последующего периода, достигнув отметки в

[9] Ерон тёса гэппо. Гайко 2003, № 4, с. 95. Показатели по СНГ исключают Россию.

[10] Дзидзи ёрон тёса токухо, 01.12.1998.

[11] Дзидзи ёрон тёса токухо 01.10.2003.

[12] http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/russia/chosa01/kekka.

[13] Там же.

25%. Заслуживает внимание и то обстоятельство, что в 1998–2002 гг. наблюдается некоторое усиление благожелательности в отношении России (с 10–11% в середине 90-х годов до 14–17%). В то же время в качестве «любимой» страны Россию никогда не называли более 1,5–2% респондентов, что свидетельствует о ее устойчиво низком авторитете во всех слоях японского общества. Негативно оценивает большинство японцев (в разные годы от 50 до 70%) и нынешнее состояние японо-российских отношений. При этом почти половина участников опросов проявляет скептицизм в отношении будущности этих отношений, считая маловероятным их улучшение, в то время как более трети опрошенных выражают на этот счет осторожный оптимизм. Явное большинство японцев не считает Россию «важным для Японии» регионом, отдавая предпочтение другим крупным державам, и прежде всего США и Китаю. Только чуть больше трети японского общества полагает, что развитие отношений с Россией вообще может принести Японии какую-либо пользу. На прямой вопрос о том, в каких областях такое сотрудничество все же целесообразно, относительное большинство опрошенных выбирает освоение топливно-энергетических ресурсов, а также культурный обмен.

Приведенные нами данные, отражая последние тенденции, вероятно, не содержат в себе ничего нового по сравнению с тем, что было ранее опубликовано и сказано по этому вопросу в России, Японии и других странах. В профильной литературе даже укоренился термин «далеких соседей». Попытаемся в обобщенном виде изложить факторы, которые оказывают решающее воздействие на отношение к России в различных слоях японского общества. Без их понимания невозможно адекватно оценивать и причины столь низкой популярности России среди японцев.

Стабильность итогов опросов общественного мнения на протяжении длительного отрезка времени позволяет предположить действие универсальных факторов, не подвластных политической конъюнктуре и в относительно равной степени действующих в отношении всех слоев японского общества. Анализ сути этих факторов дает основание свести их в единую группу под условным названием «факторов исторической памяти». Речь идет о передаваемом из поколения в поколение подспудном чувстве недоверия, настороженности и страха перед северным соседом, в основе которого лежат события многолетней истории отношений с Россией.

Стоит подчеркнуть, что подобного рода фобии возникают не на пустом месте, а являются результатом длительной и целенаправленной политики властей по идеологической обработке населения. Укоренению негативного восприятия России способствует школьная система

исторического образования, преподносящего многие факты национальной истории, связанные с нашей страной, в одностороннем ключе. Следует учесть также влияние антироссийски настроенных средств массовой информации, к которым у большинства японцев отсутствует критическое отношение. Очевидно, что подобного рода идеологическая обработка приносит свои плоды, формируя у современных японцев соответствующие мировоззренческие ориентиры. В то же время нельзя не признать, что в основе страха японцев перед Россией лежат и реальные исторические события, в которых, оценивая их с позиций сегодняшнего дня, северный сосед вел себя не всегда корректно по отношению к Японии.

Угроза с Севера стала ощущаться японцами гораздо раньше прихода «черных кораблей» адмирала Перри. Еще в середине эпохи Токугава известный мыслитель и экономист Хаяси Сихэй в своем труде «Записки о морском вооружении державы» (*кайкоку хэйдан*) ставил вопрос об «угрозе военного нападения России» и усиленно ратовал за перевооружение береговой охраны. Многие историки не без основания говорят о том, что княжество Мацумаэ, существовавшее на Хоккайдо вплоть до середины XIX в., имело буферный характер и было призвано создать дополнительный заслон на пути российского проникновения на юг. В Японии хорошо известны также имена лейтенанта Давыдова и мичмана Хвостова, предпринявших в 1811 г. грабительские вылазки на японские фактории на Курильских островах, чтобы отомстить за унижение России, выразившееся в отказе принять российского посланника представителем сёгуна. При этом, правда, мало кто знает, что эти действия не были санкционированы российскими властями, а их исполнители были наказаны за самоуправство.

В период Мэйдзи Россия была в числе стран, навязавших Японии неравноправные договора. Она же вмешалась в итоги японо-китайской войны и заставила Японию отказаться от части «справедливых» завоеваний, полученных по симоносэкскому миру (в частности, от Ляодунского полуострова). Бесспорно, во взаимных контактах имелись и положительные для Японии моменты, например, то, что японская интеллигенция увлекалась русской культурой и по праву называла Россию своим учителем. Однако заметного отпечатка на японскую культуру, быт, государственное устройство и военную политику Россия в отличие от многих других стран Запада не оставила. Можно заключить, что отрицательный опыт оказался куда более эффективным средством воздействия на историческую память современных японцев, нежели положительный.

XX век продолжил череду столкновения интересов, конфликтов, военной конфронтации между нашими странами. Вероятно, нет нужды

комментировать хорошо известные события не столь давней истории: русско-японскую войну и Портсмутский мир, военную интервенцию Японии на советском Дальнем Востоке и краткое перемирие, ставшее затишьем перед бурей, военные столкновения на оз. Хасан и р. Халхин-Гол, пакт о ненападении 1941 г., выступление СССР на стороне сил коалиции и военный разгром Японии в Манчжурии, на Сахалине и Курильских островах, послевоенное урегулирование отношений на базе декларации 1956 г., период длительного замораживания политических отношений в эпоху «холодной войны» и ограниченных экономических и культурных контактов. Как отмечал японский исследователь Х. Кимура, отношения между двумя странами «всегда были настолько плохими, что возникла теория, что плохое состояние этих отношений является нормальным»[14]. Действительно, если взять всю историю наших отношений, то периодов весьма условного «потепления» окажется всего три. Это – период действия трактата «Извольский – Мотоно» (1909–1916), «пакта о ненападении» (1941–1945) и после подписания Совместной декларации вплоть до известной ноты Громыко (1956–1960). Таким образом, подавляющую часть истории взаимных отношений Россия и Япония были врагами, соперниками, конкурентами.

На общем достаточно мрачном фоне японо-российских отношений имеется три особенно «вопиющих» факта, которые, по мнению большинства японцев (вернее, в соответствии с наиболее широко распространенной в Японии точкой зрения), свидетельствуют об исторической несправедливости СССР по отношению к Японии.

Во-первых, – это нарушение СССР пакта о нейтралитете от 12 апреля 1941 г. и объявление Японии войны 9 августа 1941 г. Хотя шаг этот был вызван логикой военного времени и основывался на союзнических обязательствах Советского Союза перед странами антигитлеровской коалиции, для японцев это ничего не меняет. Формально СССР нарушил свои международно-правовые обязательства и совершил акт вероломства по отношению к Японии.

Во-вторых, – это проблема японских военнопленных, захваченных в ходе боевых действий в Манчжурии, на Сахалине и Курильских островах в августе 1945 г. В глазах многих японцев вопиющей несправедливостью является удержание в плену в течение ряда лет около 600 тыс. бывших военнослужащих императорской армии, несмотря на прекращение боевых действий. Репатриация японцев на родину продолжалась вплоть до подписания Совместной декларации 16 октября 1956 г., формально положившей конец состоянию войны. По разным оценкам, от 45 тыс. до 60 тыс. японских военнопленных скончались

[14] *Kimura Hiroshi*. Japanese-Russian Relations under Gorbachev and Yeltsin., p. 313.

из-за непосильного труда, тяжелых климатических и бытовых условий, скудного и непривычного питания и недостаточной медицинской помощи.

Осуждение японцев вызывали и такие неправомерные действия советских властей, как отказ передать японской стороне поименные списки интернированных и сообщить точное число последних; намеренное затягивание процесса репатриации; активное насаждение коммунистической идеологии в среде военнопленных с целью создания своего рода «пятой колонны» из числа репатриантов и т. д. Уже после подписания Совместной декларации СССР не давал японцам разрешения на посещение могил их родственников, скончавшихся в плену; практически ничего не сделал для сохранения кладбищ, в результате чего многие могилы были безвозвратно утрачены; отказывался официально признать практику привлечения военнопленных к труду и выдать репатриантам соответствующие справки, что поставило их в неравноправные условия по отношению к военнопленным, прошедшим английские и американские лагеря, поскольку те имели подобные сертификаты и могли требовать компенсационные выплаты за свой труд от японского правительства. И хотя в октябре 1993 г., т. е. уже в постперестроечный период, президент России принес официальные извинения Японии за негуманное отношение к военнопленным, а многие из оставшихся проблем были решены (снят запрет на посещение уцелевших кладбищ, выданы справки о привлечении к труду и пр.), у многих японцев, особенно старшего поколения, по-прежнему сохраняется чувство горечи и неудовлетворенности. Следует отметить также тот факт, что проблема военнопленных хорошо известна и молодому поколению японцев, получившему представление о ней по школьным учебникам, а также по выходящим в Японии многочисленным художественным произведениям и кинофильмам, широко использующим мотив «жестокого сибирского плена».

В-третьих (по порядку, а не по значению), – это территориальная проблема, точнее, проблема территориального размежевания, которая, по мнению японцев, возникла в результате того, что СССР незаконно оккупировал о-ва Итуруп, Кунашир, Хабомай и Шикотан и насильственно удерживает их на протяжении всего послевоенного периода. Здесь нет нужды вдаваться в долгий экскурс этой проблемы, историческая подоплека и суть которой получили отражение в многочисленных публикациях. Важно лишь отметить, что во многом усилиями официального Токио территориальный вопрос получил мощное пропагандистское обеспечение и был выведен на уровень проблемы, затрагивающей национальный престиж страны. С начала 80-х годов при поддержке властей была начата кампания по сбору подписей в поддержку

требования о возвращении «северных территорий». К началу 90-х годов было собрано более 50 млн. подписей. 7 февраля, в годовщину подписания Симодского трактата 1855 г., в стране стал ежегодно отмечаться «день северных территорий», церемония празднования которого превратилась в шумный пропагандистский спектакль с участием премьер-министра Японии. По сути, на протяжении десятков лет восприятие нашей страны японцами происходило через призму территориальной проблемы. Это привело к закреплению отрицательного образа СССР в качестве «вора на пожаре», отхватившего от Японии кусок ее исконной территории. В результате среди японской общественности сформировалось стойкое представление об СССР как о «стране-агрессоре».

Безусловно, политика создания в общественном мнении образа СССР как «враждебного государства» проводилась в соответствии с логикой «холодной войны» и имела четко выраженную идеологическую подоплеку. Не случайно СССР в официальных документах именовался потенциальным военным противником Японии. По мнению британского исследователя К. Хара, территориальная проблема с СССР, возникнув как побочный продукт второй мировой войны, продолжала существовать в качестве органичного элемента «системы 1955 года». Ее особенность заключается в том, что «система 1955 года» рухнула, а территориальная проблема осталась[15].

Однако пропагандистская кампания по популяризации «территориальной проблемы» имела еще одну важную подоплеку – создание комплекса «пострадавшей нации», который был призван затмить в ней чувство вины, связанное с агрессивной политикой японской военщины в годы второй мировой войны. По замечанию Ц. Хасэгава, «северные территории» давали японцам возможность «ощущать себя пострадавшей нацией, “нацией-жертвой” второй мировой войны, обеспечивая ее чувством психологического комфорта»[16]. Другой американский ученый Г. Розман отмечал, что японским консерваторам «удалось гальванизировать японское общественное мнение в отношении несправедливости советского поведения… Синдром “северных территорий” стал превалировать над хиросимским синдромом»[17]. Понимание этого момента в какой-то степени объясняет, почему большинство японцев не имеет к США никаких претензий за атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, повлекшие за собой неисчислимые человеческие жертвы среди мирного населения, считая их

[15] *Hara Kimie*. Japanese-Soviet/Russian Relations since 1945. L. , 1998, p. 215.

[16] *Hasegawa Tsuyoshi*. The Northern Territories Dispute and Russo-Japanese Relations. Vol.2 – Neither War Nor Peace 1985–1998. Berkeley, University of California, 1998, p. 545.

[17] Russia and Japan. An Unresolved Dilemma between Distant Neighbors. Berkeley, University of California, 1993, p. 103.

«неизбежным злом» и даже «вынужденной мерой», в то время как утрата страной незначительных территорий воспринимаются ими как национальная трагедия.

Преобладание стереотипа «страны-агрессора» в японском общественном сознании подтверждают данные опросов общественного мнения как за советский, так и за постперестроечный период. Так, например, в 1979 г. в качестве «главной причины отрицательного отношения к СССР» назвали его отказ решать территориальную проблему 68,1% опрошенных, в 1981 г. – 56,2%, в 1985 г. – 52,3%[18] . Хотя указывались и иные причины отрицательного отношения (несогласие с коммунистической системой; недружелюбное отношение СССР к Японии; внешняя политика СССР, основанная на военной силе; глубокое недоверие к СССР и т. д.), стойкое преобладание фактора «северных территорий» над всеми остальными, включая идеологические мотивы, было весьма показательным. Имидж СССР как самой «нелюбимой страны» перебивался только еще более непопулярной КНДР, а в период «культурной революции» – КНР.

Ситуация в данной области принципиально не изменилась и в 1990– 2000-х годах, о чем свидетельствуют итоги опроса общественного мнения за февраль 2001 г. На вопрос о том, является ли решение территориального вопроса условием для развития отношений с Россией, 45,1%, или относительное большинство опрошенных, заявили, что отношения с Россией нужно строить «в зависимости от прогресса в решении этой проблемы», 22,3% выбрали еще более категоричный вариант ответа – «пока в решении территориальной проблемы отсутствует прогресс, нет никакой необходимости развивать отношения с Россией»[19].

Представляет интерес механизм воздействия позиции общественного мнения на политику правительства по отношению к России. Известно, что все крупные решения на российском направлении принимаются политическим руководством страны, которое, в свою очередь, находится в зависимости от настроений избирателей. При этом любые попытки дипломатов проявить гибкость и отойти от бесперспективной прямолинейности в территориальных требованиях к России трактуются как предательство национальных интересов Японии. Как отмечал Ц. Хасэгава, «если дискуссия по территориальному вопросу приведет к поиску особых путей компромисса, то есть большие опасения, что японское общественное мнение будет разочаровано, или

[18] *Glaubitz Joachim*. Between Tokyo and Moscow. The History of an Uneasy Relationship, 1972 to the 1990s. L., 1995. p. 86.

[19] http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/russia/chosa01/kekka.

что останется серьезная оппозиция в отношении компромисса, и шанс на сближение двух стран будет потерян»[20]. В то же время и общественное мнение страны в течение многих лет может судить о России только на основании ее реакции на требования о «возвращении северных территорий», поскольку никаких других событий в сфере отношений с этой страной не происходит. На этом фоне в политической и общественной жизни страны сформировался своего рода порочный круг, который бесконечно генерирует антисоветский (антироссийский) настрой в обществе и политике, не позволяя взглянуть на Россию более широким, не зашоренным узкими рамками территориальной проблемы взглядом. В результате вся послевоенная политика Японии по отношению к СССР, а позднее – и к России, фактически свелась к одному – «политике «северных территорий»[21]. Рассмотренный выше комплекс «факторов исторической памяти», как уже отмечалось, не подвержен конъюнктурным изменениям и имеет перманентный характер.

Его влияние на умы японцев, хотя постепенно и ослабевает[22], сохраняет и в обозримой перспективе будет сохранять свое значение для нынешнего поколения японцев как фактор психологического неприятия России. В этих условиях, вероятно, можно констатировать, что чувство оскорбленного национального самолюбия, основанное на исторической подоплеке, является не самым лучшим условием для развития взаимных связей.

Помимо «фактора исторической памяти» на образ России в Японии оказывает свое влияние еще целый ряд устойчивых факторов, действующих ограниченный промежуток времени. К ним относится «фактор популярности лидера», «фактор одномоментных событий», «фактор эмпирического опыта» и др.

Под «фактором популярности лидера» понимается восприятие страны-партнера через имидж ее лидера. Речь в данном случае идет о харизматическом воздействии образа российского политического лидера на достаточно широкие слои японской общественности (или об отсутствии такового). Данный фактор носит ограниченный характер, поскольку сроки пребывания у власти и последствия деятельности той или иной политической фигуры проявляются на узком по историческим

[20] *Hasegawa Tsuyoshi*. The Northern Territories…, p. 559.

[21] Там же, p. 545.

[22] Относительно молодые слои японской общественности, как показывает практика, все меньше знают о территориальной проблеме. Например, еще в 1981 г. на вопрос: «Интересуетесь ли Вы проблемой северных территорий»? положительный ответ дали следующие возрастные категории: 50% – респонденты старше 60 лет, 45% – старше 50 лет , 37% – старше 40 лет, 21% – старше 30 лет, 10% – более 20 лет. См.: *Glaubitz Joachim*. Between Tokyo and Moscow…, p. 87.

меркам временном отрезке, не превышающем эмпирического опыта одного поколения.

«Фактор популярности лидера» следует оценивать в контексте «персональной» ориентированности японского электората, составляющей одну из особенностей японской политической культуры. (Уместно вспомнить, что и нынешняя администрация в значительной степени пришла к власти на гребне личной популярности Д. Коидзуми.) Во многом верно и то, что личность лидера зарубежной страны-партнера японцами воспринимается как визитная карточка этой страны и крайне важна для ее репутации, поскольку образ лидера подспудно экстраполируется на все партнерское государство в целом. В отношении России данное обстоятельство имеет особое значение в силу относительной скудости знаний об этой стране среди рядовых японцев. В эпоху «медиакратии» появление российских политических лидеров на японском телевидении в ситуациях, позволяющих говорить об уважении ими обычаев и традиций Японии, или об их соответствии неким стандартам «правильности», может в некоторых ситуациях оказать значительное корректирующее воздействие и на образ России в целом.

Хороший пример здесь – популярность России в период нахождения у власти М. С. Горбачева, наиболее «раскрученного» из всех российских лидеров на Западе. В 1990–1991 гг. процент японцев, «питающих теплые чувства» к России, впервые достиг отметки 23–25%, что было в несколько раз выше доперестроечного уровня. Одновременно улучшилась и оценка состояния отношений с СССР: процент оценивающих эти отношения позитивно возрос с 7,8% в 1984 г. до 38,7% в 1990 г.[23].

Такие флуктуации общественного мнения невозможно объяснить только с помощью теории некоего «перестроечного бума», тем более что для Японии этого бума в западном понимании не было вообще (о причинах этого будет сказано ниже). Конечно, можно предположить, что здесь проявилась определенного рода надежда на уступки по территориальному вопросу, на которые, как ожидалось, М. Горбачев пойдет на «перестроечной волне». Однако вряд ли всему виной были чисто меркантильные соображения. Скорее всего, японцев просто очаровал открытый, улыбчивый, харизматичный лидер СССР, совершенно непохожий на угрюмых партийных бонз брежневской эпохи.

Данное предположение подтверждается и примером Б. Ельцина, представлявшего полную противоположность полюбившемуся японцам «Горби». Хотя Ельцин продолжил линию своего предшественника на признание территориальной проблемы и публично пообещал подписать с Японией в ограниченные сроки мирный договор, высказал

[23] *Glaubitz Joachim*. Between Tokyo and Moscow…, p. 85.

официальные извинения России за негуманное отношение к военнопленным в период тоталитаризма, подписал ряд важных документов и сделал еще много доброго для двусторонних отношений с Японией, он так и не стал «любимцем» японской публики. Прямолинейность, нелюбовь к политесам, зачастую и неумение понять партнера – все эти черты характера, проявленные российским лидером, сразу же оттолкнули от России многих из тех, кто в целом относился к ней если не благожелательно, то хотя бы нейтрально. Особенно сильно покоробила японцев грубая, нетактичная манера российской стороны, не потрудившейся дать удовлетворительные объяснения двукратным отменам визита Ельцина в Японию (в сентябре 1992 и мае 1993 г.). В ходе одного из проводившихся тогда опросов выяснилось, что японцы страшно негодовали по поводу того, что Ельцин «не извинился» перед Миядзава за отмену визитов в Токио[24].

Все это немедленно отразилось на рейтингах России, упавших до уровня доперестроечных времен. Даже в 1997–1998 гг., т. е. в «лучшие времена» дипломатии «встреч без галстуков» и большой дружбы «Бориса и Рю», подавляющая часть японцев относилась к России безучастно, а к отношениям с ней скептически. Как отмечал британский исследователь Уильям Ниммо, нельзя не учитывать, что Япония «в большей степени, чем любая из стран мира» склонна впадать в праведный гнев в тех случаях, когда какое-либо событие разворачивается вопреки ее ожиданиям, особенно если оно вступает в конфликт со специфическим «японским путем»[25].

С избранием В. В. Путина на должность президента РФ наступает период некоторого оживления интереса к России и возрождения надежд на развитие отношений с ней. С одной стороны, перелома в общественном мнении по отношению к России, связанного с уходом в отставку непопулярного Б. Н. Ельцина, не произошло. По данным на февраль 2001 г., подавляющее большинство опрошенных, или 66,1%, заявили, что «не испытывают особых надежд» на улучшение двусторонних отношений в связи с приходом в России к власти новой администрации, и только 14% выразили такую надежду[26]. С другой стороны, опросы показали существенное уменьшение доли лиц, однозначно считающих Россию «нелюбимой страной» (с 35% в 1998 г. до 23% в 2003 г.), а также некоторое увеличение доброжелательного отношения к России. Как представляется, на итоги опросов оказали свое воздействие надежды на общие позитивные перемены в межгосударственных отношениях и более доброжелательное эмоционально-психологическое

[24] *Nimmo William F.* Japan and Russia. A Reevaluation in the Post-Soviet Era. L., 1994, p. 157.

[25] Ibid., p. 157.

[26] http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/russia/chosa01/kekka.

восприятие нового российского лидера: его манеры выражаться и одеваться, привычек, фактов проявления им понимания и интереса к Японии (например, увлечение дзюдо и т. д.) Для многих японцев личное впечатление от тиражируемого СМИ образа В. В. Путина оказывается важнее, нежели содержание очередного «плана совместных действий» и иных дипломатических документов[27].

Свое воздействие на восприятие образа России в Японии оказывает фактор одномоментных событий, который носит кратковременный характер, определяющий отдельные колебания общественного мнения в ту или иную сторону. Так, выступления театральных, цирковых, музыкальных коллективов из России, собирая полные залы поклонников, обеспечивают хорошее паблисити для страны, направившей их в Японию. К сожалению, способствуя становлению позитивного образа России, эти контакты, не делают общей погоды и не способны переломить общую негативную тенденцию в японском общественном мнении.

В то же время информация о различных неприятных инцидентах в сфере двусторонних отношений, соответствующим образом преподнесенных японскими СМИ, лишь укрепляет уже сложившийся стереотип и с готовностью воспринимается широкими массами, рассуждающими: «А что еще можно ожидать от этих русских?».

Такие инциденты происходят в различных областях. Если взять сферу экологии, можно вспомнить, что еще в советское время происходили случаи загрязнения японских территориальных вод нефтепродуктами. Например, в январе 1987 г. произошла катастрофа танкера «Находка», в результате которой в океан вылилось несколько тысяч тонн нефти[28]. Лишь недавно (в 1993 г.) российская сторона признала, что в СССР в течение долгих лет сливали и сбрасывали жидкие и твердые радиоактивные отходы в Японском море[29]. Для японцев такая информация воспринимается особенно болезненно, учитывая, что значительная часть морепродуктов на их стол поступает из прибрежных вод.

[27] Об интересе к российскому президенту свидетельствует такой пример: администрация гостиницы на о-ве Окинава оборудовала «мемориальный кабинет Путина» в номере, в котором глава российского государства останавливался во время саммита 2000 г.

[28] *Hasegawa Tsuyoshi*. The Northern Territories Dispute…, p. 504.

[29] Несмотря на это, бурю возмущения вызвал факт сброса 16 октября 1993 г. танкером российских военно-морских сил около 900 т радиоактивных отходов в Японское море без каких-либо извещений или согласований с японской стороной. Этот инцидент произошел сразу после официального визита Б. Н. Ельцина в Японию, в ходе которого была высказана взаимная озабоченность в связи с влиянием сбросов радиоактивных отходов на состояние окружающей среды. См.: Знакомьтесь – Япония. 1995, № 7, с. 69.

Образу «мрачной страны» соответствуют в глазах японцев даже закономерные действия российской пограничной службы. Пограничники в массовом порядке задерживают десятки и сотни японских рыболовецких судов, ведущих браконьерский промысел морепродуктов в российских территориальных водах. Введение 200-мильной пограничной зоны привело к тому, что огромные акватории Тихого океана, в которых шел промысел наиболее ценных видов морепродуктов (крабов, лососевых, терпуга, морского ежа, минтая и др.), оказались в советской зоне влияния. За послевоенный период было задержано около 10 тыс. японских рыбаков, многие из которых подверглись судебным преследованиям[30]. С изрядной долей негативных эмоций продолжает восприниматься каждый случай поимки браконьеров российскими пограничниками, происходящий и в последние годы.

Сильную аллергию вызывает у японцев любая активность российской военной группировки на Дальнем Востоке, включая военные маневры, передислокацию сил в районы, примыкающие к японским территориям (включая острова Южно-Курильской гряды), не говоря о неоднократных нарушениях воздушного пространства Японии боевыми российскими самолетами. С 1991 г. Россия в официальных японских документах не фигурирует в качестве потенциального военного противника. Несмотря на это, в глазах многих японцев, выросших во времена конфронтации и хорошо помнящих громкие инциденты не столь далекого прошлого (угон истребителя МИГ-25 в 1976 г., уничтожение в 1983 г. лайнера авиакомпании KAL, высылка из Японии советских граждан, уличенных в шпионаже и т. д.), Россия подспудно остается «враждебной» страной, имеющей «агрессивные намерения» в отношении Японии. Это подтверждают и итоги опросов общественного мнения. Например, в феврале 2001 г. 30,1% опрошенных заявили, что военная угроза со стороны России существует, а еще 31,3% сказали, что в настоящий момент ее нет, но в будущем может появиться[31].

Настороженное отношение к России со стороны иностранных граждан вызывает усиление националистических настроений в отдельных слоях российского общества. Имеют место факты насилия против иностранцев, провокации со стороны «скинхедов» и прочих экстремистски настроенных элементов. В японских СМИ, в частности, широко освещались инциденты, связанные с погромами и избиением японских граждан в Москве во время чемпионата мира по футболу 2002 г., когда российская национальная сборная проиграла японской команде.

Особо стоит сказать и о факторе отчужденности по отношению к России, вызванном различиями в культуре и национальной психологии

[30] *Nimmo William F.* Japan and Russia…, p. 130.

[31] http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/russia/ chosa01/kekka.

двух стран (фактор эмпирического опыта). На самом деле, по выражению преподавателя университета Яманаси гакуин Минору Такахаси, «редко можно встретить соседние народы, столь сильно отличающиеся по условиям проживания, процессам национального государственного строительства, истории, общественным традициям, методам обращения с внешними субъектами и т. д.»[32]. Безусловно, можно возразить, что американская культура, построенная на культе индивидуализма и рационального коммерционализма, по сути, находится еще дальше от культуры японцев, нежели российская с ее общинным духом коллективизма. Однако в реальности послевоенное поколение японцев выросло в искренней убежденности, что именно США принесли им свободу и спасли от коммунистического порабощения, которое прочно ассоциируется с образом «злых и коварных русских».

Между тем даже в постперестроечный период японо-российских отношений между нашими странами не существовало подлинно «народной дипломатии», какая уже давно действует между Японией и большинством стран Запада. Взаимный людской обмен между нашими странами имеет весьма ограниченный характер, а деятельность некоторых категорий российских граждан, волею судеб занесенных в Японию, мягко говоря, не способствует укоренению в Японии позитивного имиджа России.

Отнюдь не все российские граждане, оказавшиеся в Японии, обладают достаточным багажом знаний о традициях и обычаях японского народа и, следовательно, способны найти адекватную модель поведения в сложных ситуациях, нередко попадая в щекотливое положение. Можно привести лишь один пример, связанный с российскими моряками, кстати, наиболее массовым отрядом наших соотечественников, попадающих в Японию. Так, сойдя на берег, многие из них посещают японские общественные бани. Не зная, что в японской бане принято сначала помыться с мылом и мочалкой, прежде чем погружаться в общий бассейн с горячей водой, многие моряки поступают наоборот, попирая, таким образом, традиционные представления японцев о правилах публичной гигиены. Такая практика уже послужила поводом для вывешивания многими владельцами общественных бань на о-ве Хоккайдо табличек «только для японцев», дискриминационный характер которых стал поводом для широкой общественной дискуссии. В любом случае это не добавило престижа образу России.

Другим примером может послужить массовое открытие так называемых «русских баров», в которых в качестве хостесс служат представительницы прекрасного пола из стран СНГ и Восточной Европы.

[32] Гэндай Росиа-о сиру тамэ-но 55 сё (55 глав книги, написанной, чтобы лучше знать Россию). Токио, 2002. с. 236.

Хотя работа большинства девушек не имеет ничего общего с проституцией, в целом многие японцы не вполне доброжелательно относятся к подобным заведениям и подспудно экстраполируют свое отношение на страну, поставляющую для них специфическую рабочую силу. Этот фактор работает тем сильнее, что у россиян в Японии нет иной, более интеллектуальной «ниши» на рынке труда, какой обладают, например, американцы и англичане, которым легче устроиться на работу в качестве преподавателей английского языка, или китайцы, которые все активнее завоевывают область информационных технологий.

На все это накладывается усиление ксенофобских, националистических настроений в массах, которое происходит под влиянием роста преступности среди иностранцев. Японские СМИ с удовольствием смакуют подробности действий российских криминальных структур, которые уже давно вовлекли Японию в свою орбиту, поставляя оружие в обмен на подержанные автомобили, либо занимаясь контрабандой морепродуктов (справедливости ради стоит отметить, что их деятельность была в значительной степени ограничена после соответствующих решений на межправительственном уровне).

Теперь несколько слов об имидже России, сложившемся среди интеллектуальной и политической элиты Японии. Исследования СССР и России имеют в японской академической среде достаточно глубокие корни. Среди тех, кто активно выступает с комментариями по «российскому вопросу», можно назвать такие имена, как Х. Кимура, С. Хакамада, Х. Вада, Н. Симотомаи, С. Ёкотэ, М. Накадзима, Ц. Хасэгава и др. Мы не будем подробно останавливаться на различиях в подходах каждого из них к путям строительства двусторонних отношений, решению территориальной проблемы и пр. Однако понимание общей направленности взглядов японских русистов является важным для адекватного раскрытия поставленной темы. Это связано с тем обстоятельством, что в Японии представители академической элиты, по сути, выполняют функцию лидеров общественного мнения и активно участвуют в его формировании. Они приглашаются на телевидение, у них берут интервью газеты и журналы, их книги лежат на видных местах книжных магазинов.

В отношении возможности превращения России в полноправного партнера Японии эта часть интеллигенции проявляет значительную долю сдержанности и скептицизма. Более прагматично, чем их коллеги на Западе, воспринимает интеллектуальная японская элита традиции демократии и либерализма, прав человека и т. д.[33] Для нее гораздо

[33] По этому поводу С. Хакамада даже прочитал специальный доклад на международном симпозиуме в Тель-Авиве по японо-российским отношениям в ноябре 2001 г. Его содержание

ближе такие ценности, как сильное и мудрое государства и его способность обеспечивать порядок и социальную гармонию. Поэтому оценка происходящего в России идет не в плоскости «соответствует ценностям демократии или нет», а в плоскости «ближе к порядку и дальше от хаоса или нет». Именно с точки зрения такого подхода среди японской интеллигенции никогда не наблюдалось завышенных ожиданий по поводу быстрого перехода России в стан демократических стран. Что же касается двусторонних отношений, то здесь больше распространена точка зрения о том, что Япония должна быть прагматичной и строить «жесткую» линию в отношении территориальной проблемы, не оглядываясь на какие-либо идеологические принципы (которыми грешит, например, американская дипломатия).

Подобная точка зрения усиливает пессимистическую ноту в оценке японским общественным мнением ситуации в России. Образ России был в 90-е годы значительно подорван царившим в ней хаосом в экономике, господством криминала, беспорядочными приватизациями, отсутствием внятности в инвестиционной политике и защите прав иностранных собственников и т. д. Хотя Россия за это время стала полноправным членом «восьмерки», ее непредсказуемость оказалась для японского общественного мнения гораздо более пугающей, нежели успехи на пути гласности и демократии. Что касается последнего периода, то интеллектуальная японская элита внушила общественности, что усиление центральной власти означает для России движение к порядку, в то время как некоторое ограничение свободы слова является неизбежным злом, требующим если не прощения, то понимания. Поэтому определенный рост благожелательности по отношению к сегодняшней России можно отчасти объяснить последними обстоятельствами.

Свой образ России, далекий от идеального, сложился и у японской бизнес-элиты. Возможность заработать, соотношение выгоды и риска – вот универсальные критерии, по которым корпорации всего мира судят о привлекательности сферы их деятельности. Уместно вспомнить, что даже в разгар «холодной войны» СССР, имея репутацию надежного и платежеспособного делового партнера, был, несмотря на все фобии, лучшим другом японских бизнесменов, которые ради получения выгоды иногда шли даже на нарушение законов. Уместно вспомнить пример корпорации «Тосиба», которая попалась на том, что в мае 1987 г. продала СССР в обход КОКОМ точные шлифовальные станки, позволившие советским конструкторам снизить шум от

см. в: *Хакамада Сигэки*. Гэндай Росия-о емитоку. Сякайсюги-кара тюсэй сякай-э (Современная Россия: путь от социализма к «средневековому обществу») Токио, 2002, с. 216–222.

винтов на подводных лодках и сделать их неуловимыми для американских локаторов[34].

Центральным моментом в восприятии японским бизнесом постсоветской России служит прагматичная оценка надежности страны как делового партнера, т. е. критерий, не имеющий ничего общего с живущими в общественном мнении стереотипами. Иными словами, Россия для деловых кругов – это, прежде всего, международный рейтинг страны в целом, кредитная история российских корпораций и соответственно уровень доверия к ним, инвестиционный климат и защищенность прав иностранных собственников и т. д. Ясно, что современная Россия, имеющая колоссальный долг перед Японией (сумма которого по парижскому, лондонскому и токийскому клубам превышает 8 млрд. долл.) и не построившая пока развитой системы государственных гарантий в отношении иностранных инвестиций, мало что может показать с точки зрения соответствия этим критериям[35]. Что же касается мелкого и среднего российского бизнеса, то его кредитная история такова, что речь может идти только о торговых сделках на условиях полной предоплаты, а не о кредитных линиях. По мнению деловых японских кругов, уровень рисков в России таков, что без правительственных гарантий здесь делать нечего, а отсутствие последних является косвенным проявлением негативного настроя общественного мнения из-за нерешенности проблемы «северных территорий».

Заложником общественного мнения в своей антироссийской позиции оказался не только бизнес, но и прочие элементы «железной триады» – бюрократия и политический мир. После недавнего разгрома «пророссийской» группировки японского МИДа, учиненного в связи с «делом Судзуки», японским дипломатам пришлось подальше спрятать свое личное мнение по вопросам развития отношений с Россией. Их функции теперь ограничились техническим оформлением и старательным претворением в жизнь решений, принимаемых политическим руководством страны. А решения эти носят в настоящее время откровенно популистский характер и предусматривают упрямое следование пресловутой политике «северных территорий», которая уже завела двусторонние отношения в тупик.

В условиях относительного единодушия общественного мнения по территориальному вопросу единую позицию в отношении российского направления внешней политики занимают все политические партии

[34] *Kimura Hiroshi*. Japanese-Russian Relations under Gorbachev and Yeltsin, p. 250.

[35] Там же.

страны[36]. На этом фоне связанными по рукам и ногам в отношении любых инициатив на российском направлении оказались и представители партии власти, для которых любое открытое проявление благожелательности к России требует чуть ли не личного мужества. Формирование позиции ведущих японских политиков оказалось в жесткой связке с проблемой электоральной поддержки.

* * *

Итоги опросов общественного мнения отчетливо демонстрируют, что в Японии в целом сложился отрицательный образ России. Подавляющее большинство японцев относятся к России если не враждебно, то пассивно. Они не чувствуют, что Россия сможет быть по-настоящему полезной Японии и что будущее наших стран – это дружба и тесное сотрудничество.

Такое отношение подтверждается и ситуацией в области туризма и культурного обмена. Россию по-прежнему посещает крайне мало японских туристов – не более 30–40 тыс. в год, тогда как, например, этот показатель для Китая исчисляется сотнями тысяч. Не пользуется особой популярностью в японских вузах русский язык, да и Россия в целом, а следовательно, не приходится говорить о заинтересованности японской молодежи в контактах с Россией. Японцы плохо представляют ситуацию в современной России, гораздо хуже, чем в советский период, когда благодаря поддержке государства наши контакты, хотя и были более ограниченными, однако имели лучшую организационную основу, а также информационное и идеологическое наполнение.

Скудно информированы японцы и в отношении российских намерений относительно Японии. Стараниями «лидеров общественного мнения» в Японии сложился определенный стереотип, согласно которому России от Японии требуются только инвестиции и технологии[37]. В то же время многие убеждены в том, что Японии не нужно от России ничего, помимо «северных территорий». Как отмечал Ц. Хасэгава, сложившийся в японском общественном мнении консенсус «создал с помощью средств массовой информации и политических обозревателей упрощенное понимание, согласно которому проблема “северных территорий” представляет собой наиболее важный пункт в повестке дня японо-российских отношений»[38]. Такой ограниченный, искаженный

[36] Особую позицию традиционно занимает КПЯ, которая ставит условием развития отношений с Россией передачу Японии не только «северных территорий», но и всех Курильских островов с Сахалином в придачу.

[37] *Hasegawa Tsuyoshi*. The Northern Territories Dispute…, p. 243.

[38] Japan and Russia. The Tortuous Path to Normalization. 1949 – 1999. N.Y., 2000, p. 310.

взгляд на суть этих отношений создает неблагоприятную атмосферу для любых попыток оздоровить их и раскрыть в них богатый внутренний потенциал.

Конечно, было бы не совсем верно заканчивать настоящую статью на столь малоутешительной ноте. Не стоит впадать в крайность, утверждая, что японское общественное мнение о России окрашено только черной краской. Так, определенный оптимизм внушают отмеченные выше цифры роста благожелательности к России среди японцев, который наблюдается в последние годы. Итоги другого опроса (февраль 2001 г.) свидетельствуют о том, что 59,9% японцев считают необходимым улучшать отношения с Россией[39].

Важно и то, что образ России для многих японцев – это все меньше только «северные территории» и все больше – великий сосед. И национальные интересы Японии требуют строительства как минимум добрососедских отношений. Этому способствует и смена поколений: уходит послевоенное поколение, для которого Россия – это, прежде всего, неприятные для Японии итоги второй мировой войны. Молодые японцы все меньше знают о «северных территориях». На проводившихся в первой половине 90-х годов опросах многие японцы отвечали, что «стабильность российской демократии для Японии была бы гораздо более важной в долгосрочном плане, нежели возвращение “северных территорий”»[40]. Таким образом, если сломать определенные стереотипы, нам было бы гораздо легче строить отношения друг с другом.

[39] http://www.mofa.go.jp/mofaj/area/russia/ chosa01/kekka.

[40] *Nimmo William F*. Japan and Russia…, p. 156.

Глава четвертая

От отношений без мирного договора к отношениям с договором

У нас нет каких-либо оснований утверждать, что российско-японские отношения находятся в кризисе. Они развиваются, хотя и зигзагообразно, но в целом поступательно. Тем не менее, между Японией и Россией – странами-соседями, несомненно, нуждающимися в добрых отношениях, как известно, нет мирного договора. Это, естественно, ненормальная ситуация, не соответствующая международным реалиям, к тому же наносящая ущерб не только Японии, но и России.

Именно из-за наличия территориальной проблемы взаимоотношения между Москвой и Токио порой называют головоломкой. Скорее, их стоит именовать лабиринтом. Другими словами, обе стороны вроде бы осознают, что из него есть выход. Но чтобы найти его, надо пройти длинный путь. А может быть, этот выход где-то рядом?

Отличительной чертой российского внешнеполитического менталитета на переломе тысячелетий стало более ясное понимание того, что ненормально соседствовать со страной, не подписав с нею мирного договора и не имея международно-признанных границ. В нашей стране постепенно стало укрепляться понимание, что наличие территориального спора – это не только проблема Японии, но и головная боль России.

И у нас, и особенно в Японии широко распространено мнение, что путь к мирному договору между нашими странами заблокирован проблемой так называемых «северных территорий». Обычно утверждают, что неважные отношения – результат территориального спора. Многие полагают: если убедить Токио, скажем, через Международный суд, что титул на острова должен принадлежать России, то исчезнут и все другие проблемы. С этой целью изыскиваются огрехи в японской аргументации, которые могли бы свидетельствовать, что у России есть серьезные исторические козыри в территориальном споре. Причем много времени и энергии тратится на анализ редких дипломатических документов и карт, на распутывание мелких узелков и поиска формальных уловок.

В принципе вся эта многоэтажная казуистика, конечно, важна для приращения наших знаний о проблеме, но перекрывается одним аргументом: Япония потерпела поражение в войне, потеряв многое, в том числе и острова. Если бы стороны поменялись местами, то…

Едва ли можно согласиться с теми российскими экспертами (например, В. Б. Рамзесом), кто полагает, что острова следует безоговорочно и немедленно вернуть, поскольку они «украдены» у Японии. Острова не «украдены тайком», они были отобраны силой в ходе войны. Таким же образом Мексика потеряла некогда свои северные территории – ныне американские штаты Техас, Нью-Мексико, Калифорния – и это не мешает ей поощрять интеграционные процессы с США (т. е. создание НАФТА). Конечно, в середине XX в. был провозглашен принцип «неприращения территории» в результате войны. Но не выглядит ли этот принцип лицемерным на фоне применения атомной бомбы против мирного населения?

Прямо противоположная точка зрения – «не отдадим ни пяди российской земли» (наиболее типичный представитель – И. А. Латышев). Это довольно сильная позиция, поскольку опирается на патриотизм. Есть у нее влиятельные защитники из числа федеральных и региональных политиков. Например, Иван Малахов, губернатор Сахалинской области, предельно ясно охарактеризовал свое отношение к территориальному вопросу: «Для нас такого вопроса нет – я еще раз говорю, что для нас есть Курильские острова в составе Сахалинской области»[1]. Эта позиция, напоминающая риторику советских времен, имеет сильную эмоциональную аргументацию – в конце концов, люди, родившиеся на островах, имеют все основания считать их своей родиной. Можно найти серьезные политические и экономические обоснования. Однако суть в том, что эта позиция приводит российско-японские отношения в состояние тягостной политической конфронтации.

В целом же, обе точки зрения, похоже, обрекают нас на тупиковые варианты. Истина, как это часто бывает, находится где-то посередине – совершенно необходимо искать цивилизованный компромисс.

Сразу же следует оговориться, «истина посередине» вовсе не означает арифметического решения вопроса по формуле «4 – 2». Выход из тупика многим виделся в выполнении условия Декларации 1956 г. Так, согласно статье 9-й этого документа Японии должны были отойти о-в Шикотан и группа о-вов Хабомаи. Разгорелись жаркие дискуссии,

[1] Ведомости. 08. 04. 2004.

породившие иллюзию приближения к развязке. Конец дискуссиям положили два неординарных события.

Во-первых, новый премьер-министр Коидзуми Дзюнитиро в инаугурационном выступлении в японском парламенте особо подчеркнул, что будет неуклонно добиваться возвращения Японии всех четырех Южно-Курильских островов.

Во-вторых, курс на сближение позиций был оборван предъявлением обвинений влиятельному депутату Судзуки Мунэо. Он оказывал давление на власти с тем, чтобы государственные кредиты на строительные работы на о-ве Кунашир были переданы тем фирмам, которые поддерживали его на выборах. При этом Судзуки и его окружение неофициально давали понять российской стороне, что японское руководство склоняется к варианту постепенного решения территориального вопроса, т. е. к согласию на частичную передачу Японии спорных территорий (в соответствии с Декларацией 1956 г.) с тем, чтобы отложить решение по Кунаширу и Итурупу «на потом». Эта мистификация, конечно, нанесла ущерб поступательному развитию российско-японских переговоров и интересам обеих сторон.

К началу нового века в японских политических кругах сложились две основные линии, предопределяющие подходы к решению территориальной проблемы.

Приверженцы одной линии (назовем их «градуалистами», т. е. сторонниками нефорсированного подхода) соглашались с поэтапным решением территориальной проблемы, полагая, что на первом этапе можно удовлетвориться возвращением Шикотана и Хабомаи, всячески развивать экономическое сотрудничество и лишь затем заводить разговор о двух остальных островах. Именно эту вторую линию и «продвигал» Судзуки, сумевший объединить вокруг себя людей, которые искали реалистичные подходы к решению проблемы. Благодаря накопленному опыту они сознавали, что категорическое требование вернуть сразу все острова практически не имеет шансов на успех.

Сейчас трудно установить японский первоисточник идеи возвращения к принципам Совместной декларации 1956 г. Собственно, идея не нова, но рельефно прозвучала на рубеже веков. Высказывание о рациональности разделения проблем подготовки мирного договора и территориального размежевания прозвучало в июле 2000 г. из уст генерального секретаря ЛДП Х. Нонака. Предложение вызвало волну возмущения со стороны его коллег по партии и прессы: ради чего оказались потраченными зря столько десятилетий, если заключить договор можно было еще в 1956 г., отложив в сторону территориальную проблему? Но именно Судзуки, имевший прочное влияние в ЛДП, несмотря на атаки японских средств массовой информации, достаточно твердо поддержал тогда инициативу генерального секретаря. Впрочем, не только он один предлагал уделять больше внимания переводу спора в правовое пространство на основе Декларации 1956 г.

Сторонники другой линии — «максималисты», не признающие никаких компромиссов и выступающие за безусловное возвращение Японии всех четырех островов. Решительные заявления японского руководства и «дело Судзуки» привели к тому, что зародившиеся надежды на скорое подписание мирного договора оказались иллюзорными, а позитивное развитие политических отношений между нашими странами показалось тогда многим, если не заблокированным, то, по крайней мере, весьма затрудненным. Хотя сейчас ясно, что суждения о тяжелом кризисе были излишне эмоциональны.

Не менее драматично проходил попятный дрейф в России. В марте 2002 г. в Государственной думе с участием представителей ведущих министерств состоялись слушания по Южным Курилам. В рекомендациях президенту, правительству и органам государственной власти участники слушаний подчеркнули, что «мирный договор с Японией ценой территориальных уступок России неприемлем», а главе государства было рекомендовано ориентировать внешнеполитическое ведомство России на отказ от переговоров, заводящих отношения в тупик. В качестве альтернативы было предложено добиваться заключения с Японией всеобъемлющего договора о добрососедстве и сотрудничестве. Однако российский президент, несмотря на мощное давление, согласился внести в совместное заявление по итогам визита в Россию премьер-министра Японии (в январе 2003 г.) положение о «решимости посредством энергичных переговоров по возможности скорее заключить мирный договор путем решения вопроса о принадлежности о-вов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи».

Похоже, история совершила еще один круг. В Японии вновь возродилась надежда на то, что решение проблемы, возможно, находится в зоне видимости, как входящий в гряду Хабомаи о-в Сигнальный (Кайгара), если смотреть с северной оконечности п-ова Нэмуро. Видит око…

Впрочем, для подобного рода надежд были и остаются вполне логичные основания. Для того чтобы пойти против общественного мнения, лидер страны должен обладать большим запасом прочности. Таким запасом, по мнению японцев, обладает президент Путин, получив на мартовских выборах 2004 г. практически всенародную поддержку. Именно в первой половине нового срока пребывания у власти лидер может себе позволить принять жесткие, непопулярные решения. Предсказать действия российского руководства в этом вопросе довольно проблематично. Прежде всего, дело в том, что президент уже

стоит перед суровой необходимостью проводить непопулярные реформы (пенсионного обеспечения, жилищно-коммунального хозяйства и др.). Еще одно тяжелое испытание на прочность в таком болезненном вопросе, как территориальный, чревато серьезными рисками. Поиски решения спора идут совместно с японскими партнерами, многое зависит от их способности пойти на компромиссные сценарии. Тут необходимы встречные усилия по лечению не симптомов, а причин того «недуга», которым страдают российско-японские отношения.

В чем же причины «болезни»? Почему политические и экономические отношения между нашими странами недостаточно хороши? Ответ прост: они, увы, основаны на не искорененных стереотипах недоверия.

Настороженное и недоверчивое отношение японцев к России имеет долгую историю. Похоже, что оно очень давно опирается на представления о величине и непредсказуемости России. В исторической памяти японцев хранится угроза интересам их страны, которая исходила от присутствия России в Манчжурии в конце XIX в.[2] Российско-японские отношения испытали ряд кризисов в связи с инициированным Россией демаршем великих держав, в результате которого Япония была вынуждена отказаться от претензий на Ляодунский полуостров. Она восприняла как угрозу и начало строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Нагнетание подозрительности и недоверия произошло тогда, когда Россия получила в аренду Порт-Артур и ввела свои войска в Манчжурию, чтобы подавить восстание ихэтуаней (боксеров). Большая часть контрибуции, полученной Токио от Китая по Симоносэкскому мирному договору была затрачена на военную модернизацию. Здесь сказалась некоторая политическая недальновидность Санкт-Петербурга: заем на контрибуцию предоставили Китаю российские банки. Фактически Россия финансировала военные приготовления против себя самой. Именно после этого и начинается сильнейшая российская головная боль [3].

Жестокий ущерб национальному самолюбию японцев нанесло вступление СССР в войну против Японии в августе 1945 г. в нарушение договора о нейтралитете. Особо сокрушительным психологическим ударом по надеждам на добрососедство стало интернирование более 600 тыс. японских военнопленных в Сибирь. Вообще, существование социалистического государства рассматривалось японцами как соседство с непредсказуемым и опасным «огромным медведем», который периодически начинал ворочаться в своей берлоге. С точки зрения японцев «медведь» продолжает ворочаться и по сей день. Россия до самых недавних пор считалась предполагаемым противником. Несмотря на то, что наши страны соседствуют в Северо-Восточной Азии, японцы все же склонны рассматривать Россию скорее как европейское, т. е. далекое, государство. В японском языке есть выражение «ура-но Нихон» («оборотная сторона Японии») – т. е. та сторона, которая обращена к России. Получается, что Япония смотрит на США, а к России повернулась, скажем, спиной.

Для Москвы восточный регион России всегда воспринимался как Дальний Восток. Почему же он «дальний», если от него до Японии – рукой подать? Наверно, потому, что он психологически «дальний». Не только «дальний», но и чреватый неприятностями. В исторической памяти русских – унизительное поражение в 1905 г., «паровозная топка» японской интервенции на Дальнем Востоке в ходе гражданской войны, провокации у оз. Хасан и р. Халхин-Гол. Вступление СССР в войну против Японии в 1945 г. сталинская пропаганда успешно мотивировала японскими провокациями. Свою роковую роль сыграли десятилетия интенсивной обработки общественного мнения: слово «самурай» до сих пор несет в себе наслоения негативных эмоций в российском массовом сознании. По опросам общественного мнения, абсолютное большинство жителей России не знает, что спорные территории никогда – до 1945 г. – не принадлежали России или Советскому Союзу[4].

Сейчас у японцев, после некоторой фаталистической паузы, все более определенно растет интерес к Дальнему Востоку и укрепляется реалистическое стремление решить территориальный вопрос. Хотя, на наш взгляд, еще недостаточно определенно и недостаточно реалистично. Национальное сознание очень медленно освобождается от стереотипов, основанных на эмоциональном восприятии и гипертрофированной национальной гордости. Кроме того, «территориальный синдром» сознательно эксплуатируется некоторой частью истеблишмента, ориентированной на США.

Анализ статистических данных (в частности оценочных оборотов в газетных публикациях) позволил сделать вывод о некотором (правда, незначительном) росте антисоветских и националистических настроений в первой половине 70-х годов. Именно на эти годы приходится достижение Советским Союзом стратегического ракетно-ядерного паритета, и с этим, очевидно, связано усиление тревоги среди основных соперников СССР, в первую очередь США, а следовательно, и Японии. Вполне понятно, что озабоченность японского истеблишмента выплеснулась тогда на страницы прессы в виде серии критиче-

[2] *Smith, Robert J.* Japanese Society, Tradition, Self, and the Social Order. Cambridge, 1983, p. 33.

[3] История Японии. Т.2 (1868-1998). М., 2002, с. 185–186.

[4] Более подробную аргументацию, подкрепленную данными опросов общественного мнения, см. в третьей главе данной монографии.

ских материалов. Справедливости ради следует отметить, что кривая усиления напряженности в международных отношениях того времени вылилась в хельсинкский Заключительный акт, что, однако, не смогло снять подозрительности в отношениях между системами. Япония как наиболее близко расположенный к Советскому Союзу партнер США особенно остро ощущала груз недоверия.

Крах советской модели коммунизма и окончание холодной войны привели к появлению условий для выхода из политических тупиков, унаследованных от того времени: напряженность значительно уменьшилась по сравнению с 70-ми годами, был достигнут явный прорыв в отношениях в результате визита Б. Ельцина в 1993 г. и подписания Токийской декларации, а также переговоров на высшем уровне в Красноярске и Каване, Токио и Москве, а также на встречах «восьмерки».

Теперь в Японии эмоциональные настроения замещаются прагматическим подходом. Честный спор на открытую теперь для дискуссий тему нужно только приветствовать, и позитивную тенденцию в отношениях не следовало бы душить в колыбели.

Тем не менее, было бы опрометчивым утверждать, будто недоверчивость и настороженность в отношениях между Японией и Россией полностью исчезли. Появившиеся в ходе российских экономических реформ новые реалии вызывают у многих японцев чувства настороженности и порой изумления. Эти негативные эмоции, естественно, уменьшают шансы подписания мирного договора.

Отсутствие или наличие мирного договора едва ли может серьезным образом изменить мотивации японского бизнеса. Почему?

Профессор Хакамада Сигэки, известный эксперт по российским проблемам, отмечает в статье под красноречивым заглавием «Российский кризис – хрупкость общества низкого доверия»: истинная причина политических и экономических неурядиц в России заключается в том, что отсутствуют базовые принципы гражданского общества, основанные на взаимодоверии.

Доверие, как известно, принадлежит к категории традиционных устоев японского общества. Нет доверия – нет бизнеса. Перелив капиталов в спекулятивные операции и уход от налогов в высшей степени затрудняют переход к рыночной экономике[5]. Хакамада также принадлежит статья под характерным заголовком «Порядок и стихийность», в которой японской национальной психологии приписывается верность принципам порядка, а российскому менталитету – склонность к «стихийности». Так вот, эта «стихийность» как антипод порядка отпугивает японцев. Весьма характерный пример: один японский бизнесмен в откровенной беседе сказал, что, крайне отрицательно относясь к взяткам, он все же готов подчиняться правилам игры и дать взятку российскому чиновнику. Но – кому? Многие из них охотно берут взятки, но ничего не делают взамен. Такая ситуация кажется просто дикой японскому бизнесу. Не менее раздражает японских предпринимателей отсутствие элементарной производственной дисциплины на российских предприятиях. Дорогое для японских бизнесменов понятие, которое они предпочитают именовать по-английски «just in time» («точно вовремя» – это точность до четверти часа, иногда и до минуты), заменяется безмерно растяжимым русским «может быть, завтра» (на следующей неделе и т. д.).

[5] Никкэй симбун. 09.11.1998.

Особенно нервозно реагирует японское бизнес-сообщество на отсутствие или, скорее, нестабильность правовых гарантий в России. Бизнес в России многим японцам представляется игрой без правил или с правилами, которые постоянно (и неожиданно!) меняются. Едва ли японский бизнес стал бы воздерживаться от инвестиций в Россию, если бы они приносили нормальные дивиденды, которые не зависели бы от капризов чиновников и от криминального бизнеса. Японские предприниматели к тому же весьма чувствительно воспринимают любую информацию о разгуле преступности в России и склонны драматизировать ее.

Японский бизнес хочет видеть повышение уровня функционирования правовой системы. Кроме того, японские предприниматели сетуют на то, что по-прежнему велика экономическая разница между крупными городами, в первую очередь между Москвой и регионами. С точки зрения создания благоприятного инвестиционного климата особенно важным японцам представляется дальнейшее упрощение различных процедур, связанных с ведением бизнеса. Необходимы реформирование законодательной и налоговой систем, а также реформа в отношении предприятий-монополистов в таких областях, как электроэнергия, газ, железные дороги и др., увеличение объема инвестиций в оборудование путем развития банковского сектора, без чего развитие экономических связей, по мнению японского бизнеса, просто невозможно.

Заинтересован ли российский бизнес в создании благоприятных условий для углубления экономических связей? Удивительно, но в России не наблюдается достаточно стабильного и, главное, сильного интереса к японским инвестициям. Конечно же, некоторый интерес к получению денег существует, но он сочетается с явным дефицитом ответственности и желания точно и в срок выполнять обязательства. Поражает некоторая «ленность» и отсутствие предпринимательского азарта со стороны российских бизнесменов.

Таким образом, ни в России, ни в Японии нет достаточно влиятельных социальных или лоббистских групп, которые были бы сильно

заинтересованы в решении территориального вопроса и заключении мирного договора.

Путь к мирному договору не так прост, как могло бы показаться, из-за множества осложняющих обстоятельств. Прежде всего, это – фактор времени. Хочется согласиться с видным российским ученым А. Д. Богатуровым, который утверждает, что «российско-японские отношения не нацеливают на ожидание в обозримой перспективе беспроблемного развития». Действительно, российская сторона не может позволить себе медлить до бесконечности в вопросе подписания договора, а «время начало работать не в пользу России». Китайский вызов заставляет задуматься об определении потенциальных союзников России в северо-западной части Тихоокеанского бассейна[6]. Трудно заглядывать на десятилетия вперед, но вполне уверенно можно утверждать, что российскому народу едва ли подошла бы роль «младшего брата» в тандеме с Китаем. Гораздо более желателен сценарий максимально конструктивных и, главное, сбалансированных отношений и с Китаем, и с Японией, и с США.

Можно ли что-либо позаимствовать из мирового опыта решения подобных проблем? Есть несколько формул, заслуживающих того, чтобы над ними поразмышлять, хотя в чистом виде они едва ли применимы к российско-японскому территориальному размежеванию.

Уже хрестоматийным становится пример возвращения Израилем Египту Синайского полуострова, площадь которого превышает не только Южные Курилы, но и сам Израиль. (Для сравнения напомним, что общая площадь о-вов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп составляет 5036 кв. км, т. е. 0,029% всей территории России.) Вернуть Синай для израильтян было психологически непросто и по той причине, что там находятся святыни трех мировых религий, в частности, гора Моисея, на вершине которой пророк получил от Господа священные скрижали с десятью заповедями. Тем не менее, Израиль пошел на обмен по формуле «мир за территории». В результате мир с египтянами оказался прочным, а сама формула территориального урегулирования в целях политической стабильности – продуктивной.

Еще одна любопытная формула связана с возвращением Японии Окинавы. Сравните: Вашингтон заключил с Токио договор безопасности в 1952 г., т. е. США и Япония стали ближайшими военно-политическими союзниками. А архипелаг Рюкю (Окинава) был возвращен Японии в 1972 г., лишь через 20 лет! Причем до сих пор значительная часть архипелага представляет собой территорию американских военных баз. Вероятно, если бы Москва и Токио заключили подобного

[6] *Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане. М., 1997, с. 301.

рода договор, они смогли бы найти приемлемую формулу размежевания на тех же условиях гораздо быстрее. Беда лишь в том, что Токио не пойдет на заключение какого-либо договора без твердых гарантий решения территориального вопроса. Заключение договора с точки зрения Токио означает, что возвращение островов становится журавлем в небе. Логика проста и понятна: японские руководители заинтересованы в сохранении действенных рычагов давления на Россию.

Особенно эмоционально в ряду гипотетических территориальных аналогов японская политическая элита воспринимает проблему Крыма. Полуостров, по ее мнению, был отдан Украине довольно легко. И это несмотря на то, что «Крымский полуостров и исторически, и с точки зрения обеспечения безопасности России, а также и для сердца российских граждан представляет собой район, имеющий важное значение, которое ни в коей мере не сопоставимо со значением северных о-вов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп»[7]. Такая неоправданная покладистость России породила в Японии надежды на то, что передача Южно-Курильских островов произойдет столь же безболезненно. Здесь следует иметь в виду, что ставка для России была слишком высока. А именно – выход Украины из сферы влияния России вплоть до присоединения к НАТО, которого в тот момент нельзя было исключить. Такой исход мог самым драматическим образом разбалансировать всю систему международных отношений в регионе. Если бы территориальный спор с Японией был завязан на задачу, относящуюся к подобным важнейшим стратегическим приоритетам России, то решить его можно было бы значительно быстрее.

Другого рода красноречивая аналогия – омрачающий китайско-японские отношения территориальный спор вокруг о-вов Сэнкаку (Дяоюйдао). Эту территорию, которую в 1951 г. США передали Японии, Пекин, как известно, считает своей, прежде всего, по историческим причинам. Тем не менее, после трудных переговоров стороны убедились в бесплодности попыток выйти из тупика и, подписывая в 1978 г. Договор о мире и дружбе между Японией и Китайской Народной Республикой, достигли понимания, что окончательное решение спора передается «на усмотрение будущих поколений». Может ли такой результат стать позитивным примером для урегулирования проблемы «северных территорий»?

Среди выдвигаемых российской стороной промежуточных сценариев – уже упоминавшееся предложение заключить договор о мире, дружбе и сотрудничестве, в котором бы формулировалась задача решить проблему «северных территорий» в отдельном договоре. Это

[7] Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией. 88 вопросов от граждан России. Пер. с яп. М., 2000, с. 105.

предложение представляется весьма заманчивым и конструктивным практически по всем параметрам, кроме одного – японская сторона отказывается его воспринимать. В Токио полагают, что Россия, предлагая заключить мирный договор без статьи о пограничном размежевании, намерена отложить решение территориальной проблемы в долгий ящик и тем временем получать выгоды от развития сотрудничества. Похоже, что этот путь малоперспективен, хотя решение спора вокруг о-вов Сэнкаку все же оставляет шансы на использование идеи в более сложном пакетном сценарии.

По мнению японской стороны, российские власти используют всевозможные «уловки», чтобы отложить решение на неопределенное будущее. К примеру, один из первых российских сценариев разрешения территориального спора, предложенный Ельциным, предусматривал следующие этапы: 1) обнародование декларации, в которой признается наличие территориального вопроса; 2) создание «зоны совместной деятельности»; 3) демилитаризация зоны; 4) подписание мирного договора; 5) передача «последующим поколениям» возможности сделать свободный выбор между «совместным управлением», «превращением в свободную зону» или «возвращением» островов Японии. «Пятиэтапный план» был очень хорош, но оказался совершенно неприемлемым для Японии, и, кажется, причины вполне понятны. Прежде всего, он развеивал все надежды японцев придти к какому бы то ни было решению в обозримом будущем и являлся вариантом заключения мирного договора без пограничного размежевания.

К политическим «подводным рифам» островной проблемы следует отнести вопрос ратификации такой редакции договора, которая ущемляла бы принцип территориальной целостности России. Предположим, в настоящее время, когда парламентское большинство находится под президентским контролем, драматических коллизий, может быть, и удалось избежать. Но по российской конституции требуется решать вопросы об «изменении в составе территорий» путем всенародного референдума. По мнению Токио, в данном случае речь не идет о территориальной целостности России, поскольку острова являются спорными. Однако вряд ли депутаты Госдумы, члены Совета Федерации и российское население согласятся с японскими аргументами.

Пожалуй, здесь не стоит дальше углубляться в разбор конкретных деталей возможного решения территориальной проблемы. Во-первых, уже накоплены тысячи страниц сценариев и бесконечных комментариев. Предлагать какое-либо новое решение едва ли имеет смысл. Во-вторых, дело это щекотливое и отнюдь небезопасное.

Чтобы не быть голословным, приведем в качестве примера частный, но весьма характерный и исполненный внутреннего драматизма, случай, который произошел с профессором Ивасита Акихиро. Ученый потом с горечью написал: «Любящие сенсации средства массовой информации и часть самозванных “специалистов по территориальному вопросу” превращают любые серьезные попытки найти решение территориального вопроса в сенсацию, а то и в скандал»[8]. Суть ситуации в том, что в начале 2004 г. газета «Известия» опубликовала интервью с профессором Ивасита, в котором анализировался любопытный вариант решения территориальной проблемы на основе передачи трех островов. Редакция предпослала тексту интервью такую врезку: «Японское правительство, по данным “Известий”, готовит новый – и весьма неожиданный – вариант урегулирования территориального спора с Россией. Разработали его в Центре славянских исследований при Университете Хоккайдо – самом авторитетном в Японии по проблемам России. Исследования центра финансирует и координирует МИД страны»[9].

В газетной врезке скрыты, по меньшей мере, три серьезные ошибки. Во-первых, нет никаких свидетельств того, что японский МИД обсуждал когда-либо возможность возвращения трех островов. Во-вторых, автор данной главы как исследователь, не один раз посещавший Центр славянских исследований в Саппоро, может засвидетельствовать, что центр не имеет никакого отношения к МИДу, а спонсируется министерством просвещения и входит в его систему. В-третьих, центр подчеркнуто не проводит исследований территориальной проблемы (думается, именно для того, чтобы избежать ненужной политизации научных поисков)[10]. Главное же, в интервью шла речь о личном мнении ученого-политолога, а вовсе не о какой-то правительственной разработке.

О чем говорит этот пример? Прежде всего, о том, что вокруг территориальной проблемы сохраняется атмосфера сенсационности, болезненной чувствительности и домыслов. До тех пор, пока такая нездоровая атмосфера будет доминировать в российско-японских отношениях, никакого заметного приближения к заключению мирного договора быть не может.

14 апреля 2004 г. произошло знаменательное событие в российско-японских отношениях – заседание Совета мудрецов в Москве. Напомним, что Совет возглавляют с российской стороны московский мэр Юрий Лужков, а с японской – бывший премьер-министр Мори

[8] http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/publictn/19/iwashita.pdf.

[9] Известия. 04. 02. 2004.

[10] Подробно остановившись на этой ситуации, пользуемся случаем подчеркнуть, что все оценки, высказанные в данной главе, принадлежат исключительно автору, но никак не российскому МИДу или какой-либо иной государственной организации.

Итиро. Создание этого органа было призвано, на наш взгляд, разорвать алгоритм встреч и переговоров, которые поначалу провозглашались «историческими», а потом вызывали у наших японских партнеров довольно тягостные воспоминания, такие, например, как встреча Ельцин–Хасимото в Красноярске, на которой было обещано заключить мирный договор до 2000 г. Поскольку высшие государственные институты не смогли решить вопрос о заключении договора, от Совета мудрецов как неправительственной организации ожидают новых, нетривиальных предложений.

Встреча Совета мудрецов в апреле 2004 г. не стала прорывом в отношениях, но в определенной степени окрылила надеждами. Есть симптомы, говорящие о том, что московский мэр собирается сделать главную ставку на экономическое сотрудничество на спорных островах.

Москва уже предлагала совместное освоение о-вов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп, а в 1998 г. была создана новая система рыболовного промысла вокруг Южно-Курильских островов. Идея выглядит продуктивной, но вызывает скептическую реакцию японцев. В связи с организационной и административной неразберихой японская сторона считает, что «реализация совместного освоения северных о-вов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп отнюдь не вселяет оптимизма»[11].

В принципе, экономическое сотрудничество считается одним из наиболее перспективных сценариев приближения к мирному договору. Японцы, демонстрируя скептицизм по отношению к совместному хозяйствованию на островах, поощряют крупные проекты экономического взаимодействия между двумя странами и не привязывают жестко решение территориального вопроса к развитию такого рода сотрудничества с Россией.

Новым фактором в двусторонних отношениях стали мировые цены на нефть, которые, как оказалось, могут сыграть ключевую роль в продвижении наших стран к мирному договору. Дело в том, что, вполне вероятно, японскую экономику подстерегает опасность кризиса по примеру спада 70-х годов, если цены на нефть продолжат свой рост. К такому выводу пришли эксперты Института электроэнергетической промышленности Японии после проведения опроса представителей крупных японских компаний. При сохранении цен на нефть на уровне 40 долл. до конца текущего года доходы предприятий и компаний по всей стране снизятся в среднем на 2,5%, что приведет к снижению японского ВВП на 0,3% в 2004/05 фин. г.[12]

[11] См.: Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией, с. 100.

[12] http://www.rbcdaily.ru/news/market/index.shtml?2004/05/17/54855.

Весьма важным для приближения к мирному договору является то обстоятельство, что по мере обострения ситуации на бурлящем Ближнем Востоке, спрос на сырую нефть в государствах Азии продолжает расти. Японские власти, опасаясь сохранения высоких цен, спешат диверсифицировать источники закупок, считает экономист Дмитрий Коптюбенко, и потому они ищут новые источники поставок топлива. В качестве основных альтернативных источников рассматриваются Россия и, в меньшей степени, Западная Африка и Иран. Что касается России, во-первых, японцы проявляли самый горячий интерес к проекту строительства трубопровода Ангарск – Находка, выразив желание также поставлять оборудование. Во-вторых, японские предприниматели продемонстрировали свой несомненный интерес к участию в геологоразведочных и нефтегазодобывающих проектах, в особенности в Иркутской области. В-третьих, они уже интересуются поставками сжиженного газа с Дальнего Востока. Этот неподдельный интерес коренным образом влияет на складывание новой архитектуры политических отношений между двумя странами. Формируется новый мощный фактор, который может привести к появлению сильных групп давления.

Увязка проблемы высоких цен на нефть и мирного договора заключается в том, что угроза экономического кризиса должна подтолкнуть политиков к резкому ускорению процесса сотрудничества с Россией и, вполне вероятно, к росту заинтересованности японской стороны в заключении мирного договора.

Конечно же, подходы к заключению мирного договора далеко не так просты и однозначны. Спрашивается, будет ли японский бизнес больше инвестировать в российскую экономику, если Россия передаст «северные территории». Ответ очевиден: Япония сама кровно заинтересована в развитии альтернативных источников энергии и этот интерес практически не зависит от наличия или отсутствия договора. Равным образом, участие Японии в крупных экономических проектах не может являться безусловным рычагом давления на принятие решений в Москве. Обе стороны руководствуются соображениями выгоды. Вместе с тем нельзя отрицать, что общий климат взаимоотношений в определенной мере зависит от решения территориальной проблемы и заключения мирного договора.

Вопрос можно сформулировать чуть иначе: будет ли японский бизнес инвестировать больше в те проекты, которые нужны именно России при условии решения территориальной проблемы и заключения договора? Ответ: возможно. Но это уже не столь важно, поскольку Япония в любом случае будет руководствоваться, прежде всего, своими интересами, а не интересами России.

У России и Японии уже накоплен конкретный опыт сотрудничества, связанный с островами, – как позитивный, так и негативный. В рамках Совместной российско-японской комиссии по вопросу о заключении мирного договора, к примеру, созданы подкомиссии по пограничному размежеванию и по совместной экономической деятельности.

В ходе многочисленных переговоров обозначились те направления сотрудничества, которые наиболее эффективно могли бы вывести нас на подписание мирного договора. Отношения между Москвой и Токио, похоже, стали более конструктивными благодаря успешному началу претворения в жизнь «Японо-российского плана действий», принятого лидерами двух стран во время визита премьер-министра Японии Д. Коидзуми в Россию в январе 2003 г.

В плане обращают на себя внимание шесть основных направлений развития двусторонних отношений:

– углубление политического диалога;
– переговоры по мирному договору;
– сотрудничество на международной арене;
– сотрудничество в торгово-экономической области;
– развитие связей в оборонной и правоохранительной областях;
– развитие культурных связей и обменов между гражданами двух стран.

Можно согласиться с послом Японии в России Номура Иссэй, что «из этих шести областей наиболее важное место в двусторонних отношениях занимает вопрос переговоров по мирному договору»[13]. Тем не менее, вероятно, все шесть направлений не только тесно взаимосвязаны, но и взаимодействуют синергически. Учитывая целенаправленное воздействие на чувствительные точки каждой из обозначенных областей и достижение при этом их позитивного влияния друг на друга, вполне можно ожидать продвижения вперед и в территориальной проблеме. Именно сбалансированное развитие всех направлений сотрудничества, видимо, способно обеспечить переход всего спектра двусторонних отношений на качественно новый уровень. И в этом контексте может оказаться особенно продуктивным Совет мудрецов.

Итак, первое направление «Плана действий» – **углубление политического диалога**. Приведем в качестве примера политический календарь российско-японского диалога прошлого года, который был насыщен почти ежемесячными встречами. После январского визита Коидзуми в Москву состоялся визит первого президента Российской Федерации Бориса Ельцина в Японию (март). Затем последовали: встреча глав внешнеполитических ведомств обеих стран в ходе переговоров министров иностранных дел стран «восьмерки» в Париже (май); японо-российская встреча на высшем уровне во время празднования 300-летия Санкт-Петербурга (май), визит в Россию бывшего премьер-министра Японии Мори Ёсиро (июнь), визит на российский Дальний Восток министра иностранных дел Японии Кавагути Ёрико (июнь), встреча министров иностранных дел двух стран в ходе сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь), встреча японского и российского лидеров во время саммита АТЭС (октябрь) и визит в Японию председателя правительства РФ Михаила Касьянова. Этот список еще более удлинится, если взглянуть на события 2004 г. Для краткости выделим лишь московское заседание Совета мудрецов (апрель), встречу на высшем уровне в ходе саммита «восьмерки» на Си-Айленде (июнь), а также летний визит Кавагути Ёрико в Москву. Этот календарь свидетельствует о том, что контакты между руководством Японии и России поддерживаются практически беспрерывно.

[13] *Номура Иссэй.* Инвестиционный климат в России уверенно улучшается. – Интерфакс. 11. 11. 2003.

Второе направление – **переговоры по мирному договору**. В ходе встреч на высшем уровне (в январе и мае 2004 г.) президент и премьер-министр единодушно согласились в том, что для того, чтобы перевести проблему мирного договора в практическую плоскость, необходимо ускорить консультации и работу экспертов двух стран. В результате стали более регулярно проводиться интенсивные консультации на рабочем уровне, прежде всего между внешнеполитическими ведомствами двух стран. Как уже упоминалось, большие надежды возлагаются также на Совет мудрецов, от которого ожидают формирования качественно новых подходов к решению проблемы мирного договора.

Третье направление – **сотрудничество на международной арене** – развивается достаточно интенсивно, поскольку само развитие ситуации диктует необходимость тщательной координации. Симптоматично, что между нашими странами складывается тесное взаимодействие, прежде всего, по самым актуальным и острым вопросам: это и проблемы Ирака, и борьба с международным терроризмом, и сотрудничество в сфере ядерного разоружения и др. При этом по многим ключевым вопросам отмечается совпадение или сближение позиций. Особенно впечатляет конструктивность контактов по вопросу Северной Кореи. Здесь между Японией и Россией поддерживается тесная связь. Так, непосредственно перед визитом премьер-министра Коидзуми в КНДР в сентябре прошлого года и сразу после его окончания между главами наших государств состоялись телефонные беседы. Президент Путин, до этого уже имевший опыт общения с генеральным секретарем Ким Чен Иром, по словам посла И. Номура, «давал нашему лидеру ценные советы».

В отношении роли России в урегулировании ядерной проблемы Северной Кореи, Япония неоднократно положительно оценивала конструктивную роль Москвы в ходе шестисторонних переговоров. Учитывая

существование у России постоянных каналов связи с КНДР, японская сторона не раз отмечала, что рассчитывает и в дальнейшем на конструктивный вклад России в продолжение этого процесса.

Нисколько не теряет своей актуальности четвертое направление – **сотрудничество в торгово-экономической области**. Увы, положение дел в этой сфере разительно не соответствует уровню имеющегося потенциала: по данным на 2003 г., объем японо-российской торговли меньше товарооборота между Японией и США в 42 раза, а между Японией и Китаем – в 24 раза[14]. Здесь, к сожалению, истинного прорыва нет, хотя складываются предпосылки для более динамичного развития. Как отмечалось выше, наблюдается уверенный прогресс по вопросу Тихоокеанского нефтепровода. Кроме того, проводятся встречи экспертов двух стран по наиболее перспективным проектам.

Пятое направление – **развитие связей в оборонной и** правоохранительной областях. О явном прогрессе в этой области свидетельствует ряд взаимных визитов на высоком уровне. В январе 2003 г. Россию посетил начальник Управления национальной обороны Исиба Сигэру, а всего через три месяца после этого ответный визит в Японию нанес министр обороны России Сергей Иванов. Символическим событием, свидетельствующим о развитии связей между нашими странами в оборонной сфере, стал небольшой, но принципиально важный японский вклад в крупномасштабные маневры, проводившиеся Россией на Дальнем Востоке в августе 2003 г. Тогда эскортный корабль и вертолет морских сил самообороны Японии приняли участие в совместных поисково-спасательных учениях в расположенном к югу от Находки районе Японского моря.

На Дальнем Востоке остро стоит проблема утилизации списанных российских атомных подводных лодок и избыточных запасов плутония, остающихся при демонтаже ядерного оружия и т. д. Япония приняла решение инкорпорировать в программу «Глобальное партнерство» стран «восьмерки» договоренность, принятую на саммите в Кананаскисе (Канада) в 2002 г., ассигновать более 200 млн. долл. Из них более 100 млн. пойдет на утилизацию списанных атомных подводных лодок. 28 июня 2003 г. в окрестностях Владивостока было подписано соглашение, касающееся проекта демонтажа атомной подводной лодки многоцелевого назначения класса «Виктор-III» (№304). Общая сумма финансирования этого проекта достигает 7 млн. долл.

И, наконец, шестое направление – **развитие культурных связей и обменов** между гражданами двух стран. В этой сфере накоплен, пожалуй, наиболее позитивный и обнадеживающий опыт. С беспрецедентным интересом жители России встретили «Фестиваль японской

14 Там же.

культуры в России – 2003», проводившийся с апреля 2003 г. во многих российских городах. Нельзя не упомянуть и целенаправленные усилия Японского фонда, который ведет плодотворную работу по организации и финансированию культурных и научных обменов. Растет число посещающих Японию российских театральных и музыкальных коллективов, талантливых солистов, которые эффективно способствуют преодолению негативных стереотипов, закрепившихся в массовом сознании японцев.

Довольно образно характеризует ситуацию, сложившуюся в российско-японских отношениях, американский исследователь Уильям Ниммо: «Сочувственный подход мог бы значительно способствовать продвижению задач защитников демократии в России и продуцировать добрую волю, для того чтобы сделать передачу территорий Японии более приемлемой для России. Однако пока лидеры обеих стран не примут подобные подходы, Япония и Россия будут продолжать выглядеть как партнеры, делающие круги в ритме медленного вальса на том же самом месте»[15].

Происходящие сегодня процессы глобализации и детерриториализации придают новый контекст территориальному спору между Россией и Японией. Москва и Токио, похоже, шаг за шагом приближаются к общему пониманию национальных интересов, в котором сакральность территории, бывшая некогда краеугольным камнем интерпретации национальных интересов, отступает на второй план[16]. На некий разворот интерпретации территориального фактора все чаще указывают многие российские эксперты. «План Путина завершает внешнеполитический цикл последних 15 лет и, по сути, ставит под вопрос всю стратегическую парадигму российского модерна, – пишет российский исследователь С. А. Медведев. – С точки зрения модерна (которую разделяет большинство российской внешнеполитической элиты), территория священна и потому имеет стратегическое значение. Путин хочет развернуть эту парадигму, рассматривая территорию как тактический ресурс…»[17].

Японцы придерживаются явно консервативных взглядов, которые заключаются, например, в следующем: «Мнение, что, по мере того как прозрачность границ будет все более пробивать себе дорогу, понятие государства, главным в котором являются границы, истолковывается как уже устаревшее, не соответствующее современной эпохе, нельзя не считать несколько преждевременным» [18].

15 *Nimmo William F.* A Revaluation in the Post-Soviet Era. Westport, CT, Greenwood. 1994, p.179.

16 Россия и Япония: Пропущенные вехи на пути к мирному договору. М., 2001.

17 *Медведев С.* Россия: внешняя политика, безопасность, идентичность. – Мировая экономика и международные отношения. 2003, № 7.

18 Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией, с. 95.

* * *

Спору нет, решение территориального вопроса – необходимое условие для подписания мирного договора. Но достаточно ли этого для того, чтобы перевести наши отношения на качественно новый уровень? Если бы спорные острова были сметены с лица океана мощным цунами, стал бы, например, японский бизнес инвестировать больше в нашу экономику? Едва ли.

Осмелимся предложить в корне иной подход: территориальный спор есть не источник, а результат, или, во всяком случае, симптом плохих отношений. Иными словами, отношения не потому не урегулированы, что существует территориальная закавыка, а, наоборот, стороны не в состоянии решить проблему островов, поскольку их отношения недостаточно хороши. И лечить надо не симптом, а основное заболевание.

На основании многочисленных бесед с представителями различных слоев японского общества – политологами, дипломатами, бизнесменами, мы можем уверенно высказать предположение, что проблема «северных территорий» представляет собой сугубо дипломатическую проблему, которая зачастую искусственно подогревается в сознании некоторой части населения Японии. Что-либо изменить в этом патовом состоянии может только достаточно мощная политическая воля. В данном случае мы видим именно дефицит политической воли.

Безусловно, российское руководство хотело бы избавиться от головной боли, решить в приемлемой форме территориальный спор и, наконец, иметь международно-признанные границы в регионе.

Конечно, и японское руководство хотело бы решить территориальный спор и покончить с затянувшимся противостоянием, дать возможность пролить бальзам на национальную гордость.

Чтобы решить вопрос, надо не просто хотеть (этого явно недостаточно), а очень настойчиво хотеть и целенаправленно искать для этого возможности. Решить вопрос равнозначно нахождению компромисса, поскольку ни одна из сторон не готова к сдаче позиций. Однако оказывается, что ни одна из сторон не готова идти на компромисс. Скорее, именно Россия ищет компромисса, а японская сторона отвечает отказом.

Когда обе стороны по-настоящему захотят решить вопрос, они быстро решат его. Как? Это – дело дипломатов обеих сторон, которые уже наработали множество вариантов. Новые сценарии подскажет развитие ситуации.

Глава пятая

Успехи и проблемы «народной дипломатии»

Решение многих вопросов международной жизни и межгосударственных отношений в настоящее время невозможно без учета общественного мнения и позиций организаций, его отражающих. Общественные силы сегодня оказывают прямое и весьма эффективное воздействие на «большую политику», содействуют формированию и развитию в международных отношениях позитивных процессов, способствуют упрочению всеобщего мира и безопасности народов. И, наконец, особую ценность общественным связям придает то обстоятельство, что, в сущности, во всех своих формах и проявлениях они дают дополнительные возможности по установлению личных контактов между самым широким кругом людей.

В настоящее время общественные связи наряду с политическими, экономическими, дипломатическими и другими стали важным звеном в системе российско-японских отношений. Их особое значение во многом определяется сложной противоречивой историей двусторонних отношений. Наши государства воевали между собой в XX в., пожалуй, чаще других стран, и до сих пор не имеют мирного договора по итогам второй мировой войны. Это предопределило существование нерешенных вопросов послевоенного урегулирования, которые до сих пор оказывают влияние на состояние общественной атмосферы в России и Японии, которая во многом направляет действия политиков двух стран.

Тем не менее, на уровне прямых человеческих контактов народы России и Японии имеют достаточно богатую и позитивную историю двустороннего общения. Географическая близость сближала русских и японцев, которые всегда были открыты к сотрудничеству между собой и оказанию естественной и бескорыстной помощи друг другу во время морских и других природных бедствий. История знает тому

много примеров. Наиболее известный из них – «русская Одиссея» японского купца Дайкокуя Кодаю (XVIII в). Он оказался в России в результате кораблекрушения у берегов Камчатки и провел у нас около 10 лет, непосредственно общаясь с русскими людьми, и даже открыл в Иркутске первую школу японского языка.

Движимые такими же искренними добрососедскими чувствами жители Японии, в свою очередь, оказали радушный прием членам миссии адмирала Путятина, потерпевшей бедствие в японских водах вблизи поселка Хэда (преф. Сидзуока). В память о тех исторических событиях в этих местах был построен мемориальный музей, ставший символом японо-российской дружбы.

Однако на широкой основе движение за развитие связей и взаимопонимания с Россией стало развиваться лишь с начала с 20-х годов прошлого столетия. После Октябрьской революции и последовавшей вслед за этим японской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке стало ясно, что нужно, несмотря на все трудности, начинать выстраивать диалог в новых условиях. Подписание в январе 1925 г. Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией открыло путь к налаживанию прямых контактов между общественностью двух стран. Тогда к движению за дружбу с Советским Союзом примкнули представители самых различных слоев населения Японии. Конечно, далеко не все они симпатизировали идеям социализма, однако их объединяло понимание важности и нужности для Японии развития отношений с нашей страной.

Люди делового мира тогда так же, как и в наши дни, были заинтересованы, прежде всего, в расширении экономических связей с Россией, в которой они видели огромный рынок, с одной стороны, и огромные залежи природных ископаемых и рыбных запасов – с другой. Японская интеллигенция, хорошо знакомая с произведениями русской классической литературы, стремилась к расширению культурных связей с СССР. Для многих японцев общественные контакты с Советским Союзом, осуществлявшиеся через японские организации дружбы, были единственным каналом общения с нашей страной. Однако их деятельность зачастую входила в непримиримое противоречие с официальным курсом правительства Японии, нацеленного на борьбу с коммунистической идеологией, и усилившимся влиянием СССР в мире. Активисты обществ нередко подвергались политическим репрессиям и арестам, а организации подлежали роспуску.

Но, несмотря на это, движение за дружбу с нашей страной доказало свою силу и жизнеспособность в самых трудных условиях. Оно вынесло и полицейские репрессии довоенной Японии, и трудные годы «холодной войны». На смену созданным перед второй мировой войной общественным структурам в 50–60-е годы XX в. пришли новые объединения сторонников дружбы с СССР.

Исследователь проблем движения за дружбу с СССР Б. И. Угринович выделяет следующие этапы в истории возникновения и развития общественных связей между нашими странами.

Первый этап – 1917–1925 гг. – от Октябрьской революции и до установления советско-японских дипломатических отношений, когда прямых контактов японской общественности с Советским Союзом еще фактически не было.

Второй этап – 1925–1933 гг. – от установления дипломатических отношений до начала ужесточения политической ситуации в стране.

Третий этап – 1933–1945 гг. – господство в Японии авторитарного режима и участие страны в захватнических войнах.

Четвертый этап – 1945–1956 гг. – от разгрома японского милитаризма и начала демократизации японского общества до восстановления советско-японских дипломатических отношений.

Пятый этап – 1956–1976 гг. – поступательное развитие советско-японских отношений в различных областях.

Шестой этап – 1976 г.– середина 80-х годов – противоречивые явления и процессы, активизация прогрессивных сил Японии в борьбе за независимое развитие страны, за мир, против ядерной угрозы[1].

Сегодня можно говорить о качественно новом периоде российско-японских общественных связей, которые определяются теми принципиальными изменениями, которые произошли в жизни нашей страны и на международной арене за последние 10–15 лет. Это – прежде всего развитие демократических процессов в Российской Федерации, давших возможность уйти от формального подхода участия граждан в общественной жизни, и положивших начало формированию структур гражданского общества, в том числе и в области связей с общественными организациями зарубежных стран. В послании Президента Российской Федерации В. Путина Федеральному Собранию в 2003 г. особо подчеркивалось, что именно общественность должна играть первостепенную роль в формировании гражданского общества в России и развитии демократических процессов[2].

Одновременно с этим обозначилась тенденция расширения в мире влияния неправительственных организаций, которые «уже по многим вопросам способны не только “уводить” власть от государства, но и навязывать ему свою волю»[3]. Возрастает роль общественного мнения.

---

[1] *Угринович Б. И.* Япония: движение за добрососедство с Советским Союзом. М., 1984, с. 8.

[2] Российская газета. 17. 05. 2003.

[3] Стратегия для России: повестка дня для президента–2000, М., 2000, с. 66.

Внешняя политика оказывается под все большим общественным вниманием, и принятие многих стратегических решений становится невозможным при игнорировании воли широких слоев населения. Влияние страны, общества, их информационные возможности по формированию внешней среды в большой степени определяют привлекательность или непривлекательность этих решений для широкого международного общественного мнения.

В данном контексте можно говорить о трех новых этапах в российско-японских общественных отношениях.

Первый этап – середина 80-х годов –1991 г. Это – период радикальных реформистских процессов в Советском Союзе, завершившийся распадом СССР. Они получили практически зеркальное отражение в состоянии общественного движения за дружбу между нашими странами. На барометре общественных настроений этот период проявляется как резкий переход от неожиданно обозначившихся позитивных перспектив в развитии советско-японских отношениях и связанной с ними возросшей степени гражданской активности в обеих странах к осознанию необходимости внесения существенных коррективов в содержание и организацию двусторонних общественных структур как главного условия их выживания и обеспечения деятельности в новых условиях.

Второй этап – 1991–1997 гг. – период кардинальных трансформаций, охвативших движение за дружбу между нашими странами и явившихся отражением кризисных политических и экономических явлений в нашей стране. Он был ознаменован уходом с общественной авансцены ряда представительных организаций – участников движения за дружбу между нашими странами. Появилось много новых структур с самым широким диапазоном деятельности, участвующих в двустороннем диалоге, и в то же время стабилизировалась работа традиционных обществ дружбы в наших странах.

Третий этап можно условно обозначить начиная с 1997 г., когда президент России Б. Ельцин выступил с инициативой создания общественного российско-японского Комитета XXI века с целью развития отношений между двумя странами. С этого момента общественное движение за дружбу начинает получать постоянную поддержку со стороны высших политических руководителей обеих государств.

Наиболее характерной чертой современного этапа движения за дружбу между нашими странами является переход к многовекторной «народной дипломатии», которая все более поддерживается органами власти двух стран. Фактически можно говорить о том, что произошел окончательный переход к признанию последними того, что общественные связи являются действительно эффективным каналом не только

обмена мнениями, но и выработки конструктивных предложений и решений в сфере двусторонних контактов.

В этой связи следует более подробно остановиться на предыстории основных общественных структур, ставших, по существу, главными участниками современного этапа движения за дружбу между нашими странами.

Это – Общество Япония – СССР (Ниссо кёкай), основанное в 1957 г. и ставшее преемником существовавших до войны организаций, созданных при участии Компартии Японии. Кстати, это отнюдь не исключало возможности работы в нем многих выдающихся государственных деятелей, представителей науки и культуры Японии. Достаточно сказать, что первым председателем этой организации был избран бывший премьер-министр Японии Хатояма Итиро, ставший инициатором нормализации советско-японских отношений в 1956 г. и представлявший более умеренное крыло правящей Либерально-демократической партии (ЛДП). Однако в руководстве проявлялось негативное отношение к возможности взаимодействия в общественной сфере с организациями другой партийной ориентации, особенно с силами социалистической ориентации. С ними у японских коммунистов складывались далеко непростые отношения. В этой связи в середине 60-х годов на почве разногласий между сторонниками различных политических партий из Общества Япония – СССР выходит часть его членов и создает собственные организации дружбы с СССР[4].

К числу таких организаций следует отнести в первую очередь Общество японо-советской дружбы (Ниссо синдзэн кёкай), созданное по инициативе Социалистической партии Японии (СПЯ) в апреле 1965 г. представителями разных политических сил. Однако в дальнейшем президентское место в этой организации прочно заняли представители Либерально-демократической партии. Достаточно вспомнить имена бывшего министра рыболовства и лесного хозяйства Японии Акаги Мунэнори, его преемника на этом посту Мицудзука Хироси, занимавшего в свое время посты министра иностранных дел и министра финансов в правительствах Японии.

Более нейтральным в политическом отношении и наименее массовым было Общество японо-советских связей (Ниссо корю кёкай), созданное представителями японской интеллигенции совместно с Генеральным советом профсоюзов Японии (Сохё) в феврале 1965 г.

Наиболее эффективно действующей в этой сфере организацией стала Всеяпонская ассоциация культурных связей с зарубежными

[4] Подробно см.: Нихон Юрасиа кёкай ёндзюнэн-си (Сороколетняя история Общества Япония–Россия) Токио, 1999.

странами (Нихон Тайбункё), также основанная в 1966 г. по инициативе СПЯ. Ее возглавил ректор частного университета Токай, депутат парламента и видный политический деятель Японии Мацумаэ Сигэёси. В условиях отсутствия в те годы межправительственного соглашения о культурном сотрудничестве ассоциация, по существу, взяла на себя функции координатора всех культурных и научных контактов между советскими и японскими организациями, реально подменив собой многие правительственные структуры. Успешность ее работы во многом определялась тем, что идеологические позиции не доминировали в выработке практической линии сотрудничества.

В 60–70-е годы устанавливаются дружественные связи между многими советскими и японскими городами, проходят дни и недели породненных городов, советских республик и префектур Японии, встречи представителей исполкомов городов Сибири и Дальнего Востока с мэрами городов западного побережья Японии, председателей край- и облисполкомов с японскими губернаторами. Становятся более разнообразными и масштабными проводимые в обеих странах общественные мероприятия – ежегодные месячники японо-советской дружбы, антивоенные встречи советской и японской общественности, выставки, кинопросмотры и кинофестивали, встречи по профессиям, вечера дружбы, обмен делегациями[5].

Основным и практически единственным каналом поддержания контактов этих организаций с советской стороной стало Общество СССР–Япония, созданное в июне 1958 г. в системе Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД).

Начало демократического реформирования советского общества всесторонне затронуло и область советско-японских отношений. В это время в Японии начинается широкое открытое общественное обсуждение и выработка новых подходов к наиболее спорным проблемам советско-японских отношений. Это предопределило появление новых организаций, стремящихся к активному участию в японо-советском диалоге.

Речь идет, в частности, о создании Домов японо-советской дружбы. Они строятся в различных городах страны по линии коммерческих обществ и кооперативов, а также некоторыми муниципальными органами, заинтересованными в развитии японо-советской торговли. После открытия первого такого дома в Саппоро они появились в городах Кусиро, Вакканай, Хакодатэ.

Практика деятельности японских обществ и ассоциаций дружбы с СССР и др. породила необходимость сотрудничества и объединения

[5] Япония. Справочник. М., 1992, с. 318.

их усилий, особенно при организации крупных мероприятий. Характерным примером стало регулярное проведение двусторонних конференций «круглого стола» в 80-е годы поочередно в Москве и Токио вплоть до 1989 г.

С японской стороны организаторами этих конференций выступали Ассоциация культурных связей с зарубежными странами, Общество японо-советской дружбы, Ассоциация японо-советской торговли (Ниссо боэки кёкай) и большая группа членов Парламентской ассоциации за японо-советскую дружбу (Ниссо юко гиин рэммэй).

В 80-е годы японское движение за дружбу было отмечено появлением принципиально новых форм деятельности и взаимодействия. Первые годы перестройки заметно расширили повестку дня советско-японского диалога. После долгих лет умолчания в нашей стране в политических, научных и журналистских кругах впервые развернулись широкие дискуссии о будущем двусторонних отношений, в том числе по «территориальной проблеме». В СССР стали говорить и писать о японских военнопленных, находившихся в советских лагерях после окончания второй мировой войны. Обсуждение этих проблем с целью поиска новых подходов к их решению заняло центральное место в ходе подготовки визита в Японию президента СССР М. С. Горбачева. Большую работу по приему высокого советского руководителя в Японии провел специально созданный для этой цели общественный комитет, который возглавил видный деятель Либерально-демократической партии Абэ Синтаро.

Более того, в период подготовки визита в марте 1991 г. была создана Ассоциация депутатов парламента от ЛДП за дружбу между Японией и СССР. А в период пребывания М. С. Горбачева в Токио была сформирована инициативная группа (в нее вошли И. Хатояма, Х. Сэя, Б. Хара и другие известные деятели различных политических партий) по созданию в Токио Японо-советского культурного центра.

Визит в Японию президента СССР М. Горбачева ознаменовался двумя поворотными моментами для советско-японских отношений. Впервые советским руководством было признано наличие территориальной проблемы между нашими странами. Это вызвало большой интерес не только у правительственных кругов, но и у всех слоев японского общества и послужило толчком для продолжения и развития политического диалога.

Одновременно с этим была поднята проблема японских военнопленных, находившихся на территории СССР после второй мировой войны. Президент СССР подписал с правительством Японии беспрецедентное в международной практике Соглашение о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных, предусматривавшее двустороннее сотрудничество

в этом гуманитарной области, прежде закрытой в Советском Союзе. Японской стороне впервые за всю послевоенную историю предоставили список из 37 800 японцев, умерших в советском плену, а их родственникам – право на посещение их захоронений, включая ранее закрытые для иностранцев районы.

Эти события не только изменили в лучшую сторону имидж нашей страны в глазах японцев, но и пополнили ряды участников движения за дружбу с СССР. Достаточно сказать о Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных (Дзэнъёккё), члены которой подключились к деятельности японских обществ дружбы с СССР и развернули собственную работу по развитию контактов с нашей страной.

Это – совместные симпозиумы, массовые поездки в СССР и проведение встреч с представителями советской общественности, обмены делегациями с нашими организациями: Российским комитетом ветеранов войны, Комитетом защиты мира и т. д. В 1995 г. в селе Ивановка Амурской области на собранные членами Дзэнъёккё частные пожертвования был возведен памятник местным жителям – жертвам японской интервенции.

Другим примером нового взгляда на российско-японскую историю является сооружение обелиска советским и японским солдатам, погибшим в последних боях второй мировой войны на о-ве Шумшу, также построенного по инициативе бывших японских военнопленных. В строительстве этих памятников так же, как и обелисков на местах захоронения японских военнопленных в Сибири и на Дальнем Востоке, активное участие принимали многие отечественные общественные организации, в первую очередь российский Комитет защиты мира и российский Фонд мира.

Однако распад СССР и первые, весьма сложные, годы становления новой России резко изменили традиционные механизмы взаимодействия общественных организаций. В этой ситуации активисты и руководители движения за дружбу с нашей страной столкнулись с целым рядом сложных проблем.

Во-первых, для японцев был потерян стабильный и влиятельный партнер в бывшем СССР, долгие годы владевший своеобразной «монополией на дружбу с Японией». Распался Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, который, по существу, был проводником политики партийного и государственного руководства в области движения за дружбу в нашей стране. Общество СССР–Япония автоматически прекратило свое существование, а его правопреемник Общество Россия–Япония еще не получило в то время своего юридического статуса и находилось в процессе становления.

Во-вторых, была подорвана финансовая основа этого движения, поскольку в той или иной форме по линии внешней торговли, партийным каналам и т. д. из СССР осуществлялась значительная финансовая подпитка многих общественных акций в Японии, посвященных нашей стране.

Наконец, в-третьих, пожалуй, самым существенным моментом для японской общественности явилось крушение многих привычных представлений о советском строе, истории и обществе. Тяжелые кризисные явления, охватившие советскую/российскую экономику в 80–90-е годы, глубоко разочаровали многих активистов движения за дружбу с СССР, искренне веривших в идеалы социализма.

Этот серьезный общественный сбой выявил «ахиллесову пяту» японской и советской народной дипломатии предшествовавшего периода – ее чрезмерную политизированность, которая полностью еще не преодолена и в наши дни. Ярко выраженный политизированный характер деятельности японских общественных организаций определялся их принадлежностью тем или иным партиям, стоящим у истоков их создания. Со временем он приобрел характер стабильных и в значительной степени традиционных политических пристрастий членов этих организаций.

Оказавшись в новой реальности постсоветского пространства, движение за дружбу с нашей страной могло выжить, только кардинально переориентировав свою деятельность в сторону многовекторной дипломатии. Иными словами, оно должно было заняться поиском новых форм и каналов сотрудничества уже не с одной, а с целом рядом российских организаций, приспособиться к новым условиям развития нашей страны с учетом места Японии в системе международных отношений.

За последние годы движение за дружбу с Россией отмечено рядом принципиальных трансформаций. Прежде всего, сегодня круг японских организаций и лиц, принимающих участие в этом движении, значительно сузился по сравнению с тем, что было 10–20 лет назад. Бывшие японские партнеры российского Комитета защиты мира, японские профсоюзные объединения практически прекратили свои двусторонние контакты с Россией, закрылись служившие основой для многих встреч и контактов Дома дружбы. Ограничили сферу своего действия и широту общенационального охвата контакты мэров и губернаторов двух стран.

Вместе с тем сохранилось традиционное ядро этого движения. Речь идет об обществах Япония – страны Евразии (Юрасиа кёкай, бывшее Общество Япония – СССР), Япония – Россия (Нитиро кёкай», бывшее Общество японо-советской дружбы), Японо-российские связи (Нитиро корю кёка, бывшее Общество японо-советских связей), а

также о Японской ассоциации культурных связей с зарубежными странами и др.

Как и в прошлые годы, наибольшую массовость и активность сохраняет за собой Общество Япония – страны Евразии, возглавляемое известным ученым-юристом, почетным профессором Токийского университета Фудзита Исаму. После окончания второй мировой войны он оказался в плену в СССР, но, как и тысячи других бывших японских военнопленных, пополнивших ряды участников движения за дружбу с СССР, он сохранил чувства искренней симпатии и дружбы к нашей стране.

При обществе продолжает действовать Институт русского языка, работает крупная библиотека на русском языке, туристическое бюро. Ежегодно общество со своим основным российским партнером – Обществом Россия – Япония и его региональными отделениями – поочередно в обеих странах проводит двусторонние встречи, посвященные проблемам народной дипломатии в современных условиях и истории двусторонних связей. По инициативе этой наиболее массовой и последовательной в своей деятельности организации прошло уже несколько международных форумов с участием представителей СНГ – евразийских обществ дружбы с Японией[6].

Общество Япония – Россия сегодня больше тяготеет к научному и культурному сотрудничеству с Россией. Одним из примеров его деятельности является проведенный в 2003 г. в Москве совместно с Российской ассоциацией японоведов крупный двусторонний симпозиум на тему «Россия и Япония: диалог культур и народов».

Позитивные перемены можно ожидать в связи с недавним избранием на пост президента Общества Япония – Россия видного политического деятеля, депутата парламента Хатояма Икуо, внука Хатояма Итиро, который был активным поборником развития отношений с нашей страной. Такая «наследственность» в хорошем смысле слова дает основание рассчитывать на столь же активную деятельность на российском направлении молодого Хатояма.

Общество японо-российских связей (президент Дайдзодзи Косабуро – президент японского банка «Мити-но ку», являющегося пионером банковского бизнеса в России), несмотря на малочисленный состав и преклонный возраст своих членов, остается элитарным клубом любителей российской культуры.

Японская ассоциация по культурным связям с зарубежными странами в последние годы резко ограничила свою деятельность как по числу проводимых мероприятий, так и по их масштабу. Из мощной

[6] «Нихон то Юрасиа». 15. 01. 2004.

многопрофильной организации она превратилась, по существу, в одно из подразделений университета Токай. В настоящее время ассоциация замыкается в основном на сотрудничестве с Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова, которое начиналось с обменов студентами-стажерами двух вузов в 1974 г. В число постоянных японских партнеров МГУ перешла сегодня и общественно-религиозная организация Сока гаккай, которая раньше имела широкий круг партнеров в СССР.

Анализируя состояние этих общественных организаций – традиционных лидеров движения за дружбу с нашей страной, следует выделить их наиболее характерные черты. Во-первых, практически ни у одной из этих организаций нет долгосрочных программ и проектов, которые могут обеспечить привлечение широкой общественности к японо-российскому диалогу, чтобы во все в меньшей степени зависеть от политической конъюнктуры. Во-вторых, – это малочисленный и пожилой по сравнению с советским периодом состав. Ни для кого не секрет, что деятельность всех этих структур держится в основном на тех, кого мы называем «ветеранами движения за дружбу».

В сложившихся условиях на повестке дня стоит самый важный вопрос – привлечение в его ряды молодежи. Представители нового поколения свободны от многих идеологических и исторических «шор» прошлого и способны смотреть на сближение народов не как на механизм решения имеющихся политических проблем, а как на самоценный процесс, наполненный внеидологическим содержанием.

Параллельно с этим в процесс конструктивного сотрудничества с Россией постепенно начинают вовлекаться новые силы, в значительной степени расширившие содержание общественных связей. Это – гуманитарные структуры международного профиля, где контакты с Россией являются их составной частью, различного рода объединения деятелей культуры и науки, стоящих на реалистических позициях государственных деятелей, представителей делового мира Японии, заинтересованных в развитии связей с нашей страной, наконец, простых граждан и т. д.

Это еще раз указывает на одну из важнейших особенностей общественных контактов сегодня, в том числе с Японией. Она заключается, прежде всего, в том, что уходит в прошлое принцип работы «на все общество», как зачастую было раньше. Тогда такой принцип считался одним из главных критериев. А сейчас больше приходится ориентироваться на группы, организации и отдельных политических, общественных деятелей, просто граждан, каждый из которых в своей области может влиять на сложившуюся ситуацию в движении за дружбу.

Достаточно четко эту тенденцию иллюстрирует созданный в Японии в 2000 г. Японо-российский центр исторических исследований

(Нитиро рэкиси кэнкю сэнта), учрежденный японскими учеными-историками и возглавляемый известным японским журналистом и писателем Сираи Хисая. Общество проводит совместные с российскими учеными исследования истории России и российско-японских отношений, симпозиумы, издает книги. В частности, одним из направлений его деятельности является изучение деятельности Героя Советского Союза Рихарда Зорге, чему было посвящены три международных симпозиума, с успехом прошедшие в Японии (1998 г.), России (2000 г.) и в Германии (2002 г.), ряд крупных научных изданий. Общество имеет широкий актив из числа преподавателей школ и вузов, государственных служащих, предпринимателей, домохозяек, которые проявляют искренний интерес к нашей стране.

Другой пример гражданской инициативы – создание общественного Института японо-российских отношений (Нитиро канкэй кэнкюдзё) по инициативе и на средства японского бизнесмена Окамото Эйити. Значительную часть своих средств он отдает на развитие японо-российских контактов. Он учредил стипендии студентам российских вузов, оказывает помощь детским домам и т. д. При его спонсорской поддержке и участии в Москве в 1999 г. совместно с Комитетом защиты мира, Российской ассоциацией японоведов и других организаций прошел симпозиум «Россия и Япония на пороге XXI века», а в 2000 г. дискуссии по широкому кругу двусторонних отношений были продолжены в Японии.

Такой же подвижнической можно назвать и деятельность бывшего генерального консула Японии в Санкт-Петербурге, большого знатока России и российской культуры Моридзуми Тацуси, создавшего в 2000 г. на собственные средства новую организацию – Японо-российский центр культурной стратегии (Нитиро бунка сэнряку сэнта). Центр ориентирован, прежде всего, на расширение культурных, спортивных и деловых контактов с нашей страной.

Естественно, было бы большим преувеличением говорить о наличии в Японии широкого устойчивого общенационального интереса к России. Тем не менее, сегодня политическая и экономическая элита в силу причин геополитического характера постоянно держит нашу страну в поле своего внимания. Однако общественное мнение в Японии формирует ныне все же не столько политическая и экономическая элита, сколько средства массовой информации. Важная роль в этом процессе принадлежит крупным общенациональным газетам, которые извлекают свои доходы поровну от рекламы и от подписчиков, а потому зависят в большей степени от настроений последних.

Показательными в этой связи представляются результаты изучения медиасреды Японии, а также текущая оценка общественного мнения

в отношении России, которая проводилась РИА «Новости» с апреля прошлого года. В результате ежедневного анализа газет «Асахи», «Майнити», «Иомиури», «Никкэй», «Санкэй», «Токио», «Хоккайдо», информационных программ Эн-Эйч-Кэй и Фудзи ТВ, а также журналов «Даямондо», «Майнити экономисто», «Сюкан тоё кэйдзай» были выявлены следующие тематические направления в освещении российской тематики в 2003 г.

Общий медийный фон оценивается, скорее, как слабо позитивный, ситуационно-негативный. При этом России уделяется сравнительно большое внимание в японских СМИ (около 160 статей в неделю). Прежде всего, выделяются двусторонние политические отношения, где положительную оценку получили неформальные встречи лидеров России и Японии в Бангкоке и Санкт-Петербурге, взаимодействие двух стран по проблемам безопасности в Азии. На этом фоне территориальная проблема более не подавалась в виде очередной пропагандистской кампании, вместо нее в центре журналистского внимания оказались вопросы, связанные с Киотским протоколом, которые получали диаметрально противоположные оценки.

В разделе внешней политики положительно оценивалась позиция России в связи с событиями в КНДР, Ираке, и, наоборот, СМИ критически относились к ее политике в СНГ. Экономическая сфера привлекала японских представителей прессы, прежде всего, в рамках сотрудничества России и Японии в освоении нефтегазовых месторождений Сахалина, строительстве трубопроводных систем на Дальнем Востоке.

Судя по результатам опроса общественного мнения Японии, проведенного по заказу канцелярии премьер-министра страны в 2003 г.: позитивные чувства к России питают около 15,1% респондентов, не имеют таковых – 77,7%. Для сравнения: уровень позитивного отношения к СССР в 1980 г. составил 8%, пик этого показателя пришелся на 1991 г. – 22%. В целом же, опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что серьезного перелома в отношении к России за последние 10 лет не произошло[7].

В этих условиях, как было особо подчеркнуто на заседании коллегии министерства иностранных дел Российской Федерации 17 февраля 2004 г., в проведении активной внешней политики есть прямая необходимость «более широкой опоры на структуры гражданского общества в интересах расширения российского информационно-культурного присутствия в мире»[8].

[7] Материалы круглого стола по вопросам российско-японского культурного сотрудничества, проведенного Комитетом XXI века 24 декабря 2003 г. в Российской национальной библиотеке.

[8] Дипломатический вестник. 1994 г., №3, с.121.

При этом следует исходить из того, что важной составляющей российско-японских общественных связей всегда являлась культурная деятельность. Следует признать, что в свое время роман Л. Н. Толстого «Война и мир», переведенный 11 раз в Японии, принес России больше друзей, чем десятки политических мероприятий. Однако в последние годы Россия и Япония как бы поменялись ролями в процессе культурного познания друг друга.

В этом плане интересно привести высказывание известного японского дипломата и литератора А. Кавато: «Большого интереса к России в Японии больше не существует... Самое главное в общественном мнении Японии в отношении к России – это отсутствие знания... Если даже они (японцы. – *Е.К.*) и думают о других странах, то, скорее всего, о США (но только о Нью-Йорке, Сан-Франциско и Лос-Анджелесе в основном), Париже и Лондоне. В последнее время такие страны, как Южная Корея, Китай и Индия привлекают все большее количество японских туристов. Россия же по какой-то необъяснимой причине все еще остается чуждой, далекой и страшной для большинства японцев страной». Далее Кавато поясняет: «У старших поколений японцев имидж России более конкретный, у них еще свежа память о Советском Союзе во время второй мировой войны, когда, нарушив договор о нейтралитете, он получил львиную долю от войны в отношении Японии, удерживая до сих пор четыре северных острова. Сталин незаконным образом держал в плену 600 тыс. японцев, и свыше 70 тыс. человек из них погибли из-за холода и голода. А для других японцев слово “Россия” напоминает широкое поле, тоскливые народные песни и добрых, толстых женщин в деревне. Если задать вопрос молодежи: “Что Россия означает для тебя?”, то многие из них мгновенно замолчали бы, потом засмеялись, сказав примерно следующее: “Да какая мне разница? Россия? Ну да, мафия, балалайка, Сталин... Говорят, даже хлеба не хватает. Ах да, кукла чебурашка. симпатичная. Я тоже купила, Она из России? Правда?! А я и не знала”»[9].

Совершенно очевидно, что представлять в Японии Россию старыми, традиционными методами уже невозможно, как невозможно более строить восприятие России только исключительно через русскую классическую литературу или музыку. Сегодня крайне важно показать, что Россия отнюдь не остановилась в своем культурном и духовном развитии, что у нас есть прекрасные художники и скульпторы нового поколения, композиторы и исполнители, писатели и поэты.

Тем не менее, общественное и культурное присутствие России в Японии на сегодняшний день крайне незначительно. Весьма показательно, что, за 2003 г. и первые два месяца 2004 г. в Японии на малых

[9] Globcom. 24. 11. 2003.

экранах прошло всего два российских фильма. Тогда как в российском кинопрокате за это же время было продемонстрировано более 20 картин, либо созданных японскими кинематографистами, либо так или иначе связанных с японской тематикой. Их посмотрело в общей сложности несколько десятков миллионов россиян.

Это – довольно показательный пример, свидетельствующий о большом культурном дисбалансе, сложившемся в последние годы в отношениях двух стран. Необходимо обратить на данное обстоятельство серьезное внимание, поскольку именно через призму культурных ценностей и их отражение в СМИ будет формироваться общественное мнение в обеих странах в XXI в.

В России сегодня наблюдается настоящий бум японской культуры, постоянно возрастающий интерес к Японии, особенно среди молодежи. Достаточно сказать об увлечении россиян японской кухней, японским фарфором и пр. Если полистать модные журналы, то почти в каждом номере можно найти материалы и иллюстрации, посвященные Японии. Причины этого социокультурного явления в России кроются в мировом феномене. Нынешний бум японской культуры в России напоминает аналогичные явления в 60-е годы в США и в 80-е – в Европе. Кроме того, нынешнее увлечение «всем японским» имеет объективные предпосылки в самом российском обществе. Уже упоминавшийся А. Кавато видит в этом увлечении, во-первых, результат «разочарования в капитализме (в его первобытном виде)». Во-вторых, «неготовность европейцев приобщать россиян к себе отталкивает их к Востоку в поиске своего места». В-третьих, «некоторые россияне надевают на себя восточную культуру как украшение, как моду»[10].

Действительно, сегодня необходимо, чтобы в России воспринимали Японию комплексно, глубже знакомились с ее историей, культурой и искусством. Принципиально важно, чтобы молодые россияне при слове «Япония» вспоминали бы не только названия компаний «Мицубиси» или «Тоёта», но и лучшие японские фильмы, и классические произведения японских писателей. Важно, чтобы наше население и, особенно, молодежь начинали постепенно выбираться из замкнутого треугольника «Сакура-Сони-Суси».

Тенденцию возрастающего интереса к Японии, пусть даже на бытовом уровне, через рестораны, выставки, кино, в целом через культуру следует использовать в общественной политике, чтобы просвещать российское общество, которое в целом мало осведомлено о реальной ситуации в российско-японских отношениях.

Необходимо отдать должное деятельности посольства Японии в РФ, которое усилило в последние годы свое информационно-культурное

[10] Globcom. 24. 11. 2003.

присутствие в нашей стране. В этих целях создано его специальное подразделение – Информационный отдел, при поддержке которого в настоящее время действует шесть культурных японских центров в различных регионах нашей страны. Они опираются на широкий общественный актив на местах. С помощью этих центров осуществляется значительная часть культурных, научных и общественных контактов.

Сегодня легче создать позитивный образ страны, демонстрируя ее культурные, духовные ценности, а не с помощью политических встреч и переговоров. Одной из последних акций такого рода стало проведение в России фестиваля японской культуры в 2003–2004 гг. Это – событие большого культурно-общественного значения. Впервые за всю историю российско-японских отношений наши государства так масштабно продемонстрировали свое стремление к добрососедству, взаимопониманию и взаимообмену в культуре, науке, образовании.

Инициатива исходила от политических лидеров России и Японии, проводилась при содействии правительства и деловых кругов, но была ориентирована, прежде всего, на широкую поддержку общественных структур наших стран.

В последние годы в России продолжают появляться самые разные как по своему профилю, так и по численности общественные организации, которые стремятся найти свою собственную нишу в работе на Японию. По данным японского корреспондентского корпуса в Москве, в настоящее время насчитывается более 60 подобных организаций. Однако в реальности это число могло бы быть значительно больше, если иметь в виду многочисленные культурные японские центры, действующие при высших учебных заведениях страны, где изучают японский язык, спортивные клубы, пропагандирующие боевые японские искусства, клубы любителей икэбана и т. д.

Достаточно типичный пример – Клуб любителей японской культуры, созданный в 1997 г. группой выпускников, слушателей и преподавателей курсов японского языка, организованных Японским культурным центром при Генеральном консульстве Японии во Владивостоке. Это – добровольная некоммерческая общественная организация, идея которой была продиктована «общим стремлением содействовать развитию и укреплению дружбы, культурных связей между жителями Приморского края и Японии, желанием знать больше о японском языке, японской культуре, традициях, жизни и быте японского народа»[11].

Аналогичные организации действуют сегодня практически во всех крупных городах Сибири и Дальнего Востока. Это свидетельствует о том, что интенсивность российско-японских контактов и их широта

[11] http:// www.vladjc.ru/clubs_deyat.htm.

с точки зрения спектра проводимых мероприятий сегодня все больше смещается на местный, региональный уровень. Здесь существует гораздо меньше политических и иных препятствий, чем на федеральном уровне.

Образно говоря, для Приморья, Сахалина и Камчатки Япония – это объективная повседневная реальность, с которой приходится жить и взаимодействовать в самых различных областях. Это – действительно общенациональные связи, наполненные, прежде всего, особенностями регионального взаимодействия. Региональное направление российско-японского общественного взаимодействия успешно дополняет традиционные связи российских и японских городов-побратимов, которые в современных условиях переживают новый этап своего развития.

Сегодня уже нельзя ограничивать российско-японское общественное сотрудничество лишь традиционными формами. Нужно искать пути и возможности создания механизма взаимодействия на более профессионально-ориентированном уровне, где в большей степени может быть найден общий язык и общий интерес, где, в частности, деятели науки и культуры смогут найти пути для своего самовыражения и обменяться знаниями в полном объеме.

На этом направлении наиболее активно строит свою работу Российская ассоциация японоведов, занимающаяся поддержкой японоведческих исследований в нашей стране, развитием контактов с японскими учеными и пропагандой научных знаний о Японии. Думается, что важной составной частью общей программы улучшения российско-японских отношений могло бы быть усиление внимания к поддержке российского японоведения.

Иную форму общественной активности успешно демонстрирует сегодня Центр мировой музыкальной культуры при Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. Силами его членов осуществляется широкая пропаганда японской музыки и культуры у нас в стране через ежегодное проведение популярного музыкального фестиваля «Душа Японии», обучение игре на традиционных японских инструментах, организацию обменов с японскими музыкантами.

Одним из последних начинаний в области общественных связей является создание Российско-японской ассамблеи «Диалоги во имя процветания» во главе с председателем Счетной палаты РФ С. В. Степашиным. Ее учредителями стали Российский союз промышленников и предпринимателей, Благотворительный фонд социальных инноваций «Путь созидания», Евразийская федерация «Каратэ-До Сито-рю» и Ассоциация торговли Японии со странами СНГ.

«Диалоги во имя процветания» задуманы как основанный на общности интересов и взаимопонимания комплекс гуманитарных, культурных

и социально-экономических проектов. Их реализация в 2004 г. и в длительной перспективе предполагает контакты представителей госструктур и деловых кругов, обмен делегациями крупнейших городов, проведение торгово-промышленных ярмарок, спортивных соревнований и культурных мероприятий, визиты деятелей культуры и искусства.

Создание этой организации еще раз демонстрирует на практике, что общественные связи невозможны сегодня без существенной экономической составляющей. Однако пока у российского бизнеса интерес к Японии по многим объективным и субъективным причинам не слишком высок. Поэтому уже сегодня нужно начинать работу над тем, чтобы в рамках концепции социальной ответственности бизнеса, принятой всеми ведущими компаниями России, нашлось место для финансирования и проектов, связанных с дальнейшим развитием российско-японских общественных связей. Такая форма взаимодействия бизнеса и общества пойдет только на пользу обеим странам.

Развитие общественных связей отнюдь не предполагает, что по всем вопросам между сторонами должно быть полное согласие и взаимопонимание. Наоборот, не следует избегать острых углов и пытаться унифицировать все взгляды российской и японской сторон. В наших странах уже появляется новое поколение политиков, которые свободны от груза тех дискуссий, от тех проблем, которые стояли перед нами 10–15 лет назад. Иначе говоря, они способны взглянуть на российско-японские отношения другими глазами и, возможно, отделить территориальную проблему от перспектив развития российско-японских отношений как таковых. В этом направлении в сфере парламентских связей активно и успешно действует депутатская группа Госдумы РФ по связям с Японией, которая сохраняет свои традиционные контакты с парламентской Ассоциацией за японо-российскую дружбу.

При этом в целом общественность не должна следовать в фарватере государственной политики, а, наоборот, должна искать новые и нетрадиционные каналы и формы взаимодействия, естественно, с учетом национальных интересов своих стран. В этих целях по инициативе политических лидеров наших стран в 1998 г. были созданы две партнерские организации: Комитет XXI века и Форум японо-российской дружбы XXI, которые, по существу, взяли на себя функции координирующего центра движения за дружбу между нашими странами.

Форма деятельности этих организаций виделась их создателями как своего рода многоплановый форум, который должен был ежегодно проходить в российской и японской столицах. Этот форум должен был инициировать деловые, научные, культурные и спортивные обмены между Россией и Японией на основе привлечения широкого круга общественных и государственных структур обоих государств.

К сожалению, японский партнер в силу объективных причин не смог продолжить практику проведения массовых общественных встреч, с успехом состоявшихся в Москве и Токио в 1998–2000 гг. Тем не менее, имеющийся большой общественный потенциал у этих организаций был отмечен в «Плане действий», подписанном 10 января 2003 г. в Москве президентом РФ В. Путиным и премьер-министром Японии Д. Коидзуми.

По объему государственных и общественных контактов 2003 год стал наиболее интенсивным за все последние десятилетия. Можно с полным основанием говорить о том, что весомая часть позитива в российско-японских отношениях сформировалась именно при поддержке общественных сил. Они оказались способны широко и непредвзято подойти к тому, как строить отношения между наши государствами в XXI в.

В этих целях в соответствии с договоренностью руководителей двух стран в конце 2003 г. была создана новая общественная структура – российско-японский «Совет мудрецов». Его руководителями стали: с российской стороны мэр Москвы и председатель Российского комитета XXI века Ю. М. Лужков, с японской – бывший премьер-министр Японии И. Мори.

Новизна такой формы российско-японского взаимодействия заключается в том, что представители общественности, научных и деловых кругов могут в прямом контакте с президентом Российской Федерации и премьер-министром Японии обсуждать новые идеи по формам и содержанию развития российско-японских отношений.

Конечно, было бы неверным изображать нынешнее состояние российско-японских общественных связей только в розовом свете. Предстоит еще многое сделать, чтобы снять все препятствия на пути дальнейшего расширения и укрепления наших контактов. Тем не менее, нельзя не признать, что в результате предпринятых усилий идет формирование нового, более позитивного климата взаимоотношений.

* * *

Анализируя характер российско-японских общественных связей в настоящее время и на перспективу, можно сделать несколько основных выводов.

1. Воздействие общественности на формирование внешней политики наших стран становится все более ощутимым и зримым. При этом общественный диалог России и Японии происходит не в вакууме, он испытывает на себе постоянное воздействие международных событий, внешнеполитических и внутриполитических процессов.

2. Общественные связи между Россией и Японией в настоящее время во многом сохраняются и развиваются благодаря тому потенциалу, который был накоплен в последние десятилетия XX в. Они достаточно органично вписаны в систему межгосударственных отношений и имеют особо важное значение в плане создания в будущем благоприятной общественно-психологической атмосферы для заключения мирного договора между нашими странами.

3. Общественные связи являются важным каналом неформального обмена мнениями между представителями политических и интеллектуальных элит двух стран, позволяют проводить «общественную экспертизу» тех или иных возможных политических шагов сторон.

4. В последние годы заметно усилилась интеллектуальная составляющая общественных связей, и поэтому можно говорить об устойчивой системе взаимодействия специалистов в области политологии, экономики и безопасности. При этом следует особо отметить, что в рамках этого диалога внимание концентрируется не столько на проблемах двусторонних отношений, сколько на проблемах регионального и глобального масштаба. Следует ожидать, что в ближайшей перспективе основным перспективным направлением в области взаимодействия будет создание компактных рабочих групп и центров для работы по конкретным вопросам. Новым элементом, который уже сейчас появляется в сфере интеллектуальных контактов, является организация многосторонних форумов для обсуждения тех или иных вопросов, в частности с участием специалистов из Китая, США и других стран. Такой подход представляется очень перспективным.

5. К настоящему времени объективно снижается роль традиционных массовых общественных организаций, участвующих в движении за дружбу между нашими странами, что связано, прежде всего, с сокращением интереса к их деятельности со стороны молодежи. И можно ожидать, что основные контакты будут осуществляться на профессиональной основе при условии создания соответствующих структур и каналов взаимодействия.

6. Центр российско-японских общественных контактов объективно будет смещаться в регионы, где эти связи наиболее органично интегрированы в систему региональных отношений и подкрепляются сохранившимися и развивающимися связями породненных городов (на регионы в 2003 г. пришлось более 80% всех российско-японских общественных мероприятий). Эта тенденция должна развиваться при существенной поддержке, в том числе и на межправительственном уровне.

7. Можно ожидать, что с развитием торгово-экономических контактов между нашими странами возрастет степень участия бизнеса

обеих стран в поддержке культурных и образовательных проектов (особенно в Сибири и на Дальнем Востоке) и это существенно повлияет на укрепление всего механизма общественных связей.

В целом же следует признать, что современное демократическое общество – это, прежде всего, гражданское общество, обладающее эффективными механизмами воздействия на процесс принятия политических решений. Практика показывает, что именно в случае наличия осознанной общественной поддержки со стороны большинства населения правительству той или иной страны гораздо легче проводить свою линию в отношениях с партнерами.

На состоявшемся в 2001 г. в Москве первом Гражданском форуме, в организации которого приняли участие более 1700 российских неправительственных организаций, особо отмечалось, что общественные связи призваны играть весомую роль в формировании нового образа России в мире, давать возможность адекватного обмена информацией, активнее воздействовать на процесс принятия решений не только национального, но и глобального характера.

Глава шестая

Дальний Восток России – Япония: грани экономического сотрудничества

О российско-японских экономических отношениях постперестроечного периода написано немало. Объективный научный анализ динамики и современной ситуации в сфере экономического взаимодействия двух стран, содержащийся в работах ряда авторов[1], приводит исследователей и читателей к неутешительным выводам: масштабы и интенсивность связей сокращаются[2], торгово-инвестиционная деятельность отягощена массой проблем – и политических, и экономических, и правовых. Взаимодополняемость экономик, служившая объективной основой для развития экономических отношений, практически утрачена.

[1] См., например: *Родионов А.* Экономика и менталитет. – Бизнес Матч. 2000, вып.1 (www.bmatch.ru). В рамках проекта «Россия и мир на рубеже веков» журнал «Бизнес Матч» выпускает тематические номера, в том числе и по Японии. Первый российско-японский номер журнала был выпущен в 2000 г. (на русском и японском языках) при поддержке посольства Японии и министерства иностранных дел РФ. К настоящему времени выпущено три тематических номера. Здесь и далее даются ссылки на тематические номера без указания сайта. *Максимов А., Родионов А.*Уплывающие континенты. – Независимая газета. 04. 05. 2000 (оригинал: http://world.ng.ru/dipcorpus/2000-05-04/5_continents.html), *Горохов А.* Российско-японские экономические отношения: реалии и возможности. – Знакомьтесь – Япония. 2001, № 31; *Кистанов В. О.* Япония в АТР: Анатомия экономических и политических отношений, М., 1995; *Суслов Д. В.* Японские прямые инвестиции на Дальнем Востоке России. Доклад на конференции «Стратегия развития Дальнего Востока России: возможности и перспективы», 12–13 февраля 2003 г., Хабаровск; Japan and Russia in Northeast Asia. Partners in the 21st Century. Ed. By V. Ivanov and K. Smith. L., 1999.

[2] Так, если в 1960–1980 гг. доля СССР в экспорте Японии выросла с 1,6% до 2,8%, то к 1997 г. доля РФ сократилась до 0,6%, а в 1999 – до 0,5%. Подобная тенденция наблюдалась и в импорте: доля СССР в импорте Японии в 1960–1970 гг. выросла с 2,1% до 3,1%, а в 1980 – 1999 гг. она снизилась до 1,5%. – Koyama Y. Integration of the Economy of the Russian Far East into the Economic Area of Northeast Asia. Paper submitted to the 4th International Conference «Enterprise in Transition Competitiveness, restucturing and growth». University of Split, Croatia., 24–26. 05. 2001, p. 7.

В то же время, по нашему мнению, нельзя представлять дело так, будто экономическое взаимодействие наших стран сходит на нет и не имеет никаких перспектив. Несмотря на небольшие объемы оно достаточно многосторонне, в нем представлены практически все виды связей. При этом центр тяжести в двусторонних экономических отношениях приходится на российский Дальний Восток (ДВ)[3], который и для Японии является географическим приоритетом в России.

Особая роль ДВ в экономических отношениях с Японией объясняется целым рядом обстоятельств. Во-первых, – это фактор географической близости, важный для обеих стран и включающий целый ряд аспектов от экономии на транспортных издержках до развития добрососедских, в том числе побратимских связей. Поэтому и в советский период ДВ был основным субъектом взаимодействия с Японией. Во-вторых, именно ДВ обладал и обладает тем экспортным потенциалом (минеральные и биоресурсы), который может представлять интерес для Японии. В-третьих, интерес со стороны Японии именно к этому региону России обусловлен наличием постоянно действующего политического фактора, который мы здесь не анализируем, а просто принимаем как данность. И, наконец, большую роль играют геополитические и геоэкономические факторы.

Такая особенность российско-японских экономических отношений, как «взаимодействие между регионами» не является чем-то из ряда вон выходящим и находится в русле общих тенденций сотрудничества в АТР и вообще в мире[4].

Одной из тенденций современных мирохозяйственных связей становится их регионализация, суть которой состоит в том, что страны все больше начинают взаимодействовать между собой не центрами, а

[3] С 2000 г. Дальний Восток, или дальневосточный регион, официально именуется Дальневосточным федеральным округом (ДФО) и состоит из 10 субъектов: Республика Саха (Якутия), Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Камчатская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский АО, Корякский АО.

[4] Здесь будет уместным сделать одно уточнение, касающееся понимания регионального взаимодействия в данной статье. По нашему мнению, речь должна идти о двух его аспектах. Во-первых, – это российско-японское экономическое сотрудничество в той его части, где задействован ДВ. Во-вторых, – это сотрудничество на локальном уровне – между префектурами и городами Японии, с одной стороны, и субъектами федерации и городами российского ДВ – с другой, своего рода «приграничное сотрудничество», примеров которому немало, особенно между Сахалином и префектурами Хоккайдо и Ниигата. По нашему мнению, эти два аспекта, или два уровня сотрудничества при всем различии масштабов очень важны, взаимосвязаны и дополняют друг друга. Однако формат данной работы не позволяет нам специально остановиться на проблеме локального взаимодействия, и мы будем рассматривать главным образом линию связей «Дальний Восток России – Япония».

периферией, или вообще регионами[5]. В АТР регионализация внешнеэкономических связей протекает на фоне активизации интеграционных процессов, опирающихся на идею «открытого регионализма», который предполагает усиление кооперации групп стран на фоне общей тенденции глобализации[6].

Идеи открытого регионализма корреспондируют, в частности, с концепцией К. Омаэ (автора известной модели «триады»). Он выдвинул модель «регионов-государств» (regions–states), которые являются самодостаточными экономическими комплексами и непосредственно взаимодействуют между собой, что является началом нового мирового порядка – «мира без границ», где капиталы, информация и люди свободно перемещаются[7]. Известный исследователь Азии Р. Скалапино называет такие образования «природными экономическими территориями» [8].

Начиная с 90-х годов с распадом СССР ситуация складывалась таким образом, что на фоне определенной активизации центробежных сил и относительного ослабления экономических связей российского ДВ с центром страны, укреплялись его связи с соседними азиатско-тихоокеанскими странами[9].

Известно, что экономика ДВ советского периода была ориентирована в основном на внутренний рынок. По данным Дальневосточного отделения РАН, в 1990 г. структура экономики ДВ была на 80% интегрирована в Россию, на 10% регионы ДВ были связаны между собой и на 10% ориентированы на Китай и Японию. Сейчас же ситуация противоположная: ДВ на 10% интегрирован в Россию и на 80% – за рубеж[10].

Губернатор Хабаровского края В. Ишаев в своем интервью журналу «Бизнес Матч» говорит о том, что из-за огромных российских расстояний и больших транспортных тарифов ДВ вынужден развернуться в

[5] См.: *Тимонина И. Л.* Органы местного самоуправления: опыт международного сотрудничества. – Японский опыт для российских реформ, М., 1999, вып. 2, с. 71–79.

[6] См., например: *Koyama Y.* Integration of the Economy of the Russian Far East into the Economic Area of Northeast Asia.

[7] На это справедливо указывают, например, *Т. Троякова* и *Е. Вишник* в работе «Integration or Disintegration: Challenges for the Russian Far East in the Asia-Pacific Region», подготовленной в рамках проекта «Making a Discipline of Clavic Eurasian Studies: Mezo-Areas and Globalization», который осуществляется на средства, выделенные Комитетом программы 21st Century COE (Center of Excellence) японского министерства образования с августа 2003 г. по март 2008 г. – The Russian Far East Today: Regional Transformations under Globalization. Slavic Research Center. Hokkaido University. Sapporo, 2003, December, p. 1–37.

[8] The Russian Far East Today: Regional Transformations under Globalization, p. 2–3.

[9] Это, в частности, аргументировано показано в упомянутой нами выше работе *Т. Трояковой* и *Е. Вишник*.

[10] The Russian Far East Today: Regional Transformations under Globalization, p. 4–6, 38–40.

сторону АТР и строить свою экономику в надежде на более глубокую интеграцию в этом регионе и на развитие отношений, в первую очередь с Японией[11].

Дальний Восток – Япония: торговля и инвестиции

Место Японии в системе экономических связей ДВ весьма значительно, и заинтересованность в Японии как в партнере высока. Руководители крупнейших субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеративный округ прямо или косвенно поддерживают идеи открытого регионализма и выступают за активизацию экономического сотрудничества в регионе в целом и с Японией в частности, связывая с таким сотрудничеством надежды на возрождение дальневосточной экономики[12].

В настоящее время Япония является вторым-третьим торговым партнером Дальневосточного региона, а для Якутии и Сахалина – главным (см. табл. 1). Довольно велик и удельный вес региона в общих показателях двусторонней российско-японской торговли (см. табл. 2).

Товарная структура дальневосточной торговли с Японией сходна со структурой российско-японской торговли в целом. В экспорте преобладают цветные и драгоценные металлы, рыба и морепродукты, лес и лесоматериалы, минеральное сырье. Доля машин и оборудования не превышает 0,5%.

Из Японии импортируется, главным образом, готовая продукция, а именно – продукция обрабатывающей промышленности с высокой долей добавленной стоимости (транспортного, электротехнического, точного машиностроения, станкостроения). Специфическим явлением дальневосточной торговли с Японией стал массовый завоз подержанных японских автомобилей и запчастей[13].

Подобная модель торговли известна в мировой практике, и обычно ее называют колониальной. В рамках этой модели для страны (региона) – поставщика сырья является чрезвычайно важным повысить степень

[11] Бизнес Матч. 2001, вып. 2.

[12] Представитель Президента РФ в ДФО К. Б. Пуликовский, который известен как сторонник активизации российско-японского экономического сотрудничества, считает, что «пока по обмену товарами и капиталами Япония и Россия представляют самое слабое звено в системе двусторонних связей между государствами «большой восьмерки» или ведущими странами Северо-Восточной Азии. Например, объем японо-российской торговли составляет всего 1/40 товарооборота между Японией и США и 1/20 товарооборота между Японией и Китаем. Он хотел, «чтобы больше инвесторов из Страны восходящего солнца проявили интерес к российскому Дальнему Востоку». – Бизнес Матч. 2003, № 3.

[13] Хотя после кризиса 1998 г. и введения в 2000г. более высоких ввозных пошлин такой импорт сократился, в 2001 и особенно 2002 г. он снова стал динамично расти и, по данным РОТОБО, составил около 40% всего японского экспорта в Россию, что, по мнению экспертов РОТОБО, является беспрецедентным феноменом. – Росиа тоо боэки тёса гэппо. 2003, №3, с. 5.

переработки поставляемого сырья. К сожалению, в дальневосточно-японской торговле такая тенденция пока не прослеживается. Сырье, лесоматериалы, морепродукты не только остаются важнейшими статьями экспорта, но и поставляются по большей части в необработанном или

Таблица 1

Объем и географическая структура торговли ДВ и субъектов федерации,входящих в ДФО (млн. долл., в скобках – % к итогу)*

Страна	2000 г.	2001 г.	2002 г.
ДВ в целом			
Всего	4690,2 (100,0)	5668,2 (100,0)	5516,1 (100,0)
КНР	1124,5 (24,0)	1872,7 (32,9)	1475,6 (26,8)
Япония	887,8 (18,9)	934,9 (16,4)	984,3 (17,9)
Сингапур	809,3 (17,3)	612,3 (10,8)	480,6 (8,7)
РК	563,8 (12,0)	925 (16,3)	1016,5 (18,4)
США	565,0 (12,0)	296,2 (5,2)	523,0 (9,4)
Республика Саха (Якутия)			
Япония**	118,1 (65,8)	35,2 (47,2)	
Южная Корея	21,1 (11,8)	5,7 (7,7)	
США	13,4 (7,5)	0,0 (0,0)	
СНГ	3,4 (1,9)	1,9 (2,6)	
КНР	2,3 (1,3)	1,2 (1,6)	
Еврейская АО			
КНР	7,7 (46,1)	6,2 (47,7)	
Южная Корея	4,9 (29,3)	5,7 (43,8)	
Малайзия	2,8 (16,8)	0,0 (0,0)	
Япония	0,6 (3,6)	0,4 (3,1)	
США	0,0 (0,0)	0,2 (1,5)	
Приморский край			
КНР	376,0 (27,4)	312,0 (17,5)	
США	295,0 (21,0)	144,0 (8,1)	
Южная Корея	278,0 (20,3)	372,0 (20,9)	
Япония	226,0 (16,5)	304,0 (17,1)	
Германия	38,0 (2,8)	47,0 (2,6)	
Сингапур	24,0 (1,8)	345,0 (19,4)	
Хабаровский край			
КНР	554,3 (38,0)	1436,3 (64,7)	(45,9)***
Япония	245,8 (16,9)	213,9 (9,6)	(8,8)
Сингапур	236,6 (16,2)	168,8 (7,6)	(19,0)
Южная Корея	75,0 (5,1)	80,8 (3,6)	(4,4)
США	40,3 (2,8)	29,4 (1,3)	…
Амурская область			
КНР	59,2 (81,8)	63,8 (73,2)	
Япония	9,4 (13,0)	17,7 (20,3)	
Южная Корея	0,8 (1,1)	0,9 (1,0)	
КНДР	0,8 (1,1)	0,5 (0,6)	
США	0,1 (0,1)	0,1 (0,1)	
Камчатская область			
Южная Корея	102,3 (28,0)	69,7 (14,8)	
Япония	87,5 (23,9)	56,5 (12,0)	
США	83,5 (22,8)	23,2 (4,9)	
КНР	23,9 (6,5)	34,8 (7,4)	
СНГ	0,6 (0,2)	1,7 (0,4)	
Магаданская область			
США	41,5 (46,1)	44,6 (38,3)	
Япония	26,0 (28,9)	32,5 (27,9)	
Южная Корея	9,5 (10,6)		
Канада	2,4 (2,7)	4,4 (3,8)	
КНР	2,1 (2,3)	1,7 (1,5)	
Сахалинская область			
Япония	174,4 (15,3)	274,7 (29,8)	
КНР	99,0 (8,7)	16,7 (1,8)	
США	91,2 (8,0)	54,7 (5,9)	
Южная Корея	72,2 (6,3)	373,3 (40,5)	
Германия	71,2 (6,3)	45,7 (5,0)	

* Рассчитано и составлено по данным: Росиа тоё боэки тёса гэппо, 2003, № 2, с. 67, 76 – 88; № 6, с. 73, «Хабаровский край: экономический рост, инвестиции и внешнеэкономический фактор» – презентация первого зам. председателя правительства Хабаровского края по экономическим вопросам В. И. Сыркина на «The 2004 Northeast Asia Economic Conference», Ниигата, 2 – 3 февраля 2004 г.

** Основные торговые партнеры каждого из субъектов ранжированы в порядке убывания долей в товарообороте по 2000 г.

*** Доли в экспорте.

слабо обработанном виде. В результате структура дальневосточного экспорта в Японию остается неэффективной, и регион недополучает средства, которые он мог бы потенциально получить за переработку продукции (иными словами, дальневосточные предприятия не реализуют добавленной стоимости). Это означает также, что не создаются дополнительные рабочие места (как известно, добавленная стоимость – это труд и технологии) и ослабевают позиции российских экспортеров на японском рынке, поскольку Япония все более ориентируется сейчас на импорт полуфабрикатов[14].

[14] Подобная ситуация складывается, в частности, в сфере экспорта рыбы и морепродуктов. А. Горохов приводит такие факты. В последние годы в Японию из Китая и других стран Восточной Азии поступают рыба и морепродукты на сумму, в 1,5—2 раза превышающую размер российских поставок этого вида продукции. Установлено, что значительная часть ввоза в Японию продукции морского промысла из азиатских государств представляет собой реэкспорт российских товаров данной группы, проходящих обработку на предприятиях указанных стран и в дальнейшем поступающих на японский рынок. За счет осуществления подобной практики доля переработанной продукции в китайском «рыбном» экспорте в Японию постоянно возрастает, а в российском — остается практически неизменной. – *Горохов А.* Российско-японские экономические отношения: реалии и возможности. – Знакомьтесь – Япония. 2001, № 31.

Таблица 2

Доля Дальнего Востока в российско-японской торговле (%)*

	2000 г.	2001 г.	2002 г.
Товарооборот	17,2	20,4	22,9
Экспорт	16,4	19,2	24,1
Импорт	23,3	27,3	20,5

*Подсчитано по: Росиа тоё боэки тёса гэппо. 2003, № 2, с. 67; № 6, с. 73.

Вместе с тем определенные предпосылки для решения этой ключевой, на наш взгляд, проблемы дальневосточного экспорта в Японию все же есть. И связаны они с такой перспективной линией сотрудничества, как прямые инвестиции, особенно в перерабатывающий и обрабатывающий сектора, которые могли бы способствовать оптимизации структуры российского экспорта.

Что касается ***иностранных инвестиций*** в регион, то здесь Япония является лидером среди стран АТР (табл.3). Тем не менее, по сравнению с объемом инвестиций в другие азиатские страны и по сравнению с потребностями ДВ, эти инвестиции невелики[15].

Таблица 3

Структура притока иностранных инвестиций в Дальневосточный регион по странам (млн. долл., % к итогу)*

Страна	2001 г.	2002 г.
ДВ в целом		
Всего	767,5 (100,0)	1141, 7 (100,0)
Япония	207,6(27,1)	265,5 (23.3)
США	60,6 (7,9)	47,2 (4,1)
КНР	2,4 (0,3)	15,9 (1,4)
Южная Корея	38,6 (5,0)	34,0 (3,0)
Другие	458,3 (59,7)	779,1 (68,2)
Республика Саха		
Япония	–	–
США	15,1 (10,4)	20,0 (6,9)
КНР	1,3 (0,9)	–
Южная Корея	1,4 (1,0)	–
Другие	126,8 (87,7)	271,3 (93,1)
Всего	144,6 (100,0)	291,3 (100,0)
Приморский край		
Япония	29,7 (27,3)	19,8 (34,5)[57,8]**
США	38,9 (35,8)	8,0 (14,0) [6,9]**
КНР	0,5 (0,5)	0,6 (1,0) [4,6]**
Южная Корея	30,6 (28,2)	21,3 (37,2) [4,6]**
Другие	8,9 (8,2)	7,6 (13,3)
Всего	108,6 (100,0)	57,3 (100,0) [60,0(100,0)]*

[15] Япония как самый крупный инвестор в АТР за последние 26 лет инвестировала в регион около 620 млрд. долл., из которых Россия получила 0, 054% от общей суммы, из них российский Дальний Восток – 0,025%. (Из интервью В. Ишаева. – Бизнес Матч. 2001, №2).

Хабаровский край		
Япония	5,8 (29,2)	2,2 (6,6)
США	0,8 (4,0)	2,6 (7,8)
КНР	–	14,5 (43,4)
Южная Корея	0,0 (0,0)	0,1 (0,3)
Другие	13,3 (66,8)	14,0 (41,9)
Всего	19,9 (100,0)	33,4 (100,0)
Амурская область		
Япония	–	–
США	–	–
КНР	–	0,3 (5,8)
Южная Корея	–	–
Другие	0,2 (100,0)	4,9 (94,2)
Всего	0,2 (100,0)	5,2 (100,0)
Камчатская область		
Япония	11,1 (14,1)	7,2 (16,9)
США	3,9 (5,0)	13,5 (31,6)
КНР	0,1 (0,1)	–
Южная Корея	1,0 (1,3)	4,8 (11,2)
Другие	62,3 (79,5)	17,2 (40,3)
Всего	78,4 (100,0)	42,7 (100,0)

Магаданская область		
Япония	3,5 (13,3)	3,0 (65,2)
США	1,2 (4,5)	0,5 (10,9)
КНР	–	–
Южная Корея	4,0 (15,2)	0,7 (15,2)
Другие	17,7 (67,0)	0,4 (8,7)
Всего	26,8 (100,0)	4,6 (100,0)
Сахалинская область		
Япония	157,5 (40,5)	233,3 (33,0)
США	0,7 (0,2)	2,6 (0,4)
КНР	–	–
Южная Корея	1,6 (0,4)	7,1 (1,0)
Другие	229,1 (58,9)	463,7 (65,6)
Всего	388,9(100,0)	706,7 (100,0)
Еврейская АО		
Япония	–	–
США	–	–
КНР	0,5 (100,0)	0,5 (100,0)
Южная Корея	–	–
Другие	–	–
Всего	0,5 (100,0)	0,5 (100,0)

* Составлено по: Росиа тоё боэки тёса гэппо. 2003, № 6, с. 76–78.

**Данные за 2003 г. – Презентационные материалы делегации Приморского края на «The 2004 Northeast Asia Economic Conference». Ниигата, 2–3 февраля 2004 г.

Конечно, сведения об объеме и динамике японских инвестиций на ДВ сами по себе не дают представления об их реальной значимости и возможном влиянии на экономику региона. Здесь очень важны такие структурные характеристики, как соотношение кредитов и прямых инвестиций, отраслевая и размерная структура прямых инвестиций. К сожалению, в нашем распоряжении не имеется соответствующей статистики по всем субъектам ДФО[16].

[16] Даже данные об общем количестве предприятий с участием японского капитала в разных источниках расходятся. Так, А. Горохов в своей статье приводит данные Государственного реестра РФ, куда на 1 августа 1999 г. было внесено более 200 предприятий с японским участием, из них – 44 акционерных общества со 100%-ным японским капиталом и 173 акционерных общества со смешанным капиталом. Кроме того, было зарегистрировано 84 представительства японских компаний в России. (*Горохов А.* Российско-японские экономические отношения: реалии и возможности. – Знакомьтесь – Япония. 2001, № 31). По данным ГД РФ, в России действует 380 предприятий с японским капиталом, из которых около 300 –

Среди относительно крупных объектов[17] японского инвестирования в Приморском крае – следующие предприятия[18]:

Название	Место расположения	Отрасль	Дополнительная информация
ЗАО «Тернейлес» (японский партнер – «Сумитомо»)	пос. Пластун	Лесная промышленность	Форма – СП. Входят 9 производственных предприятий, составляющих единый производственный комплекс по заготовке и переработке древесины. Занято 3500 человек.
ЗАО СТС «Техновуд»	пос. Пластун		Создано на базе ЗАО «Тернейлес». Переработка древесины и производство пиломатериалов. Занято 280 человек.
ЗАО ПТС «Хардвуд»	пос. Пластун		Создано на базе ЗАО «Тернейлес». Переработка твердолиственных пород дерева, занято 145 человек.
Гринвуд	г. Находка		
Деревоперерабатывающий завод Рэсадзокку	Ресадзокку		
Уссурийский пищевой комбинат	г. Уссурийск	Пищевая промышленность	
Находкинский мясоперерабатывающий комбинат	г. Находка		
Воскол	г. Находка	Добывающая промышленность	
Роско	г. Владивосток	Транспорт	
Владивосток – Сакура	г. Владивосток	Розничная торговля – общественное питание	
Эйфу	г. Владивосток		
Раксмен Энтерпрайсиз	г. Владивосток		

на ДВ. – Информационно-аналитический бюллетень, № 10 (июнь 2001 г.) депутатской группы по связям с парламентом Японии ГД Федерального Собрания РФ.

[17] Хотя, по мнению А. Максимова и А. Родионова, крупного бизнеса на ДВ у японцев по-прежнему нет (кроме сахалинских проектов). – *Максимов А., Родионов А.* Уплывающие континенты. – Независимая газета. 04. 05. 2000 (оригинал: http://world.ng.ru/dipcorpus/2000-05-04/5_continents.html).

[18] Составлено по данным: Росиа тоё боэки тёса гэппо, 2003, № 12, с. 74–76, Презентационные материалы делегации Приморского края на «The 2004 Northeast Asia Economic Conference». Ниигата, 02–03. 02. 2004.

NICO	г. Находка		
Дальсо Пасифик	г. Уссурийск	Торговля, производство безалкогольных напитков	
Грандвуд	г. Находка	Торговля	
ОАО ХК «ДМП»	г. Владивосток	Рыбная промышленность	
Находкинская БАМР	г. Находка		
ЗАО «Ролиз»			
СП «Токай»			
ООО «Судоходная компания «Полар»			
РК «Первое мая»			
Россини	г. Владивосток	Морской промысел	
ЗАО «Востоктелеком»	г. Владивосток	Услуги электро- и радиосвязи	Услуги международной автоматической телефонной и факсимильной связи. Занято 97 человек.
ООО «Версаль»	г. Владивосток	Гостиничный комплекс	
ОАО «Владивосток Авиа»	г. Артем	Авиационный транспорт	
ООО «Тоёта Цусё Восток Авто»	г. Находка	Оптовая торговля	
ЗАО СП «Саммит Моторс»	г. Владивосток	Торговля	Поставка новых автомобилей «Тоёта», адаптированных к условиям России и СНГ. На рынке с 1992 г. Занято 116 человек.
Спринг	г. Уссурийск	Ремонт автомобилей	
Харэяма Авто	г. Владивосток		
Авто Тест	г. Владивосток		
BHJ Трейдинг	г. Владивосток	Сельское хозяйство	
DIKTs	г. Владивосток	Финансы	

Отраслевая принадлежность предприятий с японским капиталом, действующих на ДВ, как представляется, во многом такая же, как по России в целом. Эти предприятия действуют в таких отраслях и сферах бизнеса, как торгово-посреднические и консультационные услуги,

нефтедобыча и нефтепереработка, легкая промышленность, производство и переработка сельскохозяйственной продукции, объектов морского промысла, древесины, вторичного сырья, строительство, пищевая промышленность.

По мнению А. Горохова, большинство предприятий с японским участием имеет ярко выраженную ориентацию на импорт в Японию (так называемые торгово-направленные инвестиции)[19].

Для того чтобы составить представление о ситуации в инвестиционном сотрудничестве Японии именно с Дальним Востоком, эти общие сведения необходимо дополнить конкретными данными по отдельным регионам.

Наибольшие объемы японского капитала идут на Сахалин, Камчатку, Приморский и Хабаровский края. Так, на начало 2003 г. накопленный объем инвестиций Японии в экономику Приморского края составил 58,6 млн. долл., или 17,3% всего объема накопленных в крае иностранных инвестиций. Вместе с тем после кризиса 1998 г. активность японских компаний в крае, как и в целом в России, заметно снизилась. Так, если в 1997 г. число случаев инвестирования японского капитала в Приморский край составило 51, то в 1998 г. этот показатель сократился до 27 и до 2002 г. включительно не превышал 30[20].

Приведенные данные показывают, что в Приморском крае работают совместные предприятия, занятые обработкой сырья и производством готовой продукции, в том числе и предназначенной на экспорт. Подобные предприятия входят и в список перспективных совместных инвестиционных проектов Приморского края[21]. Среди них – проект реализации высокоэффективных технологий обработки объектов прибрежного рыболовства в Приморском крае[22]; проект создания нового рыбоперерабатывающего оборудования, что даст возможность отказаться от импорта этого оборудования[23]; проект производства пиломатериалов и клееной продукции в г. Находка[24]; проект строительства

[19] *Горохов А.* Российско-японские экономические отношения: реалии и возможности. – Знакомьтесь – Япония. 2001, № 31.

[20] Росиа тоё боэки тёсв гэппо. 2003, № 12, с. 66.

[21] Презентационные материалы делегации Приморского края на «The 2004 Northeast Asia Economic Conference». Ниигата, 2–3 февраля 2004 г.

[22] Инициатор проекта – ФГУП «Тинро-центр», стоимость 1,8 млн. долл., из которых собственные вложения могут составить 0,55 млн. долл.

[23] Инициатор проекта ОАО «Дальрыбтехцентр», стоимость1,5 млн. долл., из которых вклад компании-инициатора составит 0,6 млн. долл.

[24] Инициатор проекта – ООО «Океанинтербизнес». Общий объем инвестиций – 5,2 млн. долл., ожидаемый вклад партнера – 49,5%. Производство на базе импортного оборудования. Конечный продукт – сухая обрезная доска высокого качества, клееная продукция (щит или брус). 100% продукции планируется направлять на экспорт.

деревообрабатывающего предприятия по производству клееного бруса в пос. Ольга[25].

Вполне очевидно, что совместные предприятия с участием японских компаний, в частности в сфере переработки древесины и морепродуктов, не только позволят повысить в экспорте долю продукции с более высокой долей добавленной стоимости, но и сделают подобную продукцию более конкурентоспособной на японском рынке. В целом же перспективные инвестиционные проекты Приморского края несут в себе черты и экспорториентированной, и импортозамещающей модели.

Подобные примеры совместной предпринимательской деятельности можно найти и в практике других краев и областей ДВ. Например, в Хабаровском крае самое крупное производство пиломатериалов – это предприятие компании «Ванино – Тайрику» (со 100% -ным японским капиталом), которое действует с 1993 г. Благодаря реконструкции, техническому обновлению и повышению качества продукции в 2003 г. выручка предприятия от реализации выросла на 20%. В настоящее время предприятие дает 40% от краевого экспорта пиломатериалов, значительная часть которого направляется в Японию[26]. Кроме того, в крае совместно с японскими компаниями «Ниссё-Иваи» и «Сихоку» начинается реализация проекта строительства завода по производству шпона[27].

Приведенные примеры представляются нам показательными в том смысле, что при всех проблемах, связанных с японскими инвестициями в регионе (пассивность и недоверие японских компаний, криминализация некоторых видов бизнеса, общее низкое качество инвестиций)[28], все же имеют место и позитивные тенденции, отражающие движение в нужном направлении, и понимание этого верного вектора.

[25] Инициатор проекта – ОАО «Приморские лесопромышленники». Общая стоимость проекта – 3,8 млн. долл., из которых ожидаемый вклад партнера – 2,6 млн. долл. Продукция – клееные щиты и профили.

[26] «Хабаровский край: экономический рост, инвестиции и внешнеэкономический фактор» – презентация первого зам. председателя правительства Хабаровского края по экономическим вопросам В. И Сыркина на «The 2004 Northeast Asia Economic Conference». Ниигата, 2–3 февраля 2004 г.

[27] Проработаны и согласованы обоснование инвестиций и бизнес-план проекта, предусматривающие строительство завода в два этапа. На данном этапе предполагается создать совместное с японской стороной предприятие по выпуску шпона из лиственницы с годовым объемом выпуска 60 тыс. куб. м и вложить в развитие проекта 17-20 млн. долл., в том числе 6 млн. долл. составят прямые инвестиции в форме вклада учредителей и кредитная линия японских компаний. На втором этапе будет вложено 10 млн. долл. за счет заработанной прибыли в производство фанеры с годовым объемом производства 30 тыс. куб. м (Бизнес Матч. 2003, № 3).

[28] В данной статье мы сознательно акцентируем внимание на позитивных тенденциях и перспективах дальневосточно-японского сотрудничества, поскольку о проблемах и провалах написано немало.

Вместе с тем, думается, что имеющийся в регионах российского ДВ производственно-технологический потенциал не всегда адекватно оценивается японским бизнесом с точки зрения перспектив инвестирования. Показательным представляется случай, приведенный М. Нобукуни, профессором Нагойского городского университета, бывшим директором исследовательского центра ERINA (Economic Research Institute for Northeast Asia). В 1992–1996 гг. КБ «Сухой» в Комсомольске-на-Амуре приглашало японские компании к сотрудничеству. Но те уклонились, предпочтя сотрудничество с «Боингом». А в 1997 г. «Боинг» заявил о замораживании проекта. По мнению Нобукуни, если бы японский бизнес рискнул и смотрел вперед, этого бы не случилось. Российские технологии, по его мнению, конечно, отличаются от западных, но обладают большим потенциалом и оригинальностью. А в случае с КБ «Сухой» российское предприятие после пяти лет контактов с японскими предпринимателями, больше не открывает свои двери для гостей из Японии, включая и официальных, и частных лиц[29].

Проекты государственного значения

Действительно, крупные японские капиталовложения на ДВ России – это вложения в большие инвестиционные проекты в виде кредитов, долей в многосторонних партнерствах (консорциумах и др.) и прямых инвестиций (в меньшей степени), сосредоточенные главным образом в топливно-энергетическом и транспортном комплексах.

По масштабам и значению такие проекты являются стратегическими и государственными. Они имеют государственную правовую и финансово-экономическую поддержку, в них участвуют крупные компании нерегионального масштаба, которые действуют в рамках межгосударственных договоренностей. Результаты же таких проектов могут изменить всю конфигурацию не только двусторонних российско-японских, но и многосторонних отношений, в первую очередь в АТР. О том значении, которое придается большим дальневосточным проектам в контексте российско-японских экономических отношений в целом, свидетельствует тот факт, что их проблематика была одной из главных тем практически всех состоявшихся в последние два-три года встреч российских и японских руководителей, в том числе с участием президента В. Путина и тогдашнего премьер-министра М. Касьянова[30].

Географически же проекты, о которых пойдет речь ниже, дислоцированы на Дальнем Востоке. Поэтому одновременно они являются

[29] Japan and Russia in Northeast Asia. Partners in the 21st Century, p. 200–201.

[30] См., например, совместное заявление об официальном визите в Японию председателя правительства российской федерации М. М. Касьянова, п. 7– 9. – www.japantoday.ru.

и региональными: в них задействованы региональные ресурсы, они оказывают огромное влияние на экономику региона и субъектов федерации, последние относятся к ним далеко не нейтрально.

В ***топливно-энергетическом комплексе*** в настоящее время наиболее актуальными являются сахалинские нефтегазовые проекты, включая шельфовые проекты (это – крупнейшие объекты российско-японского инвестиционного сотрудничества наряду с инвестициями компании «Джапан Тобакко» в Санкт-Петербурге), а также проекты строительства газопровода Сахалин – Япония и завода по производству сжиженного газа на Сахалине.

В **Сахалинских шельфовых проектах** японские компании являются одним из иностранных партнеров и из шести реализуемых или прорабатываемых проектах участвует в двух [31]:

Проект	Инвесторы	Объем КВ
Сахалин – 1 (месторождения Чайво и Одопту)	«Эксон Нефтегаз Проджект Сервисез» (ЭНПСИ) – дочерняя компания корпорации «Эксон Мобил» (США), оператор проекта – 30%, Содеко (Япония) – 30%, ONGC Videsh Ltd. (Индия) – 20%, СМНГ Шельф (Россия)* – 11,5%, Роснефть – Астра – 8,5%	57 млрд. долл.
Сахалин – 2 (Пильтун-Ахтохское нефтяное месторождение, Лунское газовое месторождение)	Консорциум «Сахалин Энерджи». Акционеры: «Шелл Сахалин Холдингс Б.В.» (компания-учредитель – «Ройал Датч Шелл») – 55%, «Мицуи Сахалин Холдингс Б. В.» (учредитель – «Мицуи») – 25%, «Даймонд Гэс Сахалин Б. В.» (учредитель – «Мицубиси Корп.») – 20%, SEIC (США) и Мицуи (Япония) – 25% Ройал Датч Шелл – 55%, Мицубиси (Япония) – 20%	10 млрд. долл.

*100% капитала принадлежит компании «Сахалинморнефтегаз», которая в свою очередь является дочерней компании «Роснефть». «СМНГ Шельф» представляет интересы «СМНГ» в проекте Сахалин – 1.

[31] Что касается, сахалинских проектов 3–6, которые, как и проекты 1 и 2, предполагается претворять в жизнь на условиях раздела продукции, то пока участия в них японских компаний не предусматривается, однако эксперты не исключают такой возможности. Составлено по: BISNIS, US Department of Commerce. 2002, August (The Russian Far East Today: Regional Transformations under Globalization, p. 19–20), www.rosneft.ru. Подробнее историю проектов см. на том же сайте.

В настоящее время проекты уже реально работают[32]. С месторождений, разрабатываемых в рамках проекта **«Сахалин–1»,** начали получать нефть. По данным А. Родионова, в рамках проекта в Сахалинскую область вложено инвестиций уже на 1 млрд. долл., а администрация получила прямые вливания в виде бонусов на обустройство местной инфраструктуры[33].

Ожидается, что в результате реализации проекта будут созданы инвестиционные условия для дальнейшего освоения российских нефтегазовых месторождений шельфа дальневосточных морей. Доходы государства в виде роялти, доли прибыльной продукции и налоговых поступлений, по расчетам, должны составить более 40 млрд. долл. Около 12 тыс. российских граждан получат рабочие места, будет устранен дефицит энергоресурсов на ДВ России и в АТР. В целом же проект даст мощный толчок развитию промышленности и инфраструктуры ДВ России[34].

Серьезной экономической проблемой проекта является реализация продукции. В контексте данной работы нас интересуют возможности и перспективы экспорта сахалинского газа в Японию, который является и крупнейшим потенциальным потребителем в регионе.

Япония до последнего времени не была особенно заинтересована в крупномасштабных закупках российского газа (по трубе), поскольку производственные мощности японских энергетических и газовых компаний ориентированы на закупку сжиженного газа. Эти компании имеют свой круг поставщиков и долгосрочные контракты. Профессор М. Нобукуни в публикации 1999 г. писал, что Япония не очень-то заинтересована и в дальневосточных энергетических проектах, так как потенциально обеспечила себя энергоресурсами из других источников на 10–15 лет вперед[35].

Тем не менее, в течение нескольких лет японские компании, в том числе «Ито Тю», «Марубэни» и «Джапекс» (участники проекта «Сахалин-1»),

[32] В рамках проекта «Сахалин –1» проведена трехмерная сейсморазведка на месторождениях «Аркутун-Даги» и «Чайво», выполнены научно-исследовательские и предпроектные разработки, пробурены шесть оценочных скважин, завершен монтаж буровой установки «Ястреб» на береговой площадке «Чайво», где ведется бурение первой скважины. Также ведется переоборудование морской платформы «Орлан», которая станет основой второго морского нефтегазодобывающего комплекса на шельфе о-ва Сахалин. В 2003 г. одобрена многолетняя программа работ и смета расходов по обустройству и добыче. Максимальный уровень добычи топлива по проекту «Сахалин-1» составит 24 млн. т нефти и 20 млрд. куб. м газа в год, по проекту «Сахалин-2» – соответственно 8 млн. т и 16 млрд. куб. м в год. – www.rosneft ru.

[33] *Родионов А.* Экономика и менталитет. – Бизнес Матч. 2000, вып. 1 (www.bmatch.ru).

[34] www.rosneft.ru.

[35] Japan and Russia in Northeast Asia. Partners in the 21st Century, p. 197.

прорабатывали вопрос о строительстве **газопровода «Сахалин–Япония»** для перекачки в Японию 7 млрд. куб. м газа в год. Оператор проекта – компания ЭНПСИ – была, безусловно, заинтересована в поставках газа на такой крупный рынок, как японский, и в строительстве трубопровода. Как справедливо замечает Дж. Брук, японская энергосистема консервативна, и «Экссон» годами пыталась заинтересовать Японию строительством трубопровода. Одновременно «Экксон» изучал и возможность строительства газопровода в Харбин (1000 миль). Возможно, это и подогрело интерес Японии к проекту[36]. Кроме того, думается, что война в Ираке снова сделала более чем актуальным вопрос о диверсификации поставок энергоносителей.

Сейчас, похоже, вопрос решился. Работа над технико-экономическим обоснованием (ТЭО) трубопровода началась в 1999 г.[37] Частично она была завершена к началу 2002 г., когда «Эксон Джапан Пайплайн Лимитед» (ЭДПЛ) и японский консорциум «Джапан Сахалин Пайплайн»[38] подготовили ТЭО по японскому сегменту предлагаемого трубопровода для поставки природного газа с о-ва Сахалин на рынки Японии. В настоящее время решается вопрос о создании компании – владельца японского сегмента трубопровода, которая будет заниматься его строительством и эксплуатацией. Что касается сроков, то проектирование, материально-техническое снабжение и строительство трубопровода для поставки газа в Японию займет примерно пять лет с момента принятия покупателями обязательств по закупке значительных объемов газа.

По мнению руководства ЭДПЛ, запасы природного газа на месторождениях, разрабатываемых в рамках проекта «Сахалин-1», расположенные достаточно близко к Японии[39], могут стать конкурентоспособным источником поставок на существующий рынок, прогноз по которому обещает значительный долгосрочный рост. Кроме того,

[36] The New York Times. 30.01. 2004.

[37] В нем рассматривались вопросы выбора трассы и стандарты проектирования, а также экологические и нормативно-правовые аспекты. Результаты ТЭО показали, что строительство трубопровода для природного газа диаметром от 26 до 28 дюймов (от 65 до 70 см) с пропускной способностью около 800 млн. куб. футов в сутки (8 млрд. куб. м. в год) целесообразно с технической и коммерческой точек зрения.

[38] «Джапан Сахалин Пайплайн Ко.» является оператором по подготовке ТЭО. Среди ее акционеров четыре японские компании: «Джапекс» (45% долевого участия), корпорация «Итотю» (23,1%), «Марубэни-Итотю Стил» (18,7%) и корпорация «Марубэни» (13,2%).

[39] Протяженность японского сегмента трубопровода, который будет подсоединен к газопроводу проекта «Сахалин-1», составит примерно 1440 км от шельфа мыса Соя, Хоккайдо, до пригородов Токио, или примерно 1120 км до Ниигаты на западном побережье Японии. – http://www.sakh.com/news.

ведутся переговоры о продаже газа с потенциальными покупателями вдоль предлагаемых трасс[40].

Проект **«Сахалин 2»** до последнего времени продвигался довольно тяжело. Проблемы, с которыми сталкивался оператор, были связаны с неурегулированностью экологических вопросов[41], задержками с возвратом НДС (в соответствии с предоставленной российским законодательством льготой) и отчасти были сходны с вопросами, которые приходилось решать в рамках проекта «Сахалин – 1».

Однако, по мнению ряда экспертов, многие проблемы, возникшие вокруг проекта «Сахалин-2», так или иначе, были связаны с желанием российской государственной монополии «Газпром» взять осуществление этого проекта под свой плотный контроль[42], что не устраивало руководство оператора «Сахалина-2» компанию «Сахалин Энерджи» и ее основных акционеров – «Шелл», «Мицубиси» и «Мицуи». Стоял также вопрос собственности на трубопроводы, которые будут возведены в рамках проекта «Сахалин-2».

К маю 2003 г. противоречия были принципиально разрешены, и международный консорциум «Сахалин Энерджи» официально объявил о начале работ по второму этапу проекта «Сахалин–2»[43].

В контексте нашей тематики важно отметить, что на этом этапе активизировалась роль японских компаний, которые собираются сделать крупные инвестиции в строительство транспортной инфраструктуры

[40] www.rosneft.ru.

[41] Запрещение российского Государственного комитета по экологии сбрасывать в море отходы бурения. Протесты зеленых по поводу безопасности серых китов и др.

[42] Официально «Газпром» утвержден координатором по программе освоения газовых месторождений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

[43] Освоение месторождений все равно началось без утвержденного минприроды РФ ТЭО. Стоимость второго этапа освоения проекта «Сахалин–2», по оценкам, составляет 9–10 млрд. долл. Потребуется построить еще две морские платформы – на Пильтунском участке Пильтун-Астохского месторождения и газодобывающей платформы на Лунском газовом месторождении, береговой технологический комплекс, морские и наземные нефте- и газопроводы. На побережье залива Анива, расположенного в южной части о-ва Сахалин, будут построены нефтяной экспортный терминал и завод по производству СПГ с узлом отгрузки. За время реализации проекта «Сахалин–2» российская сторона получит около 45 млрд. долл. в виде налогов, возмещения ранее понесенных затрат на разведку месторождений и доходов от российской доли углеводородов. Кроме того, по сообщению председателя комитета управляющих директоров компании «Шелл» Ф. Уоттса, российское правительство «уже получило в качестве выгод от этого проекта около 300 млн. долл.». Планировалось также перечислить еще 20 млн. долл. России в качестве бонуса по случаю объявления о начале реализации второго этапа проекта. Системы газопроводов в рамках проекта «Сахалин–2» будут входить в собственность акционеров оператора проекта консорциума «Сахалин-Энерджи» на весь период действия самого проекта. По окончании действия соглашения они перейдут в собственность РФ. – www.olo.ru, www.rusenergy.ru.

и перерабатывающих мощностей. Япония же станет главным покупателем сахалинского газа.

Вопрос о реализации добываемого газа, как в проекте «Сахалин–1», был принципиальным. Именно необходимость договориться с клиентами в АТР о долговременных поставках, по словам главного исполнительного директора компании «Сахалин Энерджи» С. Маквэя, задерживала начало второго этапа проекта[44]. Теперь же японская компания «Токио гасу» официально подтвердила свое намерение в течение 24 лет покупать до 1,1 млн. т газа.

Кроме того, еще одна крупнейшая японская энергетическая компания «Токио электрик пауэр» (ТЭПКО) приняла стратегическое решение начать массированную закупку газа (1,5 млн. т сжиженного газа в год) с месторождений, включенных в проект «Сахалин–2». Ожидается, что примеру ТЭПКО последуют и две другие энергетические компании Японии, которые планируют приобретать по 500 тыс. т сахалинского газа. Идут переговоры и с газовыми компаниями. В результате Япония, как полагают, будет в год закупать до 3,9 млн. т газа (отметим, что, в отличие от поставок в рамках проекта «Сахалин–1», газ будет поставляться в сжиженном виде) с месторождений «Сахалин–2». Начало отгрузок первых партий сахалинского СПГ намечено на 2007 г. Окончательные соглашения с «Токио гасу» и ТЭПКО должны быть подписаны в 2004 г.

СПГ будет поступать с нового крупного завода, который будет построен около пос. Пригородное на южной оконечности о-ва Сахалин. Подряд на строительство завода выиграли японские корпорации «Тиёда» и «Тоё инжиниринг»[45].

Если события будут развиваться так, как намечено, Сахалин может стать новым стратегическим источником газа для Японии, а Япония – важным рынком для российских энергоносителей. Президент «Токио гасу» Х. Уэхара сказал по этому поводу: «Учитывая ряд преимуществ сахалинского газа, таких, как богатые запасы и их географическая близость к Японии, а также тот факт, что поставки с Сахалина оптимальны с точки зрения диверсификации источников снабжения газом, компания приняла решение рассматривать Сахалин как стратегически важный источник поставок СПГ»[46].

[44] По оценке специалистов, запасы газа в рамках проекта «Сахалин-2» позволят покрыть, как минимум, 10% спроса на газ на азиатском рынке.

[45] По данным пресс-службы компании «Тиёда», две очереди завода, каждая из которых позволит получать ежегодно до 4,8 млн. т СПГ, должны вступить в строй в 2007 г. – www.olo.ru.

[46] www.olo.ru.

В свете всего сказанного выше, представляется, что успешная реализация Сахалинских проектов может вывести российско-японское сотрудничество – и инвестиционное, и торговое – на новый уровень. Кроме того, немаловажно и приобретение необходимого опыта совместной работы российских и японских компаний в рамках международного консорциума

С точки зрения воздействия сахалинских нефтегазовых проектов на экономику Дальнего Востока дело не ограничивается только сферой реализации энергоносителя. Проекты могут иметь и уже имеют значительный мультипликативный эффект. За годы реализации проектов, несмотря на все трудности и разногласия, увеличивались не только объемы, но и доля российских поставщиков оборудования, материалов и услуг (в 1998 г. она составила около 60%). Причем заказы и подряды получают компании и предприятия не только Сахалина, но и других регионов Дальнего Востока. Всего в рамках проекта «Сахалин–1» более 50 российских предприятий, главным образом дальневосточных, получили подряды на общую сумму более 200 млн. долл. Например, в Приморской судоходной компании размещены контракты на поставку трех танкеров ледового класса на 185 млн. долл. и контракт на поставку двух аналогичных танкеров в компании «Совкомфлот» на сумму 240 млн. долл. Размещен контракт на строительные работы на Чайво и Одопту на 70 млн. долл. в компании САП. Дальневосточному морскому пароходству отдан контракт на снабжение судном ледового класса в рамках программы обеспечения буровых работ на платформе «Орлан» на сумму 77 млн. долл. Компания «Восток-Авиа» (г. Хабаровск) получила контракт на предоставление вертолетных услуг по обслуживанию наземных и морских объектов на сумму 29 млн. долл.[47] Общая сумма заказов ОАО «Иркутск- кабель» на поставку кабельной продукции, необходимой для освоения сахалинского нефтеносного шельфа «Сахалин–2» составляет 300–400 млн. долл.[48]

Некоторые российские предприятия довольно успешно реализуют стратегию «встраивания» в производственные цепочки иностранного партнера. Так, показателен в этом смысле случай, вошедший в учебники по международному менеджменту, когда российское оборонное предприятие Комсомольска-на-Амуре, судостроительный завод (КСЗ), производившее подводные лодки, в рамках проекта «Сахалин–1» получило контракт на производство металлических оснований буровых платформ (заказ чрезвычайно простой в сравнении с производственно-технологическим потенциалом предприятия). При этом сталь для изготовления оснований платформ поставляли японские фирмы. Однако

47 www.rosneft.ru.

48 www.region.ru.

впоследствии, приобретя опыт работы с иностранными партнерами, КСЗ сам начал работу с дальневосточными металлургами по освоению производства металла необходимого качества[49].

Приведенный пример показывает также, что существует жесткая конкуренция за подряды и заказы и с иностранными компаниями, в том числе и с японскими. Вполне очевидно, что за заказы нужно бороться, и, хотя часто говорят и пишут, что Россия и Япония ни на каком поле не могут конкурировать, это верно на макроэкономическом уровне, а во многих конкретных случаях конкурентная микросреда есть, и конкурировать можно и нужно.

Среди направлений российско-японского сотрудничества проект **нефтепровода Ангарск – Находка** привлекает, пожалуй, наибольшее внимание политиков и экономистов не только России и Японии, но и других стран АТР, поскольку, выражаясь словами известного специалиста по проблемам АТР Дж. Брука, вокруг него «разгорелась азиатская битва за российскую нефть и газ, в которой участвуют крупнейшие азиатские державы – Япония и Китай»[50].

Идея строительства нефтепровода, по которому восточносибирская нефть могла бы поставляться на экспорт – в соседние азиатские страны – возникла еще в 90-е годы, когда стало ясно, что добыча российской нефти увеличивается, превышая внутренние потребности и нужно искать новые экспортные рынки.

За неимением места мы опускаем историю разработки различных вариантов строительства трубопровода. Важно, что к началу 2000-х годов обозначились два маршрута, соответствующие двум различным экспортным стратегиям, которые до последнего времени рассматривались как альтернативные. Первый вариант (который разрабатывался и лоббировался компанией ЮКОС) – китайский (от Ангарска: на Дацин в Северо-Восточные провинции КНР) – быстрее (срок строительства – семь лет), короче (1400 миль) и дешевле (2,8 млрд. долл.). Второй вариант – японский – (к российскому порту Находка, а далее есть также два варианта – либо транспортировать танкерами в Японию, либо продолжить трубопровод до Хоккайдо[51]) – соответственно 10 лет, 2300 миль, 5,8 млрд. долл. Вместе с тем, очевидно, что второй вариант открывает доступ на глобальные рынки.

49 Международный менеджмент. Учебник для вузов. Под ред. *С. Э. Пивоварова*. СПб, с. 48.

50 Япония и КНР являются крупнейшими потребителями нефти в Азии. При этом, как замечает Брук, обе страны стремятся ограничить свою зависимость от географически отдаленных и политически нестабильных регионов, а именно Ближнего Востока, поэтому они заинтересованы в получении сибирской нефти и ведут борьбу за маршрут нефтепровода. – The New York Times. 30. 01. 2004.

51 Последний вариант прозвучал на переговорах М. М. Касьянова во время его визита в Японию в декабре 2003 г. – The Japan Times. 17.12.2003.

На настоящий момент окончательного решения пока не принято. Китай вел переговоры с Россией более 10 лет. Япония же вела себя довольно инертно, что объясняется тем, что в условиях экономического спада не предполагали заметного роста спроса на нефть, а текущие потребности покрывались из традиционных источников (главным образом за счет Ближнего Востока). Однако война в Ираке и конкуренция со стороны Китая к началу 2003 г. коренным образом изменили позицию Японии, которая увидела для себя выгоды этого проекта. Она сразу же предложила 5 млрд. долл. на строительство трубопровода (имея в виду, что труба к Японскому морю сможет впоследствии обеспечить и экспорт в США) и 2 млрд. – на освоение нефтяных полей.

В связи с таким стремительным и необычным для Японии развитием событий Брук пишет, что «Япония стремится получить доступ к нефтяным месторождениям Сибири, игнорируя факт отсутствия мирного договора, хотя этот пункт всегда стоит в повестке дня». Глава департамента исследований нефти и газа UFG (инвестиционный банк в Москве) О'Салливан также заметил по этому поводу, что вопрос об энергетической безопасности и диверсификации источников получения энергоносителей отодвинул для Японии проблему Курильских островов в списке приоритетов[52]. Иными словами, в данном случае Япония, по-видимому, решила отделить территориальный вопрос от экономического, и это очень показательно.

Понятно, что в условиях конкуренции двух крупных потенциальных потребителей Россия оказалась в очень выгодной ситуации. В марте 2003 г. было объявлено, что правительство, скорее всего, одобрит план, по которому оба потребителя будут получать нефть в течение длительного времени, т. е. Россия будет строить два новых трубопровода (вернее, трубопровод от Ангарска с двумя ответвлениями).

На окончательное решение влияют, конечно, различные факторы экономического, а также внутри- и внешнеполитического характера. Брук в своей статье приводит мнение президента В. Путина, который высказывался по данному поводу в том смысле, что России выгоднее, если восточносибирская нефть будет продаваться на мировом рынке, а не только одному потребителю – Китаю[53].

На встрече премьер-министра Д. Коидзуми с премьер-министром России М. Касьяновым во время декабрьского (2003 г.) визита последнего в Японию лидеры обеих стран выразили согласие в том, что строительство нефтепровода через Находку, который соединит Восточную Сибирь с регионами Дальнего Востока, принесет большую экономическую пользу как России, так и Японии.

[52] The New York Times. 30. 01. 2004.

[53] Ibid.

Однако, как пишет газета «Джапан Таймс», при этом российский премьер не дал японской стороне никаких конкретных обещаний, и это обстоятельство еще раз подтверждает вероятность того, что Россия может остановить свой выбор и на альтернативном варианте строительства нефтепровода, предложенном Китаем

По мнению обозревателя газеты, Касьянов также намекнул на то, что для реализации этого проекта Россия нуждается в финансовой поддержке Японии, подчеркивая, что рентабельным проект будет только в том случае, если обеспечит выработку 50 млн. т нефти в год.

«В этом заявлении Касьянова прослеживается признак того, что пока Россия склоняется к принятию проекта строительства нефтепровода через Находку», – заявил ответственный представитель кабинета министров Японии[54].

По ситуации на март – апрель 2004 г. окончательное решение все еще не было принято, но, по мнению обозревателей, чаша весов постепенно склонялась в пользу Японии[55].

При окончательном решении вопроса о маршруте трубопровода, конечно, важна и позиция дальневосточных губернаторов. Судя по их официальным высказываниям, она довольно единодушна: они лоббируют японский вариант, а полномочного представителя президента на ДВ К. Пуликовского иногда называют «японским послом»[56].

Таким образом, подводя итог краткому рассмотрению вопроса о нефтепроводе из Восточной Сибири, можно отметить, что здесь складываются благоприятные условия для развития крупномасштабного сотрудничества с Японией, причем в условиях, когда в силу наличия альтернативного варианта Россия имеет весьма выигрышную позицию, а Япония проявляет повышенную заинтересованность.

В перечне энергетических проектов, в которых участвуют Россия и Япония, заметное место занимает энергомост «Россия (Сахалин) – Япония»[57], а также проект разработки Ковыткинского газоконденсатного

[54] The Japan Times. 17.12.2003. Перевод http://www.inopressa.ru/(www.japantimes/2003/12/17).

[55] Financial Times. 24.03.2004. Перевод http://www.inopressa.ru/ (www.japantimes/2004/03/24); The Washington Post. 05.04.2004. Перевод http://www.inopressa.ru/ (www.japantimes/2004/04/205).

[56] The New York Times. 30.01. 2004.

[57] Проектом предусматривается сооружение на Сахалине ТЭС мощностью в 4500 мВт, которая будет использовать попутный газ с сахалинских шельфовых месторождений, с последующей переброской электроэнергии в размере 1030 млрд. кВт-ч в год по подводному кабелю через пролив Лаперуза на о-в Хоккайдо. Строительство, в котором с японской стороны будет участвовать консорциум компаний, начнется в 2005 г. и обойдется в 4,5 млрд долл. По заявлению генерального директора ОАО «Дальэнергосетьпроект» Г. Смерковича, сделанному им 16 декабря 2003 г. во Владивостоке, подписан соответствующий меморандум. На проектную мощность ТЭС сможет выйти к 2015 г. Срок ее окупаемости – 11 лет.

месторождения в Иркутской области[58]. Генеральное соглашение о разработке ТЭО последнего проекта было подписано российской и китайской сторонами в феврале 1999 г.[59] Как и в случае с нефтепроводом Ангарск – Находка, позиция Японии поначалу была пассивной. Однако впоследствии о своей заинтересованности официально заявила Японская национальная нефтяная корпорация, а также специально созданный консорциум («Марубэни», «Сумитомо», «Ниппон сэйтэцу», «Токио гасу», «Осака гасу»). Во время визита одной из групп делегации Кэйданрэн в Иркутск в июне 2001 г., японской стороной была высказана готовность инвестировать в Ковыктинский проект 300 млн. долл. на условиях поставки газа.

Еще одной сферой российско-японского сотрудничества является **атомная энергетика**. В ходе российско-японской неофициальной встречи на высшем уровне в Санкт-Петербурге в апреле 2000 г., а также во время визита президента В. Путина в Японию с российской стороны было внесено предложение о налаживании сотрудничества в атомной энергетике и возможном строительстве при участии японских компаний АЭС на Дальнем Востоке общей мощностью в 12 гигаватт, что могло бы решить острую региональную проблему энергодефицита и создать новый потенциальный источник экспорта электроэнергии в Японию. По оценкам представителей Минатома России, стоимость постройки АЭС в этом регионе РФ в 3,5 раза ниже строительства аналогичной станции в Японии, а возврат потенциальных вложений японских инвесторов можно было бы осуществить за счет экспорта электроэнергии[60].

Помимо энергетики и трубопроводного транспорта, перспективными с точки зрения развития сотрудничества российского ДВ и

Одним из условий проекта является выплата японской стороной российским рыболовецким хозяйствам 1 млн. долл. в порядке компенсации за возможный ущерб их рыбным угодьям (последняя деталь важна, учитывая экологические проблемы проектов «Сахалин–1» и «Сахалин–2»). Для Японии данный проект экономически интересен, поскольку себестоимость производства 1 кВт-ч электроэнергии на Сахалине составит менее 5 центов, в то время как на Хоккайдо она превышает 7 центов. – http://www.rusenergy.com.

[58] Доказанные запасы газа – 1,5 трлн. куб. м, прогнозируемые 2–2,5 трлн. куб. м., конденсата – 80 млн. т. Первый этап реализации проекта – добыча, строительство газопровода и поставка газа в объеме 5,1 млрд. куб. м в год. В дальнейшем добыча газа будет поэтапно увеличиваться. – Japan and Russia in Northeast Asia. Partners in the 21st Century, p. 208– 209.

[59] Проект многосторонний. Одним из акционеров проекта компанией «РУСИА Петролеум» разработана программа взаимодействия с потенциальными покупателями газа, в первую очередь с КНР и Южной Кореей, а также с Монголией и другими странами АТР.

[60] *Горохов А.*. Российско-японские экономические отношения: реалии и возможности. – Знакомьтесь – Япония, № 31, 2001.

Японии являются и другие транспортные[61], а также экологические проекты, рассмотреть которые не позволяет формат данной работы.

Выводы

Итак, есть ли перспективы развития экономических связей между российским Дальним Востоком и Японией? Насколько нужны эти связи обеим сторонам?

Очевидно, что с макроэкономической точки зрения Россия (в частности, Дальневосточный регион) и Япония представляют мало интереса друг для друга. Это проявляется в утрате взаимодополняемости, что ведет к сокращению потенциала взаимной торговли, и даже такая порочная модель как «краб в обмен на старый автомобиль» уже исчерпывает себя.

Другой макроэкономический аспект проблемы – на наш взгляд более важный – это инвестиционная привлекательность ДВ для Японии[62]. Проведенный автором анализ по модели конкурентного ромба М. Портера, показал, что этот регион может конкурировать, в том числе и за японские инвестиции, на основе базисных (общих), а не специализированных факторов, таких, как природные ресурсы, неквалифицированная или среднеквалифицированная рабочая сила, обычная инфраструктура[63]. Но для крупных компаний, действующих в высокотехнологичных отраслях (а именно в таких инвестициях нуждается ДВ), более важны другие, развитые и высокоспециализированные факторы – НИОКР, специализированный персонал и инфраструктура, бизнес-среда и т. п. По этим параметрам, российский ДВ пока не может конкурировать с Китаем и странами ЮВА, куда идут большие потоки прямых инвестиций из Японии.

Подобную ситуацию можно объяснить и с позиций макроэкономической динамики. Одзава Тэрутомо, профессор экономики Университета

[61] По мнению К. Пуликовского, Россия заинтересована в поддержке японских предпринимателей в развитии транспортной инфраструктуры, в частности, в привлечении на Транссибирскую магистраль грузов, направляемых сейчас в страны Европы морским путем. – Бизнесс Матч, №3, 2003.

[62] О привлекательности Японии для российских компаний говорить, видимо, пока бессмысленно, поскольку на закрытый и сложный (даже сейчас, в период глобализации) японский рынок трудно внедриться даже крупным и опытным западным компаниям (часто это делается через японского партнера).

[63] По Портеру, все страны начинают с конкуренции на мировом рынке на основе базисных факторов — природных ресурсов или неквалифицированной рабочей силы.. Но основанная на базисных/общих факторах конкурентоспособность более низкого порядка и непрочна, т.к. на мировой рынок могут выйти другие страны с более дешевыми природными ресурсами или трудом, может измениться производственный процесс и т. д.

штата Колорадо, исследовавший перспективы российского ДВ с точки зрения политики японских ТНК, пришел к выводу, что еще в начале 50-х годов XX века векторы России и Японии, которые в экономическом отношении до этого развивались практически параллельно, разошлись. Россия вернулась на стадию факторо-интенсивного производства (т. е. такого, где конкурентное преимущество достигается за счет природных ресурсов и дешевого труда), а Япония последовательно прошла стадии развития сборочных производств вплоть до инновационно интенсивных отраслей[64].

В то же время сказанное выше нельзя абсолютизировать, полагая, что, ситуация абсолютно бесперспективна. Во-первых, факторы конкурентоспособности можно и нужно создавать, во-вторых, есть компании средней и малой размерных групп (таких японских компаний довольно много на ДВ), которые имеют реальную заинтересованность в российском рынке. Их положительный и отрицательный опыт также формирует инвестиционный имидж региона. В-третьих, многие страны, проходившие этап догоняющего развития, брали производства и технологии, прошедшие стадию зрелости, с тем чтобы создать у себя промышленную базу (главное не задерживаться на этой стадии и не «консервировать» отсталость).

Кроме того, нельзя забывать о таком мощном факторе как государство, вернее, государства, которые при наличии доброй политической воли могут многое сделать для создания условий для развития взаимовыгодного бизнеса. При этом ситуация с нефте- и газопроводами заставляет задуматься – а так ли уж важен территориальный вопрос в экономических отношениях. Может быть, взаимный экономический интерес поможет найти подходы к решению территориального вопроса, и не стоит ждать, когда произойдет наоборот. Тем более что реальный экономический интерес – гораздо более прочная основа для будущего, чем обещания кредитов в обмен на территорию.

[64] *Ozawa Terutomo*. The Russian Far East: the Role of Japan. – Mulnationals in Eastern Europe. Ed. by *P. Artisien* – Maksimenko. – Macmillan Press Ltd., London – NY, 2000, p. 255–257.

Глава седьмая

Новые тенденции в изучении японского опыта в России

В России изучение японского опыта, понимаемого как некая позитивная практика и заслуживающего не только исследования, но и заимствования, имеет не слишком долгую историю. Это и понятно, поскольку до перестройки исследования социально-экономического развития Японии, как и любой другой развитой капиталистической страны, основывались на тезисе о «неизбежности краха капитализма», и было бы, по меньшей мере, странным изучать с целью заимствования опыт «обреченной на гибель» системы.

Разумеется, объективная реальность подталкивала исследователей к совсем иным выводам. Так, японское «экономическое чудо», т. е. феноменально высокие темпы роста экономики и особенно промышленности в период конца 50-х – начала 70-х годов, наглядно свидетельствовало о высоком динамизме и эффективности японской экономики. Однако в силу идеологических догм в работах того времени при объяснении причин «экономического чуда» акцент делался на «благоприятном сочетании внутренних и внешних условий», а не на механизмах развития страны.

В последующие годы непродуктивность такого подхода стала еще более очевидной. В 70-х годах в результате двух «нефтяных шоков», приведших к резкому росту цен на топливо и энергию, а также значительного повышения заработной платы японских рабочих условия воспроизводства в японской экономике существенно ухудшились. В 80-х годах к этому добавились заметное ужесточение условий допуска японских компаний к западным технологиям, а также почти двукратное повышение курса иены по отношению к доллару и другим мировым валютам в результате принятия в 1985 г. известного Плазского соглашения. Тем не менее, несмотря на значительное ухудшение условий развития, Япония продолжала укреплять свою экономическую мощь и усиливать свой натиск на мировые рынки, опровергая

тезис о «случайном» характере своих экономических успехов и их обусловленности «благоприятным стечением обстоятельств».

С началом перестройки в изучении социально-экономического развития Японии появились новые подходы. Центр тяжести сместился с изучения «отрицательных социально-экономических явлений» японской действительности к анализу причин высокого динамизма и адаптивности японской экономики к достижениям НТП. Правда, на этом этапе в силу сохраняющихся идеологических ограничений речь шла об изучении лишь отдельных технико-экономических и организационных сторон японского опыта, например, в области экономии энергии, охраны окружающей среды, утилизации отходов, развития автоматизации производства и т. д.

В годы перестройки сотрудники отдела Японии Института востоковедения АН СССР и сектора Японии Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР подготовили не один десяток аналитических записок для Совета министров СССР, Госплана, ЦК КПСС, отдельных министерств и ведомств. В них давался объективный анализ достижений Японии в различных областях с подробным описанием механизмов и инструментов, с помощью которых ей удалось добиться соответствующих результатов.

Материалы, положительно освещавшие опыт Японии в разных сферах, периодически появлялись в эти годы и в открытой печати. В качестве примера можно привести сборник статей «Япония: проблемы научно-технического прогресса», авторами которого стали сотрудники Института востоковедения, ИМЭМО и ряда отраслевых научно-исследовательских институтов[1]. Хотя во введении к сборнику, отдавая дань времени, говорится о «многих негативных явлениях и проблемах», сопровождающих развитие научно-технического прогресса в Японии, и об их однозначной связи с «характером капиталистического способа производства как определенной общественно-экономической формации», в целом он явился своего рода прорывом в изучении японского опыта. В нем не только представлена широкая объективная картина достижений Японии в различных областях (например, в развитии «высоких технологий», создании энерго- и материалосберегающей структуры производства, модернизации сельского хозяйства, охране окружающей среды, развитии регионов и т. д.), но и напрямую заявлено о полезности ее опыта «для работников, занимающихся проблемами народного хозяйства нашей страны»[2] .

[1] Япония: проблемы научно-технического прогресса. Отв. ред. акад. *Е. М. Примаков*. М., 1986.

[2] Там же, с. 9.

Во второй половине 80-х годов в Институте востоковедения АН СССР было решено развить эту инициативу и начать издание специальной серии брошюр под общим заголовком «Японский опыт», в которых бы освещался опыт решения проблем, являющихся наиболее острыми и злободневными для нашей страны. Эту серию открыла брошюра И. С. Тихоцкой «Использование вторичного сырья в Японии» (М., 1988). Затем были изданы еще две работы – Т. Н. Матрусовой «Подготовка кадров в японских фирмах» (М., 1990) и И. Л. Тимониной «Япония: опыт регионального развития» (М., 1991). К сожалению, на этом издание серии прекратилось из-за крайне тяжелого положения, в котором оказалась академическая наука в начале 90-х годов.

Как известно, время перестройки характеризовалось жаркими дискуссиями в сфере общественных наук, в том числе и в области политической экономии современного капитализма. Пересматривались многие незыблемые прежде положения, вытекавшие из теории непрерывного углубления всеобщего кризиса капитализма, которые явно перестали соответствовать действительности и мешали объективному научному анализу тех изменений, которые произошли в социально-экономическом развитии промышленно развитых стран в послевоенный период.

Не остались в стороне от этих дискуссий и российские японоведы, тем более что послевоенное развитие Японии давало обильный материал для размышлений. В 1991 г. – последнем году перестройки – коллектив японоведов ИМЭМО под руководством Я. А. Певзнера, В. Б. Рамзеса и В. К. Зайцева выпустил монографию «Японская экономика в преддверии XXI века»[3], которая содержала целый ряд принципиально новых подходов к анализу экономических реалий страны. Главными среди них стали отход от акцента на монополистической сущности и обреченности современного капитализма и, напротив, подчеркивание его конкурентного характера, обеспечивающего динамизм и адаптивность экономик западных стран, новый взгляд на рынок как на «механизм, несравненно более мощный и необходимый для прогресса, чем даже самая совершенная техника»[4], отказ от оценки государства как «комитета по делам монополий» и признание за ним целого ряда важных общественно-полезных функций и т. д.

Однако значение этой книги не исчерпывалось только вкладом в развитие политэкономии современного капитализма. Отмечая целый ряд сильных сторон японского капитализма, обеспечивающих его динамизм, маневренность, адаптивность к научно-техническому прогрессу,

[3] Японская экономика в преддверии XXI века. М., 1991.

[4] Там же, с. 4.

она, по существу, обозначила и новые направления и проблемы, которые бы могли изучаться как полезные для нашей страны элементы японского опыта. Разумеется, в то время речь могла идти об их «полезности» только с точки зрения задач «борьбы с административно-командной системой» и «создания условий для прогресса по пути социализма».

С распадом СССР и началом демократических реформ в изучении японского опыта наступил качественно новый этап. Прежние идеологические барьеры окончательно рухнули. Россия вступила на путь создания рыночной экономики и построения демократического государства. Естественно, что опыт Японии, оказавшейся после войны во многом в аналогичном положении и достигшей выдающихся успехов, оказался в центре внимания ученых и специалистов самых разных направлений.

При этом значительно раздвинулись и рамки самого понятия «опыт». Наряду с продолжением изучения отдельных технико-экономических и организационных сторон экономического развития Японии стали изучаться с прицелом на заимствование и такие его аспекты, как различные направления государственной политики, государственное регулирование развития отдельных сфер и секторов, теория и практика управления японских компаний и банков, в том числе особенности управления трудом, и т. д.

В то же время границы понятия «опыт» расширились и за счет включения в него наряду с экономикой новых сфер, таких, как образование, культура, здравоохранение, политическое устройство, социальное обеспечение и ряд других, где опыт Японии также дает богатый материал если не для заимствования, то, по крайней мере, для серьезных размышлений.

Следует отметить, что во многих работах, вышедших в постперестроечное время и посвященных исследованию различных аспектов экономического, социального и политического развития современной Японии, в той или иной степени содержатся материалы, представляющие одновременно и несомненный практический интерес. В то же время особенностью последнего десятилетия стало появление специальных работ, авторы которых исследуют японскую действительность именно с целью обнаружения в ней элементов, которые бы могли быть применены и в нашей стране для решения тех или иных задач.

Как показывает анализ, в плане изучения японского опыта наиболее «востребованной» оказалась сфера экономики, что вполне объяснимо, если учесть выдающиеся достижения Японии в послевоенном экономическом развитии. Интересно отметить, что наряду с российскими японоведами в пропаганде японского опыта в этой области активно участвовали и японские экономисты, особенно в последние

годы перестройки и первые годы реформ. Так, в начале 90-х годов было издано несколько коллективных работ, авторы которых – известные японские специалисты, представители научных учреждений и правительственных организаций – предлагали вниманию своих российских коллег те или иные элементы послевоенного японского опыта для ускорения и облегчения процесса перехода России к рыночной экономике. Названия этих книг говорят сами за себя: «“Японское чудо” и советская экономическая реформа. Японские предложения по реформе экономики в Советском Союзе» (Отв. ред. Х. Инаба, С. Цуцуми. М., 1991.); «Переход России к рыночной экономике: опыт Японии и интеллектуальное содействие» (Отв. ред. Н. Ёсимура и Ё. Нисимура. Токио, 1992); «О системной экономической реформе в странах бывшего СССР: чему учит послевоенный опыт Японии» (М., 1992, Институт внешней торговли и промышленности); «К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России» (Токио,1995. НИИ промышленной политики, НИИ национальной экономики).

Все эти работы исходили из очевидной посылки. Если Япония, которая оказалась после войны в положении, весьма схожем с точки зрения макроэкономической ситуации с положением России на момент распада Советского Союза, и была вынуждена решать в принципе те же самые задачи, что и наша страна, смогла успешно с ними справиться, то ее опыт, обретенный в свое время методом проб и ошибок, может быть полезен для России.

Действительно, хотя между поражением Японии в войне, поставившим страну перед необходимостью коренных преобразований, и началом реформ в России прошло более 45 лет, с точки зрения условий и задач развития эти периоды поразительно схожи. И в Японии второй половины 40-х годов, и в России начала 90-х годов основными характеристиками макроэкономической ситуации были следующие:

– жесткий и всеохватывающий контроль государства над экономикой;
– высокий уровень милитаризации экономики;
– крайне высокая степень монополизации промышленности, сферы финансов и кредита;
– дезорганизация экономической жизни, разрушение традиционных хозяйственных связей;
– резкое падение объемов промышленного производства;
– раскручивание инфляционной спирали;
– дефицит предметов производственного и личного потребления;
– нехватка внутренних источников капиталонакопления;
– резкое падение жизненного уровня населения;
– высокий уровень безработицы.

Что касается задач, стоявших перед нашими странами, то и России и Японии необходимо было заниматься одновременно двумя сложнейшими проблемами, а именно, переходом от командной экономики к рыночной и стабилизацией экономической ситуации. Для этого необходимо было осуществить целый комплекс конкретных мер, которые можно подразделить на следующие направления.

1. Общая демократизация экономики:
– демилитаризация на основе конверсии военного производства;
– демонополизация;
– реформа трудовых отношений, принятие новых законов о труде;
– аграрная реформа (в Японии – ликвидация помещичьего землевладения, в России – преобразование колхозно-совхозного строя).

2. Замена прямого государственного контроля над экономикой рыночными механизмами:
– значительное ослабление прямого государственного контроля над экономикой;
– реорганизация системы органов государственного управления;
– проведение налоговой реформы;
– осуществление реформы финансово-кредитной системы;
– перестройка системы государственных финансов.

3. Восстановление экономики:
– обуздание инфляции и стабилизация денежного обращения;
– мобилизация кредитно-денежных ресурсов для восстановления национального хозяйства;
– приостановление спада в промышленности, модернизация устаревшего и изношенного производственного оборудования;
– стимулирование экспорта, включение в международное разделение труда[5].

Правда, авторы всех названных выше работ вполне отдавали себе отчет в том, что при всей схожести задач и условий, между нашими странами существовало и важное принципиальное отличие, а именно то, что за плечами у наших стран был опыт хозяйствования в принципиально разных социально-экономических системах. В то время как перед Японией стояла задача восстановления деформированного в годы милитаризации и войны хозяйства рыночного типа, Россия должна была строить его заново[6].

Это обстоятельство в немалой степени облегчало достижение поставленных целей для Японии и, напротив, существенно осложняло – для России.

[5] К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России. Токио, 1995. НИИ промышленной политики, НИИ национальной экономики, с. 4-6.
[6] Там же, с. 9.

Итак, какие же именно элементы японского опыта послевоенного восстановления были рекомендованы японскими экспертами для России? При освещении этого вопроса мы будем использовать главным образом работу НИИ промышленной политики и НИИ национальной экономики «К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России», о которой упоминалось выше. Значительная часть этой работы написана российским японоведом А. И. Кравцевичем, который, глубоко понимая специфику российских проблем и прекрасно ориентируясь в японских реалиях, смог, на наш взгляд, дать наиболее объективную оценку тех или иных сторон японского опыта с точки зрения возможностей его использования в России. Многие эксперты, в том числе и А. И. Кравцевич, прежде всего, указывают на полезность для России японского опыта восстановления промышленности на основе использования так называемой системы приоритетных производств (кэйся сэйсан хосики). Основная идея этой системы состояла в том, чтобы, дав «толчок» развитию определенных отраслей и производств, постепенно вывести всю экономику из хаоса и разрухи, в которых она пребывала в те годы. Идея «кэйся сэйсан хосики» была предложена профессором Токийского университета Х. Арисава и, как любят подчеркивать японские экономисты, основывалась на марксовых схемах расширенного воспроизводства, а также таблицах межотраслевого баланса В. Леонтьева.

Сами же приоритетные производства определялись путем довольно простых логических построений. В то время основным энергоносителем был уголь, поэтому для восстановления экономики было наиболее важным наладить и расширить производство угля. Но решение этой задачи упиралось в острую нехватку металла, необходимого для замены крайне изношенного оборудования шахт. В результате две эти отрасли были избраны в качестве наиболее приоритетных и стали пользоваться всемерной поддержкой правительства. С конца 1946 г. вся импортируемая нефть стала направляться в черную металлургию, почти весь металл шел на производство оборудования для шахт, а добываемый уголь, естественно, использовался в черной металлургии. Предполагалось, что итогом «рециркуляции» ресурсов по такой схеме станет быстрое расширение добычи угля и производства металла, что позволит все большую их часть направлять на восстановление других отраслей.

К приоритетным отраслям были также причислены производство удобрений и электроэнергетика, а в следующую по уровню приоритетности группу были включены добыча железной руды, нефтепереработка, производство асбеста, текстиля и красителей, а также морской транспорт[7].

[7] Там же, с. 36

Эти отрасли в первоочередном порядке обеспечивались сырьем, материалами, оборудованием, рабочей силой и финансовыми ресурсами, но в то же время государство жестко контролировало производство и распределение продукции, использование сырья и материалов, режим труда, уровень цен на продукцию и т. д.

Оставляя в стороне вопрос о макроэкономических последствиях применения «системы приоритетных производств», отметим вслед за японскими специалистами, что она существенно ускорила восстановительные процессы: уже в 1947 г. спад промышленного производства был остановлен, и началось довольно быстрое расширение его объемов.

Дав «толчок» развитию промышленности, «система приоритетных производств» вскоре была заменена другой формой регулирования развития промышленности – политикой рационализации производства. По мнению японских специалистов, последняя также могла бы успешно применяться в России. Тем более, что она в отличие от «системы приоритетных производств», опиравшейся главным образом на административные методы, основывалась на широком использовании мер стимулирующего характера, в большей степени соответствующих экономике рыночного типа.

Целью политики рационализации провозглашалось повышение эффективности и технического уровня японских промышленных предприятий, главными проблемами которых были высокие издержки производства и крайняя степень изношенности и отсталости оборудования (т. е. проблемы, от которых и сейчас страдают многие российские предприятия). Для достижения этой цели предполагалось сосредоточить усилия на следующих направлениях: повышении качества сырья и материалов, стандартизации производственных процессов и оборудования; обновлении оборудования, в том числе за счет импорта новой техники; модернизации всей системы управления предприятиями.

Главной чертой политики рационализации стал ее селективный характер, а именно тщательный отбор отраслей и производств, которые должны были стать «объектом приложения» политики рационализации, т. е. объектом государственной поддержки и стимулирования. Основными критериями отбора были важность той или иной отрасли с точки зрения наращивания промышленного и экспортного потенциала страны.

Всего было отобрано 32 приоритетных производства (позже их число увеличилось до 50), при этом поддержка предоставлялась в первую очередь крупным, технически передовым фирмам.

В комплексе мер их государственной поддержки можно выделить два важнейших направления. Во-первых, льготное финансирование по линии государственных финансовых институтов и предоставление

субсидий из государственного бюджета (последняя мера носила выборочный характер). Во-вторых, льготное налогообложение (снижение импортных пошлин и ставки налога на основной капитал для машин и оборудования, необходимых для модернизации; создание новых видов резервных фондов и повышение пределов накопления в существовавших ранее; частичное освобождение от налогов доходов от экспорта; применение ускоренной амортизации для определенных видов оборудования и т. д.)

Результаты политики рационализации проявились довольно быстро: уже к концу 50-х годов большинство выделенных отраслей и производств значительно повысили технический уровень и снизили издержки, а некоторые (например, автомобилестроение) стали весьма процветающими. В связи с этим с начала 60-х годов акценты были перенесены на другую проблему – проблему рационализации отраслевой структуры промышленности, при этом создание и поддержка новых отраслей стали основным приоритетом политики государства.

На этом этапе произошло окончательное оформление промышленной политики как особого направления в системе государственного регулирования экономики в Японии. Она сыграла выдающуюся роль в ее превращении в ведущую промышленную державу, и ознакомление с философией и инструментарием этой политики руководителей соответствующих ведомств России (до сих пор не имеющей четко сформулированной стратегии развития промышленности) признается крайне желательным как всеми японскими экспертами, так и многими российскими специалистами.

В самом общем виде промышленную политику можно определить как совокупность мер государственного воздействия на экономику, направленных на формирование и перестройку ее отраслевой структуры с целью повысить эффективность использования факторов производства.

Промышленная политика основывалась на концепции «динамических сравнительных преимуществ». Общий смысл концепции состоял в том, что государство должно поддерживать не те отрасли, которые в данный момент обладают сравнительными преимуществами и международной конкурентоспособностью (в России сейчас их представляет почти исключительно топливно-сырьевой комплекс), а те, которые будут обладать ими в будущем. При выборе объектов поддержки министерство внешней торговли и промышленности Японии исходило из двух основных критериев. Во-первых, это – эластичность спроса по доходам (в первую очередь – эластичность экспортного спроса относительно роста реальных доходов населения в разных странах). Во-вторых, это – темпы технического прогресса (т. е. возможность превращения

отрасли в обладающую сравнительными преимуществами на основе внедрения достижений НТП)[8].

Что касается механизма поддержки и стимулирования предприятий приоритетных отраслей и производств, то в принципе он основывался на тех же средствах и методах, что и прежде, т. е. на льготном государственном финансировании и предоставлении разного рода налоговых льгот, которые в комплексе и обеспечили успех в реализации промышленной политики.

Вслед за А. И. Кравцевичем и рядом японских специалистов хотелось бы также обратить внимание на следующие два момента, которые способствовали успеху этой политики. Во-первых, выработка основных направлений и уточнение инструментария промышленной политики происходили на основе постоянной координации усилий правительства и частного сектора (прежде всего в ходе работы разного рода консультативных комитетов при правительстве), что, безусловно, следовало бы делать и в России. Во-вторых, для направления ресурсов частных банков в отрасли, поощряемые государством, в Японии активно использовалась политика рационирования кредитов, предоставляемых Банком Японии частным банкам (с указанием последним сфер предпочтительного кредитования). Как справедливо отмечает А. И. Кравцевич, острая нехватка источников капиталонакопления на российских предприятиях, с одной стороны, и высокая степень зависимости частных российских банков от привлечения государственных средств (в первую очередь от кредитов Центрального банка) – с другой, создают объективные предпосылки для использования подобной практики и в России с целью реализации тех или иных государственных приоритетов[9].

Рекомендуя России внимательно присмотреться к названным выше, а также некоторым другим сторонам японского опыта (например, таким, как политика финансовой стабилизации, поддержка развития малого бизнеса, опыт создания законодательной основы реформ и т. д.), японские специалисты неизменно подчеркивают, что те или иные элементы их опыта не могут быть просто «скопированы» в России, а должны использоваться с учетом национальной специфики и национальных условий, а также стадии экономического развития страны.

С середины 90-х годов инициативу японских специалистов по ознакомлению России с японским опытом подхватили и стали активно развивать российские японоведы. В последующие годы исследования тех или иных сторон послевоенной японской действительности с точки

[8] *Shinohara M.* Japanese-type Industrial Policy. Tokyo, 1980, p. 6–8, 15.

[9] К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления экономики Японии для России, с. 112–113.

зрения их полезности для нашей страны в качестве позитивного опыта стали одним из важных направлений отечественного японоведения.

Первой «ласточкой» на этом пути явился выход в 1995 г. коллективной монографии «Опыт Японии в решении социально-экономических проблем», подготовленный Центром по изучению современной Японии (созданным в 1991 г. в рамках соглашения между Академией наук и Японским фондом) под руководством Д. В. Петрова. Его авторами стали японоведы трех академических институтов (ИМЭМО, Института востоковедения и Института Дальнего Востока) и Московского университета, представляющие самые разные направления японоведения, что позволило придать исследованию комплексный, многоаспектный характер. При этом, исходя из крайне сложной и напряженной социально-экономической и политической ситуации, в которой пребывала тогда Россия, акцент был сделан, прежде всего, на социальной составляющей опыта Японии, а именно на том, какие механизмы и инструменты использовались и используются в этой стране на макро- и микроуровне для снижения социальной напряженности и обеспечения социально-политической стабильности. В частности, в монографии были рассмотрены такие вопросы, как японская система подготовки кадров и управления рабочей силой, методы стимулирования труда и способы ограничения роста безработицы, система переквалификации работников и содействия в трудоустройстве, методы разрешения трудовых споров, механизмы согласования интересов различных слоев общества, деятельность профсоюзов и других массовых организаций по защите интересов различных групп населения, особенности системы социального страхования, пенсионного и медицинского обеспечения и т. д.[10]

По существу, эта монография стала первой крупной работой, в которой социальные проблемы, которые раньше исследовались исключительно с позиций теории классовой борьбы и классовых противоречий, были проанализированы объективно и беспристрастно. Это позволило не только существенно скорректировать прежние стереотипы, но и выявить моменты, которые бы могли быть полезны и для нашей страны. В том же году вышла в свет коллективная монография ИМЭМО РАН «Япония: полвека обновления»[11]. Один из разделов – «Японский послевоенный опыт и российские экономические реформы», написанный Е. Л. Леонтьевой – напрямую был посвящен изучению опыта Японии первых послевоенных десятилетий. Анализируя ход процесса

[10] Опыт Японии в решении социально-экономических проблем. Научный руководитель проекта *Д. В. Петров*. М., 1995.

[11] Япония: полвека обновления. Отв. ред. *В. Б. Рамзес*. М., 1995.

восстановления японской экономики, Е. Л. Леонтьева сосредоточивает внимание на таких вопросах, как институциональные реформы, демонополизация экономики, конверсия военной промышленности, «шоковая терапия», промышленная политика и т. д.

В то же время становилось все более очевидным, что с точки зрения расширения возможностей донесения информации об опыте Японии до тех, кому она была предназначена в первую очередь (работникам российских ведомств, ответственных за выработку и проведение социально-экономической политики), необходимо издание специальных сборников или журналов, в которых бы в доступной, облегченной форме излагались интересные и полезные с точки зрения российских японоведов стороны японского опыта. Благодаря содействию японской фирмы «Искра» эту идею удалось осуществить. С 1995 г. Центр японских исследований Института востоковедения РАН и Ассоциация японоведов России начали издавать сборники под названием «Японский опыт для российских реформ».

К настоящему времени вышло уже 32 выпуска этого сборника. Авторы статей – японоведы, представляющие, по существу, все направления японских исследований – дают взвешенную, объективную оценку различных сторон японского опыта социально-экономического развития, отмечая в нем как позитивные, так и негативные моменты, как достижения, так и ошибки и неудачи. При этом наряду с крупными проблемами (например, теми или иными направлениями государственной политики) освещаются и конкретные, «заземленные» аспекты современной японской действительности (например, такие, как организация сбора мусора в крупных городах, организация защиты прав потребителей и т. д.).

Какие же именно аспекты японского опыта привлекли внимание российских японоведов?

Прежде всего, следует отметить, что статьи сборников «Японский опыт для российских реформ» охватывают практически все сферы жизни современного японского общества. Они знакомят читателей с достижениями и проблемами японской экономики, различными сторонами и явлениями общественной и политической жизни страны, особенностями государственного устройства, деятельностью центральных и местных органов власти, основными направлениями государственной политики, различными сторонами системы управления японских компаний и банков, особенностями деловых отношений и деловой этики и т. д.

В целом материалы, опубликованные в сборниках, можно подразделить на следующие направления:

– государственное регулирование, экономическая политика;
– проблемы научно-технического развития;
– проблемы интернационализации и глобализации экономики;
– взаимоотношения центра и регионов;
– социальные проблемы;
– социальная политика;
– внутренняя политика;
– внешняя политика;
– правовая система;
– правовое регулирование различных сторон жизни общества;
– политическая система, политические партии;
– общественные отношения, общественные движения;
– система управления японских компаний.

Большая часть материалов сборников «Японский опыт для российских реформ» посвящена экономической и социальной проблематике, что не удивительно, если вспомнить, какой была социально-экономическая ситуация в России в 90-е годы. Разумеется, в рамках одной статьи невозможно охватить все вопросы, которые были подняты на страницах сборников, поэтому остановимся лишь на наиболее показательных из них с нашей точки зрения.

Значительная часть статей экономического блока посвящена проблемам государственного регулирования и экономической политике. Наряду с теми направлениями, которые были рекомендованы японскими экспертами (система приоритетных производств, политика рационализации, структурная политика и т. д.), в них получили освещение и другие важные направления. Это – налоговая политика, поддержка мелких и средних предприятий, регулирование рынка труда и трудовых отношений, политика защиты внутреннего рынка и либерализации внешнеэкономических связей, планирование экономического развития в рыночных условиях, политика защиты окружающей среды, поддержка отечественного сельского хозяйства, региональная политика и ряд других. Остановимся на некоторых из них.

Так, в развитие темы промышленной политики в двух выпусках сборника были помещены статьи А. И. Кравцевича, детально анализирующие японскую политику защиты внутреннего рынка и либерализации внешнеэкономических связей (1999, вып.1, 2). Для России эта тема является одной из наиболее острых и дискуссионных, и накопленный Японией за послевоенные десятилетия опыт конфронтации и сотрудничества с мировым сообществом в этой сфере не может не представлять интереса, как с познавательной, так и с чисто практической точки зрения. Подробно анализируя этапы и инструментарий

этой политики и подчеркивая ее тесную взаимосвязь с задачами общей экономической политики правительства, автор в целом весьма высоко оценивает ее результативность. В первые послевоенные десятилетия, т. е. на этапе «догоняющего развития» политика защиты отечественного производства от внешней конкуренции с помощью протекционистских мер предоставила японскому бизнесу время, чтобы более основательно подготовиться к внешней конкуренции, накопить потенциал конкурентоспособности. Этой же цели отвечала и растянутая во времени и строго «дозированная» в отраслевом разрезе политика либерализации внешнеэкономических связей, которая фактически заняла более трех десятилетий. В то же время автор полагает, что было бы большим упрощением считать, что экономический рост Японии состоялся только в результате протекционистской политики. Очевидно, что если бы японская бюрократия, ограничивая конкуренцию «извне», одновременно не стимулировала бы ее «изнутри», протекционизм неминуемо привел бы к застою и стагнации экономики.

Подтверждением правильности этого вывода служит анализ механизма и результатов протекционистской политики в отношении японского сельского хозяйства, содержащийся в статье С. Б. Маркарьян (1999, вып. 3). В ней (а также в ряде других статей) рассматриваются различные виды помощи и поддержки, которые государство оказывало японскому крестьянству в послевоенный период. Среди них – предоставление льготных кредитов и субсидий, поддержка цен на сельскохозяйственную продукцию и скупка большей части товарной продукции, ограничение импорта товаров, конкурирующих с местной продукцией, организация НИОКР в области сельского хозяйства и содействие внедрению их результатов в производство и т. д.). Автор приходит к выводу, что такая политика привела к двойственным результатам. С одной стороны, она способствовала росту сельскохозяйственного производства и уровня доходов крестьянских хозяйств, а с другой – привела к практически полному отсутствию конкуренции в этой сфере и, как следствие, к утрате японским сельским хозяйством международной конкурентоспособности из-за высоких издержек и низкой производительности. С учетом негативного опыта Японии, автор рекомендует соответствующим органам нашей страны выработать разумный, сбалансированный и взвешенный подход к политике поддержки собственного сельскохозяйственного производства, тем более что в России с этой отраслью связана жизнь значительно большей, чем в Японии части населения.

Возвращаясь к сфере промышленного производства, хотелось бы обратить внимание еще на две проблемы, поднятые авторами рассматриваемых сборников: использование налогов как инструмента

промышленной политики и государственное регулирование депрессивных отраслей. Как отмечает А. И. Кравцевич (1997, вып. 4,), на протяжении всего послевоенного периода японское правительство отдавало предпочтение поддержке частного бизнеса посредством облегчения налогового бремени, а не путем дотирования или субсидирования (последние меры распространялись главным образом на предприятия, занятые в лесном, сельском и рыбном хозяйстве, а также на часть малого бизнеса). Хотя в годы оккупации Япония вынуждена была провести налоговую реформу по западному образцу, уже с начала 50-х годов началась корректировка налоговой системы с целью приведения ее в соответствие с реальными нуждами страны. Главную роль в этом процессе сыграл Совещательный комитет по рационализации промышленности (впоследствии его заменил Совещательный комитет по налогообложению), вырабатывавший и представлявший свои рекомендации правительству. О том, какие именно виды льгот были предоставлены японскому предпринимательству в первые послевоенные десятилетия, говорилось выше в контексте рассмотрения политики рационализации промышленности, поэтому, опуская этот аспект, подчеркнем вслед за автором основные принципы налоговой политики в Японии.

1. Применение налоговых льгот не изолированно, а в совокупности с другими инструментами стимулирования.

2. Периодический пересмотр как количественных параметров и механизмов, так и объектов применения налоговых льгот.

3. Законодательное обеспечение налоговой политики (указание конкретных сроков, инструментов и объектов политики).

4. Соблюдение баланса интересов государства и частного сектора в этом вопросе, достижение этого баланса в рамках системы совещательных комитетов.

В частности, упоминавшийся выше Совещательный комитет по налогообложению при министерстве финансов ежегодно рассматривает обоснованность уровней всех видов налогов (включая пределы необлагаемого дохода) и предоставляет свои рекомендации правительству.

Что касается регулирования депрессивных отраслей, то опыт Японии в этой области интересен именно потому, что в России, как известно, существует целый комплекс депрессивных отраслей, которые являются не только тяжелым бременем для экономики страны, но и источником постоянных социальных потрясений. Правительство пытается решить эту проблему путем принятия спорадических, разрозненных мер по принципу «латания дыр». Между тем, как показывает опыт Японии, принципиальное значение имеет системный подход к этой проблеме.

Как показано в статье И. П. Лебедевой (1998, вып. 1), в Японии накоплен большой опыт в этой области. В 50–60-е годы правительство (в лице министерства внешней торговли и промышленности) занималось урегулированием проблем угольной и текстильной промышленности, а в 70–80-е годы – целого комплекса энерго- и материалоемких отраслей и производств, пострадавших от роста цен на сырье и топливо. Хотя конкретные меры регулирования различались по отраслям и производствам, общий их смысл сводился к тому, чтобы путем изъятия (на определенное время и на основании специальных законов) отрасли из сферы действия рыночных сил помочь ей справиться со своими трудностями. Обычно для этого применялись такие меры, как санкционирование создания производственных и ценовых картелей, учреждение специальных агентств по скупке нерентабельного оборудования, введение контроля МВТП за расширением мощностей и стандартов в отношении используемого оборудования, льготное государственное финансирование и субсидирование предприятий, осуществляющих рационализацию или переключающихся на другие сферы бизнеса и т. д. Поскольку, как правило, урегулирование положения дел в депрессивных отраслях сопровождалось масштабными увольнениями работников, государство также стремилось смягчить их социальные последствия. В одних случаях оно выплачивало субсидии фирмам, воздерживавшимся от увольнений работников или содействовавшим их трудоустройству, в других – предоставляло компенсации уволенным рабочим или субсидии на переобучение, или само брало на себя заботу об организации переобучения и т. д.

Вопрос о государственном регулировании депрессивных отраслей смыкается с вопросом о решении проблем депрессивных или отсталых районов, который также является одним из наиболее злободневных для России. Этой теме посвящена статья С. Б. Маркарьян и Э. В. Молодяковой «Опыт возрождения заброшенных районов» (1995, вып. 5). На конкретных примерах авторы показывают, каким образом удается решать эти проблемы в Японии. При этом внимание обращается на следующие моменты: солидное законодательное обеспечение правительственной политики в этой области и тщательность проработки всех аспектов проблемы, большое внимание к частностям и деталям.

Целый ряд статей сборников посвящен опыту Японии в такой актуальной для всех развитых стран области, как защита окружающей среды. Их автор, И. Л. Тимонина, исследуя эволюцию государственной политики в этой области в послевоенный период и оценивая ее результаты, отмечает, что в деле защиты окружающей среды опыт Японии заслуживает самого пристального внимания. Будучи второй

по экономической мощи державой мира и обладая крайне незначительной по размерам территорией, она сумела не только «отодвинуть» угрозу экологического кризиса, но и существенно улучшить многие параметры качества природной среды, создать систему экономичного и разумного природопользования (см.: 2000, вып. 2; 2002, вып. 2). Эти достижения стали возможными благодаря огромным усилиям, предпринятым на всех уровнях начиная с центрального правительства и кончая частными предприятиями, и потребовали немалых финансовых затрат. Сейчас проблема сохранения окружающей среды выходит на качественно новый уровень – речь идет о необходимости создания экономической системы «замкнутого цикла», в которой экономика и экология будут сосуществовать, и меры по защите окружающей среды и эффективному использованию ресурсов перестанут рассматриваться как ограничитель экономического роста. Иными словами, подчеркивает автор, речь идет о создании такой экономической системы, в которой меры по охране среды и безотходному использованию ресурсов будут встроены в каждый вид и каждый аспект промышленной и экономической деятельности в рамках рыночного механизма.

Среди прочих проблем, поднятых в статьях экономического блока, хотелось бы отметить такую важную для нашей страны проблему, как регулирование государством условий предпринимательской деятельности. В статьях, посвященных этой теме, рассматриваются не только «правила игры», устанавливаемые для отечественного бизнеса (см., например, статью И. А. Цветовой «Антимонопольное законодательство Японии» – 1998, вып. 4) , но и условия деятельности в Японии иностранных компаний и банков (см. статью Е. Л. Леонтьевой «Условия деятельности иностранных предприятий в Японии» – 1995, вып. 1). Что касается второй статьи, то на примере Японии она убедительно опровергает довольно типичное для России представление, что непременным условием для привлечения иностранных инвестиций в Японию является предоставление льгот иностранным инвесторам, создание особых условий для их деятельности.

Особым направлением регулирования условий предпринимательской деятельности является политика в отношении мелких и средних предприятий. Понимая, насколько важную экономическую и социально-политическую роль играет малый бизнес, японское государство с первых же послевоенных лет стало оказывать ему посильную поддержку, создавая в целом более льготные, чем для крупного бизнеса, условия деятельности. Как отмечается в одной из статей по проблемам малого бизнеса (1999, вып. 2), государство оказывает помощь малым предприятиям и в обеспечении финансовыми ресурсами, и в

повышении уровня техники и технологии, и в проведении НИОКР, и в подготовке рабочей силы, и в развитии внешнеэкономических связей, и т. д. При этом особое внимание обращается на то, чтобы информация о мерах и критериях государственной поддержки была доступна для всех желающих ею воспользоваться.

Опыту приватизации государственных предприятий – проблеме, которая в России имеет не только и не столько экономическую, сколько социально-политическую сторону, – посвящены статьи И. Ю. Авдакова, анализирующего процесс приватизации государственных предприятий в сфере связи и транспорта (1998, вып. 1; 4). Рассматривая как положительные, так и отрицательные последствия этой сложной и болезненной меры, автор делает вывод о том, что сама по себе приватизация государственных предприятий не решает всех их проблем. Принятию решения об ее осуществлении должен предшествовать тщательный анализ всех аспектов этого процесса и разработка программы мер по либерализации соответствующих сегментов рынка.

Практически в каждом выпуске сборника «Японский опыт для российских реформ» содержатся статьи, посвященные проблемам научно-технического развития. И это не удивительно, так как с середины 70-х годов научно-технический прогресс стал ведущим фактором экономического роста в Японии. Авторы статей (Ю. Д. Денисов, С. Б. Маркарьян и др.) знакомят читателей с самыми разными аспектами этой проблемы – особенностями государственного регулирования в этой сфере, основными направлениями НТП в Японии, достижениями отдельных отраслей и секторов, использованием НТП для решения разного рода социальных проблем и т. д. При этом наряду с информацией познавательного характера статьи содержат и ряд положений, весьма поучительных для России. Так, отдавая должное научно-технической мощи и научному потенциалу Японии, Ю. Д. Денисов обращает внимание на такое «узкое» место, как слабость или отсутствие научных школ во многих областях фундаментальной науки, которое в 90-е годы стало явным тормозом на пути научно-технического и экономического развития страны. Это – наглядный урок для России, где под предлогом экономии государственных расходов происходит разрушение фундаментальной науки, подрывающее потенциал экономического возрождения страны.

Весьма обширен и набор тем, которые рассматриваются в статьях социального блока. Среди них центральное место занимают, безусловно, вопросы трудовых отношений и социального обеспечения как наиболее значимые для нашей страны.

Вопрос о том, каким образом регулируются в Японии трудовые отношения, представляет несомненный интерес, поскольку среди развитых

стран она выделяется высоким уровнем социально-политической стабильности. Успехи Японии в этой сфере обусловлены взаимодействием целого комплекса факторов. Как отмечает Э. В. Молодякова (1995, вып. 1; 4), решающее значение имеет то, что в Японии регулирование трудовых отношений опирается на прочную, тщательно разработанную правовую базу, и что в стране действуют механизмы, обеспечивающие неукоснительное выполнение принятых законов. Наряду с этим огромную роль играет активное участие государства в регулировании этих процессов. Это – организация системы подготовки и переподготовки кадров, обеспечение условий для высокой занятости населения, принятие мер, направленных на поддержание баланса между спросом и предложением рабочей силы, введение различных схем страхования работников и т. д. Наконец, едва ли не самым главным является то обстоятельство, что на микроуровне, т. е. на уровне предприятий, бизнес и профсоюзы при выработке тех или иных решений или разрешении тех или иных споров проявляют стремление к сотрудничеству и поиску компромисса, отдавая явное предпочтение новой согласительной модели трудовых отношений взамен старой конфронтационной.

Что касается политики государства в области трудовых отношений, то, как подчеркивается в статье Т. Н. Матрусовой (2003, вып. 2), она представляет собой сочетание крайне осторожного подхода к каким-либо изменениям в сложившемся механизме регулирования этой сферы и высокой адаптивности к изменениям во внешней среде. Примером, иллюстрирующим это положение, может служить принятие в 1999 г. поправок к Закону о перенайме рабочей силы и внесение ряда других изменений в трудовое законодательство, которые, по существу, заложили основы новой политики занятости. С учетом либерализации и дерегулирования хозяйственной жизни страны государство сняло барьеры и на пути дерегулирования рынка труда, разрешив, в частности, деятельность частных компаний по перенайму рабочей силы (но оговорив ее одновременно целым рядом условий, гарантирующих высокий уровень социальной защищенности работников).

Среди материалов сборника, посвященных вопросам социальной защиты и социального обеспечения, следует назвать ряд статей Т. Н. Матрусовой по проблемам пенсионного обеспечения в Японии (1995, вып. 1; 5), статьи С. Б. Маркарьян и И. С. Тихоцкой, посвященные политике государства в отношении «стареющего общества» (1997, вып. 2; 2001, вып. 1), статьи М. Я. Корнилова, в которых анализируются социальные аспекты строительства вооруженных сил Японии и социальной защиты военнослужащих (2000, вып. 1; 2).

Среди других проблем, рассматриваемых в статьях социального блока, можно назвать, например, такие, как проблемы японской системы

образования (см. статьи И. С. Тихоцкой – 1997, вып. 1; 1998, вып. 3), политика государства в области рождаемости и охраны детства, а также поддержания здоровья нации (см. статьи Э. В. Молодяковой – 2000, вып.1; 2003, вып.2), вопросы семейного и школьного воспитания подрастающих поколений (см. статьи В. Молодяковой и С. Б. Маркарьян, О. Н. Железняк – 1999, вып. 4; 2000, вып. 1), государственная политика в отношении религии и в духовной сфере (см. статьи С. Б. Маркарьян и Э. В. Молодяковой – 1996, вып. 2; 1998, вып. 4) и т. д.

Огромная информация как познавательного, так и практического назначения содержится в статьях, освещающих вопросы права, политической жизни и государственного устройства Японии. Причем многие из них были подготовлены в ответ на возникновение в России тех или иных проблем, вызывающих острые разногласия или дискуссии в обществе. Так, например, в связи с подготовкой в России судебной реформы и пересмотром Уголовного кодекса в сборниках были помещены статьи: О. А. Белявской и В. Н. Еремина «Уголовная политика японского государства» (1995, вып. 3,), Н. П. Тебина «Практика применения в Японии смертной казни» (1999, вып. 1,) и «Японская практика уголовных наказаний» (2000, вып. 2), А. И. Сенаторова «На пути к судебной реформе» (2003, вып. 1). Дискуссия по проблемам реформирования структуры государственного аппарата нашей страны, повышения эффективности и «прозрачности» работы различных его звеньев вызвала к жизни, например, такие статьи, как «Государственный служащий – слуга народа» и «В поисках эффективных способов предупреждения коррупции» А. И. Сенаторова (1995, вып. 6; 1998, вып. 3), «Японская бюрократия: основные черты» Э. А. Молодяковой (1999, вып. 2), «Новые контуры центральной системы административного управления» и «Закон об открытости административной информации» Д. В. Стрельцова (2002, вып. 1; 1999, вып. 4; 2000, вып. 1). А во время острой дискуссии, развернувшейся вокруг вопроса о земле, читателям сборника были предложены статьи А. А. Сенаторова «Основной закон о земле» (1998, вып. 2) и И. Л. Тимониной «Политика и практика регулирования землепользования в Японии» (1999, вып. 1).

Другие статьи этого блока знакомят читателей с теми или иными аспектами политической жизни и политического устройства Японии. Например, с тем, как действует в Японии принцип разделения властей, что представляет собой японская конституция, как работает японский парламент, каким образом строятся отношения между профсоюзами и политическими партиями, как проводятся избирательные компании и выборы в Японии и т. д., рассказывают статьи Э. В. Молодяковой, А. И. Сенаторова, И. А. Цветовой (1995, вып. 4, 5, 6; 2000, вып. 1; и др.).

Разумеется, мы смогли обозначить лишь часть тем, получивших освещение на страницах сборников «Японский опыт для российских реформ» и других изданий. Но даже по приведенным выше названиям этих статей видно, как тесно перекликаются прошлые и настоящие проблемы Японии с проблемами, стоящими перед новой Россией, и как много полезного (как в плане заимствования удачных решений, так и с точки зрения избежания ошибок и просчетов) мы можем извлечь из более чем полувекового опыта нашего дальневосточного соседа.

Глава восьмая

Изменение подходов к изучению японского менеджмента

Знакомство советских ученых с японским опытом управления в течение длительного времени происходило главным образом из книг американских авторов, что вносило значительную специфику в их знания об этом предмете и даже искажало понимание сути японского менеджмента. Как теперь уже достаточно широко признается, американское видение управления, основанное на собственном мировосприятии, не может быть объективным: взгляды ученых разных стран по-разному интерпретируют зарубежный менеджмент и его ценность. Вместе с тем американцы и сами достаточно долго придавали слишком большое значение тем чертам японского менеджмента, которые особенно ярко выделяли его национальную специфику и тем самым приглушали то общее, что могло быть наиболее ценным объектом внимания. Наконец, самое досадное заключалось в том, что даже такой способ изучения японского опыта в СССР («глазами американцев») запаздывал. Мы принимали за истину то, от чего даже американцы давно отказались.

Все это приводило к гипертрофированному выделению одних сторон японской практики управления, их идеализации и даже мифологизации, и к игнорированию других. В связи с этим данная практика приобретала даже в глазах научной общественности нашей страны вид, весьма далекий от правды, что в свою очередь не всегда способствовало пониманию источников развития такой страны, как Япония.

В частности, в нашем сознании слишком долго господствовал тот образ японской организации, который американский исследователь Дж. Абеггллен создал еще в 50-е годы[1]. Специфика японской действительности увлекала многих российских исследователей, заставляя их заниматься в первую очередь тем, что так или иначе отвечало

[1] *Abbeglen James*. The Japanese Factory. Glencoe, 1956.

сложившимся представлениям о менеджменте в Японии. Дж. Абеггллен подсказал и характер этой специфики и тем самым как бы задал общий тон российским исследованиям. С его легкой руки образ управления японской фирмой прочно обретает в работах наших авторов свой неповторимый «японский стиль», который имеет три неотъемлемых, так сказать «священных», черты, составляющих его суть. Это – пожизненный наем, система продвижения по старшинству и так называемые пофирменные (т. е. встроенные в структуру фирмы) профсоюзы[2].

О том, что японская система меняется и уже обладает вполне «западными» качествами, российская общественность даже не подозревала. Более чем десятилетний опыт преподавания автором данной главы курса международного менеджмента в Московском государственном открытом университете убедительно свидетельствует, что российские студенты в своем подавляющем большинстве до сих пор представляют себе японскую систему управления «по-аббеггленовски». Мимо нашего внимания проходили многие события, характеризующие развитие японского опыта управления.

Проблемой в изучении японского опыта управления в России продолжает оставаться то обстоятельство, что, несмотря на большие достижения в этой области, современная российская наука пока не освещает в должной мере тех изменений, которые произошли в управлении японскими фирмами в последние 15–20 лет. Между тем эти изменения огромны. Даже такая «типично японская, консервативная» корпорация, как «Тоёта», или идеолог «японского стиля управления» фирма «Мацусита» значительно изменились за последние десятилетия. Теоретическое осмысление практики управления не успевает за темпами ее изменений, и, хуже того, исследователи порой даже не знают, что эти изменения вообще имеют место.

С укреплением влияния японских транснациональных компаний на мировую экономику усилилась и исследовательская работа по их изучению сначала в СССР, а затем и в России. Наряду с этим возросло внимание к теориям, объясняющим те особенности японского менеджмента, которые способствуют его приспособлению к условиям функционирования в иной культурной среде.

Межстрановые сопоставления менеджмента, которые в настоящее время привлекают в нашей стране все большее внимание, показывают, что имеются и некоторые общие, относительно не зависящие от социокультурных условий показатели состояния того или иного общества. Эти показатели либо способствуют, либо препятствуют переносу опыта управления из одной страны в другую. Результатами таких исследований

[2] См. например: *Курицын А. Н.* Управление японскими фирмами. М., 1980.

уже довольно широко пользуются российские исследователи для того, чтобы составить представление о возможных перспективах внедрения зарубежного опыта менеджмента, в частности японского, в России.

Самым известным и цитируемым циклом сопоставительных исследований оказались работы известного американского ученого Г. Хофштеда и его последователей[3]. В них содержатся интересные данные, характеризующие Россию и Японию по ряду национально нейтральных критериев, важных для восприятия тех или иных моделей управления. Эти данные сопоставляются по ряду относительно независимых переменных, позволяющих сравнивать страны друг с другом в перекрестных матрицах.

С известной долей удивления приходится констатировать, что по целому ряду показателей, которые представляются важными с точки зрения формирования смешанных форм менеджмента в процессе возможного проникновения иностранного капитала в нашу страну, российский персонал проявляет поведенческие характеристики, гораздо более сходные с японским типом поведения, чем, скажем, с американским. Так, например, согласно результатам исследования американского ученого Дж. Скарборо, Россия и Япония находятся в одной и той же группе стран по соотношению таких переменных, как удаленность властей от основной массы своих обществ или стремление народов этих стран избегать различных факторов, вносящих в их жизнь неопределенность и неуверенность в завтрашнем дне. По своей приверженности к коллективным ценностям российское общество также гораздо ближе к японскому, чем, например, к американскому или французскому обществу[4]. Эта информация звучит обнадеживающе и может служить серьезным аргументом в пользу более пристального изучения опыта японского управления в нашей стране или, по крайней мере, его не меньшей значимости для нашего бизнеса, чем опыта американского управления, столь популярного в России в настоящее время.

Изучение японского опыта управления приобретает новое качество в 90-е годы, когда с распадом СССР и образованием Российской Федерации как самостоятельного государства в новую фазу развития перешли и отношения нашей страны с Японией. Правительство Японии быстро отреагировало на изменения в России и откликнулось на ее просьбы о содействии в проведении рыночных реформ. Полагая, что

[3] Более подробно см.: *Hofstede Geert.* Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, 1980.

[4] Более подробно см.: *Scarborough Jack.* The Origin of Cultural Differences and their Impact on Management. Westport, 1998, p. 21–45, 165–185, 187–234, а также: *Hofstede Geert.* Culture's Consequences...

в обеспечении успеха этих реформ особенно большую роль играет подготовка кадров, японское государство организует в Москве и в ряде других городов страны сеть японских центров, основная деятельность которых сосредоточивается на этом важнейшем направлении. Эти центры были задуманы как база для обучения в России специалистов, компетентных в области японского менеджмента. Начиная с этого времени изучение японского опыта управления становится практическим делом российских бизнесменов и менеджеров.

Следует сказать, что кроме стремления помочь России в трудный для нее период перехода к рыночной экономике, японская сторона руководствовалась и другими соображениями, в основе которых лежали причины внутреннего характера. Дело в том, что создание Японских центров в России являлось частью политики японского государства в его отношениях с внешним миром в это время.

Конец XX – начало XXI в. стали особым периодом развития Японии: усиливавшийся процесс глобализации заставлял ее элиту по-новому взглянуть на проблему использования иностранной рабочей силы как внутри страны, так и за ее пределами. Перед Японией стоял целый ряд проблем в этой области. С одной стороны, экономика страны все более нуждалась в притоке квалифицированной рабочей силы из других стран. Однако, с другой стороны, страну захлестывала волна нелегальных иммигрантов из соседних стран, обладающих отнюдь не самой высокой квалификацией и необходимыми профессиями. Законодательство Японии и те меры, которые предпринимало правительство в отношении иностранной рабочей силы, явно не соответствовали масштабу стоявших перед ним задач.

«Какой страной мы хотим стать?» – задавал риторический для себя вопрос самый авторитетный в этом вопросе профессор университета Хосэй Харуо Симада. При этом он имел в виду, что при принятом общеполитическом курсе на либерализацию отечественной экономики у Японии нет иного пути, кроме полного открытия рынка труда для иностранцев[5]. Однако многие видные политики и консервативно настроенное общественное мнение далеко не сразу могли воспринять идею массового приема иностранцев.

Известно, что Япония прошла значительный период самоизоляции (начиная с XVII в. вплоть до 1868 г.). Обладая, как ни одна страна в мире, мононациональным населением, Япония всегда была склонна с опасением встречать иноземцев, которые в ее глазах нарушали вековые устои и традиции. Даже после окончания этого периода и вступления страны в эпоху капитализма, когда для ее развития потребовались

[5] *Haruo Shimada.* Japan's «Guest Workers». Issues and Public Policies. Tokyo, 1994, p. 201.

западные технологии и стали налаживаться регулярные сношения с другими странами, политическая элита еще долгое время была разделена на два противоположно настроенных лагеря. И в спорах, которые они вели друг с другом, и в принимаемых ими решениях идея «закрытой Японии» и «сохранения красивых национальных обычаев» звучала вполне отчетливо.

С конца 80-х годов в Японии проводится активная подготовка к реформированию политики по отношению к иностранной рабочей силе. В рамках этой программы под эгидой правительственных и предпринимательских кругов работало несколько исследовательских групп и был осуществлен ряд мероприятий.

В 1989 г. одно из наиболее влиятельных предпринимательских объединений в Японии, занимающихся научно-практическими изысканиями, Кэйдзай доюкай (Ассоциация японских предпринимателей) выступило с инициативой подготовить вариант такой политики, которая была бы направлена на обеспечение бизнеса квалифицированными кадрами за счет иностранной рабочей силы. Одним из комитетов этой ассоциации во главе с президентом крупнейшей электротехнической корпорации Японии «NEC» Сэкимото Масахиро была разработана программа по обучению иностранцев на рабочих местах в японских фирмах. Эта программа, подготовленная самими работодателями, отличалась большой практичностью и поэтому удостоилась пристального внимания со стороны правительства. В настоящее время она считается одной из самых перспективных программ и отчасти уже получила свое отражение в соответствующем законодательстве.

Основная идея состояла в необходимости создания программы обязательной профессиональной подготовки иностранцев, с помощью которой можно было решить вопрос не только о контроле над притоком иммигрантов, но и об их превращении в квалифицированную рабочую силу. Для этого предлагалось принимаемых на работу иностранцев вовлекать во внутрифирменные системы профессиональной подготовки без отрыва от производственного труда (on-job-training).

К финансированию этой программы, кроме расходов предпринимателей, предлагалось привлекать средства специальных государственных фондов. Эти средства были необходимы, помимо всего прочего, для создания в крупных городах Японии и тех стран, которые будут присылать туда своих граждан, так называемых центров начальной подготовки (basic training centers), где будущим иммигрантам стали бы преподавать японский язык и основы знаний о Японии. Общее руководство деятельностью этих центров возлагалось на вновь создаваемую Японскую организацию содействия международному обучению (Japan International Training Cooperation Organization – JITCO).

Программой предусматривалось создание системы аккредитационных тестов для претендентов на въезд в Японию, сдача которых предваряла бы получение визы. Эти тесты должны определить готовность претендентов к пребыванию в Японии с точки зрения знаний, полученных в центрах начальной подготовки у себя дома, а также состояние их здоровья. В двустороннем соглашении между Японией и посылающей стороной предлагалось предусмотреть специальную статью, которая бы регулировала порядок возвращения иностранцев домой. Здесь особое внимание уделялось созданию режима благоприятствования для тех, кто возвращается на родину, в частности в их дальнейшем устройстве на работу. Для гарантирования такого режима предлагалось заключение предварительных соглашений с местными работодателями о соблюдении приоритета в трудоустройстве таких контингентов.

В 1993 г. в соответствии с положениями, разработанными во втором докладе Временного комитета по административной реформе, в Японии принимается полугосударственная Программа международного технического обучения (Technical Intern Traineeship Program – TITP), которая основывалась на предложениях Кэйдзай доюкай и развивала их. Кроме того, примерно в это же время принимается новый закон об иммиграции в Японию, значительным образом облегчающий въезд и использование некоторых категорий иностранной рабочей силы в стране. Все это легло в основу новой политики японского государства в отношении иностранной рабочей силы именно в то время, когда отношения Японии и России переживали новый этап развития.

В России японские центры, которые представляют собой вариант центров начальной подготовки, о которых речь шла выше, были созданы под эгидой так называемой Комиссии по содействию – специального международного органа при правительстве Японии, возглавлявшегося депутатом японского парламента Судзуки Мунэо. Все средства на финансирование российского проекта поступали из государственного бюджета Японии через эту комиссию.

Первый центр был образован в октябре 1994 г. в Москве на базе Московской международной высшей школы бизнеса (хорошо известной как «МИРБИС») при Экономической академии им. Г. В. Плеханова. Затем последовало открытие центров в Хабаровске (ноябрь 1994 г.), во Владивостоке (апрель 1996 г.), на Сахалине (сентябрь 1999 г.), в Петербурге (март 2001 г.). В 2001 г. на базе МГУ им. М. В. Ломоносова был открыт еще один японский центр в Москве, который объединил деятельность всех центров, созданных в России под его началом. В 2003 г. в России функционировало около десятка таких центров. Кроме

того, с помощью правительства Японии сеть этих учреждений развивалась и в других республиках бывшего Советского Союза.

С самого начала своего создания в России работа японских центров отличалась большой спецификой по сравнению с деятельностью аналогичных организаций в других странах и была ориентирована на особенности российской действительности. Вместе с тем следует сказать, что при этом центры так же, как и в других странах, выполняли функцию подготовки российских граждан для дальнейшего обучения и работы в Японии. В частности, совместно с министерством образования Японии эти центры приняли активное участие в программах подготовки студентов старших курсов российских ВУЗов к дальнейшему повышению квалификации в Японии, в результате чего многие из них смогли найти там интересную работу.

Деятельность японских центров по обучению российских граждан развивается по нескольким направлениям. Подготовка российских бизнесменов и менеджеров является основным, но не единственным видом этой деятельности. Большое место, как и в других странах, занимают программы обучения японскому языку, что для японцев имеет особое значение как фактор развития разносторонних отношений между нашими странами. Япония, будучи заинтересована в притоке квалифицированных кадров из России, предпринимает меры, чтобы снять то основное препятствие, которое представляет собой незнание японского языка. Одновременно происходит знакомство российских предпринимателей и менеджеров с культурой и историей Японии.

Одним из весьма интересных и необычных направлений деятельности японских центров в России является обучение учащихся средней школы по так называемой программе «Учитель» в Москве на базе Высшей школы бизнеса при МГУ. Цель такого обучения состоит в получении учащимися знаний в области микро- и макроэкономики и бизнеса. Эта программа, рассчитанная на преподавателей российской средней школы, впервые стала осуществляться в 1993 г., когда в России еще мало кто представлял реалии рыночной экономики. В российских школах тех лет не было преподавателей данного профиля. Никто из них не представлял, что такое маркетинг, менеджмент, стратегия рынка или деловая игра. Директора школ направляли на обучение преподавателей других дисциплин, так или иначе связанных со знанием экономических процессов.

Постепенно программа совершенствовалась и давала возможность получить не только современные знания в области бизнеса, но и включала методическую основу преподавания экономики и бизнеса. Это позволяло участникам программы успешно передавать свои знания

учащимся. На сегодняшний день программу «Учитель» освоили более 1500 преподавателей общеобразовательных школ, гимназий, лицеев и профессиональных училищ не только Москвы и Московской области, но еще пяти областей Центральной России.

Программа обучения состояла из двух уровней. Первый уровень посвящен основам рыночной экономики и бизнеса. Туда входят следующие дисциплины: экономика рынка, управление организацией в условиях рыночной экономики, экономика Японии, стратегия поведения фирмы в условиях рыночного окружения, маркетинг, управление персоналом, деловая игра. На втором уровне дается методика преподавания этих дисциплин, а также рассматриваются особенности обучения в области бизнес-образования.

Обязательным условием при отборе слушателей программы является работа в общеобразовательной школе. Как правило, большинство учителей, обучавшихся по этой программе, в настоящее время ведут предмет «Экономика». Программа постоянно совершенствуется, и в настоящее время идет работа над новой концепцией курса, которая бы отвечала современным требованиям российской системы образования.

В обучении российских бизнесменов, руководителей предприятий и менеджеров среднего звена – основном направлении деятельности японских центров – принимают участие лучшие японские специалисты, командируемые в Россию из ведущих университетов и корпораций страны, а также видные российские ученые и преподаватели. Слушатели приобретают знания в тех областях, которые наиболее актуальны для периода перехода нашей страны к рыночной экономике. В их числе – знания, которые касаются практики внешней торговли, бухгалтерского учета, аудита, проблем финансирования, владения PR-технологиями и др. Особое место принадлежит дисциплинам, связанным собственно с управлением предприятием, таким, как стратегическое планирование, маркетинг, управление финансами, кадровый менеджмент.

Практикуются также командировки японских и российских лекторов для проведения выездных учебных курсов в тех городах, где японские центры отсутствуют. Для особо отличившихся слушателей лекционно-семинарских курсов организуются учебные поездки в Японию.

Центры представляют собой высоко оснащенные в техническом отношении организации, где весь учебный процесс обеспечен новейшими средствами обучения – видеотехникой и видеоматериалами, доступом к последней экономической информации через Интернет и каналы спутниковой связи. В каждом центре имеются библиотека и читальный зал, научная литература на японском, русском и английском языках, учебные тексты и пособия.

Учебная деятельность японских курсов в области бизнеса и менеджмента строится по двум программам. Одна из них – так называемая

Президентская программа. Другая, как заявил руководитель японскими центрами в России Аояма Мития, занимается организацией «рыночных курсов».

Идея организации программы подготовки управленческих кадров для предприятий России была выдвинута в июле 1997 г. Б. Ельциным. Президент обратился к руководству промышленно развитых стран, в том числе к Японии, с просьбой оказать содействие в ее реализации. Япония оказалась в числе первых, откликнувшихся на эту просьбу и объявивших о поддержке программы. В результате эта программа стала одним из ключевых моментов «Плана Хасимото–Ельцин», принятого на состоявшейся в ноябре того же года неформальной японо-российской встрече в Красноярске на высшем уровне.

Президентская программа ставит своей целью подготовку работников предприятий руководящего звена управления и кандидатов на эти посты, т. е. тех кадров, которые играют главную роль в российском предпринимательстве в условиях перехода к рыночной экономике. Содействие Японии в осуществлении Президентской программы имеет, в свою очередь, два направления. Одно из них заключается в организации японскими центрами лекционных курсов и семинаров по различным темам, связанным с проблемами организации бизнеса и управления им. Другим направлением является организация стажировок в Японии для особо отличившихся слушателей.

Основной задачей лекционных курсов в японских центрах является преподавание теоретических знаний в области менеджмента. Цель стажировок в Японии – приобретение практических навыков ведения бизнеса на основе непосредственного знакомства с японскими методами управления. Стажеры посещают предприятия, обмениваются мнениями с руководством фирм и т. п. Благодаря подобному сочетанию теоретических занятий в России и стажировок в Японии обеспечивается накопление систематических и ценных в практическом отношении управленческих знаний и технологий. Слушатели курсов и стажеры, усвоившие требуемый объем знаний, получают сертификаты-удостоверения об успешном завершении курса обучения.

Отбор кандидатов на обучение по Президентской программе в японских центрах производится с учетом рекомендаций Комиссии по организации подготовки управленческих кадров для народного хозяйства при министерстве экономического развития и торговли РФ. Обычно – это лица в возрасте от 25 до 40 лет из числа тех, кто уже прошел определенную программу обучения в области бизнеса в высших учебных заведениях или в школах бизнеса России. Кроме того, при наличии свободных мест производится дополнительный набор

слушателей курса Президентской программы на общих основаниях по результатам конкурсных испытаний.

За период с 1997 по 2000 г. общее число слушателей лекционных курсов, организованных японскими центрами по Президентской программе, составило почти 6 тыс. человек, а число стажеров – около 2 тыс. человек. Кроме того, за это время 8,5 тыс. человек стали участниками других программ обучения в японских центрах в России, из них более 6 тыс. обучалось по программам в области бизнеса и управления (см. табл. 1). Всего на апрель 2004 г. в японских центрах прошли подготовку по управлению бизнесом около 22 тыс. российских граждан.

Кроме Президентской программы, японские центры организуют так называемые «рыночные курсы», контингент которых формируется из числа тех предпринимателей и менеджеров российских компаний, которые желают повысить свою квалификацию в области управления бизнесом. Желающих обучаться на этих курсах очень много: конкурс достигает трех человек на одно место.

Принимая во внимание региональную специфику российского бизнеса и его потребности, а также местные возможности образовательной системы, японские центры стремятся разрабатывать оригинальные курсы лекций, адаптированные к потребностям и возможностям тех или иных регионов России. В этом им помогают местные власти, образовательные и научные учреждения регионов. Так, московские отделения, которые ориентируются на высококвалифицированные преподавательские кадры и на довольно хорошо подготовленных слушателей, организуют лекции и семинарские занятия по весьма широкой тематике, охватывающей весь спектр управленческой науки и практики. Японский центр, организованный на базе МГУ, наладил сотрудничество с Высшей школой бизнеса (ВШБ) при МГУ и с одной из аналогичных японских организаций – Школой бизнеса университета Кэйо. С участием лекторов из этих школ центр проводит два раза в год совместный семинар МГУ – Кэйо. Каждый такой семинар состоит из двух частей. В первой части выступают преподаватели МГУ, лекции которых посвящены основам теории управления предприятиями. Во второй части ученые из Кэйо объясняют на конкретных примерах, каким образом осуществляется управление японскими предприятиями. В результате обучающиеся (в основном это топ-менеджеры российского бизнеса) получают полное представление не только о принципах управления вообще, но и о специфике их применения в японском бизнесе.

В Японском центре во Владивостоке курсы лекций, организуются с привлечением преподавателей Дальневосточного государственного университета. В целом не только тематика лекций для Дальневосточного

Таблица 1

Численность обучающихся на курсах в японских центрах в России *

Название и/или местонахождение японского центра	Название курса, программы	Годы							Всего
		1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	
МИРБИС (Москва)	Президентская программа	–	–	–	166	348	628	605	1747
	Другие курсы по бизнесу	146	301	391	231	153	96	86	1404
	Японский язык	19	65	97	135	161	214	191	882
Хабаровск	Президентская программа	–	–	–	144	456	619	328	1547
	Другие курсы по бизнесу	76	260	327	194	95	100	0	1052
	Японский язык	56	53	51	96	111	142	128	637
Владивосток	Президентская программа	–	–	–	166	360	443	380	1349
	Другие курсы по бизнесу	–		284	554	272	706	360	2176
	Японский язык	–	–	60	75	105	121	124	485
Ю-Сахалинск	Президентская программа	–	–	–	104	242	292	234	872
	Другие курсы по бизнесу	–	–	112	114	24	38	0	288
	Японский язык	–	–	45	75	70	91	90	371
МГУ (Москва)	Президентская программа	–	–	–	–	–	238	120	358
	Другие курсы по бизнесу	–	–	25	208	186	452	252	1123
	Японский язык	–	–	–	–	–	–	–	–
ВСЕГО		297	679	1392	2262	2583	4180	2898	14291

* Деятельность японских центров в странах СНГ. МИД Японии. Секретариат Комиссии по содействию. Токио, май 2001, с. 8.

региона отличается своей спецификой. На потребности данного географического района России и всего Зауралья ориентированы структура и сам характер обучения, состав и численность аудитории. Поскольку Дальневосточный регион ближе всех расположен к Японии, в лекциях на базе ДВГУ особенно большое внимание уделяется, в частности,

управлению внешнеторговой деятельностью и проблемам деловых отношений российских предпринимателей со своими зарубежными партнерами, а также организации в регионе туристического и гостиничного бизнеса.

С июня 1998 г. организуются выездные курсы в тех крупнейших городах страны, где пока еще нет японских центров. В основном это города, расположенные в Сибири и на Дальнем Востоке России.

В организации процесса обучения в рамках японских центров много специфически «японского», взятого из практики профессионального обучения в крупных корпорациях этой страны. Это, в частности, большое внимание к практическому обучению, которое ведет свое начало от известной формы on-job-training, широко практикуемому в японских фирмах. В почете также изучение тем в режиме коллективных обсуждений и другие групповые виды подготовки. Даже разбор конкретных ситуаций, взятых из жизни (так называемый метод case study) широко применяемый на западных курсах менеджмента (например, в Гарвардской школе менеджмента в США), приобретает здесь специфически японский стиль благодаря особому умению японцев построить учебный процесс как коллективное творчество.

Одной из излюбленных форм обучения персонала в Японии, которую японские центры привнесли в Россию, является проведение курса в режиме «двух дней – одной ночи» с обязательным отрывом слушателей от привычной бытовой, учебной и производственной среды. Обучение в специализированных центрах обеспечивает их полное погружение в творческую атмосферу исследования изучаемого предмета. В России этот выездной семинар (follow-up seminar) завершает учебный процесс в каком-либо доме отдыха и предназначается для тех, кто, успешно пройдя курс обучения в России, готовится продолжить его в Японии.

Следует подчеркнуть, что при довольно жестком отборе кандидатов само обучение вполне доступно для поступивших, поскольку является бесплатным, в том числе в рамках Президентской программы. Безвозмездно предоставляются и учебные материалы, используемые слушателями в процессе обучения. Расходы, связанные с организацией стажировок в Японии, также большей частью возмещаются японскими центрами. Они берут на себя оплату обучения и проживания стажеров в Японии, а Россия обеспечивает их проезд туда и обратно.

Содержание учебного процесса в рамках Президентской программы и «рыночных курсов» согласуется с потребностями российского бизнеса. Тематика лекционных курсов, посвященных бизнесу и менеджменту, весьма обширна, отличается гибкостью и с каждым годом становится все более разнообразной. В учебные программы включаются

темы, имеющие не только широкую теоретическую направленность, но и, главным образом, глубокую специализацию и практическое значение. Последнее особенно важно для российской аудитории, состоящей из людей, занятых практическим делом. Поэтому слушатели курсов высоко оценивают результаты своего обучения, отзываясь о приобретаемых знаниях как полезных и очень важных в их практической деятельности.

В своих отзывах российская аудитория неизменно выделяет высокий уровень организации обучения в японских центрах. Она считает удачным те подходы, которые японская сторона использует при формировании групп слушателей, при составлении программ обучения, учебных планов и т. п. Многие слушатели, прошедшие обучение в японских центрах, отмечают то новое, что пришлось им узнать на занятиях в России и в Японии. В частности, они отмечают, что лекции, читаемые профессионалами в своей области, позволили им узнать о новых методах маркетинга, которые используются в Японии и которые, несомненно, станут актуальными для России в ближайшей перспективе.

Особенно яркие впечатления остаются у стажеров из России от посещения японских предприятий и самой страны. Высокий уровень мероприятий, организуемых японской стороной, способствует, по их мнению, формированию действительно новых взглядов российских бизнесменов на многие аспекты своей работы. Они с удовлетворением пользовались редкой возможностью взглянуть на себя со стороны. Широкий спектр посещаемых в Японии компаний, по их отзывам, позволил каждому участнику стажировки почерпнуть те новые и полезные знания, которые он сможет применить именно в своей работе.

Других стажеров привлек опыт работы малых и средних японских предприятий и те методы менеджмента и маркетинга, которые используются там для успешного развития бизнеса. Некоторые с удивлением осознали, что предприятия в Японии в разной степени отвечают требованиям нового общества и что на их примере можно проследить хронологию становления японского рынка, а также предвидеть тенденции развития рынка в России и быть готовым грамотно и адекватно реагировать на его изменения[6].

Только за последние пять лет (1999–2003) в разных городах России было прочитано 225 лекций по самым различным областям бизнеса и менеджмента, тематика которых приведена в таблице 2.

К числу наиболее популярных тем в области менеджмента и бизнеса среди российских предпринимателей относятся темы, связанные

[6] Деятельность японских центров в странах СНГ, с. 7.

Таблица 2

Содержание и количество лекций и семинаров для российских бизнесменов и менеджеров, организованных при содействии японских центров в 1999–2003 гг.*

Содержание лекций и семинаров	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	1999 – 2003 гг.
Маркетинг и удовлетворение запросов потребителей	6	6	12	13	6	43
Управление предприятием в том числе:	9	14	8	8	6	45
малыми предприятиями	–	3	3	3	3	12
венчурным предприятием	–	–	–	5	3	8
Управление внешнеторговой деятельностью	3	4	3	3	3	16
Управление корпоративными финансами в том числе:	7	4	4	3	–	18
кредитно-финансовая сфера и ценные бумаги	1	–	–	–	–	1
Бухгалтерский учет и отчетность	10	5	5	2	–	22
Укрепление конкурентоспособности предприятия	–	–	–	–	3	3
Кадровый менеджмент (включая топ-менеджмент)	3	6	11	6	3	29
Управление производством и контроль качеством	2	6	7	–	–	15
Связи с общественностью на предприятии (PR)	2	1	–	4	–	7
Информационные технологии	–	–	4	5	3	12
Практика работы юридических инстанций	–	–	–	–	3	3
Туристический и гостиничный бизнес	–	–	4	5	3	12
Итого	42	46	58	49	30	225

*Составлено по материалам, предоставленным автору Японским центром при МГУ

с управлением предприятием, маркетингом, кадровым менеджментом и бухгалтерским учетом. И это понятно, если иметь в виду особенности формирования частного бизнеса в нашей стране. В значительном числе случаев российские предприниматели никогда не имели дело с организацией бизнеса и начинали все с нуля. Внимание к этим областям

управления объясняется и тем обстоятельством, что незнание рыночных механизмов, доставшееся нам от эпохи социализма, вылилось в необходимость постигать все области управления одновременно, в том числе и стратегическое, и оперативное управление.

На одном из первых мест по тому вниманию, которое привлекают к себе проблемы управления со стороны российских предпринимателей в настоящее время, находятся проблемы маркетинга. С учетом этого в рамках данной тематики были выделены две темы, соответствующие двум крупным хозяйственным блокам, – сфера потребительского товарообращения и сфера производства, различающиеся особенностями маркетинга. При этом вполне понятно, что и аудитории слушателей курсов, различаются между собой.

Так, например, основным направлением курсов лекций по маркетингу в сфере потребительского товарообращения, которые систематически организуют японские центры на местах и во время выездных сессий, является изучение маркетинговой деятельности крупных японских супермаркетов, универсальных магазинов, магазинов круглосуточной торговли товарами первой необходимости. Эти лекции обычно содержат обширный конкретный материал, иллюстрирующий специфику маркетинга и его инструментария в сфере потребительского товарообращения в Японии.

В лекционном курсе, посвященном маркетингу в сфере производства, упор делается на вопросах разработки новой продукции и, особенно, освоения новых рынков сбыта. Эти вопросы всегда являются актуальными и для самой Японии. В ходе обучения слушатели знакомятся с проблемами маркетинговой стратегии ряда крупных японских компаний и участвуют в обсуждениях этой стратегии.

Во время стажировок в Японии проводятся лекции с учетом тех знаний, которые были получены участниками соответствующих программ обучения еще в России. В ходе поездок стажеры имели возможность самостоятельно сверить полученные теоретические знания предмета с живыми впечатлениями. Для участников лекций и семинаров по проблемам маркетинга в сфере обращения акцент делается на практическом знакомстве с этими проблемами непосредственно на объектах сети розничной торговли. Для тех, чей интерес был связан с маркетингом в сфере производства, дальнейшее освещение темы осуществлялось в ходе их знакомства с различными промышленными предприятиями. Ответы на такие вопросы, как разработка товаров, стратегия создания устойчивого образа торговой марки (так называемого «бренда»), стратегия и организация товарных перевозок и др., стажеры могли получить на местах, в ходе общения с самими товаропроизводителями.

Деятельность японских центров постоянно совершенствуется, и новый их руководитель в Москве Асадзума намерен решительно преодолевать имеющиеся проблемы. Между тем эти проблемы – финансовые, организационные и собственно учебные – действительно существуют. В 2002 и 2003 гг. объем финансирования японских центров в России заметно сократился. К счастью, это не было вызвано какими-то политическими проблемами в российско-японских отношениях, а связано со скандалом в японском парламенте. Однако, поскольку это событие было связано с нарушениями в расходовании средств Комиссии по содействию, произошло изменение порядка финансирования японских центров в России. Теперь финансирование осуществляется непосредственно из бюджета на ежегодной основе и под строгим контролем со стороны правительства Японии. В результате объем деятельности японских центров в России в начале XX в. также значительно сократился.

Однако в беседе с автором г-н Асадзума сказал, что эти временные трудности не меняют стратегической заинтересованности японского правительства в развитии японских центров. Более того, как он полагает, число японских центров должно быть увеличено и, прежде всего, в европейской части России, где, несмотря на конкуренцию со стороны других государств, Япония выдвигает новые задачи и надеется достигнуть определенных успехов. В будущем в японских центрах, кроме программ обучения российских бизнесменов, планируется создать еще одно направление, задачей которого станет содействие расширению торговых отношений с Россией.

В подготовке управленческого персонала в России, кроме японского государства, принимают участие и японские компании, работающие у нас в стране. Причем помимо той подготовки, которая обычно обеспечивается нанятому ими персоналу в своих компаниях, они нередко оказывают помощь российскому бизнесу в обучении менеджеров. Японские компании самостоятельно устанавливают связи с высшими учебными заведениями России, где, используя их базу, организуют соответствующие курсы. Обучение затем продолжается в Японии. В настоящее время определенная часть этой деятельности японских компаний осуществляется под эгидой РОТОБО, которая предоставляет им организационную помощь.

Одним из ярких примеров в этом отношении может служить деятельность японской компании «Искра». Отношения нашей страны с «Искрой» имеют уникальную и давнюю историю, которая началась еще в 1961 г. в связи с эпидемией детского полиомиелита в Японии. Тогда эта небольшая японская компания при поддержке общественности

своей страны с огромным трудом добилась разрешения от правительств обеих стран на поставки в Японию галантамина – сыворотки от полиомиелита, производимой в СССР. В середине 70-х годов на долю фирмы «Искра» приходилось около 30% объема советско-японской торговли продукцией химической промышленности, 90% торговли медицинским оборудованием и 98% торговли лекарственными препаратами.

В 90-е годы компания «Искра» создает школу бизнеса в Японии, в населенном пункте Ономура префектуры Ибараки с главной (и единственной!) целью – обучение российских предпринимателей и руководителей государственных предприятий медицинской промышленности. Интерес со стороны наших специалистов, руководителей предприятий и предпринимательства к японскому менеджменту был настолько велик, что руководство фирмы было вынуждено ежегодно организовывать все новые формы обучения и предлагать новые по содержанию курсы, чтобы удовлетворить этот спрос на знания в области управления.

Так, сначала в учебном центре «Искры» был организован шестимесячный курс обучения с полным набором дисциплин, удовлетворявших требованиям квалификации менеджера международного класса MBA (Management of Business Administration). Предварительные занятия с группой слушателей проводились в Москве, на базе школы бизнеса в Академии народного хозяйства при правительстве РФ. На этих занятиях, организованных с привлечением преподавателей не только из Академии, но также ведущих специалистов из Института Востоковедения РАН, они знакомились с самыми общими проблемами управления в России и получали знания по различным отраслям экономики и управления в Японии.

В Японии слушатели интенсивно занимались в учебном центре фирмы и получали фундаментальные и систематические знания в области менеджмента, поскольку здесь занятия велись преподавателями японских университетов (в первую очередь университета Кокусай кирисуто кё дайгаку), а также крупными специалистами министерства промышленности и внешней торговли Японии. Кроме того, в центр приглашались высшие менеджеры крупных японских банков, страховых и брокерских компаний, что давало возможность обогатить знания слушателей из России самой разнообразной и свежей информацией по экономике Японии.

По своей форме занятия в школе бизнеса в совокупности представляли собой комплексные программы теоретического и практического характера и состояли из лекций, деловых игр и посещений предприятий. Заключительной частью обучения служило написание

дипломных работ и их защита. Характерно, что содержание этих работ в своем большинстве было посвящено анализу практических проблем российских организаций и предприятий и попыткам решения этих проблем слушателями с применением полученных знаний.

Деятельность школы бизнеса фирмы «Искра» оказалась весьма эффективной, о чем свидетельствовал тот факт, что всем слушателям удавалось удачно защитить свои работы и получать звания MBA (Master of Business Administration). Отзывы о программе со стороны российских бизнесменов и руководителей государственных учреждений были самыми благоприятными. В таком режиме школа продолжала свою деятельность в течение четырех с половиной лет. Однако по мере изменения экономики нашей страны, в частности, развития рыночных отношений и укрепления частного бизнеса, становилось все более очевидным, что в эту деятельность необходимо вносить коррективы. Государственные организации в области медицины в России уступали место частным компаниям, а владельцы российских фирм и их сотрудники уже не могли, как некогда руководители советских предприятий, надолго отрываться от своих дел, даже на такое важное дело, как обучение.

В ответ на эти изменения фирма «Искра» переходит к ускоренным формам обучения: сначала к трехмесячным, а впоследствии к трех- и двухнедельным курсам. Сокращается и длительность командировок на японские предприятия. Соответственно изменяется содержание программ и контингент обучаемых. Российский бизнес нуждается в бухгалтерах, юристах, аудиторах международного класса и, понимая это, японская фирма стремится соответствующим образом ответить на эти потребности нашей экономики и перестроить свое обучение. Она сама инициирует новые программы, организует обучение для молодых предпринимателей и менеджеров, предлагает своим торговым партнерам ежегодно посылать в Японию, прежде всего, молодежь.

Деятельность таких фирм, как «Искра», в деле подготовки российского менеджмента трудно переоценить, хотя нельзя не отметить, что постепенно эта деятельность свертывается. Вице-президент компании «Искра», ее представитель в Москве, г-н Угаи Кадзуси в беседе с автором в числе причин, вызывающих подобное развитие ситуации, назвал финансовые трудности компании, экономический застой в японской экономике в целом, проблемы вынужденной перестройки японского бизнеса и др. Все это, несомненно, соответствует действительности и названные проблемы нельзя исключать из числа неблагоприятных факторов, влияющих на этот процесс. Вместе с тем нельзя не видеть и того обстоятельства, что российский бизнес, получивший

эффективную помощь, в том числе и от своих японских партнеров, уже меньше, чем прежде, нуждается в ней. За десять лет своей деятельности в этом направлении фирма «Искра» подготовила 450 российских специалистов в различных областях менеджмента.

В деятельности государственных японских центров и частных фирм, посвященной обучению российских предпринимателей управлению бизнесом, имеются большие резервы, которые все еще далеко не полностью осознаются в России. Те аспекты управления, которые по заказу наших бизнесменов поднимаются, в частности, на занятиях в японских центрах, пока еще мало относятся к тем проблемам, в решении которых японский менеджмент особенно силен. Речь идет, прежде всего, об уникальной системе управления качеством продукции, благодаря которой японскому бизнесу удалось победить многих своих конкурентов на внешних рынках. Наша страна, которая по давней традиции привыкла решать проблемы контроля качества устаревшими американскими методами начала прошлого века, к сожалению, может упустить те возможности, которые сулит знакомство в японских центрах с этим ценнейшим опытом. Будем надеяться, что Россия сумеет вовремя оценить и извлечь новые уроки из опыта нашего восточного соседа.

Глава девятая

Промышленное и научное сотрудничество

Переход российской экономики к инновационной модели развития предполагает существенное расширение делового сотрудничества России с индустриально развитыми странами. Несомненно, на новый, более высокий уровень следовало бы вывести деловые отношения с Японией – нашим непосредственным соседом и давним партнером. Сегодня для этого имеются особенно благоприятные перспективы, поскольку в январе 2003 г. в ходе встречи между президентом России и премьер-министром Японии был принят «Российско-японский план действий», предполагающий энергичное развитие двусторонних отношений. Осуществлению этого плана, в частности, должно способствовать создание Российско-японской организации по содействию торговле и инвестициям, призванной обеспечивать более интенсивную деятельность в этих сферах. Особенно большое значение для нашей страны имело бы промышленное и научное сотрудничество с Японией в таких областях, как энергетика, транспорт, связь, охрана окружающей среды, ядерные технологии, освоение космоса.

Сегодня как в России, так и в Японии ощущается большая заинтересованность в расширении и углублении сотрудничества между нашими странами. Все ведомства и организации, действующие в сфере международных экономических отношений, безусловно, могут и должны внести свой вклад в развитие этого сотрудничества. Значительно возрастает роль Торгового представительства Российской Федерации в Японии, призванного оказывать предпринимателям широкий комплекс практических услуг, соблюдая при этом принципы невмешательства в коммерческую и хозяйственную деятельность частных компаний.

Торгпредство РФ, подчиненное министерству экономического развития и торговли, представляя и обеспечивая интересы и права России в области внешнеэкономических связей в Японии, осуществляет

свою работу по весьма широкому спектру направлений. Среди них предоставление необходимой информации по экономике, внешней торговле, законодательной и нормативной базе Японии, а также по вопросам регулирования различных видов практической деятельности на японском рынке. Торгпредство помогает в выборе партнеров и проведении переговоров по заключению сделок и контрактов. Оно осуществляет посреднические услуги в установлении контактов с потенциальными инвесторами, обеспечивает консультативное сопровождение проектов на всех этапах их реализации. Важным направлением его деятельности является привлечение японских инвестиций в российскую экономику и поиск соответствующих японских партнеров. Кроме того, его специалисты активно помогают продвигать российские товары в Японию и на рынки третьих стран, содействуют участию отечественных предприятий в проводимых в Японии выставках и ярмарках, симпозиумах и семинарах, организуют презентации, встречи и переговоры.

Поскольку в развитии российско-японских экономических отношений постоянно возрастает роль регионального сотрудничества, Торгпредство РФ усиливает работу на этом направлении. Оно подготавливает для российских регионов необходимую внешнеторговую информацию, помогает в поиске партнеров, за счет средств местных администраций организует стажировки специалистов в Японии. С целью широкого показа производственных и научно-технических возможностей субъектов Российской Федерации расширилась практика проведения в Японии соответствующих презентаций. Так, при содействии Торгпредства были организованы презентации Иркутской, Свердловской, Московской и Амурской областей, Красноярского края и свободной экономической зоны «Находка». Это позволило расширить сферу взаимовыгодного сотрудничества, стимулировать поиск и изучение новых совместных проектов, в частности в области высоких технологий[1].

Чтобы облегчить нашим предпринимателям работу с японскими фирмами, Торгпредство подготовило для них весьма полезный перечень советов и практических рекомендаций[2]. В первую очередь обращается внимание на необходимость *хорошо знать базовые документы в области внешнеэкономического сотрудничества России и Японии.* Из них, в частности, следует, что наши страны гарантируют предоставление друг другу режима наибольшего благоприятствования в отношении всех видов таможенных пошлин, сборов, таможенных

[1] Япония. Путеводитель для бизнесмена. М., 2001, с. 22.

[2] Там же, с. 25–29.

формальностей и других правил, связанных с экспортом и импортом товаров. На товары обеих сторон во всех случаях, связанных с внутренними налогами или другими внутренними сборами, также распространяется режим наибольшего благоприятствования. Имеются документы, направленные на исключение двойного налогообложения, а также на поощрение и защиту капиталовложений. Положения всех этих документов должны в полной мере учитываться при составлении контракта и согласовании его условий с японскими партнерами.

Следующая рекомендация обращает внимание на важность *досконального изучения партнера, его правового статуса и всех его особенностей.* Вступая в контакт с японским партнером, необходимо знать, что он собой представляет в юридическом плане – объем его правоспособности, финансовое положение, коммерческая репутация, полномочия его представителя при заключении контракта и т. д. Наиболее простым способом получения такой информации является обращение непосредственно к партнеру, воспринимаемое обычно с полным пониманием. Игнорирование этого правила может привести к серьезным проблемам, например, к невозможности получить плату за поставленные товары.

Особо подчеркивается *недопустимость установления сотрудничества с анонимными партнерами.* Речь идет о таких случаях, когда в контрактах не указываются юридические адреса сторон или известно, что в них содержится фиктивный юридический адрес японского партнера, а также когда в качестве адреса для направления корреспонденции указывается «до востребования». В результате возникает ситуация, при которой в дальнейшем могут стать безуспешными попытки найти своего партнера, например, для вызова его в арбитраж или вручения исковых материалов.

Практика показывает, что при составлении контрактов российские бизнесмены не всегда считаются с тем, что *российский и японский* подходы к решению одних и тех же правовых вопросов могут во многом *не совпадать.* Поэтому следует заранее решить, правовыми нормами какой из стран-партнеров или, возможно, какого-либо третьего государства будут регулироваться отношения по заключаемому контракту, и указать это в нем.

Очень серьезного внимания требуют вопросы *обеспечения гарантий выполнения партнерами принятых ими обязательств.* Как правило, каждая из сторон обычно полагает, что ее партнеры будут выполнять принятые обязательства добросовестно и в полном соответствии с условиями контракта. Однако на практике в силу целого ряда объективных либо субъективных причин этого порой не происходит. Поэтому надо сосредоточить максимум внимания на всех деталях контракта, особенно на пунктах, определяющих условия расчетов и ответственность сторон.

В силу самых различных обстоятельств между сотрудничающими сторонами могут возникать разногласия. Для их устранения необходимо *в полной мере использовать возможности переговоров.* Вместе с тем переговоры не всегда приводят к результатам, устраивающим обе стороны, и тогда *для разрешения спора целесообразно использовать третейский суд.* В одних случаях это может быть суд, избираемый самими спорящими сторонами, в других – международный арбитраж. Конфиденциальность арбитражной процедуры и быстрота ее проведения делают этот вид разрешения спора весьма эффективным. При этом следует иметь в виду, что *исполнение арбитражных решений имеет свои процедуры и законы.* Арбитражные решения будут исполняться в соответствии с условиями, предусмотренными законами страны, в которой испрашивается их исполнение.

Практика последнего времени подтвердила целесообразность заключения двусторонних соглашений между национальными арбитражными центрами. В сентябре 1995 г. вступило в силу Российско-японское коммерческое арбитражное соглашение, подписанное Торгово-промышленной палатой Российской Федерации и Японской коммерческой арбитражной ассоциацией. Эти организации рекомендуют физическим и юридическим лицам, занятым в торговле и инвестиционном сотрудничестве между нашими странами, *включать в контракты арбитражную оговорку.* Суть ее заключается в том, что все споры, противоречия или разногласия между сторонами подлежат урегулированию арбитражем в соответствии с Российско-японским коммерческим арбитражным соглашением, а вынесенное решение является окончательным и обязательным для сторон.

Наконец, заключительная рекомендация – всем российским участникам внешнеэкономической деятельности на японском рынке в целях повышения ее эффективности следует *активнее использовать возможности Торгового представительства России в Японии.* Как уже отмечалось, оно может оказать существенную помощь российским бизнесменам и в расширении традиционных сфер взаимодействия с японскими партнерами, и в установлении новых форм делового сотрудничества.

С японской стороны в развитие деловых связей между нашими странами крупный вклад вносит ДЖЕТРО – Японская организация по развитию внешней торговли (JETRO – Japan External Trade Organization), руководитель которой назначается министерством экономики, промышленности и торговли Японии. Благодаря широкой сети зарубежных представительств, действующих в 60 странах, ДЖЕТРО имеет возможность осуществлять информационную и организационную деятельность в интересах японских компаний весьма оперативно и в глобальных масштабах.

Российские предприниматели, которые в процессе своей практической деятельности ощущают потребность в конкретной информации о японской экономике и юридических нормах в сфере деловых отношений, а также о потенциальных японских партнерах, имеют возможность получить ее в представительствах ДЖЕТРО как в форме специально подготовленных печатных материалов, так и в виде устных консультаций[3]. Одним из наиболее солидных изданий ДЖЕТРО, предназначенных для ознакомления зарубежных бизнесменов с деятельностью японских производителей, является ежегодник «Japan Trade Directory». В нем содержатся сведения о направлениях деятельности 2 тыс. ведущих японских компаний и производимой ими продукции (свыше 22 тыс. наименований), а также дается вся необходимая информация для установления контактов с руководством и ведущими менеджерами. Вместе с тем в настоящее время самым оперативным способом поиска партнеров является организованная ДЖЕТРО «Программа развития коммерческих связей через Интернет», ставшая признанным средством простого и удобного обмена информацией о намерениях и возможностях предпринимателей[4].

При активном участии ДЖЕТРО в России осуществляются мероприятия по развертыванию совместной деятельности российских и японских компаний в машиностроительной сфере. Так, в марте 2004 г. в Елабуге и Тольятти состоялись семинары, на которых рассматривались вопросы сотрудничества российских автомобилестроительных предприятий с японскими компаниями. В частности, речь шла о модернизации производства автомобильных деталей и компонентов. Специалисты из Японии сделали также доклады по современным технологиям холодной штамповки и методам модернизации имеющегося оборудования для перехода к этим технологиям.

В материалах, которые ДЖЕТРО представляет на организуемых ею семинарах и выставках, разъясняется, каким образом можно привлечь в Россию инвестиции мелких и средних японских фирм, рассказывается о передовых организационных концепциях. Среди них, безусловно, заслуживает внимания весьма эффективная концепция создания в регионах «техноцентров» – своего рода точек притяжения новых технологий и инвестиций из Японии.

---

[3] Среди публикаций на русском языке, представляющих несомненный практический интерес, можно назвать «Искусство делового общения с японскими партнерами», «Как наладить деловые связи с японскими фирмами», «Как делать бизнес в Японии», а также подготовленный для японских импортеров, но весьма полезный и для российских экспортеров справочник «Импорт товаров и обеспечение сбыта: вопросы и ответы».

[4] Для ознакомления с возможностями этой программы и участия в ней следует воспользоваться адресом http://www.jetro.go.jp/ttppe/.

Конкретная деятельность японского бизнеса на территории России в промышленной сфере может быть наглядно охарактеризована на примере компании «Мицуи буссан» (далее «Мицуи»), являющейся нашим давним деловым партнером. Являясь центром одной из крупнейших финансово-промышленных групп Японии, она способна оказывать значительное влияние на экономический процесс не только у себя в стране, но и в немалой степени в тех зарубежных странах, где национальные компании осуществляют с ней тесное сотрудничество. Результатом является реализация крупных торговых операций, строительство важных промышленных объектов, организация широкомасштабных коммерческих проектов.

С самого начала XX в. «Мицуи» энергично вкладывала капиталы в текстильные, деревообрабатывающие и пищевые предприятия, электростанции и судоверфи, а также обеспечивала крупные транспортные перевозки, необходимые для их функционирования. В компании были созданы производственные отделы, через которые осуществлялось руководство и управление промышленными предприятиями. На базе этих отделов в дальнейшем сформировался целый ряд промышленных компаний. Используя свои твердые позиции в области поставок импортного сырья, сбыта продукции, транспорта и кредита, «Мицуи» непосредственно, а также через дочерние фирмы стала контролировать значительную часть промышленного производства Японии.

После окончания второй мировой войны компания в рамках политики, направленной на ликвидацию крупных монополий («дзайбацу»), была преобразована в более чем 200 мелких компаний. В 1959 г. произошло объединение основной массы этих компаний, точнее, их присоединение к зарегистрированной 25 июля 1947 г. фирме «Дайити буссан». Эта дата считается и датой создания «Мицуи»[5]. Выступая в качестве организатора сделок между продавцами и покупателями в торговых операциях внутри страны и за рубежом, «Мицуи» решала такие задачи, как подготовка рыночной почвы за рубежом с целью продвижения сюда японских товаров и выбора поставщиков сырья или готовой продукции для японских фирм. Как правило, компания непосредственно участвовала во всем цикле осуществления сделок, принимая на себя ответственность за всевозможные риски.

Для успешного проведения сделок компания тщательно изучает мировые рынки товаров и услуг, предоставляя своим клиентам исчерпывающую деловую информацию, а также консультируя их по всем вопросам, связанным с состоянием и особенностями различных сегментов мирового рынка. Так, «Мицуи» постоянно накапливает и

[5] Мицуи Ко. Лтд. (Справочник по услугам «Мицуи»). Издание «Мицуи», с. 2.

обновляет информацию о деловой надежности и кредитоспособности возможных покупателей и продавцов, причем точность экспертизы, проводимой компанией, весьма высока.

Перечень товаров и услуг, с которыми сегодня оперирует компания, широк и разнообразен. Это черные и цветные металлы, машины и промышленное оборудование, электронная и информационная техника, энергоносители и химикаты, строительные материалы, текстильная продукция, стройматериалы, продовольствие. Кроме того, фирма осуществляет операции с недвижимостью, инженерно-строительные работы, организацию общественного питания и др.

Вместе с тем руководство «Мицуи», чутко реагируя на развитие мирового экономического процесса, сориентировало деятельность компании еще на одно, чрезвычайно актуальное направление, а именно, на расширение производственной и торговой деятельности клиентов и ее глобализацию. Так, «Мицуи» содействует привлечению инвесторов в новые производства, оказывает помощь в учреждении совместных предприятий и найме персонала, в переводе предприятий за рубеж. Эта ее деятельность распространяется не только на японских, но и на зарубежных клиентов. В частности, компания помогает последним занять устойчивое положение на японском рынке, создавая совместные предприятия для экспорта товаров в Японию. Она предоставляет им информацию о рынке, предлагает маркетинговые услуги, способствует установлению деловых связей с компаниями сервисного обслуживания, обеспечивает регистрацию лицензий, принимает меры к тому, чтобы обезопасить своих клиентов от рыночных рисков.

Деловые связи «Мицуи» с Россией возникли еще в начале XX в. В 1907 г. было открыто ее торговое представительство во Владивостоке, а в 1916 г. – в Петрограде. В конце 50-х годов компания одной из первых начала свою деятельность в Советском Союзе, установив прочные связи с его внешнеторговыми объединениями. В 1964 г. она заключила контракт на строительство завода азотных удобрений, а еще через некоторое время поставила в СССР 32 аммиачных завода и пять нефтехимических комплексов. В 1975 г. «Мицуи» организовала крупные кредиты в иенах и долларах[6].

В наши дни компания успешно сотрудничает с «Газпромом». Работы начались с крупного контракта стоимостью более 100 млн. долл., предусматривавшего поставки «Газпрому» дорожно-строительной техники: бульдозеров, экскаваторов и трубоукладчиков[7]. Она предназначалась как для строительства новых газопроводов, так и для ремонта существующих. Финансирование осуществлялось посредством

[6] Управление персоналом. 1999, № 10, с. 5.

[7] Бизнес. Международный журнал менеджеров. 2001, спецвыпуск, с. 15.

привлечения кредитов экспортно-кредитных агентств США и Японии. Опыт сотрудничества с «Газпромом» оказался весьма удачным, и оно продолжает развиваться.

В середине 90-х годов был осуществлен новый проект, финансировавшийся японскими банками. Он предусматривал поставку двух уникальных буровых установок глубокого бурения с целью освоения Астраханского нефтегазового месторождения.

В конце 90-х годов «Мицуи» выиграла тендер на организацию финансирования и поставку оборудования и материалов для строительства международного газопровода «Голубой поток», который должен обеспечивать поставки российского газа в Турцию. Коррозионностойкие толстостенные трубы, предназначенные для прокладки по дну Черного моря и произведенные по передовой бесшовной технологии в Японии, были поставлены компанией «Мицуи». Она также организовала финансирование для строительства сухопутного участка газопровода на российской территории[8]. Помимо работы с «Газпромом», осуществляется весьма тесное сотрудничество и с его дочерней компанией «Газкомплектимпэкс».

Еще одно важное направление деятельности компании – это продвижение в Россию техники, которая применяется в целях обеспечения безопасности и контроля процессов, связанных с поставками газа и его потреблением. Это – датчики для измерения давления газа, уровня вибрации, герметичности стыков, газовые счетчики, устройства блокировки на случай возникновения аварийных ситуаций и др. Кроме того, из Японии поступает оборудование для охраны окружающей среды и ресурсосбережения.

«Мицуи» не только расширяет номенклатуру поставляемых в Россию изделий, но и развивает здесь сервисные услуги. При строительстве новых и реконструкции действующих объектов постоянно возникают сложные, нестандартные инженерные проблемы. Часто они усугубляются климатическими условиями – необычайная жара в Астраханской зоне и суровые морозы Заполярья. Компания помогает решать эти проблемы, находя и привлекая соответствующих специалистов. Кроме того, она проводит большую работу по обучению российского персонала передовым технологиям и приемам работы с новейшей техникой.

В частности, весной 2003 г. компания организовала семинар по вопросам решения экологических проблем и модернизации производства. К семинару были привлечены специалисты семи японских промышленных компаний, принадлежащих к так называемой группе Мицуи по обмену опытом в области технологий (Mitsui Group for

[8] Там же, с 16.

Technical Exchange – MITECH), образованной в 1965 г. Деятельность MITECH осуществляется в широком спектре отраслей – в химической промышленности, черной металлургии, энергетике, судостроении, строительном машиностроении, производстве электрооборудования и приборов, в торговой и финансовой сферах. В последний период группа подключилась к модернизации зарубежных предприятий химической промышленности и энергетики на основе электронных и информационных технологий. Прошедший семинар продемонстрировал ее интерес и к модернизации российских предприятий.

Нельзя не отметить активного участия «Мицуи» в экономическом сотрудничестве на Дальнем Востоке, в частности в сахалинских проектах. Особенно заметны успехи в реализации проекта «Сахалин–2». Этот проект с объемом прямых инвестиций в10 млрд. долл. является крупнейшим инвестиционным проектом «Мицуи» в России (доля «Мицуи» в проекте составляет 25%).

Можно привести и другие примеры инвестиционной деятельности «Мицуи» в России. Так, еще в мае 1991 г. при участии «Мицуи» была организована компания «ООО ТМ Байкал», осуществляющая производство и экспорт пиломатериалов с годовым объемом реализации продукции около 20 млн. долл. Уставный капитал компании распределялся следующим образом: «Мицуи» – 19%, японская фирма «Тадзима Ламберс Ко. Лтд.» – 30%, министерство имущественных отношений России – 51%. Для поддержки этой компании «Мицуи» обеспечила получение ею необходимого банковского кредита.

Существуют еще две компании, в создании которых участвовала «Мицуи». Обе имеют статус российской компании со стопроцентным иностранным капиталом. Одна из них, «ООО Мицуи – Рико СНГ» основана в октябре 1997 г., а другая «ООО Фанук Мицуи Автоматизация СНГ» – в январе нынешнего года. В обоих случаях на долю «Мицуи» приходится половина капитала. Другая половина принадлежит японским фирмам «Рико» и «Фанук». Заслуживает внимания то, что они относятся к разряду высокотехнологичных компаний.

«Мицуи – Рико» предлагает потребителям из России и стран СНГ разнообразную офисную аппаратуру и запасные части к ней. Кроме того, она производит обучение и сертификацию своих партнеров для успешной работы с аппаратурой марки «Ricoh». Особое внимание компания уделяет продвижению на рынок России и СНГ лазерных принтеров и цифровых многофункциональных устройств, объединяющих в одном аппарате принтер, копир, сканер и факс.

На компанию «Фанук Мицуи» возлагаются функции, которые ранее выполняла «Мицуи» по продвижению на наш рынок продукции фирмы «Фанук». Последней принадлежит 50% мирового рынка устройств

числового программного управления и 70% – японского[9]. По данным ассоциации «Станкоинструмент», к 1990 г. в нашу страну было поставлено более 4 тыс. таких устройств. Фирма широко известна производством промышленных роботов, машин для литья под давлением, электроэрозионных машин, лазерной аппаратуры для обработки металлов и др. Оживление в экономике России было воспринято как свидетельство предстоящего подъема ее машиностроительных отраслей, которым, естественно, потребуется передовая производственная техника. Чтобы ее продажи и послепродажное обслуживание осуществлялись оперативно и бесперебойно, было принято решение о создании специализированной компании «Фанук Мицуи». Однако следует заметить, что нынешняя обстановка на российском рынке пока складывается для нее не слишком благоприятно ввиду чрезвычайно сильной конкуренции со стороны германской фирмы «Сименс».

В научных лабораториях «Мицуи» с 2001 г. начаты работы по чрезвычайно актуальной сегодня проблематике нанотехнологий. В основу этих работ – от исследований до коммерциализации – положена организационная модель, предусматривающая активное обсуждение ключевых вопросов всей цепочки «наука–техника–производство» с компетентными представителями из таких сфер, как правительство Японии, национальные исследовательские институты, университеты, исследовательские лаборатории других компаний. Считается необходимым привлечь специалистов из ведущих фирм, малых и средних предприятий[10], предпринимателей из сферы венчурного бизнеса, представителей зарубежных научных кругов. Думается, и работы наших специалистов вполне могли бы заинтересовать японскую сторону.

Одна из трудностей, с которой работники компании встречаются в России (как, впрочем, и в США), состоит в том, что получить необходимое решение на низовом уровне обычно не удается и, как правило, приходится выходить на руководство. В результате у японской стороны складывается мнение, что управленческий аппарат наших предприятий в основном занят подготовкой материалов для начальства. Это серьезно противоречит основному правилу современного японского менеджмента, в соответствии с которым за каждым работником закрепляются определенные права и полномочия, в пределах которых он должен принимать реальные решения по своей работе и нести за них персональную ответственность[11].

Таким образом, клиентам «Мицуи» в целях получения необходимого решения не приходится апеллировать к вышестоящему руководству.

[9] Japan Company Handbook. First Section. Autumn 2003, p. 906.

[10] Mitsui in Action. 2001, December, p. 3–4.

[11] Управление персоналом. 1999, № 10, с. 8.

Вопросы грамотно и оперативно решаются на том уровне, на котором их предписывает решать должностная инструкция для сотрудников компании, что значительно повышает эффективность ее деятельности. Хотя существование проблем подобного рода общеизвестно, решаются они с большим трудом и крайне медленно. Но когда они все же будут решены, результативность взаимодействия с такими авторитетными и сильными партнерами, как «Мицуи», несомненно, намного возрастет.

Важнейшая задача, стоящая перед российской экономикой, – это подъем ее на качественно новый уровень и, в первую очередь, создание условий для крупномасштабного выпуска современной, наукоемкой продукции. Требуется существенно потеснить многих зарубежных производителей, обосновавшихся на российском рынке, а также в кратчайшие сроки выйти на зарубежные рынки. Однако этого можно добиться лишь при условии существенного обновления производственного оборудования на наших заводах, так как его возраст недопустимо высок и его технические характеристики не соответствуют требованиям сегодняшнего дня. Произвести его массовую замену на новое не представляется возможным ввиду отсутствия необходимых для этого финансовых средств, тем более что производственные возможности отечественного станкостроения, несмотря на все усилия наших станкостроителей, остаются на весьма скромном уровне.

Реальный выход из создавшегося сложного положения заключается не в замене имеющегося оборудования, а в его модернизации. Решению этой задачи и служит недавнее создание японской фирмы «Джапан тул сервис» («Japan Tool Service»). Она обеспечивает диагностирование состояния станков, имеющихся на российских предприятиях, и замену их устаревших частей современными высокоэффективными компонентами. К их поставкам в Россию привлечены, в частности, такие широко известные японские машиностроительные компании, как «Никкэн», «Ти Эйч Кэй» («THK») и «Нитидай». Их продукцию и технологии отечественные специалисты имели возможность оценить на проведенных в Москве международных выставках «Машиностроение – 2003» и «Металлообработка – 2004».

Общеизвестно, что установлению доверительных отношений между партнерами в огромной мере способствует соблюдение ими правил и норм делового общения. Вместе с тем подход японских бизнесменов к налаживанию деловых связей сильно отличается от западного. По свидетельству департамента международных связей ДЖЕТРО, недоразумения, причина которых кроется именно в различных стилях общения, нередко приводят к тому, что иностранные бизнесмены упускают возможности заключения сделок. Все сказанное выше действительно не только для случая выхода отечественных производителей

на японский рынок, но и тогда, когда при организации работ на нашем внутреннем рынке привлекаются участники из Японии.

Так, важнейшим принципом поведения в японской среде является стремление всемерно избегать резкого столкновения взглядов, открытых споров, конфронтации, т. е. всего, что может привести к «потере лица» кем-либо из собеседников. Более того, уже одно только нарушение внутригрупповой гармонии, вызванное упорным отстаиванием особой точки зрения или слишком бурными эмоциями, в Японии осуждается. Волевым и зрелым здесь считается тот, кто умеет учитывать мнение всей группы и способствует внутригрупповому единству. Выработанная годами привычка к подобному поведению стала для японцев частью их деловой этики и сформировала особый стиль переговорного процесса. Даже если собеседники придерживаются во многом противоположных взглядов, переговоры идут в русле терпимых, корректных и доброжелательных отношений.

Для деловой японской практики свойственно стремление хорошо узнать партнера, в частности, его характер как человека и даже его прошлое. Нередко на первых встречах основное время уходит на установление доверительных отношений, и только после этого можно попытаться получить у японского собеседника необходимую информацию или выяснить его мнение.

Американский специалист по проблемам межэтнического общения доктор Эрнест Гундлинг выполнил очень интересную работу, систематизировав неувязки и недоразумения, возникающие в общении с японскими бизнесменами. Проанализировав японский стиль принятия решений, довольно длительный и преследующий цель достижения общего согласия между их будущими исполнителями, он дает целый ряд практических советов. В первую очередь, предлагается иметь в виду, что процесс принятия решений займет достаточно много времени и потребует интенсивных переговоров и обширной переписки. Кроме того, необходимо быть готовым в любой момент предоставить японской стороне самую подробную дополнительную информацию – терпение и готовность к сотрудничеству могут стать решающими факторами на пути к успеху. Рекомендуется регулярно выходить на связь с японскими партнерами, энергично демонстрируя свою заинтересованность в сотрудничестве, а также отвечая на любые возникающие вопросы. Несомненную пользу может принести и установление неформальных отношений. Также подчеркивается недопустимость проявления разногласий со своими коллегами в присутствии представителей японской стороны.

В отдельную группу выделяются рекомендации, относящиеся к составлению договоров. В Японии договор рассматривается главным

образом как выражение готовности к деловому сотрудничеству, поэтому требование более детально изложить условия договора может повредить добрым отношениям с партнером. Следовательно, надо быть готовым к тому, что отдельные положения договора окажутся сформулированными не очень четко. Необходимо проявлять гибкость и готовность внести в него различные изменения в соответствии с возможным изменением внешних обстоятельств. В первую очередь это относится к договорам, заключаемым с небольшими компаниями.

Особенно подробно д-р Гундлинг останавливается на тактике ведения деловых встреч, связанных с обменом информацией. Здесь приходится считаться с особенностями японского стиля изложения материала. Так, бизнесмены из США и стран Западной Европы часто считают объяснения и доклады японских партнеров весьма сложными для восприятия. Они буквально запутываются в получаемой информации, не находя в ней четко сформулированных выводов. Между тем, по мнению американского исследователя, это связано с особенностями японского стиля изложения материала: слушатели или читатели подводятся к основной мысли через последовательное введение отдельных деталей, нередко второстепенных, а выводы им предлагается сделать самим. Выход из этого положения достаточно прост – нужно тактично запрашивать необходимую информацию несколько раз, нисколько не стесняясь этого. Вместе с тем необходимо стараться предоставлять японским партнерам как можно больше полезных сведений, специально уточняя, что конкретно их интересует[12].

Особо следует подчеркнуть, что незнание японского языка и в связи с этим общение с японцами на английском языке многократно усложняет деловые отношения. Будучи не очень уверены в своем знании английского языка, японцы проявляют непонятную для иностранца лаконичность, в то время как от них ждут обстоятельного разговора. Много лет работавший в Японии нашим торговым представителем В. Б. Спандарьян разъясняет, что иностранные коммерсанты напрасно жалуются на трудности выхода на рынок Японии: если уточнить у них, на каком языке они ведут переговоры, то окажется, что отнюдь не на японском[13].

Но как ни важны знания правил межличностного общения с японскими партнерами, ничто не может заменить компетентности в делах, четкости в работе и ее высокого качества. Даже самая незначительная мелочь, а точнее, то, что на первый взгляд кажется мелочью, может

[12] Искусство делового общения с японскими партнерами. Издание ДЖЕТРО, с. 14–15.

[13] *Спандарьян В.* Деловая Япония. М., 1991, с. 202,

вызвать резкое неприятие со стороны японцев. Так, однажды японский контролер, обратив внимание на «косметические» дефекты упаковки партии полупроводников, изготовленных на американском предприятии, отказался принимать ее. С его точки зрения эти дефекты свидетельствовали о низкой культуре производства, а отсюда недалеко и до низкого качества самих изделий[14].

О том, что качество продукции было и остается в Японии высшим приоритетом, общеизвестно. Очевидно, что для полноценного сотрудничества с японскими партнерами необходимо выйти на столь же высокие стандарты качества, чему вполне могли бы способствовать конкретные рекомендации Японской ассоциации производственного обслуживания. Согласно этим рекомендациям в первую очередь следует сформировать на предприятии особую производственную культуру, стимулирующую моральный настрой на всестороннее повышение эффективности производства. В этом должны принять участие все службы предприятия – производственные, инженерно-технические, управленческие, а также службы сбыта продукции. Целевая установка должна формулироваться не как общий призыв к повышению качества как такового, а как достижение «нуля потерь», «нуля поломок» и «нуля несчастных случаев». В этот процесс органически встраиваются меры по обеспечению «нуля брака». И что особенно важно – в реализации указанной целевой установки участвуют все без исключения работники предприятия. Следует отметить, что эта система менеджмента качества приобрела широкое распространение в мировом масштабе и начинает применяться на российских предприятиях[15].

Развитие научно-технического сотрудничества с Японией, пока еще явно недостаточное, является крупным резервом развития деловых отношений, поскольку его результатом могло бы стать создание новых высоких технологий и их совместное внедрение в производство. Реализации этого резерва вполне мог бы послужить немалый опыт совместной деятельности в ряде областей науки и техники, накопленный в относительно недалеком прошлом. Обращение к основным фактам ее истории наглядно свидетельствует о том, что она была достаточно масштабной и ориентированной на глубокие научные изыскания и инженерные разработки.

Так, после подписания в октябре 1973 г. межправительственного соглашения началось наше научно-техническое сотрудничество в области атомной энергетики и сельского хозяйства. Развивались связи между нашими академическими институтами и японскими научными

[14] Искусство делового общения с японскими партнерами, с. 8.

[15] Методы менеджмента качества. 2003, № 7, с. 6.

учреждениями, проводились научные симпозиумы, публиковались результаты совместных научных исследований. Тематика научных обменов включала в себя физику, металлургию, микробиологию, океанологию, сейсмологию, историю, экономику. В 1979 г. был подписан меморандум, в котором отмечалось положительное значение обмена учеными для развития научных исследований и укрепления добрососедских отношений между нашими странами, а также подчеркивалось обоюдное стремление к расширению такого обмена[16]. Был заключен ряд соглашений о сотрудничестве с японскими промышленными компаниями. В частности, на японских металлургических предприятиях были внедрены разработанные в СССР новейшие технологические процессы – метод непрерывной разливки стали, испарительное охлаждение доменных печей, способ сухого тушения кокса. К концу 80-х годов действовало 17 соглашений о научно-техническом сотрудничестве с японскими фирмами и промышленно-финансовыми группами. Среди них – «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Марубэни», «Комацу», «Искра сангё», «Кобэ сэйтэцу» и др.[17] В наши дни наиболее активное сотрудничество осуществляется по таким направлениям, как сельское и лесное хозяйство, физика плазмы и термоядерный синтез, физика высоких энергий и ускорители, радиационная медицина, охрана окружающей среды, науки о Земле, науки о жизни. Совместные проекты осуществляются также в области океанологии, фундаментальной химии, материаловедения, механики.

В этих работах участвуют институты Российской академии наук и Российской академии сельскохозяйственных наук, Российский научный центр «Курчатовский институт», Государственный научный центр «Институт биофизики», ведущие НИИ и вузы. Участники с японской стороны – государственные исследовательские центры и университеты. Вместе с тем предстоит еще многое сделать для того, чтобы активными участниками двустороннего сотрудничества в научно-технической сфере стали российские предпринимательские структуры. Нужно отыскивать пути и к тому, чтобы отечественные научно-технические разработки вызывали интерес у японских промышленных компаний, а последние размещали заказы на проведение серьезных научных исследований в российских НИИ и лабораториях.

Следует отметить, что имеются достаточно весомые основания для того, чтобы в Японии начали рассматривать российский научно-технический потенциал в качестве весомого резерва своей экономики. Действительно, если обратиться к регулярно публикуемым результатам

[16] СССР и Япония. М., 1987, с. 354 –-355.

[17] Япония (Наши деловые партнеры). М., 1991, с. 68.

экспертного анализа уровня японских исследований и разработок в сравнении с уровнем аналогичных зарубежных работ, то будет нетрудно увидеть, что по всем направлениям фундаментальных исследований Япония постоянно уступает США, а по таким направлениям, как науки о жизни и экология – также и Западной Европе[18].

Японские прикладные исследования и инженерные разработки в целом также отстают от американских, особенно в таких областях, как высокофункциональные компьютеры, искусственный интеллект, защита информации от несанкционированного доступа, возобновляемые экологически чистые источники энергии, биоматериалы[19].

Так что российско-японское научное сотрудничество, несомненно, могло бы способствовать улучшению позиций японской науки. Особенно, если бы оно сопровождалось поступлением из Японии современного научного оборудования, по крайней мере, на период выполнения соответствующих экспериментальных работ.

Нельзя не отметить, что это было бы полезным и для японских промышленных фирм, поскольку импорт технологии сегодня уже не является высокоэффективным средством укрепления производственных позиций – ведь приходится считаться с серьезными ограничениями в отношении объемов выпуска лицензионной продукции и мест ее сбыта. Кроме того, затраты на приобретение лицензий весьма высоки. Например, за пятилетний период (1997–2001) японские компании, производящие электронную продукцию и средства связи, импортировали технологию на сумму более 730 млрд. иен (в 5 раз больше, чем экспортировали)[20]. Следует также отметить, что в настоящее время многие ключевые технологии довольно долго используются исключительно их создателями и не поступают на рынок торговли технологиями до тех пор, пока не устареют.

Поэтому и для нас, и для японской стороны становятся все более актуальными предложения отечественных специалистов по внешнеэкономическим проблемам (которые они настойчиво излагали и ранее) организовать сотрудничество с японскими компаниями, обладающими немалым опытом во внедрении в массовое производство заимствованных научных идей и технических решений. Организация кооперации по полному циклу «разработка – внедрение – производство – сбыт» могла бы стать важнейшей составной частью российско-японского экономического сотрудничества. Причем отечественным разработчикам новых технологий и высокотехнологичной продукции следовало

[18] Вага куни-но кэнкю кацудо-но дзиттай-ни кансуру тёса хококу (Доклад о положении в сфере исследовательской деятельности в Японии). Токио, 2001, с. 41–45.

[19] Там же, с. 46–49.

[20] White Paper on Science and Technology. Tokyo, 2003, p. 189.

бы самим проявлять больше инициативы в поиске японских партнеров и в установлении конкретных форм взаимодействия с ними. Одним из испытанных способов налаживания деловых контактов является участие в специализированных выставках, которые организуются Торгово-промышленной палатой России и отраслевыми организациями.

Развитие событий в последний период дают вполне резонные основания для оптимизма. По мнению бывшего посла Японии в России Т. Того, отношения между нашими странами приближаются к важному поворотному пункту, и в ближайшем будущем можно ожидать значительных японских инвестиций в такие отрасли российской экономики, как химическая промышленность и машиностроение, в частности, автомобилестроение[21].

Думается, что настало время подготовить широкую, комплексную программу развития деловых отношений с нашим дальневосточным соседом, сориентировав ее на ускорение решения важнейших задач, стоящих перед Россией и Японией. К ее подготовке следовало бы привлечь не только специалистов государственных ведомств и практических организаций, но и ученых из институтов Российской академии наук и системы высшего образования. Безусловно, большую пользу принесло бы участие в этой работе отечественных японоведов, всесторонне и глубоко исследующих как историю Японии, так и ее современные проблемы.

[21] Бюллетень иностранной коммерческой информации. 26. 02. 2004, с. 4.

Глава десятая

Современные литературные связи России и Японии

В самого начала возникновения русско-японские литературные связи складывались вполне счастливо. В середине XX в., когда Япония стала знакомиться с культурой Запада, русских писателей и даже поэтов переводили на японский язык лучшие переводчики страны. Пушкин, Тургенев, Достоевский, Гончаров, Чехов, открыли японцам не только другую жизнь другой страны и другого общества, но и неизвестные японской литературе возможности различных литературных жанров.

В России с японской литературой познакомились значительно позднее. Стараниями отечественных ученых-японоведов, которые и были первыми переводчиками, русским читателям открылось новое видение мира и красоты. На протяжении десятилетий шло взаимное узнавание друг друга через лучшие произведения литературы. Не будет ошибкой сказать, что русская литература была наиболее мощным фактором, обусловившим существование определенного парадокса во взаимоотношениях между двумя народами: политической конфронтации, сочетавшейся с глубоким взаимным интересом к духовной жизни друг друга.

Однако за последнее десятилетие, по свидетельству японских русистов, интерес к нашей литературе в Японии резко снизился, в то время как в постсоветской России увлеченность японской литературой не только осталась на прежнем уровне, но и значительно выросла. Об этом красноречиво свидетельствуют тиражи, которыми издавалась японская литература в нелегкие постперестроечные годы, когда в условиях экономических трудностей, как правило, издавалось лишь то, что коммерчески было выгодно – детективы, фантастика, любовные романы. В связи с этим издание японских детективных повестей и

рассказов, безусловно, вписывалось в общую струю издательского дела. Однако обращает на себя внимание то, что именно в этот период один за другим стали выходить памятники классической японской литературы – прозы и поэзии в переводах нового поколения японоведов – учеников прославленных учителей, на исследовательских работах и переводах которых выросла вся советская и российская японистика.

Очевиднее всего о востребованности японской литературы в России, будь то развлекательный жанр или серьезная литература, свидетельствует статистика[1]. Она же является доказательством устойчивого интереса в России к Японии. Так, в 1990 г. были изданы и переизданы в Петербурге, который в то время еще именовался Ленинградом, довольно большими тиражами сборники детективных повестей и рассказов Мацумото Сэйтё «В тени», «Стена глаз» (Лениздат) – 250 тыс. экз., а вскоре еще 100 тыс. экз. В Москве любители детективов получили сборники «Убийство на Розовый вилле» (50 тыс. экз.), «Чудовище во мраке» (300 тыс. экз.) и «Происшествие в Никко» (250 тыс. экз.).

Сборник «Чудовище во мраке», в который вошли повести Эдогава Рампо и Мацумото Сэйтё разошелся настолько быстро, что после первой публикации был переиздан тем же издательством в том же 1990 г. (общий тираж двух выпусков составил 550 тыс. экз.). Более того, издательство «Правда» выпустило этот же сборник тиражом 500 тыс. экз.

Издавать литературу подобными тиражами в ту пору могли позволить себе известные крупные издательства. Относительно скромное издательство «Радуга», в те годы только разворачивавшее издательское дело, тоже решилось выпустить сборник детективных рассказов «Убийство на Розовый вилле». Правда, тираж этого сборника был значительно меньший – всего 50 тыс. экз., но для начинающего издательства это был немалый риск, и выбор должен был быть беспроигрышным.

Список развлекательной литературы дополняет и японская фантастическая проза (том 22-й), которая вышла в серии «Библиотека фантаста», издаваемой в 24 томах издательством «Мир».

Что касается собственно художественной литературы, то издательства «Правда» и «Радуга» соответственно переиздали уже известные советским читателям и оцененные ими «Футбол 1860» и «Опоздавшая молодежь» Оэ Кэндзабуро (100 тыс. экз.) и сборник рассказов Ямамото

[1] Данная работа строится на данных, представленных Российской книжной палатой, из которых следует, что в то экономически трудное время книги продолжали издаваться в Москве и Ленинграде. Даже если книги японских авторов были выпущены какими-либо издательствами в других городах России, их тиражи были настолько незначительными, что не смогли повлиять на общую картину книжного рынка.

Сюгоро (50 тыс. экз.), прославившегося как автор «Красной бороды», экранизированной Куросава Акира.

Таким образом, если говорить об общем количестве изданных переводов, то произведений, требующих вдумчивого чтения и размышлений, в тот год было в десятки, если не в сотни раз меньше чем тех, которые отвлекали и развлекали.

Однако интересно отметить, что в подготовке этих сборников принимали участие хорошо известные в стране ученые-японоведы, литераторы и журналисты. Так, сборник «Убийство на Розовой вилле», составил и перевел Григорий Чхартишвили, прославившийся вскоре и в России и за рубежом, в том числе в Японии, как автор детективных романов о Фандорине и исследователь японской литературы. Предисловие к сборнику написал Евгений Маевский, известный не только как переводчик, но и как исследователь в области японского языка, а также японской культуры. Переводами Мацумото Сэйтё и Сиина Макото занимался исследователь японской прозы *сэцува* Георгий Свиридов, а сборник «Чудовище во мраке» предваряло предисловие, написанное известным журналистом Владимиром Цветовым. Этот факт имеет немаловажное значение, поскольку российский читатель получал развлекательную литературу вкупе с довольно серьезными предисловиями и комментариями, которые расширяли его знания о Японии.

Сложившаяся в 1990 г. тенденция издавать в основном детективы и фантастику и периодически подлинно художественную литературу, к которой у серьезно читающей публики был огромный интерес, продолжалась еще некоторое время. Тиражи, которыми издавалась классическая японская литература или произведения современных авторов, таких, как Оэ Кэндзабуро, Абэ Кобо, были значительно ниже тиражей литературы более легкого жанра. Однако тот факт, что в то время они все-таки издавались, говорит о многом.

Следует отметить, что в литературном «активе» русского читателя была не только отечественная, но и переводная литература, оказавшая определенное влияние на формирование его характера, жизненных позиций и вкусов. Наряду с произведениями Данте, Шекспира, Байрона, Гюго, Бальзака, Гарсиа Лорки и других западных писателей и поэтов это были пятистишия антологии «Манъёсю» и трехстишия *хайку*, дневниковые записи придворной дамы Сэй Сёнагон, драмы Тикамацу Мондзаэмон, новеллы Акутагава Рюноскэ и др.

Переводы произведений японской литературы были выполнены первоклассными учеными-японоведами А. Е. Глускиной, В. Н. Марковой, И. Л. Львовой, Е. М. Пинус, В. С. Гривниным. Они сопровождались подробным комментарием и предисловием, в котором рассказывалось об авторах, эпохе, нравах и обычаях, о литературных и художественных

традициях. Словом, эти переводы имели большую академическую ценность.

Этот факт особенно важен в свете рассматриваемых нами российско-японских литературных связей в 90-е годы, поскольку большинство произведений, которые были изданы в этот период, переведены учениками этих корифеев российского японоведения. Пришедшие вслед за ними поколения японоведов унаследовали от них отношение к тексту как к знаковому явлению и не просто переводили его, а определяли место в духовной и культурной жизни общества. В этом смысле особое значение имел 1992 год. Это было время, когда экономические трудности, связанные с перестройкой, заставляли больше думать о хлебе насущном. Но именно в этот год издательство «Наука» выпустило «Повесть о Гэндзи» Мурасаки Сикибу. Перевод первого в истории мировой литературы романа, который называют энциклопедией японской жизни XII в. был выполнен Т. Л. Соколовой–Делюсиной, преемницей школы русского японоведения не только в смысле высокой художественности перевода, но и в отношении тщательно подготовленных комментариев, приложения и пр. И хотя тираж был в четыре раза меньше (25 тыс. экз.), чем тираж сборника фантастических повестей «Черная эмблема сакуры» (100 тыс. экз.), выход в свет трех томов этого романа с приложением говорит об уверенности издателей в востребованности подобной литературы. Действительно, тираж разошелся дольно быстро, и впоследствии этот роман переиздавался несколько раз.

Постепенно доля развлекательной литературы заметно стала снижаться, в то время как классика, проза и поэзия по-прежнему занимали большое место. Можно сказать, что с 1994 г. наблюдается резкое повышение интереса к произведениям классической литературы. Переиздаются произведения японской прозы и поэзии. Появляется множество новых переводов А. А. Долина, В. Сановича, Г. Дуткиной, продолжавших академические традиции российской японистики. Это – «Сто стихотворений ста поэтов» (Хякунин иссю. Старинный изборник японской поэзии VII–XII вв. Предисловие и комментарий В. С. Сановича. СПб., 1994.); «Собрание старых и новых песен Японии». Перевод и комментарий А. Долина. М., т. 1–3, 1995).

Со временем переводная литература стала приближаться к нашим дням и становиться все разнообразнее по жанрам. Появилась тенденция выпускать переводные произведения сериями. Так, в московском издательском центре «Терра» стала выходить серия «Сокровища мировой литературы», в которую был включен том «Японская литература XX века». В него вошли романы Мисима Юкио: «Исповедь маски»,

«Золотой храм»; новеллы: «Смерть в середине лета», «Патриотизм»; одноактные пьесы: «Ханьданьская подушка», «Надгробие Комати», «Парчовый барабан»; пьесы: «Маркиза де Сад»; «Мой друг Гитлер» (перевод Г. Чхартишвили). В издательстве «Гиперион» стала издаваться серия «Японская классическая библиотека», в которой с 1996 по 2003 год вышли стихи и проза Кобаяси Исса и Ёсса Бусона, дневник Мурасаки Сикибу, лирика «веселых кварталов» в сборнике под названием «Алая камелия», классические *танка* в сборнике «Ветер в соснах», стихи, созданные на поэтических турнирах в средневековой Японии, поэзия дзэнских монастырей, стихи и проза Масаока Сики, поэзия хайку, дневник дочери Сугавара-но Такасуэ «Одинокая луна в Сарасина», «Путаница Торикаэбая моногатари».

В Петербурге в издательстве «Северо-Запад» стала выходить серия «Золотой фонд японской литературы». В нее вошли сборники «Японский театр», «Японские дзуйхицу», а также японская поэзия в переводах А. Е. Глускиной, с предисловием Т. Л. Соколовой–Делюсиной. Словом, и в Москве и в Петербурге переиздавались и издавались вновь произведения японской классики.

Что касается литературы нового времени, то гораздо меньшими тиражами и значительно реже издавались произведения Акутагава Рюноскэ, Кавабата Ясунари, Мисима Юкио, Оэ Кэндзабуро и Абэ Кобо, которых принято относить к классикам современной литературы. Впоследствии этот список пополнился произведениями Мураками Харуки, который вскоре стал одним из самых издаваемых в России зарубежных авторов. Только первые пять книг были выпущены совокупным тиражом в 250 тыс. экз.

В результате явного преобладания произведений японской классики в издаваемой литературе оказалось, что русский читатель, достаточно хорошо знакомый с ними и с творчеством писателей традиционного толка, высоко оценивающий их художественную самобытность, мало знает современных писателей, за исключением романов Абэ Кобо, Оэ Кэндзабуро и Мураками Харуки.

Особо следует остановиться на творчестве Мураками Харуки и его восприятии в России, поскольку по степени популярности он далеко опередил всех ранее известных японских писателей, пользующихся вниманием наших читателей. Произведения Мураками, которые трудно отнести к какому-либо жанру, так как в них есть элементы и психологического триллера, и оккультного детектива, и «антиутопии», стали бестселлерами. Не будет преувеличением сказать, что среди читающей публики в России сложилось мнение, что «Мураками должен прочитать каждый».

Статьи и в серьезных, и в популярных журналах, дискуссии в Интернете и на встречах книголюбов позволяют говорить о своеобразном «феномене Мураками». Писатель считал, что современная японская литература должна перестать быть литературой «для внутреннего пользования» и превратиться в литературу «общемирового масштаба». По его мнению, это означало бы, что она по-настоящему стала современной.

Художественное пространство его произведений абсолютно лишено всего, что создает специфически японский колорит. Старшее поколение читателей в Японии полагает, что произведения Мураками чересчур «современны» и называет их «*бата кусай*» (букв. «отдающий маслом»). Для японцев, традиционная пища которых не знает молока и масла, «*бата кусай*» означает «вычурно-пришлый», иначе говоря «неяпонский». Японская молодежь же считает, что он как никто другой выражает их чувства и настроения. Переводчик произведений Мураками Дмитрий Коваленин убежден, главный секрет его популярности у японской молодежи заключается в том, что «это – первый японский писатель нового времени (80–90-х годов), который открыто предлагает молодежи, ни много, ни мало, «героя своего времени с прочувствованной и осознанной позицией» (статья «Космополитические анархии Харуки Мураками»[2]). Именно эта яркая и индивидуальная позиция, считает Дмитрий Коваленин, особенно импонирует японской молодежи, измотанной доктринами «группового сознания». Иными словами, наибольший отклик у молодежи находит то, что в произведениях Мураками «с самобичеванием и самоиронией маленький человек постепенно сознает: все вызубренные идеалы – дым, а главные ценности в жизни – лишь те, что ты сам взрастил в себе ценой собственных разочарований, слез и потерь...» [3].

Интересно отметить, что Д. Коваленин проводит параллель между самосознанием молодежи Японии и России в конце 80–90-х годов. Он считает, что в обеих странах имело место крушение идеалов: в России в результате краха советского строя, а в Японии в результате кризиса системы пожизненного найма, гарантировавшей человеку определенные блага. Обе страны активнее стали выходить в окружающий мир и смотреть на себя со стороны. Вследствие этих причин у молодежи обеих стран вызывает сочувствие герой, который сталкивается с ситуациями, для выхода из которых нет общественных рекомендаций, чьи поступки, мысли, сомнения в поисках выхода – всегда импровизация. Импровизацию как наиболее естественную форму бытия и предлагает молодежи Мураками, заключает Д. Коваленин.

[2] См. http://www.susi.ru/HM.

[3] Там же.

Однако сами читатели, не отрицая того, о чем говорит Коваленин, называют и другие причины привлекательности его творчества. В Интернете, на сайте Мураками Харуки его читателями, в основном молодыми людьми, написаны отзывы, замечания, критические статьи, очень разные по стилю и по степени профессиональности литературоведческого анализа, но в равной степени неравнодушные. Обобщая эти материалы, можно заключить, что читателей привлекает, с одной стороны, ощущение собственной похожести на героев Мураками, о чем и говорит Коваленин, а с другой – то неуловимо японское, что присутствует в его произведениях, несмотря на изобилие популярных в среде молодежи всего мира названий и реалий западного происхождения, из-за которых трудно понять, где именно происходит действие.

Один из читателей (М. Немцов), возражая Д. Коваленину по поводу наличия в произведениях Мураками «яркой и индивидуальной позиции» и «героя своего времени», соглашается с тем, что у героя много общего с ним самим и окружающими его молодыми людьми. Вот что он пишет: «Нет “героя своего времени”. Нет “прочувствованной и осознанной позиции”, есть маленький человечек, и ему по-настоящему страшно. Одному. Потому что ни толпы, ни, тем более, читателей вокруг тоже нет. Вернее, ему до них нет дела, как никому другому в этих многомиллионных метрополиях нет дела до него. Они – такие же чудовища… Поэтому, среди прочего, абсолютно все равно, где происходит действие романов Мураками... Он подводит к вопросам, а не задает и, тем паче, не отвечает на них. Такое себе приглашение к танцу. Invitation to the blues. А дальше он пока не придумал. Оттого-то и тоска, оттого и блюз неплохого человека, которому довольно плохо. Такого же маленького человека из толпы, как ты и я, дружок, которому хочется стать еще меньше...»[4].

Другой читатель особо подчеркивает, что в произведениях Мураками подкупает «таинство современной Японии, любовь к которой должен испытывать каждый россиянин. А связывает нас с Японией множество историй и сказок, похожесть которых и кидает нас в объятия прозы Мураками Харуки»[5]. Судя по количеству отзывов, помещенных на сайте Мураками Харуки, большинство читателей разделяют приведенные выше мнения.

Похоже на то, что русский читатель в «отдающем Западом» Мураками все-таки находит нечто абсолютно японское, и оно является для него не менее притягательным, чем узнавание себя в его героях.

Правомерность вывода о том, что с точки зрения русского читателя (речь идет не о тех, кто, находясь в плену определенных стереотипов,

[4] http://www.susi.ru/HM/nemtsov.html –*Немцов М.* Блюз простого человека.

[5] http://9-03.olo.ru/news/culture/9405.html –*Пикунова Елена.* Квесты по «Норвежскому лесу».

ищет специфически японский, экзотический колорит, а о читателях, вдумчивых и размышляющих, готовых делится своими размышлениями) вся японская проза от раннего средневековья до настоящего времени имеет общие характерные особенности, подтверждает и статья, опубликованная на сайте «Книжная витрина в Интернете»[6]. Ее автор – критик Екатерина Гринько. Статья называется «Не только Мураками» и посвящена она сборнику «Он. Она», вышедшему в издательстве «Иностранка» в 2001 г.

Составители сборника профессор-русист из Токийского университета Нумано Мицуёси и Григорий Чхартишвили при его подготовке руководствовались следующими принципами: отобрать произведения, созданные в 80–90-х годах XX в. и неизвестные российскому читателю, дабы он мог получить представление о современной японской литературе, познакомиться с разными направлениями – от классики до авангарда. Действие рассказов происходит либо в современных городах, либо в фантастических пространствах. Герои – обыкновенные люди, озадаченные обычными проблемами. От японского колорита, как и в произведениях Мураками, нет и следа, и все же мнение автора статьи, как и читателей, сводится к тому, что «традиционность, задумчивость, причудливость, эстетизм остались неотъемлемыми признаками японской прозы». Даже в мистических рассказах Эдогава Рампо (это – псевдоним в честь Эдгара Алана По, а настоящее имя писателя Хираи Таро) русский читатель находит то общее, что пронизывает всю японскую литературу. Его произведения несут на себе несомненную печать влияния знаменитого романтика и фантаста. Об этом также пишет Екатерина Гринько, называя японского писателя «мастером ощущений», и, судя по отзывам читателей, находит у них полное одобрение: «Японская литература во многом построена на ощущениях, поэтому трудно писать об этом. Ибо ощущения сложно передавать текстом, да еще и нехудожественным. Эдогава силен именно этим – после прочтения его рассказов остается память образов, красок, запахов и… чего-то еще, неуловимого….. Очарование японской прозы составляет отнюдь не железная логика и остросюжетность… Мне кажется, Эдогава Рампо – это больше, чем “детектив плюс мистика”. А вот, чем больше – трудно объяснить. Наверное, потому что он мастер ощущений, а ощущения не поддаются “проверке алгеброй”»[7]. Действительно, недосказанность, присущая японской литературе, требует особой

[6] Не только Мураками – Еженедельный информационный бюллетень «Книжная витрина». –http://optkniga.ru/kv/review.asp?book.

[7] http://opt-kniga.ru/kv/review.asp?book=917 Мастер ощущений. – Еженедельный информационный бюллетень «Книжная витрина».

выразительности образов, воспринимаемой не столько рационально, сколько эмоционально.

Возвращаясь к ставшему культовым писателем Мураками Харуки, хочется подчеркнуть, что он также выводит читателя на некий интуитивно-эмоциональный уровень познания категорий, неподвластных логическому объяснению. Однако, апеллируя к чувствам и воображению сегодняшнего читателя в лучших традициях японской литературы, он составляет коллажи из современных реалий. Западные реалии не вводят читателей в заблуждение, и при всем узнавании себя в героях Мураками они называют его произведения «японскими» по духу.

В связи с этим встает принципиально важный вопрос о том, что в России понимают под «японским». Многие исследователи, как в России, так и в Японии, считают, что в восприятии образа Японии в России есть определенные стереотипы. В частности, японский русист Нумано Мицуёси отмечает его присутствие в сознании российских читателей, которые «не подозревают, насколько изменилась японская литература», и по-прежнему хотят видеть «красоту Японии». Однако здесь необходимо подчеркнуть, что в России достаточно широк круг людей, которые в отличие от массы «поклонников» японской культуры, действительно находящихся в плену устоявшихся стереотипов и ищущих, прежде всего, экзотику, далеки от искания пресловутой «японской красоты». Национальное своеобразие (независимо от того, о каком народе идет речь) в принципе воспринимается ими не как видимая экзотика, а как особенность мировосприятия и порожденная народом система нравственных и художественных ценностей. Эта категория читателей умеет различить в произведении талантливого автора свойственную его народу «манеру понимать вещи», которая, как говорил Белинский, отличает один народ от другого.

Исследование читательских мнений позволяет сделать вывод о том, что российский читатель находит как в прозе, так и в поэзии, новую для себя, но неизменную в основе своей «манеру понимать вещи». Это дает ему возможность посмотреть на мир сквозь призму новых идейных и эстетических ценностей. Именно это обстоятельство дает основание считать, что отношения русского читателя с японской литературой состоялись.

Специфические черты японской литературы, то характерное, что несет она в себе независимо от времени создания конкретных произведений, восприняты в России и стали одним из факторов, формирующих сегодня ее интеллектуальный климат. Об этом свидетельствуют проводимые периодически конкурсы среди поэтов, пишущих в жанре *хайку* на русском языке.

Как известно, *хайку* – это не просто короткое стихотворение, создаваемое по особым поэтическим канонам, оно несет в себе глубокий философско-поэтический смысл. Эта форма, соответствующая определенному мировоззрению, оказалась особенно привлекательной для русских поэтов, и попытка увидеть мир сквозь призму *хайку* неожиданно дала замечательные результаты.

Тон был задан достаточно давно, когда В. Н. Маркова, благодаря переводам которой жанр *хайку* получил известность и завоевал популярность в России, написала коротенькое стихотворение:

Охапка осенн, х л, стьев,
Сячемятыятягаешься,я
Кн, га,якн, га?!я

Его можно было бы принять за *хайку* японского поэта. Действительно, по лаконичности формы, глубине мысли, по содержащемуся в нем чувству любви и восхищения природой оно напоминает стихотворения этого жанра. Русскому читателю, традиционно воспитанному на поэзии со строго определенной формой стиха, одним из условий которой является рифма, благодаря этим переводам впервые открылась возможность нового видения и понимания мира. В силу необычности формы оригинала, стало очевидно, что поэтическое чувство может быть призмой, через которую привычный мир открывается новыми гранями.

В 1998–1999 гг. на конкурс, объявленный посольством Японии в России, были присланы 12 тыс. работ. Их авторы – поэты и просто любители. Конечно, далеко не все работы можно отнести к поэзии *хайку*, но есть среди них прекрасные образцы. Вот, к примеру, один из них:

Водаяпрозрачна.я
Вянейярыбкаянеподв, жная
Толькоячтоябыла.яя

Жительнице Санкт-Петербурга Вере Есауловой удалось на русском языке так же, как и японским поэтам на японском, в лаконичной форме выразить не только красоту природы и мгновения, но и ее неуловимость.

Марина Гаген из Челябинска в своем *хайку* показала, каким причудливым может быть самое обыкновенное явление:

Вятен, яветвейя
Скачетяя
Теньяворобья.яя

И, наконец, два *хайку*, присланные на конкурс, проводимый среди детей. Их авторы – Алеша Киященко из Белгорода и Юра Шелков из Красноярска:

Ρечкаязамерла.яя
Ρусалк, я
Катаютсяянаяконька. .я

Т, . , йяутренн, йяснег.я
Л, шьяфорточкая. лопнулаягде-то.яя
Первыйяпро. ож, йя, дет.я

Вполне поэтично и нетрадиционно для русской поэзии переданы и волшебство русской зимы, и атмосфера тихого зимнего утра[8].

Приведенные примеры в полной мере говорят о том, что форма хайку воспринята в России так же, как некогда был воспринят и освоен сонет.

Более того, этот жанр настолько прижился в России, что в пору говорить не о хайку на русском языке, а о русских хайку. Они в большом количестве печатаются в Интернете в журнале «Лягушатник» (само название которого является реминисценцией из хайку Басё), на сайте, специально посвященом этому жанру, а с некоторых пор в альманахе поэзии хайку «ХАЙКУМЕНА».

Помимо по-настоящему поэтических *хайку*, создаются иронические, сатирические, подражательные, пародийные *хайку*. Словом, в России не только воспринято поэтическое видение сквозь призму *хайку*, но и происходит своеобразное «обыгрывание» этого жанра. Примером может служить преподнесенный читателям издательством «Красный матрос» сборник «Бабочки полет или хокку плюс» Германа Лукомникова (Москва–Санкт-Петербург, 2001), который представлен читателям как «соавтор знаменитых японских поэтов». Используя переводы В. Н. Марковой из сборника *хайку* «Бабочки полет», который неоднократно переиздавался в 90-е годы, Герман Лукомников продолжает трехстишия, приписывая к ним четвертую строку. Получаются более привычные для русского уха четверостишия с рифмой, в которых лирический «запев» неожиданно находит парадоксально-сатирическое завершение:

Цветыясурепк, явокруг,я
Наязападеягаснетясолнце,я
Лунаянаявостокеявстает.я
Спокойнойяноч, ,яяпонцы.я

Завершает этот сборник следующее четверостишие:

Сред, ягустойятравыя
Л, шьяпосо. , япаломн, ковя
Дв, жутсяявдал, …я
Доп, саляЛукомн, ков.я

[8] Материалы конкурса 1998–1999 гг.

Появление подобного рода сборников является еще одним свидетельством того, что японская литература вписалась в интеллектуальную жизнь русских читателей, и что спектр ее функционирования стал чрезвычайно богат, а порою парадоксален. Она стала необходимым атрибутом всего модного, в чем необходимо разбираться для того, чтобы «быть на уровне». Намек на подобное положение вещей содержится в романе Александра Соколова «Школа дураков», в котором рассказывается о том, как двое машинистов беседуют о *хайку* Басё. Обсуждая вопрос, что такое лаконизм, они приходят к выводу о том, что можно сократить число вагонов.

В то время как в России усиливался интерес к Японии и ко всему японскому, в Японии, наоборот, интерес к русской литературе заметно шел на спад. В частности, профессор Нумано Мицуёси в статье «От стереотипов к творческому осмыслению», опубликованной в журнале «Джапон» в 2003 г., подчеркивая роль русской литературы в формировании современной японской литературы, пишет: «К сожалению, русская классическая литература уже не пользуется такой огромной популярностью… Исключение составляет маленькая школа писателей русофилов, многие из которых учились на отделениях русской литературы в различных университетах (большей частью в университете Васэда)». Тем не менее, крупные издательства, такие, как «Гундзося», «Иванами», по-прежнему издают русскую классику вперемежку с произведениями писателей русского зарубежья и произведениями современных российских писателей, чьи имена появились в самое последнее время, но очень небольшими, «осторожными» тиражами.

Удивительно то, что снижение интереса к русской литературе происходило в период, когда стал меняться стереотип, существовавший в сознании японцев по отношению к самой России, когда добрососедские отношения перестали казаться невозможными, и зародился интерес к России, к ее нравам и обычаям. В этих условиях более востребованной оказалась конкретная информация. Многочисленные выставки и передачи по телевидению, посвященные России стали пользоваться бóльшим успехом у японцев.

Причину снижения интереса к русской литературе японские русисты видят в том, что литература советского периода не отвечала вкусам японских читателей, не отличалась особой художественностью и поэтому не вызывала интереса у исследователей, в результате чего сократилось число переводов и, соответственно, читателей. Образовался своеобразный замкнутый круг, как говорит один из самых активных исследователей русской литературы Нумано Мицуёси.

В 60-е годы на японский язык были переведены получившие всемирную известность произведения Солженицына, Евтушенко, Аксенова,

которые даже пользовались определенной популярностью. Для японцев, воспитанных на Тургеневе, Чехове Толстом и Достоевском, произведения этих литераторов были привлекательны новизной и заключенной в них информацией о жизни в советской России, несущей как горькую правду, так и надежды. Однако в 70–80-е годы число переводных изданий резко сократилось. Единственным читаемым современным русским писателем оставался Солженицын.

Во время перестройки, когда в СССР была провозглашена гласность, среди определенной части любителей русской литературы в Японии наблюдался стойкий интерес к особенностям литературного процесса этого периода в России.

С советской и новой русской литературой японских читателей в течение долгого времени продолжал знакомить выпускаемый раз в квартал издательством «Гундзося» журнал «Советская литература», который вряд ли пользовался популярностью у широкого читателя.

Следует отметить, что бóльшая часть произведений русской литературы, издаваемой сегодня в Японии, приходится на долю этого издательства. Стремясь привлечь внимание читателей к произведениям русских авторов, в различные материалы рекламного характера издательство помещает следующую «характеристику» русской литературы: «Произведения русских писателей удивительны, занимательны и вместе с тем философски глубоки. Когда возникает желание поразмышлять о том, кто вы есть, когда переполняет возмущение несправедливостью царящей в мире, читайте произведения русской художественной литературы. Русская литература говорит словами, передающими и радость бытия, и пережитую боль. Основой художественного произведения в России становятся как глубокие идеи, так и длинные истории, занимательные настолько, что проглатываются в один миг». Получается, что подобно тому, как читатели в России ищут в японской литературе новое видение мира, в Японии хотели бы находить в русской литературе «глубокие идеи» и раздумья над тем, что волнует человека. Что же было предложено японскому читателю в 90-е годы, помимо хорошо ему известных Достоевского и Толстого?

Список произведений русской литературы, вышедшей в различных японских издательствах (кроме «Гундзося», произведения русской литературы печатают издательства «Дзидзицусинся», «Иванами») достаточно разнообразен и не поддается никакой систематизации, в нем представлены произведения, относящиеся как к подлинной литературе, так и к одиозной, не имеющей однозначного признания и оценки в России[9]. Здесь и Бабель с его самобытным юмором и иронией,

[9] К сожалению, не удалось выяснить, каким тиражами издавались те или иные произведения.

представленный «Одесскими рассказами», и М. Булгаков с его знаменитыми романами «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия», и Иван Бунин, и спорный В. Сорокин, и фантастика братьев Стругацких, и женская проза Л. Петрушевской, Т. Толстой, В. Нарбиковой, и детективы Б. Акунина, и современная «литературная попса», и рождественские рассказы И. Шмелева, и «Медный всадник» А. Пушкина, и стихотворный «Дневник Вероники» Г. Айги, и переписка Бориса Пастернака с Ольгой Фрейденберг, и многое другое.

Казалось бы, в Японии переводится русская литература на все вкусы и возрасты. Тем не менее, собрать большую аудиторию в Японии русской литературе не удалось. Следует признать, что современная русская литература, построенная на боли и надеждах, а порой и на отчаянии, понятных лишь тем, кто варится в котле российских перемен, могла быть по-настоящему понятна лишь той части японских читателей, которые, будучи хорошо знакомы с русской литературой прошлых лет, в особенности с литературой XIX – начала XX в., с интересом следили за событиями, происходящими в России, и за исканиями современных русских авторов, ищущих новые способы художественной выразительности для изображения нашей новой действительности.

Что касается спорной с точки зрения художественности литературы с неформальными, а порой, и не цезурными выражениями, которыми не пренебрегают многие авторы, обыгрывающие сложности нашей жизни, то вряд ли она могла взволновать японского читателя. К современной русской литературе вполне применимы слова Оэ Кэндзабуро: «У каждой эпохи есть свои произведения – символы. Они вовсе не являются шедеврами художественности. Но подобно чуткому сейсмографу точно регистрируют сотрясания почвы и именно потому остаются в истории литературы и прозы». (Интересно отметить, что характерной особенностью японской прозы последних двух десятилетий Оэ Кэндзабуро считает безыдейность, ломку традиционных ценностей, намеренную углубленность в повседневность и детали быта.) Не удивительно поэтому, что сегодня современная русская литература вызывает интерес, если не сказать любопытство, либо у тех, кто хорошо знаком, с классической русской литературой, либо интересуется состоянием дел в нашей стране, а обычные читатели нашим сиюминутным «произведениям-сейсмографам» предпочитают Бунина, Шмелева и Пастернака. Может быть, и есть сегодня в России произведения, которые могли бы увлечь читателя в высокий мир идей, однако японский читатель с ними пока не знаком.

Однако взаимодействие сил в мире литературы не ограничивается читательским интересом. Есть и другой уровень, на котором происходит взаимодействие литератур, – собственно филологический, предпола-

гающий не только идейное, эстетическое и познавательное воздействие на читателя, но и обогащающее взаимовлияние на литературный процесс в целом.

Вопрос о взаимодействии литератур с чисто филологических позиций выходит за рамки данной статьи, но он настолько значителен, что должен быть обозначен хотя бы кратко. Российская японоведческая школа по праву гордится многочисленными исследованиями в области, как творчества отдельных японских писателей, так и истории японской литературы, ее жанров и поэтики. Однако за последние десять лет она не очень обогатилась новыми работами[10], тогда как в Японии исследования, посвященные русской литературе, как художественной, так и теоретической по вопросам литературоведения, удивляют своим количеством и разнообразием. Достаточно посмотреть сборники «Славистика» и журнал «Васэда бунгаку», выпускаемый университетом Васэда.

Остается надеяться, что подобный дисбаланс – явление временное, вызванное конкретными обстоятельствами, и состояние, когда две литературы гармонично дополняли одна другую, обогащая духовный мир обоих народов, будет восстановлено.

Список произведений русской литературы, вышедшей в различных издательствах Японии в 90-е годы

Абрамов Ф. Деревянная лошадка; Пелагея
Акунин Б. Азазель; Падший ангел
Айги Г. Сборник стихотворений; Дневник Вероники
Ахматова А. Белая стая
Бабель И. Одесские рассказы
Белов В. Жители деревни
Бродский И. Римская элегия; Мрамор; Стихи о Венеции
Булгаков М. Мастер и Маргарита; Белая армия
Вампилов А. Прошлым летом в Чулымске
Гоголь Н. Ревизор; Женитьба
Чехов А. Чайка
Гранин Д. Зубр
Довлатов С. Чемодан; Наши
Ерофеев Венедикт; Москва – Петушки

[10] Нельзя сказать, чтобы совсем не было исследований в этой области, но в основном они относились к памятникам древней и средневековой литературы и выполнены были средним поколением японистов, как правило, авторами, опубликовавшими художественные переводы. Исследовательских работ по новой и современной японской литературе почти нет.

Ерофеев Виктор. Русская красавица
Каверин В. Верлиока
Кедров К. Записки звезды
Ким А. Белка
Максимов С. Времена года на Волге
Набоков В. Сборник рассказов
Нарбикова В. Около эколо
Окуджава Б. Путешествия дилетантов
Орлов В. Альтист Данилов
Пастернак Б. Сестра моя жизнь; Переписка с Ольгой Фрейденберг
Пелевин В. Жизнь насекомого
Петрушевская Л. Время ночь
Платонов А. Сборник произведений
Пушкин А. Медный всадник; Евгений Онегин (подстрочник)
Приставкин А. Ночевала тучка золотая
Распутин В. Прощание с Матёрой
Рыбаков А. Дети Арбата
Семенов Ю. Семнадцать мгновений весны
Солженицын А. Сборник произведений
Сорокин В. Роман; Любовь
Стругацкий А., Стругацкий Б. Волны гасят ветер; Сказка о тройке; Юноша, пришедший из ада; Город исчезновения; Пикник на обочине
Трифонов Ю. Ее жизнь
Толстая Т. У Золотого подъезда
Цветаева М. Тебе через сто лет
Шмелев И. Русские рождественские рассказы

Глава одиннадцатая

Культурные связи России и Японии в постсоветский период

В XX веке интерес и тяготение России к японской культуре были отмечены двумя упущенными возможностями. Одна из них относится к рубежу веков. То, что Америка и Франция в эпоху Мэйдзи черпали горстями, до России дошло в усеченной форме и недостаточном объеме, отразившись в уникальном, но узком секторе культуры Серебряного века (восприимчивого, впрочем, ко всем общемировым культурным влияниям) и породив русский «жапонизм». В этом смысле показательно, что интерес к японской культуре пришел в Россию через посредничество Франции, поскольку прямой культурной цепочки Россия–Япония не существовало. Эти разрозненные веяния были осложнены войной 1904–1905 гг. В то же время Западная Европа без ограничений импортировала японскую культуру и вполне смогла интегрировать ее в собственное социокультурное пространство, где ею воспользовались и художники-импрессионисты и философы-экзистенциалисты.

Русско-японская война только подтолкнула интерес общества к Японии, сделав импортированную фантазию реальным, а значит, более привлекательным явлением. Но когда Европа после первой мировой войны восстанавливала разрушенные связи, Россия уже выпала из этого сообщества. Революция поставила политический барьер, в том числе культурному сближению России и Японии.

В год столетия реставрации Мэйдзи (1968) Запад и Япония, которая к тому времени в течение 17 лет была членом ЮНЕСКО, уже могли подводить промежуточные итоги взаимного культурного влияния в архитектуре, декоративном и изобразительном искусстве: «С давних пор японское искусство испытывало в тех или иных формах влияние европейского искусства. Но сегодня европейское видение мира, традиционное со времен Ренессанса, переживает кризис, и теперь уже японское искусство, со всей его глубиной и подлинностью, предлагает

художникам Запада возможный выход из тупика… Столетний опыт взаимного влияния западного и японского искусства стал основой сегодняшнего небывало тесного их сближения. Запад заново открывает для себя философию искусства Востока и находится в поиске, пытаясь соединить западную и незападную культуры. В то же время западные художественные принципы уже восприняты в Японии и пускают новые корни»[1].

Безусловно, свою существенную роль в этой интеграции Японии в мировое сообщество сыграла экспансия американских ценностей и образа жизни в послевоенный период.

Советскому Союзу повезло едва ли не на единственную официальную выставку современного японского искусства (1957 г.), которая проводилась в ознаменование восстановления дипломатических отношений России и Японии. Что касается неофициальной стороны знакомства советских людей с японской культурой, оно носило «трофейный» характер (причем куда более ограниченный, чем в случае с Германией), к тому же благополучно перемешивалось с идеологически близкой СССР китайской культурой. В немногих популярных изданиях тех лет неизменно, как того требовала советская политическая логика, подчеркивалось «огромное влияние великого Китая» на японскую культуру.

Количественный фактор в перспективе жизни и истории всегда получает перевес над качественным. Последующее развитие культурных русско-японских связей демонстрирует, что прерывание этого процесса на самой ранней стадии имело драматические последствия для совместного будущего России и Японии. Нужно сразу оговориться, что этот процесс, как, впрочем, и сегодня, был, скорее, односторонним. В этом тоже большое отличие по сравнению с развитием отношений между Японией и Европой или США, где процессы влияния были взаимными.

Итак, столетие Мэйдзи подвело итог внешнему, декоративному периоду освоения Западом Японии, и Россия пришла к нему практически с нулевым счетом. Превращение Японии в экономическую сверхдержаву – время второго упущенного Россией шанса. В 80-е годы Запад переболел Японией в более тяжелой форме. Вот как описывает это британский исследователь Ян Бурума: «Японские авторы писали книги о грядущем японском веке: сегодня Япония, завтра весь мир. Иностранцы писали о грядущей войне с Японией, или о всепобеждающей иене, или о неукротимой японской системе, которая может быть обуздана только ее же собственной, равной по воинственности, индустриальной

[1] Mutual influences between Japanese and Western Art. National Museum of Modern Art. Tokyo, 1968.

полицией. Западные бизнесмены зачитывались трактатами XVII в. о стратегии самураев. Книги по японскому менеджменту незамедлительно становились бестселлерами. Казалось, что великому японскому процветанию не будет конца»[2]. До России опять же докатилось лишь слабое эхо этого панического восторга, отразившись только в двух публицистических работах В. Овчинникова и В. Цветова.

С начала 70-х годов в Советском Союзе уже издавалась апробированная японская классика, время от времени выходила специальная и популярная литература, состоялось знакомство с японским кино, бытовало представление об икэбана и бонсай. При этом все предметы узнавания проходили через предварительный идеологический фильтр. Культурный японский продукт, предлагаемый советскому вниманию, должен был отвечать двум признакам: либо проверенный идеологической близостью (пролетарский писатель, народный промысел), либо классической далью. И первое, и второе означали снижение актуальности.

В утративших былую динамику США и Европе экономический взлет Японии стимулировал общекультурный интерес к ней, некоторым образом поиск духовных корней ее материального благополучия. В Советском Союзе этот период был осознан в первую очередь идеологически – как факт выдвижения страны в первые ряды экономически развитых капиталистических держав. И осознание этого факта, напротив, подтачивало даже самые невинные культурные связи и призывало к большей осмотрительности, в том числе в культурных обменах. Немного позже испытания имперского развала пресекли на время культурную любознательность россиян, поставив перед ними проблемы личного выживания (как материального, так и духовного).

Несколько последних лет в России активно и широко идет процесс освоения японской культуры, как ее традиционных художественных форм, так и потребительских, бытовых. По интенсивности его трудно назвать иначе, чем культурным реваншем за период долгой разобщенности обеих стран и, как минимум, за две названные упущенные возможности. Причем этот процесс носит последовательный характер одомашнивания когда-то экзотической культуры. Несмотря на то, что европейцы приобщились к японской культуре в ее разнообразных формах намного раньше россиян, они и по сей день сохраняют благоразумную дистанцию, вполне разделяя артефакты на свое и чужое. Впрочем, энтузиасты и фанатики найдутся в любой нации, есть также люди, которым время от времени нужна инокультурная вакцина, и чем она экзотичней, тем лучше. Однако между холодной благосклонностью

[2] *Buruma Ian.* Inventing Japan. L., 2003, p. 143.

и фанатизмом лежат восприимчивость и высокая способность к адаптации, столь свойственная русскому характеру, который стремится максимально обжить среду и отыскать единство в противоположностях.

Между тем такое отсутствие дистанции довольно иллюзорно. Пока это поверхностная любознательность, она не порождает культурных конфликтов. Но чем дальше, перефразируя Умберто Эко, в культурные леса, тем лучше понимаешь, что там действуют определенные правила игры, а также, что там нужно разумно выбирать пути, или же мы «обречены заблудиться в лесу, раз за разом неправильно выбирая дорогу»[3].

Говоря о знакомстве советского (а затем российского) общества с культурой Японии, хотелось бы сознательно оставить немного в стороне российское японоведение, традиционно высоко ценимое во всем мире. В течение советского времени в России развивалась в основном академическая сторона изучения японской культуры, литературы и обычаев, и эти вопросы находились в ведении узкого круга профессионалов. Формат цехового знания, глубокого, но неприменимого практически, не вносит существенной доли в культурное взаимопонимание двух народов. (Хочется надеяться, что сегодня наступает тот благоприятный момент, когда представители масскультуры и профессиональное сообщество готовы вместе осваивать некую единую культурную территорию в интересах общего развития.)

Что касается широкой общественности, то хотя культурные интересы советского народа поддерживались на очень приличном уровне, именно Япония оставалась предельно камерным направлением для узкого круга любителей. Зачем Япония, когда под боком неисследованная Европа, которая стала доступнее благодаря странам социалистического лагеря? Бесспорно, что культурные связи сохраняют жизнеспособность и актуальность даже в эпохи, когда связи другого рода (экономические, политические, торговые) ущемлены в правах. Тем не менее, в ситуации, когда умозрительное знание не подтверждено эмпирикой, недалеко до чувства, что Японию картографы придумали. В этом смысле ближе и понятнее была даже Африка, поскольку советские специалисты занимались там мелиорацией пустынь и строительством АЭС.

Корюсай в Киевском музее или Хиросигэ в Эрмитаже, японская поэзия в Библиотеке мировой литературы или даже нэцкэ, которыми прибыльно спекулировали в конце 70-х годов, создавали очень фрагментарную картину, существуя вне контекста, Следовательно, не было шанса на их понимание. Такие культурные осколки оставляли большое

[3] *Эко Умберто.* Шесть прогулок в литературных лесах. СПб., 2002, с.16.

пространство для искажений и фантазий и могли (как и происходило) в лучшем случае деформировать картину японской жизни и культуры в частности. Деформация при этом не означает негативного восприятия, скорее наоборот, она ведет к идеализации, построению фантома и, как следствие, к грядущему разочарованию. В худшем случае такая неполнота картины отталкивала неподготовленного к ее восприятию инородца.

Во всех сферах культуры происходило примерно то, что директор Музея кино Н. Клейман описал применительно к участи японского кинематографа в СССР: «Было представление, что Куросава – одинокий гений: как гора Фудзи – также стоит Куросава, а больше никого и нет. Мы никогда не знали даже имен Идзикава или Кобаяси. Не только простые зрители – и специалисты не знали. Все поменялось только в 80-е годы, в перестройку. Во-первых, посольство активизировалось, а во-вторых, появились возможности, которые уже не были ориентированы только на членов компартии, на социально-значимые проблемы»[4].

Принято считать, что перестройка открыла широкие возможности для ощущения единства бывших советских граждан с остальным миром, упразднила идеологические предубеждения, открыла границы, что и произвело переворот в их умах и предпочтениях. Не отрицая этого, важно учитывать, что 97% населения не смогли воспользоваться своими новыми возможностями, а преимущественное большинство не может сделать этого и сейчас, спустя почти 20 лет. Скорее, более правильно говорить, что был запущен не только экономический движок, но и зачастую куда более мощный другой механизм – внутренней работы нации, переоценки и осмысления своего багажа. Чувство культурной исчерпанности совпадает, как правило, с периодами кризисов. Это и происходило в России в последние десятилетия. Преодоление духовного кризиса может совершаться разными путями. Один из них, условно говоря, вертикальный, или интенсивный – погружение в собственные корни, историю. Другой – горизонтальный/экстенсивный – попытка выхода за пределы собственной культуры и поиски в чужих культурах.

Здесь возникает одна невыгодная параллель, порожденная новейшей историей. Автору приходилось слышать мнение образованных японцев, что «русские тянутся к Японии, растеряв свои ценности». И тянутся к ней потому, что Япония в эпохи кризисов свои ценности не только не растеряла, но обновила и упрочила. Такой обобщенный подход побуждает прибегнуть к математике. Если подсчитать скрупулезно, то выяснится, что, может быть, всего 7–9% населения в России явно

[4] Интервью автору главы, март 2004 г.

и активно потянулись именно к Японии (преимущественно в крупных городах с более высоким уровнем жизни), но в нашей многомиллионной стране даже эта мелкая цифра дает высокий количественный показатель, лестный для японцев.

Ради объективности стоит отметить, что поворот к Востоку и Японии в частности произошел у россиян не вдруг, с наступлением 1987 г. Первый кризис, который породила перестройка, был более насущный – потребительский. В этот период потребительского кризиса обделенные массы тянулись, скорее, к Западу с его закромами, нежели к мифологическому Востоку. Духовный голод осознали, когда был утолен физический, и тогда состоялся поворот к Востоку. Выбор направления для русских, по счастью, широк. Но как бы широк он ни был, никуда не деться от географической закономерности. Как и раньше, чтобы дойти, докатиться до Японии, иноземные племена преодолевают срединную равнину Китая. Первые рестораны экзотической кухни, появившиеся в постперестроечное время, были китайскими, первый зеленый (после калмыцкого) чай, был тоже китайским. Первые книжки с невнятным иероглифом на форзаце, были сборниками китайских поэтов. И сейчас процент синофилов не ниже, а то и выше, чем японофилов. Хотя уже сейчас можно сделать вывод, что китайская волна схлынула, продержавшись куда меньше, чем японская. Это сегодня виден бесспорный перевес всего японского над всем китайским, но еще три-четыре года назад официальные японские лица убеждали российских журналистов не путать две такие разные нации и культуры. Однако и сейчас одна из свежих тем на профильных форумах в Рунете звучит как «Что кому ближе – Китай или Япония?» (www.tus.ru от 07.03.04). Вот один из характерных комментариев: «А я теперь уж и определиться не могу. Поначалу изучал культуру Китая, но вот стал смотреть аниме и... пока одно другому не мешает».

Все это говорится к тому, что Японии следует осознавать по-прежнему важную роль Китая как культурного посредника между собой и Россией. Среди актеров, журналистов и (что особенно важно) литераторов молодого поколения очень много тех, кто на первом этапе прошел через увлечение китайской классической культурой, затем переориентировавшись на Японию. Другими словами, затягивая европейскую личность в культуру Дальнего Востока, красочный, яркий Китай хорошо использовать в качестве приманки, но подлинной западней является Япония. Во всяком случае, Китай как посредник выглядит более аутентичным по сравнению с США, популяризующими Японию посредством «Kill Bill», «Last Samurai», и «Lost in translation» (последний пример, впрочем, несправедливый и не заслуживает быть в этой связке). Америка оказала России также дурную фонетическую

услугу, почти вытеснив классическую русскую традицию произнесения «с/з», а не «ш/ж» (Цусима, Куросио и Фудзи) в словах с балансирующей японской фонемой, и теперь большинство русских произносят суШи, КикудЖиро, ТоШиба, переключившись с классической на фонетику потребительского рынка. Словесники не могут не скорбеть об этом факте.

Хотя сегодняшнее развитие русско-японских связей в целом внушает оптимизм, существуют объективные трудности для взаимопонимания таких полюсных народов, как русские и японцы. Прежде всего, это диктуется абсолютной разницей культурных кодов: Россия как страна преимущественно словесной культуры и Япония как страна преимущественно ремесел должны испытывать неминуемые затруднения при любой попытке взаимопонимания.

Инородность культуры проявляется уже на самом поверхностном уровне и в простых признаках – что же говорить о базовых артефактах. Каллиграфия в Японии является одним из видов искусства; т. е., пусть даже ныне архаичное, японское письмо самоценно, приравнено к художественным работам. Если особым, искусным начертанием русских букв наслаждается, пожалуй, только Акакий Акакиевич[5], потому что других радостей в его жизни мало, то искусство каллиграфии в японской литературе любой эпохи поминается многократно. Для японца стройность символа и точность кисти рождают особый смысл. А вот мнение европейского поэта.

…Ная- онеяееячеловекяуродл, вя
я, ястрашен,якакя, ерогл, - [6].

Точно так же лица самураев на знаменитых гравюрах Утагава Куниёси неискушенный русский наблюдатель вряд ли опишет иначе, чем уголовные, хотя вероятно, даже гротескным методом, их выражение было призвано передать высоту духа и твердую решимость. На выставке японской гравюры из собрания Музея Востока, представленной в галерее Сергея Андрияки в 2001 г., приблизительно такие недоуменные оценки посетителей и приходилось слышать. Точно так же, как полунасмешливую реакцию вызывали одутловатые лица и искаженная анатомия японских красавиц. Красоту, в конце концов, можно найти во всем, но проблема именно такова, что для рожденных в другой эстетической системе эта красота не самоочевидна. Отсюда проистекают и другие каноны уродства. Идя дальше, необходимо признать, что понятия о добре и зле у нас тоже различаются.

[5] Персонаж повести Н. Гоголя «Шинель».

[6] *Бродский И.* «Письма династии Минь». Перемена Империи. Стихотворения 1960–1996. М., 2001.

Можно вспомнить и другие примеры. На фестивале японского кино–2001 с аншлагом прошел фильм Нагиса Осима «Табу» (по восемь сеансов в день с ночным нон-стопом). В фильме использовалась, в частности, стилистика подписей и крупных портретных планов в духе якуся-э (гравюры, изображающие актеров). Раз за разом этот прием вызывал смех в зале, хотя публика пришла не самая случайная. Но даже куда более интернациональный и доступный, чудесный фильм «Все о нашем доме» на Фестивале японского кино–2003 был понят едва ли наполовину, поскольку большая часть зрителей не имеет представления о принципах существования японской семьи, проблемах с землей и недвижимостью, или формате японского телевидения, для которого пишет сценарий главный герой.

Точно так же не самоочевидны и принципы межличностного общения – слишком разные у русских и японцев. Вертикальная иерархия в межличностных отношениях – это меньшее, что можно сказать о японском формате общения.

И, наконец, крайне важный аспект – это религия как базис для общей культуры. В постперестроечной России к религии вернулась ее былая важная роль, в то время как в Японии, пожалуй, вопросы веры сейчас трактуются в облегченной манере. Но даже не присутствуя в активной форме в жизни современного человека, религия переходит в бытовую культуру, в ежедневную речь с ее пословицами и поговорками, превращается в суеверие и прячется в инстинктивном поведении. Каждодневная жизнь современного, пусть и неверующего, человека определяется религиозными корнями его нации больше, чем он может себе представить. Нет смысла говорить, насколько разнятся в качестве культурной базы христианство и буддизм (или синтоизм); гораздо сильнее, нежели колокольный звон и барабанный бой – два традиционных призыва верующих на религиозный праздник в России и Японии.

Словом, требуется большая подготовительная работа для преодоления всех этих противоречий. Идти напролом, не сознавая культурной топографии, простительно на первом этапе неофитства. В дальнейшем чужая культура ставит тебя перед выбором: или ты начинаешь разбираться в ней лучше, уважительно принимая требования, которые она выдвигает, или же ты отторгаешься ею в числе многих других культурных мигрантов, меняющих одну этнографию на другую в поисках собственного смысла.

Хорошим примером в этом смысле служат языковые курсы. Японская конъюнктура дошла до той стадии, что уже в московских спальных районах на подъездах домов висят объявления: «Японский язык. Любой уровень. Рядом с метро». Это – показатель перехода из элитарной

группы предложений в массовую. На коммерческих языковых курсах в течение первого семестра группа может состоять из 35–40 человек, но в конце полугодия она неминуемо сокращается вдвое, а ко второму курсу от этой увлеченной массы остается едва 6–8 учеников.

Во второй половине 90-х годов ключевым словом для японского присутствия в России было слово «случайность». Несколько известных вариантов звучали примерно так (градация зависела от профессиональной деятельности и уровня доходов): «Мне случайно попал в руки альбом суримоно, и я очень увлеклась японской гравюрой»; «Случайно прочла Акутагаву и теперь покупаю все переводы японской прозы»; «Я хотел купить “Фольксваген”, но так получилось, что купил “Ниссан”». Таких примеров становилось все больше. Случайность, приобретающая подобные масштабы, нуждалась в другом названии.

Японская культура завоевывает российские пространства исподволь. Что касается официальных японских структур, то они (в полном соответствии со своими неписаными деловыми принципами) осторожно продвигаются навстречу интересу, или говоря более практичным языком, спросу российской аудитории, при этом очевидно, что их побуждают двигаться все быстрее и быстрее. Один небольшой шаг со стороны посольства вызывает десять встречных шагов со стороны российских регионов, городских администраций, образовательных учреждений, частных лиц – художников, музыкантов, теле- и кинорежиссеров. В 2001 г. фестиваль японской культуры проходил в течение всего двух дней, 1–2 сентября. (Правда, в том же году с сентября по декабрь проходил другой фестиваль, уже третий по счету, музыкальный: «Душа Японии».) Этот двухдневный фестиваль включал апробированные мероприятия – экспозицию работ по каллиграфии, икэбана, народные промыслы, традиционные танцы и т. п.– и носил куда более монотонный характер по сравнению с тем, что мы наблюдали во время проведения Фестиваля–2003. Так называемая «Японская осень» (2003 г.) не имела никакой определенной концепции и в реальности просто объединила ряд разрозненных мероприятий – от выставки оригами до Кубка посла по игре в го. Способность российской публики воспринять японскую культуру в ее разнообразных жанрах – не только сямисэн цугару, но и произведения современных японских композиторов, не только прикладное искусство, но и авангардный танец – подвергалась, по-видимому, серьезному сомнению японцами. Всего же с октября по декабрь таких разнохарактерных японских событий прошло едва ли больше десяти.

Оценивая организационный уровень их проведения в конце 1990-х – начале 2000-х годов, приходится отметить, что информационно-рекламная поддержка практически не оказывалась, сведения о возможных

выставках, конкурсах и лекциях распространялись практически изустно, что и определяло узкий круг посетителей из числа друзей и партнеров посольства, немногочисленных студентов-востоковедов, а также музейных завсегдатаев. О спорадическом характере таких просветительских попыток, и о том, что до некоторых пор они не носили сознательного программного формата, говорит факт отсутствия, условно говоря, летописи развития того же Фестиваля или хотя бы неких графиков японских культурных событий в Москве и в России ранее 2001 г. Тем не менее, в 2001 г. ландшафт разнообразили цикл лекций «Красотой Японии рожденный» в Политехническом музее, ретроспектива Ясудзиро и Нарусэ, приезд японских писателей (Симада, Ямада, Тавада) и выход двухтомника новой японской прозы, представленного составителями как беспрецедентное для России издание. Достаточно важно, что в том же году состоялся первый российско-японский форум – позитив в политике стимулирует культурные обмены.

В 2002 г. время проведения очередного фестиваля увеличили еще на один день (1–3 сентября), что, вероятно, и побудило организаторов присвоить ему звание Большого фестиваля японской культуры в Москве. Кроме того, 2002 год запомнился театральным акцентом – несколько спектаклей современного японского театра в рамках чеховского театрального фестиваля были отмечены особым вниманием москвичей. При этом интересы публики проходили проверку на прочность. Так, скажем, весьма специфический спектакль «Медея» (театральная компания KU NA'UKA, режиссер Мияги Сатоси) шел без перевода, что превратило его в своего рода двухчасовой сеанс гипноза, впрочем, вполне успешный. Авангардные спектакли Судзуки в Театральном центре на Сретенке половина партерной публики смотрела, сидя перед сценой на дзабутонах, которые, очевидно, были призваны создать атмосферу достоверности. По наблюдениям, некоторая часть зрителей делала честные попытки проникнуть в суть современной театральной культуры в Японии, но большинство относилось к этому, как к модному экзотическому шоу.

Число мероприятий увеличивалось год от года, Состоялась и закрепилась монополизация целого сезона, хотя название «Японская осень» нигде не утверждалось официально, и никто не может вспомнить, кто именно предложил так назвать сезон японских мероприятий. Тем не менее, сегодня уже невозможно представить, что осень в Москве может быть финской, голландской или осенью Буркина-Фасо.

А в Петербурге в отличие от Москвы проводится фестиваль «Японская весна». Что же касается других городов, среди них есть весьма активные (такие, как Екатеринбург, Ижевск, Пермь, Чебоксары,

Пятигорск, оба Новгорода – Великий и Нижний, Йошкар-Ола и ряд других), которые зачастую задним числом сообщают японскому посольству о проведении семинаров, фестивалей, чайных классов и выставок. Как правило, наиболее активную политику осуществляют регионы, где есть отделения Общества российско-японской дружбы, но немало примеров действительно частной инициативы, к чему мы еще вернемся.

Вся логика этих нарастающих событий в результате привела к тому, что 2003 год был объявлен Годом Японии в России. Фестиваль японской культуры–2003 длился целый год – с апреля по март. Было проведено уже свыше 120 мероприятий не только в Москве и Петербурге, а также в дальневосточных городах, но и на Урале, в Тюменский регионе, в среднеполосной России. Были даже осчастливлены небольшие города Подмосковья (Коломна, Электросталь). Можно без риска утверждать, что к 2003 г. российское общественное мнение было уже хорошо подготовленным к большому японскому дефиле. Тому есть ряд доказательств: прежде всего, приход любителей Японии на культурные площадки превзошла расчеты организаторов, – попросту говоря, не всем хватало билетов и мест, поскольку спрос превысил предложение. Еще пять лет назад на фестиваль японского кино в Москве вполне можно было купить билет перед сеансом, во всяком случае, по свидетельству очевидцев, мест в зале никогда не было больше, чем желающих. Сегодня это соотношение в явном дисбалансе: жаждущих зрителей где-нибудь процентов на 30 больше, чем мест. Билеты приобретаются заранее, и тенденция такова, что зрительский поток будет только расти.

В прежние годы были фестивали, где прокатывали всего 4–5 фильмов. Надежда Котова, PR-директор Центрального дома предпринимателя, утверждает, что Фестиваль японского кино поднялся на свой широкомасштабный уровень после саммита на Окинаве в 1999 г. В то же время свою роль сыграло общее развитие рынка – реконструкция кинотеатров, появление мультиплексов (тип современного кинотеатра). Кроме того, по ее мнению, «растет понимание японской культуры в целом». Фестиваль 2004 г., 37-й по счету, с обширной программой, ретроспективой фильмов с участием и по сценариям Мисима Юкио подтвердил неуклонное увеличение спроса на японское кино. Тем не менее, даже в условиях этого роста, по оценкам экспертов, японское кино все еще занимает лишь около 10% рынка, уступая голливудскому и европейскому кино. Как обнадеживающий фактор Н. Котова отмечает омоложение аудитории, которая «приходит смотреть арт-хаус (т. е. японское кино), а не попкорн (т. е., американское)». Остается

сожалеть, что японский кинобизнес все еще настороженно оценивает возможности сотрудничества с продюсерами и прокатчиками из России.

Помимо количественных показателей есть и качественные. Наиболее выразительный пример – это гастроли театров Кабуки и Но. В прежние годы российская публика с удовольствием принимала Кабуки, как более яркое и динамичное зрелище, и браковала монотонные спектакли Но, которые, к слову сказать, способен воспринять не каждый современный японец. В этом году стилистика Но не вызвала никаких упреков в занудстве и театр воспринимался действительно как образец высокого традиционного искусства – хотя, надо признать, что в такое отношение вносит свою долю модная тенденция. Стало плохим тоном признаваться в непонимании японского духа и философии. И все же процент случайных зрителей был очень невелик, тем более что высокая цена билета побуждала осмотрительно относиться к своему художественному выбору.

Одним из приятных открытий фестиваля оказался спектакль «Канадэхон Гамлет» (организатор театральная компания «Кияма») – трагикомический пример столкновения японской и европейской традиционных культур, отраженный с хорошей самоиронией. Сюжет пьесы, к тому же, вполне запараллелен с попытками современной России примерить на себя Японию, которые подчас являются весьма неуклюжими, как монолог Гамлета, прочитанный в стилистике «Тюсингура». В то же время искусство комического рассказа – Ракуго, при всем уважении к вековым традициям школы, показалось публике слишком скабрезным и плебейским. Здесь нужно учитывать фактор, что большая часть не говорящего по-японски зала не в состоянии оценить основной талант ракугоки – специфическое интонирование и пользование разными диалектами, таким образом, на долю слушателей оставалась фабула в чистом виде.

Камерный оперный театр, представивший музыкальную интерпретацию драмы «Самоубийство влюбленных в Сонэдзаки», также вызвал интерес российского зрителя, уже знакомого с этой пьесой Дзэами по Кабуки. В целом, театр и кино дают ощущение большего резонанса и понимания, и немудрено, поскольку, находясь на более высокой стадии развития, они обращаются к личности. Этническая культура, т. е. танцы, музыка, обрядовые действа – все, что апеллирует к родовому сознанию, по понятной причине оставляет российского зрителя и слушателя достаточно равнодушным. Мелодический строй японской народной музыки непривычен для русского слуха, другое дело, когда японцы исполняют европейскую классику – один только совместный концерт Одзава Сэйдзи с Мстиславом Ростроповичем в конце 90-х в

Большом зале консерватории надолго осчастливил Москву. Музыкальный фаворит сегодняшнего дня – Цутида Садакацу, лучше которого никто не играет Рахманинова на родине композитора, как с тем согласилась комиссия и слушатели последнего международного конкурса имени Рахманинова в 2002 г.

Что касается художественных выставок (не берем в расчет всегда привлекательную старинную гравюру, нэцкэ или веера), приходится признать, что публика пока принимает их с вежливым интересом, но не более. Современная живопись или фотография (если это не Араки Нобуёси – лето 2002 г.) вызывают не больший ажиотаж, чем современная живопись или фотография любой другой страны. Японское искусство XX в. весьма слабо представлено в России. Возможно, такие выставки не вполне правильно отбираются или же по-прежнему получают недостаточную информационную поддержку. Скорее первое, поскольку осенью 2003 г. автору довелось посетить выставку гравюры эпохи Сёва (т. е. до 1989 г.) в Британском музее, любая из гравюр заслуживала название самобытной и талантливой. Очевидно, существует дифференциация в культурном отборе для Европы и для России, и она не в пользу российского японофила.

С момента, когда стало известно, что 2003 год объявлен в России Годом Японии, высказывались серьезные опасения, что идеализированные представления россиян о стране, какими они сформировались за последние пять-семь лет, только укрепятся. К счастью, разнообразная программа фестиваля представила Японию в разных ракурсах. Подобный подход помогает формировать более реалистическое отношение к японской культуре и обществу.

Однако достоин сожаления явный перекос, односторонность интереса, которую легко наблюдать в настоящее время. Пока русские осваивают Японию на всех уровнях, японцы застряли где-то между матрешками и самоварами. Ярким примером является отношение к классике. В ряд классических переводов, бодро раскупаемых в России, входят «Гэндзи моногатари» и «Сказание о годах Хогэн». Интернет-магазин My-shop.ru, в соответствии со спросом, помещает «Кодзики» (перевод Е. Пинус) в топ-лист бестселлеров. Это равносильно тому, как если бы в Японии сейчас пользовались спросом «Повесть временных лет», «Слово о Полку Игореве» и «Житие протопопа Аввакума», чего, безусловно, не происходит. Но японцам также безынтересна современная русская литература.

Взаимность плодотворна во всех без исключения отношениях, в том числе и между странами. Пока же процесс идет более или менее взаимно только в двух сферах: обмен писательскими делегациями, что подтверждает традиционный интерес к русской литературе; также

некоторую стабильность приобретает участие россиян на фестивалях в Сидзуока. Первый фестиваль русского театра прошел в Сидзуока в ноябре-декабре 2002 г. И теперь в мае-июне проводился очередной фестиваль «Русский сезон в Японии–2004». Как говорят японские организаторы фестиваля, они гордятся тем, что Сидзуока стала своего рода «мостом между культурой России и Японии». Японская культура, вероятно, способна ответить на вызов аудитории любого социального положения. Музей кино предлагает фильмы для узкого круга ценителей, на фестивалях в Центральном Доме предпринимателя опробуются фильмы для массового проката. Икэбана и оригами привлекает женщин в возрасте и детей, демонстрация воинских искусств – мужчин, преимущественно молодых, аниме и манга (комикс) – студенческую молодежь (впрочем, манга становится увлечением и вполне зрелых людей), барабаны и воздушные змеи – всех без исключения. Со времен перестройки изменились не только количественные, но и возрастные показатели. Во-первых, вместе с расширением произошло и омоложение в рядах российских японофилов: их наиболее активная часть – это, по преимуществу, люди от 16 до 40 лет. Во-вторых, их интересы стали более объективными и, на фоне существующих широких возможностей, более целенаправленными.

Постперестроечная ситуация, развитие политических и экономических связей между Россией и Японией позволили перевести все японское из разряда экзотики в ежедневный обиход многих россиян. Сегодня армия японофилов расколота на две части. Одна – это рекруты 70-х годов, по капле получавшие сведения о предмете своего интереса. Они, как и прежде, привержены классическим жанрам, изучению которых отдали годы, сохраняют верность унылым звукам сякухати и с недоверием относятся к новобранцам, относящимся ко второй части любителей Японии. Новобранцы предпочитают более динамичные и более осязаемые формы японской культуры – боевики Китано, последнюю «Субару Легаси», дорогую островную кухню, парфюм Ямамото и даже мультики-хэнтай.

В регионах, где меньше возможностей, ниже динамика событий, процветают классические формы японской культуры. Стало правилом, что в регионе, который входит в сферу потенциальных экономических интересов японцев, они начинают с открытия культурного центра, как это только что произошло в Днепропетровске (Украина). Жителей этого города, по словам сотрудников центра, «будут учить традиционным японским искусствам, таким, как икэбана и чайная церемония». В это же время японцы, как следует из речи Чрезвычайного и Полномочного Посла Японии в Украине К. Амаэ, получат возможность

присмотреться к рынку украинской металлургии, который имеет значительный потенциал, а его продукция – приемлемые цены. Итак, культура как важный авангард экономического сотрудничества – вполне востребованный эквивалент экономики.

В крупных городах, особенно в Москве и Петербурге, «классическая» и «потребительская» Япония сохраняют относительный паритет. Сравнивая 37-й Фестиваль японского кино (билеты по 30 рублей) и гастроли Шоу Ямато, японские барабаны (билеты до 7 тыс. рублей), мы видим аншлаг в обоих случаях, т. е. востребованность российскими японофилами с разными предпочтениями и возможностями. Таким образом, сегодня интерес к японской культуре существует параллельно на двух уровнях: с одной стороны, по-прежнему поддерживается изучение традиционных форм японской культуры и искусства, с другой – широко и с удовольствием осваивается бытовая культура (включая еду, моду, технику и т. п.).

Возможное подтверждение культурной интеграции – языковые заимствования. Пока этот процесс еще малозаметен: россияне едва начинают использовать оригинальные японские слова, относящиеся преимущественно к бытовой культуре – еде и моде. Однако можно прогнозировать прогресс на этом пути, поскольку европейцы уже значительно продвинулись в этой области. В частности, как пишет газета «Майнити»: «Новые японские слова уверенно входят в обиход английского языка и других европейских языков. Многие из этих слов еще не внесены в английские словари, однако на сайтах Интернета вы достаточно быстро найдете объяснение их смысла» [7]. Одна из причин кроется в необычайной популярности во всем мире японской мультипликации, которую отличают красочность, оригинальность графики и живые характеры персонажей. Целый ряд слов звучат в японских мультфильмах настолько часто, что Йельское общество мультипликации даже открыло в Интернете страницу «100 наиболее употребительных японских слов», которые можно услышать почти в каждом мультфильме. В этот список вошли даже такие слова, как «ябай» («несчастный») и «наруходо» («в самом деле?»). К списку слов прилагается и детальное объяснение применения японских местоимений. Сайт Google дает около 30 млн. ссылок на слово «манга» и 27 млн. ссылок на слово «хэнтай» («извращение»). Имея в виду доступность и скорость в Интернет-пространстве, можно утверждать, что для русских пользователей освоение этих ресурсов измеряется не годами, а месяцами. Хотя, бесспорно, до момента, когда слово «онигири» станет настолько же русским, как бутерброд, пройдет не один десяток лет.

[7] Mainichi Daily News. 06. 04. 2004.

Историк культуры В. Мазурик предлагает попробовать найти в европейских культурах примеры, где для восприятия классических жанров задействованы, помимо зрения или слуха, другие чувства, например, обоняние, и убедиться, что это невозможно. В то же время для японской культуры это норма: достаточно вспомнить икэбана или чайное действо. И затем В. Мазурик рекомендует воспринимать японскую культуру не интеллектуально, а через органы чувств – на вкус, на запах и даже на тактильные ощущения, предлагает «позаниматься одним из практических искусств Японии (каллиграфией, чайным действом, боевыми искусствами) и попробовать примерить на себя течение Дао, почувствовать его в себе. Если вы хоть немного попробуете это, вы очень многое поймете в этих культурах, познаете то, что непостигаемо интеллектуальным образом» [8].

В этом контексте совсем не выглядит предосудительным влечение российского неофита-японофила к потребительской стороне японской культуры. Коль скоро органы чувств – важнейший индикатор в ее постижении, то японские еда, чай, предметы быта являются столь же приемлемыми носителями культурной миссии, современной эманацией будо, тядо и прочих «до». Кроме того, Японии, более чем какой-либо другой цивилизации, свойственно выражать свою духовную культуру, ее развитие, через вещь, артефакт.

В то же время и сами японцы вполне здраво и даже с одобрением относятся к распространению «материальной» Японии среди россиян. Как говорит Саканоуэ-сан из информационного отдела посольства Японии: «Понять высокое искусство – трудновато (например, театр Но), но бытовую культуру легче понять, а в ней тоже есть японский характер и сущность. Почему посуда именно такая, почему кимоно? Какую красоту принимают в Японии, красота по-японски – это можно узнать из бытовой вещи, и японский вкус, и характер» [9].

Российская японофилия имеет следующую характерную особенность: помимо официальных усилий сверху – со стороны посольства, Японского фонда и других компетентных организаций, идет спонтанный процесс снизу, на уровне частной инициативы и за частные деньги (что касается не только обеих столиц, но и российской глубинки). Такая ситуация невозможна практически ни в одной европейской стране. Объяснение этому лежит также в плоскости советского прошлого. В патерналистском государстве культура была единственной жилой, безопасной в разработке, чему служили многочисленные возможности. «Объем знаний, который накопила ваша интеллигенция в период

[8] *Мазурик В.* Лекция в Музее кино. 14. 02. 2004.

[9] Интервью с автором, март 2004.

избытка времени, просто поражает», – изящно высказался один высокопоставленный чиновник японского МИДа в частной беседе.

Государство закрывало одни возможности, но предоставляло другие. Избыток времени позволял частным гражданам культивировать свои интересы, с энтузиазмом заниматься непрактичными вещами и альтруистическими проектами, взращивать семена духовности в условиях отсутствия экономического продукта. Еще сохраняется инерция бескорыстных временных и душевных затрат. Вероятно, понемногу, с дальнейшим развитием рыночной экономики и сменой поколения, такой подход безвозвратно вытиснится более прагматичным.

Социальное расслоение затрагивает также сферу наших увлечений. Заниматься оригами не так накладно, как коллекционировать укиё-э (гравюры). Соответственно, каждый из частных энтузиастов прилагает усилия на наиболее близкой ему ниве, стремясь совместить профессию и хобби. Джазмен Сергей Манукян организует фестиваль «Джаз и Япония»; телережиссер Алексей Денисов 15 лет ждет возможности снять фильм о «Варяге» и русско-японской войне; переводчик Дмитрий Коваленин практически в одиночку выводит на российский книжный рынок Мураками Харуки, переводя одну за другой его книги в течение последних десяти лет и, главное, сумев заинтересовать издательства; бизнесмен Аркадий Новиков открывает пять ресторанов японской кухни. Это только несколько человек, результаты действий которых стали заметны общественности. Но заслуживают также быть отмеченными учителя Светлана Лопунова из Тамбова (школа № 34) и Елена Латышева из Нижнекамска (школа № 22), которые преподают уроки японской культуры в средней школе; руководитель хорового ансамбля из Красногорска Елена Володина, воспитанники которой исполняют песни на японском языке. Искренний и бескорыстный интерес этих и других, почти анонимных, японофилов способствует укреплению русско-японских связей на так называемом уровне «корней травы».

В свою очередь, подобный спрос на японскую тематику активизирует деятельность коммерческих институтов: издательств, торговых и туристических фирм, языковых курсов. Новобранцы, японофилы-неофиты инвестируют исключительно в проекты с коммерческой отдачей, внося свою долю в развитие японского сектора на российском потребительском рынке и рынке услуг. Меньше года назад открылся Интернет-магазин «Interia Japonica», отличающийся специфическим предложением: японский винтаж – одежда и декоративные предметы. Это пользуется спросом. Кимоно 50-х годов сметают по цене от нескольких сотен до тысячи с лишним долларов. Растет число магазинов посуды и косметики, появляются галереи японского дизайна,

уже несколько лет в Москве работает даже японская клиника. Несколько российских издательств открывают специальные «японские серии»: Terra Nipponica («Гиперион»), Золотая серия японской литературы («Северо-Запад Пресс») или же «восточные серии» (издательства «Кристалл», «Амфора», «Толк», «Евразия» и др.), где печатают преимущественно японских авторов – от Сайгё до Оэ Кэндзабуро.

В этих условиях японская культура в России попадает в весьма благоприятную ситуацию и получает все возможности для дальнейшего укоренения на российской почве. Но очевидны и минусы такого положения. Если прежде культурный выбор регламентировался идеологическими установками, то теперь он регулируется требованиями рынка. Приоритеты в этом процессе не всегда отдаются аутентичности и качеству, а чаще – финансовым возможностям и конъюнктурному спросу. Безусловно, не стоит обольщаться насчет потребности обеспеченных русских почувствовать в себе течение Дао, преимущественное большинство из них следуют за конъюнктурой. Это способствует профанации и недоразумениям разного рода. Так, знаменитые японские бани-фуро, единственные в Москве, открываются при развлекательном центре «Распутин» в качестве поддержки основного бизнеса – стрип-площадок и казино, а это уже закладывает определенные репутационные характеристики. Принимая на уровне потребления сугубо национальные обычаи и местные предметы, русские, как правило, не имеют возможности узнать связанных с ними национальных ценностей и символики. Научившись орудовать хаси – палочками для еды и носить юката, радостные японофилы допускают ряд промахов, которые на родине этих вещей и обычаев показались бы весьма зловещими, как, например, запахивание на левую сторону, или втыкание хаси в недоеденную горку риса. Если подобное происходит в присутствии японцев, эмоциональное смущение неизбежно.

Сегодняшняя доступность когда-то закрытой японской культуры – не более чем обольщение и поверхностный взгляд. И в век глобализации по-прежнему сохраняется значительная культурологическая дистанция между европейской и восточной культурами. Чем шире круг российских японофилов-неофитов, тем больше им необходимы культурные посредники из числа профессионалов. На мой взгляд, наступает счастливое время, когда российские специалисты-японоведы понемногу оставляют знаменитый снобизм профи, и пытаются преодолеть нравственные страдания, связанные с их вовлечением в массовые, не элитные проекты. И это благо, ведь именно их участие превращает профанный проект в просветительский.

Безусловно, Россия, опять с опозданием, примкнула к тенденции западного мира – попытке выйти из цивилизации результатов в циви-

лизацию процессов или попробовать примирить их. Однако в то время как Запад и Россия идут навстречу Востоку, в самой Японии зреет чувство растущего диссонанса между культурным наследием и требованиями цифровой цивилизации. Традиционная культура мало отвечает современному ритму жизни, коренное население пренебрегает ей как вчерашним днем. Иногда кажется, что ей грозит участь либо роскошного хобби для богатых и престарелых японцев, либо вырождение в экзотизм, востребованный только иностранцами. В то же время современная масскультура не может считаться прочной основой для сохранения национальной идентичности. Эти ощущения уже продуцируют слоган: «Cultural Strategist is Necessary for Japan» («Культурный стратег – необходимость для Японии»), и они отражены в недавней статье под названием: «Увлечь мир уникальной культурой – Новая киотская модель: признание творчества в каждодневной жизни»[10]. Японцы здесь опять идут вслед за американцами, которые уже в течение нескольких лет разрабатывают новую социокультурную модель: способ ее существования может быть описан как союз трех «Т»: технологии, талант, толерантность. Однако примечательно, что именно японцы активно подхватили и принимают на вооружение эту теорию. Смысл ее в том, чтобы, используя новые технологии, заново открыть высокое качество японской традиции, пересоздать феномены чисто японского существования применительно к условиям сегодняшнего мира. Такое, казалось бы, прежде непримиримое сочетание порождает инновации нового уровня, не существовавшие ранее, как-то компьютерный манзай, или Kyoto-Style Management – управление на основе баланса экономических и культурных ценностей. Иначе говоря, именно в эти годы берет начало новое направление, которое, похоже, намерены развивать японцы в поисках гармоничного совмещения культурных «вчера» и «завтра». Когда при изучении культуры из поля зрения выпадают такие тенденции, неизбежны аберрации и заблуждения уже нового поколения, вот почему сама японская сторона должна говорить об этих тенденциях в рамках информационно-культурных обменов.

Японскому фонду и японской стороне в целом следует грамотно разработать для своего присутствия в России то, что культурологи называют «адаптивной стратегией» (возникает впечатление, что до сих пор она не была сформирована). При создании культурного предложения необходимо учитывать сильные и слабые стороны национальных культур. Очевидно, что в стране великой литературы не стоит пытаться удивить читателя дебютами молодых авторов среднего дарования. Так сборник новой японской прозы (2002 г.) своим содержанием не

[10] Nihon Keizai Shimbun. 17. 03. 2004.

произвел большого впечатления на российских читателей, не говоря уже о профессионалах, знакомых в оригинале с японской прозой, не переведенной в России. Развитие этого же проекта в 2003 г. не смогло изменить мнения о современной японской прозе как о прозе среднего уровня. Также довольно снисходительно воспринимаются попытки японской балетной школы представить россиянам русскую и мировую классику, аплодисменты в зале звучат скорее от уважения за попытку, нежели от зрительского восторга. Однако русские благодарно воспринимают то, что отсутствовало либо не было достаточно акцентировано в их национальной культуре и что не прервалось в Японии и в XX в.: гравюра, керамика, экологические направления в культурных жанрах – работа с цветами, бумагой, наконец, с территорией (в рамках сада или страны).

Хотя качественный характер культурных мероприятий изменился, возникла панорамность, все же лучшие образцы японской культуры предлагаются без должных объяснений. Если русскому получателю и удается что-то понять, это происходит за счет увеличения событийной массы. Создается необходимый контекст, количественные впечатления переходят в качественные, а зритель, читатель и т. д. пробует почти самостоятельно осознать, что есть японская культура. Словом, каждое мероприятие должно получать большую информационно-просветительскую поддержку. Очень неэффективно используются образовательные возможности российского телевидения. Очевидно, в данном случае имеются реальные финансовые препятствия, но во многом это просто нежелание решать проблему.

Издательский отбор удивляет перешагиванием через целые имена и эпохи. Минуя добрую часть классического периода и XX века, издательства сразу перешли к постмодернизму. Спору нет, для культурной панорамы важно издавать молодых авторов, надеясь, что они не останутся авторами пары рассказов. Однако нельзя сказать, что в этих публикациях мы находим шедевры. Между тем российскому читателю до сих пор совершенно неизвестен поздний Кавабата Ясунари. Вероятно, кто-то из профессионалов-филологов скажет «И слава Богу!», но читатель имеет право получить информацию в полном объеме для совершения эстетического выбора. Известно, что у российских переводчиков старшего поколения лежат рукописи, которые коммерческие издательства не соберутся выпустить, поскольку не считают их прибыльными проектами. Финансируя приезд театра Кабуки, как не озаботиться тем, что в России никогда не издавалась драма Кабуки? У переведенных и любимых в России авторов (в частности Акутагава) есть неоднократные упоминания Кёкутэя Бакина, сам же Бакин

русскоязычному читателю незнаком. Таким образом, зияют культурные разрывы, которые следовало бы восполнять именно сейчас. Переводчики горюют по отсутствию на книжном рынке представителей комической прозы Дзиппэнся Икку и Сикитэя Самба. Что касается XX в., то Нацумэ Сосэки, который, как считают сами японцы, сделал для японского языка то же, что Пушкин для русского, переводился незаслуженно мало. Из его огромного наследия в России известны лишь несколько произведений. Гордость за высокий уровень современной японской культуры не может приводить к тому, что приоритеты получает культура в стиле глобализма. Это приводит к результату, при котором в книгоиздании, выставочной деятельности, на кино- и музыкальном рынке господствуют в основном образчики масскульта.

Пока официальные культурные проекты, ориентированные на Россию и предпринимаемые совместно японской и российской сторонами, зачастую носят экспериментальный характер. Для того чтобы быть более эффективными, они нуждаются в интроспективном экспертном взгляде. До сих пор не существует никакого специального совета, который объединил бы российских экспертов для оценки предлагаемых культурных инициатив. Возможно, такой совет помог бы не ошибиться в выборе адаптивной стратегии.

Глава двенадцатая

Размышления о японской русистике: факторы и тенденции развития последних лет

Японская русистика все еще мало известна в России. Главной причиной, конечно же, является языковой барьер. Если почти каждый отечественный специалист по истории или культуре России владеет английским языком, многие – французским и/или немецким, то число ученых, знающих японский язык, близко к нулю. Лишь малая часть из них может знакомиться с трудами японских коллег в оригинале. А число японских работ по этой тематике, переведенных на английский и, тем более, на русский язык, невелико и для полноценного знакомства этого явно недостаточно. Впрочем, надо признать, что японская русистика и в количественном, и в качественном отношении пока еще уступает европейской и американской, не говоря уже о собственно российской. Однако это не значит, что достижения японской русистики можно игнорировать, а ее эволюция не представляет интереса.

За 10–15 лет, прошедшие со времени кризиса и распада СССР и мировой системы социализма, японская русистика претерпела немалые изменения, хотя ее основные особенности и тенденции развития остались прежними. Изучение России в Японии (как, впрочем, и весь комплекс гуманитарных наук) было традиционно ориентировано на введение в научный оборот новых источников, на перевод и публикацию документов и их «первичную» обработку, а не на создание концепций. «Там же новые материалы!» – с восхищением говорят японские коллеги порой даже об очень слабых работах. Глубина фактической проработки многих историографических проблем в японской русистике до сих пор соседствует с теоретической несамостоятельностью, с ориентированностью на советские/российские или европейско-американские каноны и концепции – в зависимости от эпохи, интеллектуальной моды и личных пристрастий ученых.

Поэтому открытие в начале 90-х годов прошлого века прежде недоступных иностранным исследователям российских архивов стало неоценимым подарком для японских русистов. Наряду с представителями академической науки туда буквально ринулись журналисты, использовавшие полученные материалы не только в научных, но и в политических целях, наиболее ярким примером чего стало так называемое «дело Носака». В 1992 г. авторитетный журнал «Бунгэй сюндзю» опубликовал письмо корифея коммунистического движения С. Носака (в момент публикации столетний Носака занимал пост почетного председателя КПЯ). Оно было адресовано председателю Исполкома Коминтерна Г. М. Димитрову и датировано 22 февраля 1939 г. (из фондов Российского государственного архива социально-политической истории). Письмо касалось судьбы представителя КПЯ в Профинтерне и Коминтерне К. Ямамото, арестованного органами НКВД по обвинению в шпионаже и позже казненного. Вырванное из исторического контекста письмо было использовано для кампании против Носака и КПЯ в японских средствах массовой информации. После публикации новых документов аналогичного содержания, также поданных как сенсация, Носака был снят с поста почетного председателя КПЯ, а затем с позором исключен из партии[1].

У этой скандальной истории была и положительная сторона: «дело Носака» вызвало массовый интерес японцев к «тайнам советских архивов». Поскольку там работали не только любители сенсаций, но и серьезные ученые, результаты их работы не заставили себя долго ждать. Один из лидеров японской русистики Х. Вада в 1996 г. выпустил книгу «Носака Сандзо. История», где, оперируя документами, в том числе показал, что пресловутое письмо не может считаться доносом. Обращая внимание на мелкие «прегрешения» Ямамото, автор фактически отводил от него главные обвинения[2]. Кроме того, история Ямамото и Носака является только одним, пусть значимым, но частным эпизодом многолетних драматических отношений ВКП(б), Коминтерна и КПЯ, которые необходимо изучить со всей возможной полнотой, в том числе и для того, чтобы исключить политические спекуляции вокруг отдельных документов.

Японских исследователей и их читателей интересовали, прежде всего, материалы, непосредственно связанные с их страной: японские

1 *Кобаяси Сюнъити, Като Акира*. Ями–но отоко: Носака Сандзо-но хякунэн (Человек тьмы: сто лет Носака Сандзо). Токио, 1993.

2 *Вада Харуки*. Рэкиси то ситэ-но Носака Сандзо (Носака Сандзо. История). Токио, 1996; *Его же*. Судьба коммуниста: Носака Сандзо. – Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы. М., 2003.

коммунисты в Коминтерне и Профинтерне, японцы – жертвы политических репрессий в СССР, «оккупация» Курил, судьба военнопленных и т. д.[3] Следует особо отметить официальную публикацию КПЯ под редакцией председателя ЦК партии Т. Фува «Хроника вмешательства и измены в КПЯ: по документам архивов КПСС», изданную на японском, английском и русском языках. Она была призвана раскрыть «подлинную историю» «диктата Москвы» и показать, как КПСС с 1962 г. создавала с помощью советского посольства в Токио группу «предателей» внутри КПЯ (главным предателем post factum был объявлен исключенный из партии и уже скончавшийся Носака) с целью развалить японскую компартию изнутри[4]. Подобных публикаций, в том числе с использованием материалов из советских архивов и воспоминаний участников событий с советской стороны, появилось много. Однако они, как правило, не имеют научного характера и, представляя определенный интерес в контексте российско-японских отношений и формирования «образа России» в Японии, прямого отношения к нашей теме не имеют.

Но даже открытие архивов не стало принципиальной новостью для японских русистов, поскольку традиционно интересовавшие их темы не содержали особых секретов: аграрная история, революционное движение (в первую очередь народничество), классическая литература (обычно в рамках традиционного набора Достоевский–Толстой–Чехов). Поэтому они благополучно работали в архивах и в советское время. Препятствий им не чинили, в том числе и потому, что большая часть русистов в Японии занимала если не просоветские и прокоммунистические, то левые позиции. Например, Х. Вада, позиционирующий себя в качестве «шестидесятника», не раз выступал в защиту своих коллег-диссидентов М. Я. Гефтера и Э. Н. Бурджалова, протестуя против ущемлений свободы слова и академической деятельности как несовместимых с подлинной демократией и подлинным социализмом. Однако доступа к советским архивам (разумеется, в рамках существовавших тогда правил) его не лишили.

Перейдем к важнейшей особенности японской русистики – ориентации на зарубежные каноны, что связано и со степенью ее политизированности. Без этого понять ее нынешнюю эволюцию просто невозможно.

В довоенной Японии человек, занимающийся или интересующийся Россией, автоматически оказывался под подозрением властей как

3 *Като Тэцудзиро*. Мосукува дэ тайхо-сарэта нихондзин (Японцы, арестованные в Москве). Токио, 1994 и др.

4 *Фува Тэцудзо*. Нихон кёсанто-ни тайсуру кансё то найцу-но кироку: Сорэн кёсанто бунсё кара (Хроника вмешательства и измены в КПЯ: по документам КПСС). Токио, 1993.

потенциальный «красный», даже если это был офицер штаба Квантунской армии, собиравший информацию о Красной Армии, или эстет, переводивший Тургенева. Изучение России воспринималось как знак причастности к коммунистическому движению или коммунистической пропаганде, к чему-то запретному или опасному. КПЯ была разгромлена в начале 30-х годов, но переводы Маркса и Ленина, равно как и марксистская литература (за исключением откровенно агитационной) продолжали издаваться в Японии вплоть до конца того же десятилетия, хотя периодически запрещались цензурой. Что касается ежемесячного журнала «Росиа гэкканси», на страницах которого «крипто-марксисты» соседствовали с националистами, то он выходил даже во время войны на Тихом океане.

Похожая ситуация сохранялась в японской русистике и после войны, только с противоположным знаком: Советская Россия и марксизм были в большой моде. Более того, первые полтора десятилетия после 1945 г. в японской историографии вообще прошли под знаком доминирования марксистов и левых[5]. Именно в таком политическом и интеллектуальном климате заинтересовались Россией, ее языком, историей и культурой представители того поколения японских русистов, которым сейчас за шестьдесят, поколения «мэтров», до сих пор активно работающих в науке.

Среди видных японских русистов членов КПЯ немного. Большинство ученых сторонилось жесткой линии партии, выражавшейся в крайней политической и идеологической нетерпимости. В результате ожесточенной внутренней борьбы из ее рядов были исключены «стопроцентные» коммунисты. Среди них – ветеран подполья и многолетний член ЦК С. Хакамада (дядя русиста Хакамада Сигэки и российского политика Ирины Хакамады), который был исключен в 1977 г., видный философ-марксист Ё. Кодзаи – в 1984 г. Кроме того, отношения КПЯ и КПСС, всегда бывшие, мягко говоря, не простыми, в первой половине 60-х годов пришли практически к полному разрыву. Но многих русистов действительно привлекали идеи марксизма, социализма и коммунизма (не обязательно в советском варианте!), они симпатизировали Советскому Союзу, в котором видели преемника России, как в советской культуре – преемницу русской культуры. Интенсивный культурный обмен в 60–80-е годы укреплял в сознании японцев образ СССР как великой культурной державы. Это отчасти компенсировало негативное воздействие военных интервенций в Венгрии, Чехословакии

[5] См. подробнее: *Молодяков В. Э.* Между гордостью и стыдом (восприятие национальной истории в послевоенной Японии). – Япония: собрание очерков «вслед за кистью» (дзуйхицу). М., 2000.

и Афганистане. Они были крайне отрицательно встречены левой японской интеллигенцией, которая отказывалась признавать правомочность «исправления» неортодоксальных форм социализма с помощью танков.

Советская историография истории России и русской культуры долгое время оказывала определяющее воздействие на содержание и методологию изучения России в Японии, но это не значит, что японская русистика состояла только из правоверных марксистов-ленинцев, копировавших схемы и догмы «Краткого курса». Своих марксистов-догматиков здесь хватало, но их влияние в научной среде постепенно сошло на нет к началу 70-х годов. Некоторые заняли более гибкую позицию, интегрировавшись в академический истеблишмент, как Б. Эгути, автор известных работ об Октябрьской революции[6]. Другие, оставаясь верны догмам, оказались на периферии научной жизни и маргинализировались.

В выборе тем и направлений исследований большинство японских русистов ориентировалось на советскую историографию, даже при всей возможной разнице подходов и выводов. Этим объясняется обилие работ о революционном движении, о «великих реформах» 60-х годов XIX в., об аграрной истории как дореволюционной, так и послереволюционной России (исключая, до недавнего времени, крайности коллективизации), о марксистской философии разных направлений. В исследованиях по истории литературы доминировали классический роман XIX в. и ранняя советская литература. Изучение поэзии, если и не ограничивалось Пушкиным, то сосредоточивалось преимущественно на нем[7]. Отсюда же происходит явно недостаточная изученность таких важных тем, как русский консерватизм, деятельность правых партий, православие (за исключением православия в Японии), «белое дело» и послереволюционная эмиграция, литература Серебряного века или русского зарубежья. Коротко можно сказать, что у японских русистов Лорис-Меликов популярнее Победоносцева, а Лавров и Герцен – во сто крат популярнее двух первых. Андрею Белому или Набокову никогда не сравниться в этом смысле с Достоевским и Толстым, хотя поле для исследований там, что называется, непаханное. В Японии изданы многотомные собрания сочинения Вл. Соловьева и Н. А. Бердяева, но вряд ли можно представить себе появление здесь большого числа книг, скажем, И. А. Ильина или И. Л. Солоневича. Хотя, кто знает,

[6] Росиа какумэй-но кэнкю (Исследования российской революции). Под ред. *Эгути Бокуро*. Токио, 1968 и др.

[7] *Мамонов А. И.* Пушкин в Японии. М., 1986; по материалам последних лет эту книгу следует существенно дополнить.

может, их непрерывно растущая популярность в сегодняшней России пробудит интерес к ним у завтрашнего поколения японских историков.

Иными словами, темы, табуированные в официальной советской историографии, в основном оставались таковыми и для японской русистики. И без того нечастое обращение к ним молодых исследователей не поощрялось старшим поколением, представители которого придерживались более ортодоксальных, просоветских взглядов. Разница поколений и доминирование старших до сих пор остаются характерными чертами академической среды Японии. За последние годы положение с выбором тем исследований начало меняться, но, скорее, в сторону расширения, нежели качественного изменения диапазона. Привычные сюжеты остаются столь же популярными и среди молодых ученых, о чем свидетельствует недавний сборник «Новый мир истории России»[8]. Из 19 японских участников четверо посвятили работы аграрной истории (Х. Ёсида, К. Мацудзато, Н. Мацуи, К. Мацудо), еще восемь писали на такие традиционные темы, как народничество (Т. Сасаки о П. Л. Лаврове) и марксизм (М. Сато об А. А. Богданове), профсоюзы (Ё. Цутия), экономика и народное хозяйство (Ё. Судзуки, Т. Накасима), история права и внутренней политики (К. Такахаси о судебной реформе 1864 г., Т. Кано об Основном государственном законе 1906 г., Ц. Хасэгава о милицейских формированиях Временного правительства). Российские авторы обошли почти все эти проблемы стороной, что свидетельствует о несомненных различиях в исследовательских интересах и приоритетах.

Кое в чем японские исследователи обошли российских коллег: из работ еще советской эпохи надо упомянуть новаторскую книгу Х. Вада «Мир крестьянской революции. Есенин и Махно», биографию Р. В. Иванова-Разумника, написанную Х. Мацубара, или «Словарь героев Достоевского» К. Накамура[9]. Своевременно переведенные на русский язык, эти книги не только вызвали бы интерес у отечественных специалистов, но, как знать, могли бы в чем-то повлиять на них. За последние годы историки в России преуспели в изучении этих тем, но хронологический приоритет японских (и повлиявших на многих из них американских) русистов должен быть признан.

Рискнем высказать предположение еще об одной причине специфической популярности в японской науке таких тем, как аграрная история и народничество, – на сей раз никак не связанной с советским

[8] *Вада Харуки.* Номин какумэй-но сэкай. Эсэнин то Мафуно (Мир крестьянской революции. Есенин и Махно). Токио, 1978; *Мацубара Хироси.* Росиа интэригэнция си (История русской интеллигенции). Киото, 1989; *Накамура Кэнносукэ.* Досутоэфусуки дзимбуцу дзитэн (Словарь героев Достоевского). Токио, 1990.

[9] Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М., 2001.

влиянием. Традиционное японское общество было, прежде всего, аграрным, и в его социальной четырехсословной иерархии *си-но-ко-сё* крестьяне занимали второе место после самураев – господствующего военного сословия, сопоставимого с европейским и российским дворянством. В Японии до сих пор популярны теории так называемой «рисовой цивилизации». Их сторонники выводят основные черты японского национального характера и качественные характеристики японского общества как коллективистского (не только традиционного, но и современного!) именно из-за преобладания рисосеяния. Не отсюда ли давний и глубокий интерес японских русистов и просто интеллектуалов к крестьянской общине – излюбленному предмету исследования аграрных историков[10]. Интерес «образованного сословия», в котором удельный вес выходцев из деревни был весьма велик, не только к практическим проблемам сельского хозяйства, но и к аграрной истории и, можно сказать, аграрной философии своей страны, а затем и других стран был вполне закономерен. Поэтому и Льва Толстого в Японии почитали не только как великого мастера психологического романа и христианского моралиста, но и как выразителя крестьянского мировидения и миропонимания. Иными словами, типичному интеллигентному японцу, читающему Толстого, утопия Левина, наверно, будет ближе и интереснее, нежели любовная интрига Анны и Вронского или картины светской жизни, воспринимаемые как экзотика давно прошедших лет.

Здесь мы можем видеть и сходство, и различие между японской и советской историографией. Изучение «эксплуататорских классов» было не в почете в обеих странах, поэтому в Японии до сих пор мало работ о русской аристократии, чиновничестве, армии или духовенстве, а «помещики и капиталисты» изучаются главным образом в рамках экономической, а не социальной истории. Однако фабрично-заводской пролетариат также не пользовался особым вниманием японских историков, за исключением правоверных марксистов, некритически ориентировавшихся на советские образцы. Его история тоже рассматривается больше в рамках «истории фабрик и заводов», индустриализации и модернизации России и правительственной политики в этой области[11].

Аналогичное положение сложилось и в историографии революционного движения. Эпоха расцвета народничества совпала с эпохой

[10] *Судзуки Такэо.* Тэйсэй Росиа-но кёдотай то ноумин (Община и крестьянство в императорской России). Токио, 1990 и мн. др.

[11] Содержательный историографический очерк: *Хинада Сидзуо.* Нихон-ни окэру Росиа кэйдзайси кэнкю-но аюми кара (Эволюция изучения экономической истории России в Японии). – Сякай бунка ронсю. 1999, № 6.

Мэйдзи (1868–1912 гг.) – периодом радикальных экономических, политических и социальных преобразований, интенсивной индустриализации и модернизации по западному образцу. В начале XX века в Японии зародилось и начало развиваться оппозиционное социал-демократическое движение, но еще раньше, в 70-е годы XIX в., появилось «движение за свободу и народные права», выражавшее настроения той части самурайства и крестьянства, интересы которой оказались напрямую затронуты происходившими реформами. В Японии его любили сравнивать с народничеством, изучение которого таким образом связывалось с осмыслением собственной национальной истории. То же можно сказать и о русском пореформенном либерализме, хотя до популярности народничества ему далеко. В то же время русский консерватизм в Японии до сих пор известен мало и популярностью среди ученых не пользуется, а изучением русского марксизма занимались по большей части коммунисты или антикоммунисты, ставившие себе целью его критику. Тема была слишком идеологизированной, чтобы подходить к ней «без гнева и пристрастия».

Конечно, с изменением приоритетов российской историографии во второй половине 80-х и начале 90-х годов прошлого века японские историки стали больше писать о «командно-административной системе» и «большом терроре», об «истории инакомыслия в России» и особенно о русской эмиграции; литературоведы начали активнее переводить и изучать О. Мандельштама, В. Набокова, С. Довлатова, В. Пелевина и В. Сорокина. А ведь когда в 1982 г. университет Васэда усилиями специалиста по эмигрантской и диссидентской литературе Т. Кавасаки приобрел у американского антиквара Э. Штейна крупное собрание поэзии русского зарубежья, включающее архивные материалы, это выглядело исключением из правила. Происходящее можно истолковать как следование за коллегами в России, за перестроечной историографией. В немалой степени японская русистика является «зеркалом» российской и поэтому представляет интерес для изучения последних тенденций в нашей науке.

Интенсивно работая в архивах и свободно общаясь с российскими коллегами, осмысляя новые знания и теории, внимательно прислушиваясь к жарким дикуссиям в России, японские ученые за последнее десятилетие выпустили ряд крупных трудов, которые, несомненно, относятся к числу высших достижений русистики в этой стране. Не владея полным объемом информации, попытаемся выделить те работы, которые нам кажутся наиболее значительными и по-своему «знаковыми». Это – монографии Х. Вада о войне в Корее в контексте советской политики, Т. Томита о системе власти в эпоху Сталина, Н. Симотомаи

об управлении Москвой в тот же период, Н. Исии о «Советском Союзе как цивилизации», Т. Накасима об инженерно-технической интеллигенции в первое послереволюционное десятилетие, К. Касама о роли масонов в русской литературе XIX в.[12]. Особенно высокой оценки заслуживает полное комментированное издание дневников основателя Японской православной церкви Святителя Николая Японского (И. Д. Касаткина) под редакцией известных русистов Ё. Накамура, К. Накамура, М. Наганава и Р. Ясуи (в России этот ценнейший исторический памятник пока издан только во фрагментах), а также многочисленные публикации всех четырех редакторов книги[13].

Подобные работы могут сделать честь любому иностранному и даже отечественному историку. Они показывают, что ведущие представители японской русистики вышли на мировой уровень, хотя знакомство с их трудами едва ли перевернет представления российских коллег о затронутых в них проблемах. Во всяком случае, отрадно, что фрагменты или изложение этих работ в виде отдельных статей все чаще появляются на русском языке в Японии, равно как и в России.

Вместе с тем японская русистика не освободилась и от традиционно присущего ей европейско-американского влияния, направленного на развенчание коммунистической идеологии и советской системы, – даже теперь, когда эта тематика потеряла свою актуальность

На протяжении десятилетий японские дипломаты, занятые на советском направлении, и многие ученые-русисты стажировались не только в СССР, где волей-неволей находились «под колпаком», но и в США. В Москве они изучали русский язык и литературу, по возможности –

[12] *Вада Харуки*. Тёсэн сэнсо (Корейская война). Токио, 1995; *Такэси Томита*. Сутаринидзуму-но тоти кодзо: 1930 нэндай Сорэн-но сэйсаку кэттэй то кокумин того (Структура сталинской власти: выработка советской политики в 30-е годы и народное единство). Токио, 1996; *Нобуо Симотомаи*. Сутарин то тоси Мосукува, 1931–1934 (Сталин и город Москва). Токио. 1994 (английский перевод: *Nobuo Shimotomai*. Moscow under Stalinist Rule. L., 1996); *Нориэ Исии*. Буммэй то ситэ Сорэн (Советский Союз как цивилизация). Токио, 1995; *Такэси Накасима*. Тэкунокурато то какумэй кэнрёку: Собиэто гидзюцу сэйсакуси. 1917–1929 (Технократы и революционная власть: история советской научно-технической политики. 1917–1929). Токио, 1999; *Кэйдзи Касама*. Дзюкюсэйки Росиа бунгаку то фуримэсон. (Русская литература XIX века и масоны). Токио. 1997

[13] Дневники Святого Николая Японского. Т. 1. Саппоро 1994 (т. 2 готовится к изданию); частичный перевод на японский язык: Николай. Никорай-но мита бакумацу Нихон (Япония периода «бакумацу» <1853–1867 гг.> глазами Николая). Пер. *Накамура Кэнносукэ*. Токио. 1979; Николай. Мэйдзи-но Нихон Харисутосу сэйкёкай (Японская православная церковь в эпоху Мэйдзи). Пер. *Накамура Кэнносукэ*. Токио, 1996. Исследования: *Накамура Кэнносукэ*. Дэнкёси Никорай то Мэйдзи Нихон (Проповедник Николай и мэйдзийская Япония). Токио, 1996; *Мицуо Наганава*. Никорай-до-но хитобито (Люди Николай-до). Токио, 1989 (Николай-до, «храм Николая» – обиходное японское название токийского собора Воскресения Христова, кафедрального собора Японской автономной православной церкви) и мн. др.

жизнь советского общества; в Гарварде или Стэнфорде – советологию, т. е. науку о вероятном противнике. В беседе с А. Кулановым знаток России дипломат и писатель А. Кавато (ныне Чрезвычайный и полномочный посол Японии в Узбекистане) рассказывал: «Особенность моего обучения в Гарварде состояла в том, что я досконально занимался советологией и очень много читал литературы по этому предмету – по 200 страниц английского текста в день. Я заметил, что главные факты о Советском Союзе излагались там довольно объективно, но вот вывод часто был очень тенденциозным. Здесь надо было иметь в виду особый образ мышления американцев – они всегда отталкиваются от вывода, т. е. от своего мнения. Сначала вывод, потом аргументы. От этого они копают и копают, собирают множество фактов, данных, но часто впустую – вывод был задан с самого начала. Это тупик. У меня же не было никогда антисоветизма в убеждениях, и я сразу обнаружил эту странную закономерность американского мышления, поэтому выводы я просто игнорировал, и старался руководствоваться фактами». Похожие вещи рассказывает о своем обучении в Америке и известный филолог-русист М. Нумано[14].

Таким образом, формирование «образа России» даже у специалистов нередко шло под влиянием третьей стороны, причем настроенной, мягко говоря, недружественно в силу логики политического противостояния «холодной войны». Впрочем, дело не только в «холодной войне». Так было еще и во второй половине XIX в. (вспомним «миссию Ивакура», посетившую не только США, но и страны Европы). Об отрицательном влиянии Англии – в то время главного геополитического противника России – и отчасти Франции на формирование представлений о России в Японии еще в XIX в. писали И. А. Гончаров и М. И. Венюков.

Рецидивом попыток создания идеологически ангажированного негативного образа СССР (России) можно считать недавний выход японского перевода «Черной книги коммунизма» под редакцией С. Куртуа и кампанию некоторых средств массовой информации вокруг нее. Однако это была «буря в стакане воды». Публикация не оказала значимого влияния ни на академическое сообщество русистов, где откровенных русофобов почти нет, ни на интеллектуальную элиту (коммунисты не перестали быть коммунистами, а антикоммунисты – антикоммунистами), ни тем более на массовое сознание, для которого эти проблемы просто неактуальны. Видимо, вся эта шумиха (кстати, быстро закончившаяся) – проявление политической и идеологической

[14] *Куланов А.* Тайва. Разговоры о Японии, разговоры о России. М., 2003, с. 120–121 (Кавато), 270–271 (Нумано).

борьбы внутри самой Японии, не связанное напрямую с образом России и динамикой ее восприятия.

Конечно, мы далеки от того, чтобы перечеркивать значение трудов американских и европейских русистов, да и речь идет не о политизированной прикладной «советологии» или «кремленологии», а об академическом изучении России. Х. Вада, посвятивший много лет исследованию народничества, с благодарностью называет своим первым учителем итальянского историка Ф. Вентури – автора классических работ по этой проблематике. Заметным событием в японской русистике последних лет стал перевод (скажем откровенно, запоздалый) таких работ, как «Икона и топор» Дж. Биллингтона и «Понять дореволюционную Россию» М. Раева. Переводчик второй книги Н. Исии в послесловии посетовал на малую известность книг Раева в Японии даже среди специалистов, меланхолически добавив, что здесь до сих пор нет полных переводов классических трудов В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова, оказавших заметное влияние на европейскую и американскую историографию[15]. Конечно, специалисты читали их на европейских языках или в оригинале, но в интеллектуальный багаж сколько-нибудь широкого круга интеллигенции они не вошли и не войдут, пока не будут переведены. Зато недавно закончен перевод на японский язык работ М. Вебера о русской революции.

Следует сказать еще об одном важном обстоятельстве. В Японии академическая русистика, будь она идеологически ангажированной или нет, практически не оказывает воздействия на массовые представления о России. Дело не в русистике как таковой: научные книги, которые у нас до сих пор охотно читают десятки тысяч интеллигентов, в Японии считаются чем-то «по определению» скучным и нечитабельным, а потому предназначенным лишь для узких специалистов в данной конкретной области. Поэтому большинство рядовых японцев и сегодня воспринимает нашу страну в рамках давным-давно созданного СМИ стереотипа «ушанки, медведи и “северные территории”», как иронически выразился переводчик Д. Коваленин. За пределами «цеха» образованное сословие знает лишь тех немногих русистов, кто регулярно выступает по телевидению и в газетах, например, Х. Вада, Х. Кимура или С. Хакамада. Их выступления обычно имеют политизированный характер, потому что ведущие и зрители ждут от знатоков России комментариев по поводу текущих событий или авторитетных прогнозов, а не рассуждений на отвлеченные темы или научных докладов.

Интересно проследить, какие изменения произошли за последние годы в организационной деятельности японских русистов, поскольку

[15] *Марк Раев.* Росиаси-о ёму (Читая историю России). Пер. *Н. Исии.* Нагоя, 2001, с. 232.

наука – это не только книги и статьи, но и симпозиумы, лекции, научные обмены и командировки. Прежде всего, это люди, которые делают науку. Роль больших и малых научных обществ, регулярных семинаров, открытых и закрытых симпозиумов и публичных лекций в японских гуманитарных науках чрезвычайно велика, несомненно, больше, чем в России. Наука развивается в непрерывном личном общении и обмене мнениями, который, впрочем, редко переходит в открытую полемику. Таковы законы социальных отношений – не только в академической среде, – не допускающие критику старших со стороны младших («нарушение субординации») и не приветствующие резкую критику младших со стороны старших (нормы сообщества предписывают, чтобы она была мягкой, «отеческой»). Серьезно критиковать друг друга, полемизировать между собой могут только «равные», представители одного поколения, что, конечно, является тормозящим фактором. В прошлом острота дискуссий часто определялась принципиальными идеологическими различиями, нахождением «по разные стороны баррикады», но сейчас этот фактор во многом утратил свое значение.

Еще одной характерной чертой японских научных обществ является их открытость для неспециалистов, для широкой публики, которая выступает не только как зритель/слушатель, внимающий профессионалам и в лучшем случае задающий вопросы, но и как активный участник диалога. Японцам вообще присуще почтительное отношение к университетским преподавателям и обладателям ученых степеней, а также просто к старшим по возрасту, но путь в научные общества не закрыт и тем, у кого регалий и титулов нет, но есть знания и личный опыт. Конечно, человек, много лет проработавший в России представителем торговой кампании, выйдя на пенсию, может рассчитывать на место преподавателя только в заштатном университете, если не обладает необходимыми связями, но в профильном научном обществе – заниматься он может не только экономикой, но чем угодно – ему всегда предоставят слово и выслушают с должным почтением к возрасту и положению.

Японская академическая среда очень консервативна в социальном плане, хотя в русистике это проявляется, пожалуй, в наименьшей степени. Большинство научных обществ, связанных с Россией, объединяет единомышленников, а опыт жизни в нашей стране или общения с русскими заметно раскрепощает японцев. За последние годы в работе таких структур все более активное участие принимают российские ученые – не знаменитости, время от времени приглашаемые на короткий срок в качестве почетных гостей, но те, кто постоянно живет и работает в Японии. Большинство их свободно владеет японским языком и, собственно говоря, принадлежит уже не к российской, а к японской

академической среде, внося в нее новые элементы как в научном, так и в социально-психологическом плане.

Как для российской, так и для японской академической среды огромное значение имеет неформальное общение. Практически любая конференция или заседание научного общества заканчивается коллективным походом в ресторан или хотя бы фуршетом, когда у участников есть время и возможность поговорить друг с другом «без протокола». Ссылаясь в том числе и на собственный опыт, автор может с уверенностью сказать: именно здесь высказываются наиболее интересные и смелые суждения, здесь идет «обкатка» новых идей и откровенный обмен мнениями, полемика ученых, не связанных (точнее, менее связанных) рамками условностей публичного выступления и академического «политеса».

За последние десять лет принципиальных изменений в «количественных показателях» деятельности японских обществ и организаций, изучающих Россию, не произошло. Время сгладило имевшиеся между ними противоречия идейно-политического характера, появилась тенденция к объединению или хотя бы координации действий, например, при проведении симпозиумов и конференций[16]. Важно другое – принципиально изменился характер диалога, научного сотрудничества с российскими коллегами, и этот аспект необходимо рассмотреть особо.

Во-первых, все большее число японских ученых стало приезжать в Россию, получив здесь широкие возможности для научной работы. Они не только работают в архивах и библиотеках или общаются с коллегами в стенах академических институтов, но и свободно читают курсы лекций в ведущих университетах России. Например, в сентябре 2002 г. лекции студентам-японистам Института стран Азии и Африки при МГУ читал Х. Вада, а в октябре его сменил М. Нумано. Именно эти авторитетные ученые особенно активны в организации двустороннего научного и культурного сотрудничества. Часто выступают в российских СМИ политологи С. Хакамада и Х. Кимура, чьи острые высказывания, по понятным причинам, нравятся не всем, но вызывают неизменный интерес своей глубиной и проработанностью. Давние и тесные связи с русской творческой интеллигенцией у Р. Ясуи, который гордится дружбой с В. Кожиновым, В. Беловым и И. Шафаревичем. Русист-энциклопедист Ё. Накамура был в 1999 г. удостоен Большой золотой медали РАН им. М. В. Ломоносова. Это ли не признание!

В отличие от советского времени, работы японских авторов в российских изданиях печатаются без какой-либо цензуры. Только один

[16] Характерный пример – открытые симпозиумы «Япония и Россия: история, сотрудничество, сосуществование» (Токийский университет иностранных языков, 23–24 июня 2001 г.) и «Новый взгляд на Россию и Восточную Европу в XXI в» (Университет Хосэй, 01. 12. 2001), организованные при участии нескольких научных обществ и университетов.

пример. На VI советско-японском симпозиуме историков (ноябрь 1983 г.) Х. Вада выступил с докладом «Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям». В предисловии к советскому изданию материалов симпозиума, куда был включен и его доклад, уклончиво говорилось: «Учитывая, что публикация предназначена не только для специалистов-японоведов, редакция сочла возможным несколько сократить некоторые из докладов за счет отдельных фактов, не имеющих прямого отношения к теме сборника». Каковы были эти «некоторые сокращения» и чем они мотивировались, нетрудно понять, сравнив эту книгу и сборник избранных работ Х. Вада на русском языке: купюрам подверглась критика действий Сталина и вступления СССР в войну с Японией в 1945 г.[17]

Во-вторых, наши специалисты по истории России стали ездить в Японию. При этом по сравнению с практикой советского периода японская сторона (университеты и научные общества, а не государственные структуры, что важно!) сама выбирает и приглашает тех, кто ей действительно интересен, а не «назначен» соответствующими органами. Российских ученых активно приглашают Ассоциация историков России, Ассоциация исследователей русской литературы, Центр славяноведения Университета Хоккайдо, Токийский университет, Университет Васэда и др. В ряде случаев пребывание гостей финансируется министерством образования и науки или Японским фондом. Правда, последний чаще выделяет средства на приглашение из-за рубежа ученых-японоведов или деятелей культуры. Разумеется, их пребывание в Японии, выступления перед японской аудиторией с рассказами о России, а затем перед российской аудиторией – о Японии, тоже играют большую роль в развитии научных и культурных связей, а в конечном счете – в деле улучшения отношений между нашими странами.

В-третьих, в среду японских русистов активно вливаются русские ученые, работающие в Японии. Специалистов по истории России и русской культуры среди них, как правило, нет. В основном – это специалисты по японской истории или культуре. Однако знание языка и «правил игры» местной академической среды позволяет им говорить со своими коллегами «на их языке» не только в лингвистическом смысле. Более того, они очень удачно дополняют друг друга. Для японских русистов характерно преобладание узкой специализации в ущерб широте кругозора и знанию контекста, которыми как раз обладают их русские коллеги, пусть даже не имеющие «русистских» дипломов.

[17] *Латышев И. А.* От редакции. – Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М., 1986, с. 3; цензурованный текст: там же, с. 50–61; полный текст: *Вада Х.* Россия как проблема всемирной истории. М., 1999, с. 299–313.

Раньше на последних в Японии смотрели только как на «носителей языка» или, в лучшем случае, элементарных знаний о России. Теперь же их начинают воспринимать как полноправных русистов-профессионалов, хотя не везде и не в такой мере, как они того достойны. Как пример хочу отметить деятельность профессора Токийского университета иностранных языков А. А. Долина, совмещающего преподавание русского языка и литературы с участием в исследовательских проектах японских русистов. Известный исследователь и переводчик японской поэзии, он в последние годы часто выступает с работами о русской литературе XX в., которые публикуются как в Японии, так и в России[18].

От такого содружества, несомненно, выигрывают обе стороны. Заслуживает внимания пример Ассоциации по изучению восточной ветви русского зарубежья, объединяющей японских русистов, потомков русских эмигрантов и российских ученых. Она была создана в 1978 г. как исследовательская группа «Россия и Япония» усилиями Ё. Накамура и Р. Ясуи, а с декабря 1995 г. существует под нынешним названием как научное общество, работа которого поддерживается министерством образования и науки. Изменение в статусе наглядно отражает перемены в положении вещей как в академической среде, так и в отношении к этому государственных органов.

Деятельность ассоциации – хороший пример соединения усилий профессиональных русистов (историки, культурологи, филологи, архивисты, библиотечные работники), недипломированных «любителей России», среди которых немало знатоков предмета, потомков эмигрантов, включая старейшин русской колонии в Токио Е. Н. Аксенова и Л. С. Швец, российских ученых, работающих в японских университетах (Л. М. Ермакова, Ю. Д. Михайлова, В. Э. Молодяков, П. Э. Подалко, Э. Б. Саблина), и периодически приглашаемых гостей из России. Ассоциация налаживает сотрудничество с другими научными обществами, архивами и библиотеками, изучая эмигрантские фонды и материалы. Некоторые ее члены публикуют свои работы по данной тематике и в России.

В 1987, 1990 и 1992 гг. ассоциация, получив гранты министерства образования Японии, выпустила три сборника статей, содержательных

[18] *Долин А.* Пророк в своем отечестве (Профетические и мессианские мотивы в русской поэзии и живописи Серебряного века). – Рётайсэн канки Росиа-но сэйдзи то бунка-но рэкиситэки косацу (Исторические исследования политики и культуры России межвоенного периода). Токио, 2001; *Его же.* Russian Poets Facing Apocalypse (October Revolution as Reflected in the Poetic Vision of the Classics). – Токио гайкокуго дайгаку ронсю (Труды Токийского университета иностранных языков). 2001, № 62; *Его же.* Пророк в своем отечестве. (Мессианские мотивы в русской поэзии и общественной мысли). М., 2002.

и разнообразных по тематике, но в основном касавшихся политически нейтральных тем. Четвертый и пятый тома ее трудов, вышедшие в 2001–2003 гг. в отличие от предыдущих томов были посвящены, прежде всего, послереволюционной эмиграции, хотя никакой политической ангажированности в этом академическом издании нет [19]. Сборники, в которых из российских исследователей участвовали П. Э. Подалко, часто выступающий со статьями по истории русской эмиграции в Японии в российских («Япония сегодня») и японских («Росиаси кэнкю», «Acta Slavica Japonica», «Japanese Slavic and East European Studies») научных изданиях, и Э. Б. Саблина, получили сочувственный отклик в японской прессе, включая ведущие ежедневные газеты. Наличие содержания и резюме на русском и/или английском языках делают их доступными и для исследователей, не владеющих японским языком, что тоже отнюдь не бесполезно. Следует упомянуть также выступления авторов из России на страницах журнала «Мадо» («Окно»), который выпускает токийская издательская и книготорговая фирма «Наука», специализирующаяся на русских книгах и книгах о России, и рецензии автора этих строк на новинки японской русистики, периодически появляющиеся в нью-йоркском «Новом журнале».

Новые возможности сотрудничества японских и российских специалистов по России реализовались в ряде недавних издательских проектов, осуществленных в нашей стране. Первым стал выпуск издательством Ассоциации исследователей российского общества XX в. (АИРО–XX) тома избранных работ Х. Вада «Россия как проблема всемирной истории» (1999 г.). Отбор статей, осуществленный автором в содружестве с редактором книги Г. А. Бордюговым, показывает широту и разнообразие его научных интересов. Аргументированная критика романа В. Пикуля «У последней черты» (статья «Нечистая сила») соседствует здесь с размышлениями о судьбах российской и советской исторической науки, работы о русской революции – с представлением неизвестных страниц сталинской внешней политики.

За ним последовал большой сборник «Новый мир истории России. Форум российских и японских исследователей» (2001 г.), выпущенный издательством АИРО–XX к 60-летию Х. Вада, который был составлен из работ его коллег, друзей и учеников. Едва ли не впервые такой юбилейный сборник выходит не на родине ученого, а в стране, изучению которой он посвятил свою жизнь. Публикация на русском языке

[19] Кёдо кэнкю. Росиа то Нихон (Россия и Япония. Сборник статей). Вып. 1. Под ред. *Р. Ясуи.* Токио, 1987.; Вып. 2. Под ред. *Ё. Накамура.* Токио, 1990; Вып. 3. Под ред. *Ё. Накамура.* Токио, 1992; Икё-ни икиру. Райнити Росиадзин-но сокусэки. (Жизнь на второй родине. Исторические следы русских в Японии). Под ред. *М. Наганава и К. Савада.* Токио, кн. 1, 2001, кн. 2, 2003.

обстоятельных статей 19 японских и 13 российских историков, представляющих различные поколения, научные направления и школы (фамилии многих участников уже фигурировали на этих страницах), стала хорошим смотром новейших достижений русистики. «Форум» показывает, что никакой пропасти между учеными двух стран нет, что диалог не просто возможен, а давно и успешно идет (об этом свидетельствует обилие ссылок авторов друг на друга), что работы японских и российских историков удачно дополняют друг друга как по тематике исследований, так и по избранным методам и подходам. В отличие от материалов разного рода симпозиумов и конференций, сборник содержит не тезисы или краткие изложения докладов, но большие статьи и даже фрагменты монографий. У культурологов и филологов такой совместной работы пока, к сожалению, нет, но надеемся, что будет, потому что пространство для сотрудничества – огромное.

Не меньшим событием стал и вышедший в издательстве РОССПЭН 800-страничный сборник документов из российских архивов «ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941» (2001 г.) под общей редакцией Х. Вада и Г. М. Адибекова – первый российско-японский исследовательский проект такого типа и масштаба. В работе над ним с японской стороны принимали участие Х. Вада, С. Ёкотэ, Н. Исии и Т. Томита, с российской – Г. М. Адибеков, Ж. Г. Адибекова, Ю. В. Георгиев и К. К. Шириня. Знатоки архивов и специалисты по истории Коминтерна, досконально знающие кухню «мастерской мировой революции», не просто обнародовали внушительный комплекс документов, но, благодаря участию в работе специалистов по истории Японии того же периода, смогли дать многомерную картину событий, в том числе с использованием материалов и публикаций, недоступных исследователям в России. Публикация наглядно показала практическую пользу сотрудничества японских россиеведов и российских японоведов.

Из работ японских литературоведов-русистов, с которыми в последние годы смог познакомиться российский читатель, надо отметить «изборники» К. Накамура «Чувство жизни и смерти у Достоевского» (1998 г.) и Ё. Накамура «Незримые мосты через японское море» (2003 г.), выпущенные петербургскими издательствами «Дмитрий Буланин» и «Гиперион». Данный первым автором психологический портрет Аполлинарии Сусловой, «роковой женщины» великого писателя, ничуть не уступает лучшим страницам В. В. Розанова, одно время женатого на ней, или Л. П. Гроссмана, посвятившего изучению Достоевского более полувека. Его однофамилец и старший коллега интересуется буквально всем – от самых ранних русско-японских контактов и жизни староверов в Маньчжурии до сопоставления «Слова о полку Игореве» с «Повестью о доме Тайра» и встречами японских русистов с Анной Ахматовой. Поэтому в

книге Ё. Накамура каждый образованный человек непременно найдет что-то интересное для себя. Видно, что оба автора не просто прилежно «изучали» Россию, но, пользуясь образным выражением поэта Д. Самойлова, «протащили» ее «сквозь душу и шкуру». А ведь настоящая наука только так и делается.

Значение этих книг, увидевших свет в лучших научных издательствах Москвы и Петербурга, трудно переоценить. Их читают, о них спорят, в том числе и в прессе, – значит, диалог идет. Будем надеяться, что это только начало нового этапа сотрудничества ученых двух стран в деле изучения истории России и российско-японских отношений.

* * *

«Холодная война» в японской русистике закончилась, а если и громыхают где-то ее последние зарницы, то лишь на периферии, на границе с политически ангажированной «кремленологией». Часть авторов продолжает писать о России, как будто с советских времен ничего не изменилось, но представителей академической науки среди них почти нет. История японской русистики последних 10–15 лет – это история отказа от логики противостояния, ухода от него, преодоления его влияния. Наука о России постепенно освобождается от идеологических шор и предрассудков разного толка, хотя, конечно, полного избавления от них ждать не приходится. Да это едва ли возможно – в любой стране и в любой гуманитарной дисциплине, так или иначе связанной с политикой.

Оглядывая более чем столетнюю историю японской русистики через призму последних бурных и динамичных лет, мы видим, что она непрерывно развивается, оставаясь при этом самой собой, со своими достоинствами и недостатками. Но путей и возможностей развития впереди много, пожалуй, больше, чем когда-либо. В том числе через количественное и качественное расширение диалога с коллегами в России.

Послесловие

На начало будущего года намечен визит президента В. В. Путина в Японию. Значение этого события трудно переоценить, учитывая важность развития всесторонних отношений с нашим дальневосточным соседом – второй экономической державой мира. Хотелось бы надеяться, что предстоящая встреча лидеров двух стран будет иметь практические результаты, а не сведется к одним лишь декларациям о намерениях. В этой связи особенно важно, чтобы президент России имел к этому визиту всю необходимую информацию – объективную и конкретную – как о состоянии российско-японских отношений, так и о самой Японии. Авторы данной книги постарались проанализировать нынешние российско-японские отношения (с учетом исторических корней и перспективы на будущее) во всем их многообразии и взаимосвязи, а также выявить в них новые тенденции.

Развитие российско-японских связей в постсоветский период характеризуется, прежде всего, тем, что государство отказалось от монополии в этой области. Если раньше любые связи, будь то экономика, наука, культура или народная дипломатия, жестко контролировались властью, то теперь открылись практически неограниченные возможности для частной инициативы в этой сфере. Такое развитие событий можно считать однозначно позитивным. Однако, роль государства в этой сфере по-прежнему остается чрезвычайно значимой.

Особенно важным является развитие экономических отношений. Несмотря на некоторые успехи в этой области, объем их абсолютно неудовлетворителен. Тем не менее, отрадным представляется нынешнее многообразие таких связей (совместные проекты, развитие сотрудничества с отдельными регионами или предприятиями), то есть теперь экономические отношения не замкнуты на центральную власть и дают широкий простор для частной инициативы. При этом следует отчетливо понимать, что у Японии (по крайней мере, на сегодняшний день) весьма специфические и ограниченные интересы в России (в первую очередь, Дальний Восток и Восточная Сибирь в региональном плане,

и сырье как основная цель бизнеса). Что касается роли нашей государственной власти, то ей, во-первых, следует создать четкие и понятные правила деятельности японского бизнеса в России, во-вторых, следить за соблюдением российских экономических интересов.

Следует отметить явно недостаточное научно-техническое сотрудничество, несмотря на отдельные положительные примеры. В этой связи хочется выделить два момента. Во-первых, в сегодняшних либеральных условиях руководители научных организаций должны сами проявлять инициативу в поиске и привлечении японских партнеров. Во-вторых, соединение российской фундаментальной науки с японскими достижениями в области техники и технологии могло бы принести отличные результаты, в том числе и в плане практического применения.

При этом совершенно очевидно, что многое в японском опыте развития экономики может быть полезным для России. В то же время авторы сборника совершенно правильно отмечают, что нельзя слепо копировать все методы и механизмы, не учитывая огромные различия между нашими странами. Японский опыт следует тщательно изучать, анализировать и использовать то, что применимо в российских условиях. И еще раз стоит подчеркнуть роль государства. Как ясно из книги, государственная власть в Японии активно участвует в экономических процессах, направляет их; т. е. ни о каком самоустранении государства из экономики речь не идет. Другой важный момент – государство уделяет огромное значение социальным проблемам, социальной стабильности в обществе. Этот японский опыт для нынешней России можно считать поистине бесценным.

Культурные связи, с одной стороны, менее подвержены политической конъюнктуре, с другой – имеют принципиальное значение для улучшения взаимопонимания между народами двух стран, что, в конечном счете, необходимо для общего прогресса в российско-японских отношениях. Многообразие культурных связей в постсоветский период, когда они уже не сковываются диктатом государства и официальной идеологии, а также широко открыты для частных инициатив, позволяет с оптимизмом оценивать перспективы на будущее. При этом следует отметить особую роль профессиональных японоведов в этом процессе. Во-первых, объективная информация и компетентные оценки позволяют, в какой-то степени, избавиться от старых стереотипов и избежать создания новых. Во-вторых, следует учитывать, что возможность непосредственных контактов с Японией, ее культурой и людьми, для подавляющего большинства россиян весьма ограничена, поэтому большинству наших сограждан, интересующихся Японией, на сегодняшний день совершенно необходима помощь компетентных «посредников».

В целом же нет никаких сомнений, что культурные связи между Россией и Японией будут успешно и стабильно развиваться, даже если в ближайшее время не будет значительного прогресса в политических и экономических отношениях.

Совершенно очевидно, что развитию отношений мешает отсутствие мирного договора между двумя странами. Главным препятствием является требование японской стороны о возврате четырех Южно-Курильских островов. В этом плане следует отметить, что по проблеме территориального спора официальный Токио занимает четкую и жесткую позицию (не будем сейчас оценивать ее обоснованность и конструктивность). Что касается нынешней, официальной и конкретной позиции Москвы по этому вопросу, то, наверно, следует разработать столь же четкую позицию в качестве основы для переговоров с нашей стороны, так как при отсутствии таковой любые переговоры бессмысленны. При этом нужно исходить из того, что в ходе переговоров позиция может подвергаться корректировке в зависимости от конкретной ситуации.

В заключение хотелось бы отметить, что данная книга, написанная авторитетными специалистами-японоведами и в доступной форме освещающая различные аспекты российско-японских отношений, рассчитана на массового читателя, проявляющего интерес ко всему, что связано с Японией и нашими двусторонними связями. Она, безусловно, способствует утверждению более осознанного и доброжелательного взаимного восприятия русскими и японцами, без чего невозможны никакие успехи ни в политических, ни в экономических отношениях.

Сведения об авторах

Герасимова Майя Петровна	кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН
Денисов Юрий Дмитриевич	кандидат технических наук, Институт востоковедения РАН
Катасонова Елена Леонидовна	кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН
Куланов Александр Евгеньевич	главный редактор, «Японский журнал – japon. ru»
Лебедева Ирина Павловна	кандидат экономических наук, Институт востоковедения РАН
Матрусова Татьяна Николаевна	кандидат экономических наук, Институт востоковедения РАН
Молодяков Василий Элинархович	доктор философии, университет Такусёку (Япония)
Молодякова Эльгена Васильевна	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
Стоногина Юлия Борисовна	генеральный директор, PR-агентство «Инсайдер»
Стрельцов Дмитрий Викторович	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
Тимонина Ирина Львовна	доктор экономических наук, Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова
Чугров Сергей Владиславович	кандидат исторических наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН

Contributors

Chugrov Sergey Vladislavovich	Ph. D. (History), Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
Denisov Yuri Dmitrievich	Ph. D. (Technology), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Gerasimova Maya Petrovna	Ph. D. (Philology), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Katasonova Yelena Leonidovna	Ph. D. (Philology), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Kulanov Aleksandr Evgenyevich	Chief Editor of the "Japanese magazine – japon.ru"
Lebedeva Irina Pavlovna	Ph. D. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Matrusova Tatyana Nikolayevna	Ph. D. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Molodyakov Vasily Elinarkhovich	Ph. D. (History), Takushoku University
Molodyakova Elgena Vasilyevna	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Stonogina Yulia Borisovna	"Insider" PR-agency general director
Streltsov Dmitriy Viktorovich	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Timonina Irina Lvovna	Prof. (Economics), Institute of Afro-Asian Studies, Moscow State University